

Сочинения древних христианских апологетов

От составителя

От составителя

Предлагаемая вниманию читателей книга – завершающая в предпринятом издательством «Благовест» (при участии издательства «Паломник») переиздании памятников раннехристианской письменности в переводах протоиерея Петра Преображенского¹ (Писания мужей апостольских были выпущены Латвийским Библейским Обществом).

Переводы апологетов, выполненные П. Преображенским (1828 –1893) в 1860–70-е гг. по изданиям Otto (Иустин и СДХА) и Harvey'я (Ириней), в текстологическом отношении достаточно надежны, поскольку за последние сто тридцать лет новых рукописей и фрагментов почти не было найдено. Конечно, прогресс патрологии очевиден в новых критических изданиях, но изменения касаются в основном уточнения смысла, комментариев и конъектур, так что фототипическое переиздание книг П. Преображенского с этой точки зрения вполне оправдано.²

Успехи изучения святоотеческого наследия учеными разных стран за истекающий век проявились гораздо более в открытии новых текстов, не известных еще П. Преображенскому. С этим связано включение в настоящий том объемистых дополнений – произведений Аристида и Мелитона Сардийского, а также апологий «инога жанра». Если основную часть книги составляют «литературные» апологии, то немаловажное значение имеют и «документальные» защитительные речи, произнесенные во время мученической кончины как свидетельство веры, запечатленное кровью. Таковы акты Иустина-философа и его товарищей. Промежуточное положение между этими двумя видами апологий занимают акты и апология Аполлония. Впоследствии апологии станут неизменной частью «житий-мученичеств», развившихся в самостоятельный литературный жанр.

Необходимо сказать несколько слов и о церковном почитании авторов, произведения которых вошли в Дополнения. Меньше всего проблем возникает здесь со св. Иустином, хотя в греческих и русских святцах сложилась неправильная традиция его раздвоения на мученика и философа. Мученик Аполлоний фигурирует в русских святцах под 10-м июля (мы установили это благодаря чудом сохранившемуся в них имени Перенний), хотя и с ошибочными прочими историческими сведениями, и, следовательно, почитается в настоящее время как русской, так и греческой Церквами. Кроме того, в древней Церкви он почитался с самых ранних времен, ибо уже Евсевий включил его акты в свой утраченный нынче сборник мученичеств, а Иероним упоминает о нем неоднократно³. Наконец, вне зависимости от интерпретации слов *kuria tōn ημερών*, в заключительной приписке к актам мы имеем несомненное свидетельство литургического почитания мученика в византийской церкви XI–XII веков⁴ и даже ранее (количество орфографических ошибок в дошедшей до нас рукописи легче всего объяснить неоднократным переписыванием текста на протяжении нескольких веков). Сложнее обстоит дело с другими двумя святыми – Мелитоном и Аристидом. Мелитон почитался святым прежде всего в древней Восточной Церкви (мы имеем достовернейшие сведения об этом, сохраненные Евсевием Кесарийским – подробнее см. в Предисловии к творениям св. Мелитона). Архиеп. Сергей (т. 1, с. 639) причисляет Мелитона к «восточным святым, не находящимся ныне в месяцесловах Восточной Церкви», поскольку имя Мелитона не сохранилось в византийских святцах. Однако почитание Церковью этого замечательного отца было столь очевидным, что в средние века на Западе он был включен в Римский мартиролог, в России же все ученые в курсах патрологий (архиеп. Филарет Черниговский, о. Петр Преображенский в СДХА, ныне – А. И. Сидоров) не обинуясь именовали его святым. Историческая справедливость в Греческой Церкви по отношению ко св. Мелитону восстановлена только недавно внесением его имени в «Синаксарь святых Православной Церкви», изданный афонским монастырем

Симона-Петра⁵. Наконец, что касается Аристиды, то согласно архиеп. Сергию впервые он был внесен в упомянутые нами мартирологи Адона и Узуарда (IX в.) и, кроме них, в более ранний малый римский мартиролог. Сведений о почитании его святым в древней Восточной Церкви мы не имеем, однако, как обратил на то наше внимание о. Антоний Ламбрехтс, фреска с изображением Аристиды и надписью «святой» была создана известным греческим иконописцем нынешнего века Фотием Кондоглу⁶. Кроме того, о почитании св. Аристиды современной Православной Церковью свидетельствуют включение его имени в сербские «Жития святых» (см. примеч. 5; синаксарь монастыря Симона-Петра за август-сентябрь был недоступен) и информация о. Иоанна Берзиньша. Согласно последней, в Греции в честь апологета Аристиды даются имена⁷ (с памятью святого 13 сентября – т.е. 31 августа по старому стилю?), а также составлена служба.

Таким образом, мы сочли возможным и необходимым, учитывая сказанное, именовать «святыми» всех четырех авторов, включенных в Дополнения. Составитель надеется, что эта книга внесет свою маленькую и незаметную лепту в почти не початую в России область агиографической науки.

Значительное внимание при подготовке этой книги было уделено текстологической надежности (все переводы сделаны с языков оригиналов и снабжены аппаратом основных разночтений), а также русской аннотированной библиографии, которая, будучи впервые собранной в таком объеме воедино (*feci, quod potui...*) и имея вполне самостоятельное значение, должна вместе с тем дополнить ранее изданные книги и помочь заинтересованному читателю в дальнейшем, самостоятельном и более глубоком знакомстве с творениями святых отцов. Конечно, наша библиография не может заменить полной научной сводки (с соответствующими разделами и дисциплинами) всех исследований и статей по истории Церкви (в т. ч. и по мужам апостольским и ранним апологетам), появившихся на русском языке в течение XIX и XX вв. Такой задачи мы не дерзали ставить и для, казалось бы, ограниченного всего лишь одним-двумя столетиями периода

начала христианства – она была бы не под силу пока даже специальному библиографическому церковно-историческому и богословскому сектору, если бы таковой наконец появился⁸.

Принципы сокращений в настоящей книге в основном те же, что и в Пис.муж.ап. Имена древних авторов и названия произведений выделены специальными шрифтами (напр., Иуст. Диал.) и раскрываются в Указателе источников. Латинские сокращения приняты для авторов, вообще не переводившихся на русский язык, для произведений – там, где отсутствуют их русские переводы (насколько это известно составителю). Особо отмечены также сокращения-аббревиатуры, расшифровываемые в конце тома в Сокращениях (напр., VigCh). Для облегчения поиска библиографических описаний цитируемой литературы авторы и отдельные произведения, на которые мы ссылаемся, в предисловиях и комментариях выделены курсивом (за исключением самих библиографических описаний, где курсив не играет прямой функциональной роли); при цитировании нескольких произведений одного и того же автора в необходимых случаях добавляется год издания; все эти издания сведены, насколько это было возможно и целесообразно, в единый список Цитированной литературы. Книги и статьи, фигурирующие только в библиографических приложениях к каждому разделу и более нигде не упоминаемые, в Список не включены. При ссылках на первоисточники и переводы при надобности указываются строки сверху страницы или параграфа (главки) либо снизу страницы цитируемого издания с помощью соответствующего (верхнего, либо нижнего) индекса. Римские/арабские цифры и прописные/строчные буквы при ссылках на книги, главы и т.д. произведений древних авторов, принятые в современных изданиях, унифицированы по следующим формальным принципам: римская цифра употребляется первой при более чем двухчленной ссылке; точкой разделяются однородные меньшие, запятой – неоднородные, точкой с запятой – однородные большие части произведения. Так, III, 2, 1; 4, 2. 3 означает третью книгу, вторую главу, первый параграф и четвертую главу, второй и третий параграфы такого-то названного произведения; Мф 4, 15.6 – Ев.

от Матфея, гл. 4, стихи 15 и 16; и т.п. Строчные буквы, следующие за номерами страниц первых изданий античных текстов, заменены заглавными. Тем самым ссылки, например, на Аристотеля приобрели не совсем обычный вид: Аристот. Метаф. I, 1, 980 А' вместо 980 а 1. Такая унификация вызвана получившимся у нас при первой редакции книги чрезвычайным разнообразием в связи с отсутствием каких-либо единых общепринятых стандартов и весьма большим количеством (около двухсот) цитируемых как античных, так и христианских авторов (см. Указатель источников).

Мы обязаны многим о. Стюарту Джорджу Холлу (S.G. Hall) и о. Михаилу ван Эсбруку (M. van Esbroeck), нашедшим время ответить на наши письма и приславшим копии своих статей. Благодарим также о. Стюарта Холла и издательство Оксфордского Университета за разрешение воспользоваться критическим аппаратом к гомилии св. Мелитона Сардийского О Пасхе, без которого эта часть книги была бы для читателей менее содержательной и удобной.

Пасха Господня 1996 г., 1 (ст.ст.)/14 (н.ст.) апреля,
в день памяти святителя Мелитона Сардийского

О Татиане и его апологии

Татиан – второй писатель-апологет христианства, имя которого после св. Иустина сохранилось до нас вместе с его «речью против эллинов»⁹.

Сведения о жизни Татиана скудны и большею частью заимствуются из его апологии; а свидетельства современных и позднейших писателей очень немного пополняют пробелы, оставленные им самим. Отечеством своим он называет Ассирию (Реч. прот. Эл. гл. 42). Если Климент Александрийский¹⁰, Епифаний¹¹ и другие указывают вместо того на Сирию, то справедливо можно объяснить это не только легкостью замены одного слова другим, но и тем, что Сирия была главным поприщем позднейшей и более известной деятельности Татиана. Когда родился Татиан, об этом не говорят ни сам он, ни другие писатели. Если предположить, что он после путешествий своих по различным странам прибыл, наконец, в Рим не ранее 30 лет от роду, а это прибытие его последовало еще при жизни св. Иустина (150–166 г.), то с вероятностью можно полагать время его рождения в конце первой или в начале второй четверти II-го века по Р. Х. С ранних лет жизни любознательный ум Татиана стремился усвоить все, что входило в состав греко-римского образования и особенно в круг занятий риториков или софистов: мифологию и литературу, философию и историю. По обычаю тогдашних риториков, он путешествовал по разным странам обширной римской империи, посещал славнейшие школы Востока и Запада, изучал образованность, нравы, обычаи и религиозные обряды различных народов Азии и Европы, и своими многосторонними познаниями приобрел себе почетное имя между образованными людьми (гл. 1).

Но не суетной славы ратора искала его душа, а строгой, нравственно возвышающей истины, решения высших вопросов о Боге и мире: для этой цели он с особенным вниманием изучал религию народов, и даже принял посвящение в таинства греков, вероятно элевзинские (гл. 29). Плодом таких изучений было

горькое разочарование. Мифология с ее непристойными нелепостями, которых не могло прикрасить и аллегорическое истолкование мифов, богослужение с лицемерием жрецов и безнравственностью народа, искусство, поработанное плоти и распутству, философия полная противоречий и разногласий, с равнодушием или даже пренебрежением к истине и правде, тщеславием и корыстолюбием ее учителей и учеников: вот что представилось строго-пытливому духу Татиана. С такими впечатлениями и опытами он прибыл, наконец, в Рим и в этом средоточии материальных и духовных интересов тогдашнего мира он встретил в поразительном соединении всю ложь, нестроение, безобразие коренных стихий и направлений духовной жизни язычества. Глубоко пораженный в благороднейших и священнейших требованиях своего духа, Татиан пришел в раздумье, погрузился в самого себя и спрашивал, где же найти истину, в которой душа его жаждала мира для себя (гл. 29).

Среди тщательных исканий истины в руки Татиана попались христианские книги свящ. Писания. Тотчас на него подействовала безыскусственность речи, простота писателей, удобопонятность учения о творении мира, предвидение будущего, превосходство нравственных предписаний и возвышенность догмата об едином Боге. Далее Татиан увидел высоконравственную жизнь христиан, чуждую корыстолюбия и тщеславия (гл. 11), особенно целомудрие и возвышенный характер христианских женщин (гл. 33 и 34), единомыслие в вере, согласие с нею в жизни (гл. 26 и 32) и готовность скорее умереть, чем отказаться от веры (гл. 4); наконец, убедившись, что священные писания христиан гораздо древнее всех самых древних памятников эллинской образованности, Татиан решился от нее перейти к «варварской мудрости» христианства. Обращение его последовало, вероятно, в Риме. Здесь он познакомился с Иустином и был его учеником или слушателем, как говорит св. Ириней (*adv. haer.* 1, 28). Трудно определить, сколько он обязан был своим обращением именно Иустину, но из слов самого Татиана (гл. 31) можно видеть не только глубокое уважение его к этому христианскому философу, но и

особенно тесные отношения между ними, по которым оба они терпели гонения, оба подвергались опасностям особенно со стороны циника Кресцента. Подобно Иустину, он также подвизался в распространении и защите христианского учения и может быть преемствовал ему в должности наставника, основанного им училища в Риме. Родон, писавший опровержение учения Маркиона, сам называет себя учеником Татиана (Евс. Ц. Ист. v, 13).

После мучительной смерти св. Иустина Татиан недолго оставался в Риме. Он отправился на восток, в Сирию, и по своему резкому, склонному к крайностям, аскетическому характеру, впал в гностические лжеучения. Дальнейшая внешняя судьба его и кончина совершенно неизвестны. Время его смерти полагают около 175 года.

Главнейшие заблуждения Татиана, по показаниям Иринея, Ипполита, Климента александрийского и других церковных писателей, состояли в том, что он допускал невидимые зоны, подобно Валентину (Ирин.), объяснял слова в книге Бытия: «да будет свет», как просьбу димиурга к высшему Богу (Клим, и Ориген), отрицал возможность спасения Адама, как непослушания (Ирин. Иппол.), отвергал брак, почитая его блудодеянием (Ирин.), осуждал употребление мяса и вина (Иерон. Епиф. Феодорит), и поэтому был, если не основателем, как полагает Евсевий, то одним из значительных представителей секты энкратитов. Иероним (Comment in Galat, с. 6) приписывает сверх того Татиану докетический образ мыслей о плоти Христа¹².

Что касается литературной деятельности Татиана, то Евсевий и Иероним говорят, что он написал очень много книг (Евс. Д. Ист. VV, 16 и 29; Иерон. catal. 29). Но из них дошла до нас только его апология христианства, а прочие известны нам только по заглавиям или очень небольшим отрывкам. Сам Татиан говорит, что он написал сочинение о «животных» (гл. 15), и как видно из связи его слов, в нем рассуждал не только о бессловесных существах, но и о человеке¹³. Климент александрийский (Strom. III, 12) приписывает, ему книгу «о совершенстве по учению Спасителя». Евсевий (V, 13)

упоминает, что он трудился над «книгою вопросов» (προβλημάτων), в которой изъяснялись темные и трудные места св. Писания; и еще составил свод евангелий, и дал ему имя διὰ τεσσάρων (по четырем). Свойства и состав этого последнего весьма замечательного труда доныне составляет предмет спора между учеными, по недостатку точных и обстоятельных показаний древних церковных писателей¹⁴. Еще во время Феодорита (+458) существовало значительное количество Татианова диатессарона, и вот что сообщает о нем Феодорит (haer. fab. 1, 20). Татиан составил евангелие, названное диатессарон, опустивши родословия Христа и другие места, показывающие, что Господь по плоти происходил от семени Давидова. Этим евангелием пользовались не только последователи Татиана, но и православные христиане, как книгою весьма удобною, не зная лукавства этого свода. Сам Феодорит нашел более 200 экземпляров его в церквях своего округа (Кира), отобрал их и заменил каноническими евангелиями четырех евангелистов.

Но лучше и полезнее всех произведений Татиана – как говорить Евсевий (IV, 29) – его апология христианства, под заглавием: «Речь против эллинов». Она была написана вскоре по обращении его к вере Христовой, когда он еще не уклонился к гностическим лжеучениям. Это видно из того, что он, говоря о материи, (гл. 5 и 6) приписывает сотворение ее истинному Богу, утверждает воскресение тел человеческих и воплощение Сына Божия (гл. 21), говорит, что нет ничего худого в творении, как оно вышло из рук Божиих (гл. 17), и ясно признает свободу воли человеческой и зло почитает злоупотреблением этой способности (гл. 11): положения совершенно противоположные гностическим началами. При всей видимой нестройности по своей внешней форме, апология Татиана представляет раскрытие одной главной мысли о решительном превосходстве христианской религии пред язычеством. Защищая христианство, апологет очень часто превращает свою речь в нападение на противников своих. С первых же слов он открывает свою речь обличением эллинов за то, что они гордятся своею образованностью, своими искусствами, науками и

учреждениями: все, что они имеют по этой части, не их изобретение, но заимствовано от других не эллинских народов, и многое притом искажено ими (гл. 1); эллинские философы также не представляют ничего достойного уважения, будучи подвержены различным порокам, спорам и несогласиям между собою (2–3). Поэтому нет основания ненавидеть христиан за то, что они оставляют эллинизм, и во всем, будучи покорны законному правительству, чтут единого истинного Бога и скорее готовы умереть, нежели отвергнуться Его (гл. 4).

После такого вступления Татиан раскрывает в *первой* части своей речи (5–30 гл.) внутреннее достоинство христианской религии и превосходство ее пред язычеством как в отношении к догматам, так и к нравственности и ее внешним проявлениям. Для сего он излагает христианское учение о едином Боге, невидимом и непостижимом, Творце видимого и невидимого, и о Слове, рожденном из Его существа прежде создания всего, о сотворении мира, ангелов и человека, их падения, о способе восстания павшего человека, о воскресении тела. Затем в противоположность высоконравственной жизни христиан изображает разные стороны жизни эллинской, как плод и выражение религиозного сознания – публичные зрелища с актерами, борцами и гладиаторами, мелочность философов и грамматиков, и проч., и, наконец, объясняет переход свой в христианство. Во *второй* части апологет доказывает историческими свидетельствами языческих писателей глубочайшую древность христианской религии, поставляя в сравнение Моисея с одной стороны, а с другой Гомера и предшествующих поэтов (31–41). В заключении (42) он объясняется о самом себе, своей родине, прежнем образе мыслей и о сознательном принятии нового учения, которому он не намерен изменить.

Апология Татиана была в великом уважении в древние времена христианства, несмотря на то, что он помрачил славу своего имени заблуждениями, в которые впал в позднейший период своей жизни. Ею пользовались как образцом, из нее приводили отрывки в своих сочинениях Афинагор, Климент александрийский, Тертуллиан, Евсевий и др. В ней писатель

является христианином, свободным от чисто гностических мнений; но вместе человеком весьма образованным, хорошо знакомым со всеми отраслями греческой литературы, в котором с обширною ученостью соединяется остроумие и способность метко выставить слабые стороны языческой жизни. К сожалению, под влиянием впечатлений, вынесенных им из глубоко развращенной среды современного ему общества и представителей его интересов и стремлений, Татиан не умел сохранить спокойное беспристрастие и строгое уважение к истине. Справедливо нападая оружием порицания и насмешки на языческое многобожие, публичные игры и зрелища, пустоту философии того времени, особенно в лице циников, и пр., он беспощадно относится ко всему прошлому греческого народа, не признает за ним никаких заслуг, оспаривает славу благороднейших людей древности (например, Платона), которым платили дань уважения другие апологеты христианства, особенно учитель Татиана св. Иустин.

Татиана речь против эллинов

Не будьте, эллины, враждебно расположены к варварам¹⁵ и не питайте ненависти к их учениям. Ибо какое из ваших учреждений получило начало не от варваров¹⁶? Славнейшие из телмиссян¹⁷ изобрели искусство предсказывать по снам; карийцы – искусство предузнавать по звездам, фригийцы и древнейшие из исаврян по полету птиц, кипряне по внутренностям жертвенных животных. Астрономию изобрели вавилоняне, магию персы, геометрию египтяне, письма финикияне. Поэтому перестаньте называть своими изобретениями то, что переняли от других. Орфей научил вас поэзии и пению; он же ввел у вас посвящение в таинства. Тосканцы изобрели пластику; летописи египтян научили вас составлению историй. А от Марсия и Олимпа вы приняли искусство играть на флейте: они оба фригийцы, оба из поселян, открыли гармонию звуков на этом инструменте. Тирренцы изобрели игру на трубе, циклопы обработку меди; писать письма выдумала, по свидетельству Гелланника, женщина некогда бывшая царицею персов, которой имя было Атосса. Итак, оставьте это высокомерие и не хвалитесь своим красноречием; вы, когда сами хвалите себя, употребляете пристрастных защитников. Необходимо, чтобы те, которые приписывают себе подобную славу, если только они мудры, ожидали свидетельства от других, и чтобы были согласны между собой и в произношении слов. А только у вас одних употребляется в разговорах не одна и та же речь: не одно и то же наречие у дорийцев и аттиков, и еолийцы говорят не так, как ионийцы. Какое тогда разногласие существует между теми, у которых не следовало бы ему быть, то не могу решить, кого я должен называть эллином. Притом, что всего безрассуднее, – вы гоняетесь за выражениями несродными вам, и, нередко употребляя слова иностранные, сделали язык свой смешанным. Поэтому я отказался от вашей мудрости, хотя весьма славился в ней. Вот как говорит комик о ваших мудрецах: «Это бесплодные виноградные лозы, болтуны, собрание ласточек;

исказители искусства»¹⁸. Ревнители этой мудрости кричат во все горло и каркают подобно воронам. И в самом деле, красноречие вы употребляете на неправду и клевету; за деньги продаете свободу вашего слова и часто, что ныне признаете справедливым, то в другое время представляете злом. Поэзия служит у вас к тому, чтобы изображать битвы, любовные похождения богов и растленность души.

Что хорошего приобрели вы от философствования? Кто из отличавшихся в нем был чужд тщеславия? Диоген, который хвастался своею бочкою и хвалился воздержанием, съел невареного полипа, и пораженный болезнью внутренностей, умер жертвою невоздержания. Аристипп, ходивший в пурпурной одежде, согласно своему убеждению, вел распутную жизнь. Платон философ был продан Дионисием за обжорство¹⁹. Аристотель, который неразумно положил предел Провидению и ограничил счастье теми предметами, которые ему нравились, вопреки долгу наставника, слишком льстил Александру, забывши, что он еще юноша; и этот ученик, вполне согласно с уроками Аристотеля, заключил друга своего²⁰ как льва или леопарда, и так возил его с собою за то, что тот не захотел воздавать ему поклонения. Точно также он следовал наставлениям учителя, когда показывал на пирах мужество и храбрость и пронзил копьем самого дорогого друга своего²¹, а после того плакал и лишал себя пищи, под предлогом печали, чтобы не подвергнуться ненависти близких своих. Смешны для меня и нынешние последователи его учения; между тем как утверждают, что Провидение не простирается за подлунные вещи; они, будучи ближе к земле, чем луна, и находясь ниже ее орбиты, берут на самих себя попечение о том, что оставлено Провидением. По учению Аристотеля не могут быть счастливы те, которые не имеют ни красоты, ни богатства, ни здоровья телесного, ни знатности. И такие-то люди пусть считаются философами.

Не могу одобрить Гераклита, который будучи только самому себе обязан своим знанием и гордясь этим, говорил: «я исследовал себя». Не похваляю и того, что он скрыл свою поэму²² в храме Артемиды для того, чтобы впоследствии

выдать ее за таинственное произведение; и как знающие это утверждают, трагик Эврипид часто ходивший в то место и читавший там, спустя немного передал тщательно для потомства мрак Гераклита. Но смерть последнего обличила его невежество. Ибо когда он сделался болен водянкой, то, действуя в отношении к медицине так же как в философии, обложил себя испражнением быков; когда навоз окреп и стянул все тело, то он от разрыва умер. Нечего также слушать и Зенона, который учит, что чрез сожжение те же люди опять воскреснут на такие же подвиги, именно: Анит и Мелит для обвинения, Бузирис для умерщвления своих гостей, Геркулес для возобновления геройских подвигов. Он в этом учении о сожжении вводит больше людей нечестивых, чем праведных, потому что один только был Сократ, один Геркулес, и других подобных людей было немного, а напротив, очень мало. А злых людей найдется гораздо больше, чем добрых. По его также мнению Бог есть виновник зла и пребывает в нечистых местах, в червях и делающих непотребное. Хвастовство Эмпедокла обличили огненные извержения в Сицилии, потому что он, не будучи богом готов был обмануть, будто он бог²³. Смеюсь над бабьими сказками Ферекида, Пифагора, принявшего его мнение, и Платона, который был в этом его подражателем, хотя некоторые не хотят этого признать²⁴. Кто одобрит открытые брачные соития Кратеса, или лучше кто не оставит безумную ярость языка подобных ему философов и не обратится к исследованию того, что поистине хорошо? Посему не должны привлекать вас торжественные собрания философов, которые вовсе не философы, которые противоречат сами себе и болтают, что каждому придет на ум. Много и у них распрей; один другого ненавидит, спорят между собою во мнениях, и по своему тщеславию избирают себе высшие места. Вместо того, чтобы предупредительно раболепствовать царственным лицам или льстить начальникам, надлежало, чтобы они ожидали, пока важные особы сами придут к ним.

Зачем вы, эллины, как в кулачном бою, хотите возбудить против нас общественные власти? За что я подвергаюсь ненависти, как самый преступный человек, если не хочу

пользоваться учреждениями некоторых? Велит ли царь платить подати? я готов. Велит ли господин служить и повиноваться? я признаю себя рабом. Ибо человека нужно почитать по-человечески; но бояться должно только Бога, Которого нельзя видеть человеческими глазами и выразить никаким искусством. Если мне велят отвергнуться Его, в этом только не послушаюсь и скорее умру, чем покажу себя лжецом и неблагодарным. Бог наш не получил начала во времени, потому что Он один безначален и Сам есть начало всего. «Бог есть Дух»²⁵ не живущий в материи²⁶, но Создатель вещественных духов и форм материальных, Он невидим и неосязаем, ибо Он Сам виновник вещей чувственных и вещей невидимых. Его мы познаем чрез творение Его, и невидимое могущество Его постигаем чрез дела Его²⁷. Не хочу поклоняться творению, созданному Им для нас. Солнце и луна для нас сотворены; как же я буду поклоняться слугам своим? Как я признаю за богов деревья и камни? Дух проникающий материю, ниже божественного Духа; и так как он уподобляется душе, не достоин почести одинаковой с совершенным Богом. Кроме того, мы не должны умиловать неизъяснимого Бога посредством каких-либо даров; ибо Он ни в чем не нуждается и потому не должен быть нами преклоняем, как нуждающийся. Но я изложу яснее наше учение.

Бог был в начале: а начало есть, как мы приняли, разумная сила²⁸. Господь всего, будучи основанием всего, прежде сотворения мира был один; поскольку же Он есть сила и основание видимого и невидимого, то вместе с Ним было все; с Ним существовало, как разумная сила, и Само Слово, бывшее в Нем. Волею Его простого существа произошло Слово, и Слово произошло не напрасно²⁹ – оно становится перворожденным делом Отца. Оно, как мы знаем, есть начало мира. Родилось же Оно чрез сообщение, а не чрез отсечение. Ибо что отсечено, то отделяется от первоначала. А что произошло чрез сообщение и приняло свободное служение, то не уменьшает того, от кого произошло. Как от одного факела зажигается много огней, и притом свет первого факела не уменьшается от зажжения многих факелов: так и Слово, происшедшее от могущества

Отца, не лишило Родителя Слова. Вот и я говорю, а вы слушаете, но от передачи слова я беседующий не лишаюсь слова, но произнося звуки я хочу привести у вас в порядок ту материю, которая прежде была без порядка. И как Слово, в начале рожденное, в свою очередь произвело наш мир, создавши Сам Себе вещество, так и я, по подражанию Слову, будучи возрожден и просвещен познанием истины, благоустраю смешение сродной материи. Материя не безначальна, как Бог, и не имеет власти равной с Богом, как безначальная; но она получила начало и не от кого-нибудь другого произошла, а произведена единым Творцом всего.

Посему мы веруем, что по окончании всего будет Воскресение тел – не так как учат стоики, по мнению которых после некоторых периодов времени одни и те же существа всегда являются и погибают без всякой пользы, – но однажды, по исполнении наших веков, и единственно ради восстановления одних человеков для суда. Суд же производят над нами не Минос, не Радамант, прежде смерти которых будто бы ни одна душа, как баснословят, не была судима, – но Сам Бог Творец будет судьей. Хотя вы назовете нас пустословами и болтунами, но для нас это не важно, потому что мы веруем вследствие вот каких оснований. Как я, не существуя прежде рождения, не знал, кто я был, а только пребывал в сущности плотского вещества, а когда я, не имевший прежде бытия, родился, то самым рождением удостоверился в своем существовании; таким же точно образом я родившийся, чрез смерть переставая существовать и быть видимым, опять буду существовать, по подобию того, как некогда меня не было, а потом родился. Пусть огонь истребит мое тело, но мир примет это вещество, рассеявшееся подобно пару; пусть погибну в реках или морях, пусть буду растерзан зверями, но я сокроюсь в сокровищнице богатого Господа. Человек слабый и безбожник не знает, что сокрыто; а Царь Бог, когда захочет, восстановит в прежнее состояние сущность, которая видима для Него одного.

Небесное Слово, Дух³⁰, получивший бытие от Отца и Слово, родившееся от разумного могущества, по примеру Отца родившего Его, сотворило человека – во образ бессмертия,

дабы как Бог бессмертен, так и человек, получивший причастие божества, имел также и бессмертие. Впрочем, Слово, прежде сотворения человеков, создало ангелов. Тот и другой вид творения создан свободным и не по естеству добрым, ибо это принадлежит одному Богу, а люди могут делаться добрыми по свободному определению воли своей; так что нечестивый по справедливости будет наказан, потому что сделался худым чрез себя, а праведник по достоинству получит похвалу за добрые дела, потому что он по свободе своей не преступал воли Божией. Таково дело по отношению к ангелам и человекам. Слово же, по Своему могуществу, имея в Себе предвидение того, что имеет произойти не по определению судьбы, но от свободного произволения избирающих, предсказывало будущие события, останавливало зло запрещениями, и похвалою поощряло тех, которые пребывали в добре. И когда люди последовали одному (ангелу), который по своему первородству был мудрее прочих, и приняли его за Бога, хотя он восстал против закона Божия, то могущество Слова отлучило от общения с Собою, как начальника безумия, так и последователей его. Вследствие этого, сотворенный по образу Божию, оставляется высшим духом³¹ и делается смертным, а тот первородный за свое преступление и безрассудство стал демоном; вместе с ним и те, которые подражали ему и увлеклись его мечтаниями, составили полк демонов и по причине свободной воли преданы своему безумию.

Эти последние сделали людей жертвою своею отступничества. Они, показавши людям порядок расположения звезд, как играющие в кости, ввели судьбу, которая чужда справедливости, ибо судья ли кто или подсудимый, такими сделались по определению судьбы; убийцы и убиваемые, богачи и бедняки – порождения той же судьбы, и всякое рождение, как на сцене, доставляет наслаждение тем, которые как говорит Гомер.

Смех несказанный воздвигли...³²

Как не признать смертными (богов), которые смотрят на единоборцев и каждый покровительствует своему (из единоборцев), или того, кто женится, растлевает отроков, и

делает блуд, кто смеется и сердится, кто убегает и получает рану? Ибо они своими действиями, которыми открыли себя людям, каковы они, – возбуждают и людей подражать им. И сами демоны вместе с вождем своим Зевсом, не подчинены ли также судьбе, так как они поработились тем же страстям, каким и люди? Кроме того, как почитать тех, у которых величайшее разногласие во мнениях? Говорят, что Рея, называемая у жителей фригийских гор Цибелою, узаконила отсечения постыдных членов из-за Атиса, которого она любила; напротив, Афродите нравились брачные сокоупления; Артемида – волшебница, Аполлон – врач. Афина и Эскулап разделили между собою капли крови после отсечения головы у Горгоны, любовницы Нептуна, от которой произошли Пегас конь и Хризаор: этими каплями крови Эскулап возвращал здоровье, а другая посредством той же крови сделалась человекоубийцею и производительницею войн. Мне кажется, афиняне, не желая унижить этой богини, приписали земле сына, рожденного от сокоупления с Гефестом, чтобы не думали, что Минерва Гефестом лишена девства, как Аталанта – Мелеагром. Ибо Гефест совершенно хромой, делавший кольца и серьги, этими женскими украшениями сумел обольстить не имевшую матери и сиротствующую девочку³³. Посейдон управляет кораблями, Марс любит войны, Аполлон музыкант, Дионис делается тираном Фивян, Кронос цареубийцею. Зевс сокоупляется с дочерью, и она от него родит. Об этом свидетельствуют элевсинские таинства, дракон таинственный³⁴ и Орфей, который говорит: затворите двери для непосвященных³⁵. Плутон похищает Прозерпину и его деяния делаются мистериями; Деметра оплакивает дочь, и афиняне этим прельщают некоторых³⁶. В храме Аполлона есть место, называемое Омфал, которое почитается гробницею Диониса. Я хвалю тебя, Дафна, за то, что ты, победивши невоздержность Аполлона, обличала его прорицательное искусство, так как это искусство не помогало ему угадать, что находится около тебя. Пусть скажет мне стрелометатель (Аполлон), как Зефир убил Гиацинта. Зефир победил его, и, хотя трагик-поэт говорит

«ветерок, драгоценнейшая колесница богов», но Аполлон был побежден слабым ветерком и потерял своего любимца³⁷.

Вот каковы демоны. Они-то изобрели судьбу. Основанием к этому для них послужило помещение животных на небе. Ибо они удостоили небесной почести животных, с которыми жили по низвержении с неба, пресмыкающихся, плавающих в водах, четвероногих, живущих на горах, – для того, чтобы думали, что и они пребывают на небесах, и чтобы посредством расположения звезд убедить, что жизнь на земле, чуждая разума, согласна с разумом; таким образом, гневлив ли кто или терпелив, воздержен или не воздержен, богат или беден кто, таким бывает от назначения тех, которые располагают рождением; ибо распределение Зодиака есть дело богов. Если свет одного из них, как говорят, сильнее, то он отнимает славу у прочих; и кто побежден ныне, опять может быть победителем. Они с удовольствием занимаются семью планетами как игроки в кости. Но мы выше судьбы, и вместо блуждающих демонов знаем одного Господа неизменного; и не подчиняясь судьбе, отвергаем и ее законоположителей. Скажи мне, ради Бога, Триптолем ли посеял пшеницу и после печали благодетельствовал афинян? Почему же Деметра прежде потери дочери не благодетельствовала людям? На небе показывают собаку, дочь Эригоны, также Скорпиона, помощника Артемиды, Хирона, Центавра, деву Аргою, пополам рассеченную, и Каллисту медведицу. Каким же образом небо оставалось не украшенным прежде нежели они произвели вышеупомянутые деяния? Кому не покажется смешным созвездие Дельтотон, помещенное между звездами, потому ли что, как думают некоторые, оно имеет одинаковую форму с островом Сицилией³⁸, или по первой букве Зевса (Δῖός), как думают другие? Почему же Сардиния или Кипр не почтены на небе? Или почему фигуры букв имен братьев Зевса, получивших в удел царства, не помещена между звездами? Каким образом связанный и изгнанный из своего царства Кронос поставляется распорядителем судьбы? Как дарит царства он, который сам уже не царствует? Итак, оставьте эту болтовню и не нарушайте справедливости напрасною ненавистью к нам.

В мифологии говорилось о превращении некоторых людей, – у вас и боги превращаются. Рея делается деревом, Юпитер драконом (для обольщения) Прозерпины, сестры Фазтона яблоками; Латона ничтожным животным, отчего остров, называемый ныне Делос, некогда назывался Ортигия³⁹. Скажи, пожалуй, – бог делается лебедем, принимает вид орла, и, держа у себя Ганимеда виночерпием, предается гнусной связи с ним? Зачем мне почитать богов, которые любят дары и сердятся, если не получают их? Пусть они управляют судьбой, я не хочу поклоняться блуждающим звездам. Что это за волос Вероники? Где были ее звезды прежде, нежели она умерла?⁴⁰ Каким образом Антиной, красивый юноша, по смерти помещен на Луне? Кто возвел его туда? Верно кто-нибудь, подкупленный наградой, причислил его к богам подобно тому, как некоторые были подкуплены для того, чтобы вопреки совести и с оскорблением богов свидетельствовать, что цари вознеслись на небо? Зачем вы святотатствуете в отношении к Богу? Зачем вы обезображиваете Его творение? ты закалаешь овна и ему же поклоняешься; телец есть на небе, а ты убиваешь подобного ему (на земле). Так называемый Енгонасий⁴¹ подавляет вредное животное, и удостаивается чести орел, пожирающий Прометея, создателя человека. Хорош Цикн. Хороши сыновья Зевеса, похитители дочерей Левкиппа⁴² еще лучше их Елена, которая, оставивши белокурого Менелая, ушла за чалмоносным и покрытым золотом Парисом. Справедлив и Софрон, который поселил эту блудодейцу в елисейские поля. Но эта дочь Тиндара не включена в число бессмертных, и Эврипид справедливо представляет ее убиваемую Орестом.

Итак, каким образом я могу допустить рождение по судьбе, когда вижу таких распорядителей ее? Не хочу царствовать, не желаю быть богатым, отказываюсь от военачальства, ненавижу блуд; не замышляю плавать на корабле ради ненасытной жадности, не вступаю в борьбу для получения венцов; я свободен от безумного честолюбия, презираю смерть, я выше всякого рода болезни, печаль не снедает моей души. Если я раб, сношу рабство; если свободен, не хвастаюсь благородством своим. Я вижу, что одно и то же солнце для

всех, что одна смерть постигает всех, живет ли кто в удовольствиях или в бедности. Богатый сеет, и бедный пользуется тем же посевом. Богачи умирают, такой же исход жизни имеют и нищие. Богатые нуждаются в очень многом, хотя пользуются доверенностью и честью; а бедный и умеренный легче достигает того, чего он желает для себя. Что за судьба такая, что ты не спишь ночей ради сребролюбия? Что за судьба, что ты умираешь всякий раз, как предаешься похотям? Умри для мира, отвергнув его безумие; живи же для Бога, и познав Его отвергни древнее рождение. Мы сотворены не для того, чтобы умирать, но умираем по своей вине. Свободная воля погубила нас; бывши свободными, мы сделали рабами, продали себя чрез грех. Богом ничего худого не сотворено, – мы сами произвели зло; а кто произвел его, может снова отвергнуть его.

Мы знаем два вида духов, из которых один называется душою, а другой выше души и есть образ и подобие Божие. Тот и другой дух находился в первых человеках, так что они с одной стороны состояли из вещества, с другой были выше его. Дело вот в чем. Ясно, что устройство мира и все творение произошло из вещества, самое же вещество сотворено Богом; вещество было грубо и не образовано прежде, чем разделились элементы, а по разделении их сделалось украшенным и благоустроенным. Итак, небо и звезды на нем состоят из вещества, и земля со всеми предметами, находящимися на ней, имеет такой же состав, так что все имеет одинаковое происхождение. Несмотря на то есть некоторое различие между вещественными тварями: одна прекраснее другой, а другая прекрасна сама по себе, но уступает ей, как более прекрасной. Так, строение тела представляет собой один состав и имеет одну и ту же причину своего происхождения; несмотря на то есть между частями его различие по достоинству: иное – глаза, иное – уши, иное украшение волосное, состав внутренностей, мозгов, мозгов, костей и нервов; но при таком различии частей тела в общем составе его находится величайшая гармония. Подобным образом и мир, заключающий в себе более или менее прекрасные произведения могущества Творца, по воле

Его получил вещественный дух⁴³. В этом может ясно убедиться тот, кто не отвергает с гордостью Божественных откровений, в разные времена изложенных письменно, которые делают читающих их любезными Богу. Итак, демоны – так вы их называете – которые составлены из вещества и получили от него дух, сделались невоздержанными и безнравственными; одни из них обратились к более чистому веществу, а другие избрали более низкое и по подобию его расположили жизнь свою. Им-то вы, эллины, поклоняетесь, – существам которые произошли из материи и уклонились от надлежащего порядка. Они в своем безумии увлеклись гордостью и возмущившись покусились восхитить себе божество. Господь же всего попустил быть им в обольщении до тех пор, пока мир окончится разрушением, придет Судия, и все люди, которые, несмотря на препятствия от демонов, стремились к познанию совершенного Бога, в день суда получат полнейшую похвалу за свои подвиги. – Итак, есть дух в звездах, дух в ангелах, дух в растениях, дух в человеках, дух в животных; и хотя он один и тот же, но имеет в себе различия. Спешите к нам, желающие научиться, ибо не рассчитываем ни на красноречия, ни на вероятные доказательства, ни на софистические извороты, ни пользуемся словами Божественного происхождения. Вы не отвергаете скифянина Анахарсиса и не считаете низким учиться у тех, которые следуют законоположению варваров. Примите наши догматы, по крайней мере, так, как вы принимаете (астрономические) предсказания вавилонян, послушайте наших слов, как вы слушаете пророчествующего дуба⁴⁴. Последнее, о чем мы упомянули, – проделки исступленных демонов; а наше учение так высоко, что мир не может обнять его.

Душа сама по себе не бессмертна, эллины, но смертна. Впрочем, она может и не умирать. Душа, не знающая истины умирает и разрушается вместе с телом, и получает смерть через нескончаемые наказания. Но если она просвещена познанием Бога, то не умирает, хотя и разрушается на время. Сама по себе она есть ни что иное, как тьма, и нет в ней ничего светлого. К этому относятся слова: «тьма не объяла света»⁴⁵. Ибо не душа сохранила дух, но сама им сохранена, и свет объял тьму. Слово

есть Божественный свет, а тьма душа чуждая ведения. Посему если она живет одна, то уклоняется к веществу и умирает вместе с плотью; а когда она соединена с божественным духом, то не лишена помощи, но восходит туда, куда возводит ее дух. Ибо жилище духа на небе, а душа имеет земное происхождение. В начале дух обитал вместе с душою, но потом оставил ее, потому что она не захотела следовать ему. Хотя она удержала в себе некоторые искры могущества его, но отделившись от него, не могла созерцать высших вещей; ища Бога, она, по заблуждению, вымыслила многих богов, последую ухищрениям демонов. Дух Божий не во всех присутствует, но пребывает только в некоторых, праведно живущих людях, и соединясь с их душою, посредством откровений, возвестил и прочим душам о сокровенных вещах. И души, повинующиеся мудрости, привлекли к себе рожденного им Духа, а непокорные и отвергнувшие служителя пострадавшего Бога⁴⁶ показали себя более богоборцами, нежели богочтителями.

Таковы и вы, эллины; на словах болтливы, а умом глупы: вы признали владычество многих, а не одного, и решились последовать демонам, как будто они могущественны. Как разбойник, будучи бесчеловечен, обыкновенно одерживает верх над подобными себе дерзостью своею; так и демоны, дошедшие до крайней степени злобы, обольстили неведением и пустыми вымыслами души ваши, отлученные от Духа Божия. Им не легко умереть, потому что не имеют плоти; но они живя творят дела смерти, и сами умирают всякий раз, когда научают греху своих последователей. И то, что в настоящее время составляет их преимущество, именно, что они не умирают подобно людям, останется с ними и тогда, когда будут подвергнуты мучениям: они не будут причастниками вечной жизни, и вместо смерти не получают блаженного бессмертия. Как мы, которых смерть ныне так легко постигает, после нее получим бессмертие с блаженством или мучение с бессмертием, так и демоны, которые настоящую жизнь употребляют для греха и даже во время жизни своей умирают, опять будут иметь бессмертие такое же, какое имели, когда жили, и будут разделять участь тех людей, которые

добровольно исполняли все, что во время жизни их предписывали им демоны. У людей не меньше ли видов греха бывает по причине краткости их жизни, чем у вышеупомянутых демонов, которые много грешат в продолжение бесконечного времени?

Итак, нам должно теперь искать снова то, что потеряли, соединить свою душу со Святым Духом и вступить в союз с Богом. Душа человеческая не проста, но состоит из многих частей; она образована так, чтобы могла проявляться посредством тела, ибо душа никогда не является без тела, и плоть не воскресает без души. Человек не есть, как определяют те, которые кричат на подобие воронов⁴⁷, животное (только) разумное, способное иметь ум и знание. Но один человек есть образ и подобие Божие: разумею не того человека, который делает, что свойственно животным, но того, который, ставши выше человечества, приблизился к Самому Богу. Впрочем, об этом я подробнее изложил в книге «о животных». А теперь главным образом следует сказать о том, что в чем состоит образ и подобие Божие. Что не может быть сравниваемо, то ничто иное есть, как самое сущее, а что сравнивается, то есть только подобие. Совершенный Бог бесплотен, а человек есть плоть. Душа есть связь плоти; а плоть есть вместилище души. Если существо, так составленное, будет держать себя на подобие храма, то Бог благоволит обитать в нем чрез духа им посылаемого. Если же храмина человека не такова, то он будет превосходить животных только членораздельными звуками, а во всем прочем образ жизни его будет такой же, как у них, и он не есть уже подобие Божие. Все демоны не имеют никакой плоти, но у них духовный состав наподобие огня или воздуха. Только тем, которые укреплены Духом Божиим, можно видеть тела демонов; а прочим, то есть, душевным, никак нельзя, ибо высшее не может быть обнято низшим. Поэтому же природа демонов не дает места покаянию. Ибо они суть сияние вещества и зла⁴⁸. Вещество хотело властвовать над душою, и демоны по своей свободе передали людям законы смерти; люди же, после утраты бессмертия, смертью чрез веру⁴⁹ победили смерть, и чрез покаяние им дано такое

название, какое приписывает слово: «немного они умалены перед ангелами»⁵⁰. Кто побежден, опять может победить, если устранить причину смерти. А какая это причина, легко могут видеть те, которые желают бессмертия.

Демоны, которые повелевают людьми, не суть души людей. Ибо как они и по смерти могут действовать? Разве допустить, что человек, который при жизни был неразумен и слаб, по смерти получает более могущественную силу? Но это неправда, как мы доказали в другом месте⁵¹. Притом трудно предположить, чтобы бессмертная (душа), которой препятствовали телесные члены⁵², делалась умнее, когда отделится от тела. Демоны, по своей злобе неистовствуя над людьми, обольщают их поникшие долу души разнообразными и коварными ухищрениями и препятствуют им возвыситься к жизни небесной. Но от нас не скрыто существующее в мире, и божественное удобоприемлемо для нас, если придет к нам та сила, которая делает души бессмертными. И душевные люди видят демонов, когда последние являются людям, для того ли, чтобы уверить их в своем существовании, или для того, чтобы повредить им в чем-нибудь, как это делают злоумышленные друзья врагам своим, или, наконец, для того, чтобы склонить подобных себе⁵³ к их обоготворению. Если бы им можно было, то они разрушили бы и самое небо с прочими тварями. Но теперь они не делают того, ибо не могут; но посредством низшего вещества завоевывают вещество подобное себе. И если кто хочет победить их, то пусть отринет вещество. Ибо вооруженный броней небесного Духа может спасти все, охраняемое Им. В нашем веществе бывают болезни и нестроения; когда они случаются, демоны приписывают себе причины их, потому что нападают на человека в то же время, как постигает его болезнь. Иногда даже бурю злобы своей потрясают весь состав тела нашего; но поражаемые словом силы Божией со страхом удаляются, и больной исцеляется.

Касательно симпатий и антипатий, о которых учит Демокрит, что сказать мне кроме того, что по пословице человек из Абдеры говорит глупо? Как тот друг Геркулеса, от которого о получил название этот город, был съеден, как говорят, конями

Диомида, так и этот философ, который гордился дружбою с волхвом Останом, в день конца мира будет предан на пожрание вечному огню. И вы если не оставите смех, будете преданы тем же мучениям, каким волхвы. Посему, эллины, послушайте меня проповедующего как будто с высокого места, не смейтесь и не обращайтесь вашего неразумия на провозвестника истины. Болезнь не уничтожается чрез антипатию и бесноватый не излечивается привесками из кожицы. Но демоны нередко приходят к людям: и кто болен и мучится любовью или ненавистью и желанием мести, берет их к себе в помощники. Вот какую проделку они употребляют. Как начертания букв и составленные из них слова не могут сами по себе показать содержащейся в них мысли, но люди установили для себя знаки своих мыслей и из известного сочетания их узнают то, для означения чего и установлен и самый порядок букв, так точно ни различные корни, ни употребление нервов и костей, сами по себе ничего не производят, но служат средством для лукавства демонов, которые определили, для чего каждое из них годно. Как скоро они увидят, что люди готовы принять их помощь, – тотчас овладевают они и поработщают их себе. Что хорошего помогать блуду? Хорошо ли содействовать некоторым в ненависти? Прилично ли врачевание бесноватых приписывать веществу, а не Богу? Они коварно удаляют людей от богопочтения, заставляя их верить в травы и корни. Если бы Бог сотворил их для такого употребления, какое из них делают люди, то Он был бы виновником зла. Бог сотворил все в хорошем виде; но безнравственность демонов воспользовалась тем, что есть в мире, для делания зла; и это есть доказательство их злобы, а не дело (Бога) совершенного. Каким образом я при жизни был бы не зол, а по смерти, когда я ничего не делаю, мои остатки, которые не двигаются и даже не чувствуют, будут производить нечто возбуждающее чувство? Как может оказать помощь другому во мщении тот, кто умер несчастнейшею смертью? Если бы он это мог, то гораздо более постарался бы прогнать от себя собственного врага; ибо кто может помогать другим, тот гораздо более в состоянии отомстить за себя.

Медицина и все, что относится к ней, представляет такое же коварство⁵⁴. Если кто врачуетя веществом, имея веру в него, тем более он уврачуется, если прибегнет к Богу. Как яды суть вещественные составы, так и целительные средства такой же природы. Хотя мы отвергаем худшее вещество, но некоторые часто покушаются лечить посредством соединения худых веществ с другими и пользуются злом для приобретения добра. Но как тот, который обедал с разбойником, хотя бы сам не был разбойник, получает наказание за то, что пировал с ним, так точно тот, кто сам не худ, но сообщается со злом и употребляет его для получения мнимого добра, за сообщение со злом будет наказан Богом-Судиею. Почему верующий действенности вещества не хочет веровать Богу? Почему не обращаешься к могущественнейшему Господу и предпочитаешь лечить самого себя также, как собака лечится травой, олень эхидною, свинья раками речными, лев обезьянами? Зачем ты боготворишь то, что находится в мире? Для чего тебя за излечение ближнего называют благодетелем? Повинуйся силе слова. Демоны не исцеляют людей, но хитростью своею берут их в плен к себе. Достойный великого удивления Иустин сказал, что демоны подобны разбойникам. Как последние обыкновенно берут в плен живыми некоторых людей, а потом за выкуп возвращают их родным, так и те, которых почитают за богов, вселясь в тела каких-либо людей и потом посредством сновидений внушивши мысль о своем присутствии, велят таким людям выйти на народ, и, насытившись мирскими вещами в виду всех, отлетают от больных и возвращают им прежнее здоровье, уничтожив болезнь, которую сами они произвели.

Впрочем, вы, которые не имеете понятия об этом, учитесь у нас, знающих все это. Вы говорите о презрении смерти и проповедуете о воздержании. Но философы ваши так далеки от воздержания, что некоторые ежегодно получают от римского царя шестьсот золотых монет не для какого-нибудь полезного дела, но для того, чтобы они не даром носили отпущенную бороду. И Кресцент, который свил себе гнездо в великом городе⁵⁵, превосходил всех в педерастии и был весьма сребролюбив. Этот презритель смерти так боялся ее, что

старался причинить смерть, как зло, Иустину, а также и мне, за то, что он, проповедуя истину, обличал философов в сластолюбии и лжи. Каких философов он преследовал, кроме вас одних? Если вы говорите, что не должно бояться смерти, и в этом согласны с нашим учением, то не ищите смерти, как Анаксарх⁵⁶, по безумной любви к славе от человеков, но будьте презрителями смерти вследствие познания Бога. Прекрасно устроен мир, но худо живут в нем; приходится видеть, как те, которые не знают Бога осыпаются похвалами и рукоплесканиями, подобно как в общественных собраниях. Что такое ваши прорицания? Почему прельщаетесь ими? Потому что они служат страстям, господствующим в мире. Ты хочешь вести войну и обращаешься к Аполлону, советнику убийств. Хочешь похитить девицу, – и желаешь, чтобы демон помогал тебе в этом. Ты болен сам от себя, и хочешь, чтобы при тебе присутствовали боги, подобно тому, как Агамемнон был окружен десятью советниками. Какая-то женщина, напившись воды, приходит в исступление, и от ладана делается безумною, а ты говоришь, что она пророчествует. Аполлон был провидец будущего и наставник прорицателей, но сам обманулся насчет Дафниса. Скажи пожалуйста, дуб прорицает и птицы предвещают будущее, – а ты ниже животных и растений? Хорошо бы тебе сделаться деревом прорицающим или лежать подобно птицам. Кто тебя делает корыстолюбивым, тот и пророчествует тебе о приобретении богатства; кто возбуждает возмущения и войны, тот и предсказывает о победе на войне. Если будешь выше страстей, то будешь презирать все, находящееся в мире. Если мы – люди с такими убеждениями, то не преследуйте нас ненавистью, но оставьте демонов и последуйте единому Богу: «все Им (сотворено) и без Него ничего не сотворено»⁵⁷. Если и есть вредоносное в тварях, это произошло вследствие греха нашего. Я постараюсь доказать это: только вы слушайте, и верующий уразумеет.

Когда лечишься лекарствами, – это я по снисхождению допускаю тебе, – ты все-таки должен успех приписывать Богу. Мир доселе привлекает нас к себе, и я по слабости обращаюсь к веществу. Дух совершенный окрылял душу; когда она грехом

прогнала его, он улетел как птенец, и она упала на землю. Лишившись небесного сожития, она возжелала общение с низшим. Демоны лишились прежнего своего жилища, прародители изгнаны; первые низвержены с неба, а последние изгнаны из земли, только не из здешней, но из той, которая превосходнее. Итак, мы должны желать прежнего состояния и бросить все, что этому препятствует. Небо не безгранично, оно имеет границы и заключено в пределах. Далее сего есть мир высший, который не знает перемен погоды, производящих различные болезни, но имеет благорастворение воздуха, постоянный день и свет недоступный для здешних людей. Землеописатели, сколько доступно было человеку, составили описание стран, но не зная, что сказать о странах дальнейших, которых не могли видеть, они в извинение своего незнания ссылались на приливы и отливы морские, на то, что моря наполнены травами или илом, на недоступность стран по причине сильного жара или холода, или льда. Мы же чего не знаем, узнали чрез пророков, которые твердо верили, что небесный дух получит вместе с душою одеяние смертности⁵⁸ и предвозвещали то, чего прочие души не знали. И всякий, кто наг, может приобрести это украшение и возвратиться к прежнему сродству.

Мы не безумствуем, эллины, и не вздор говорим, когда проповедуем, что Бог родился в образе человека. Вы порицаете нас, но сравните свои басни с нашими рассказами. Минерва, говорят, приняла вид Деифоба из-за Гектора, Аполлон долговолосый в угождение Адмету пас кривоногих быков: жена Юпитера пришла старухой к Семеле. Допуская такие вещи, как можете вы смеяться над нами? Ваш Эскулап умер, и тот, который в Феспиях обесчестил в одну ночь пятьдесят девиц, умер среди пожирающего пламени, в которое сам бросился. Прометей, прибитый к Кавказу, понес наказание за свое благодеяние, оказанное людям. Зевс, по-вашему, завистлив, и посредством сновидения обманул людей с намерением погубить их⁵⁹. Посему, в виду ваших собственных сказаний принимайте нас, по крайней мере, как предаются сказания подобные вашим. Но мы не имеем ничего нелепого, а ваши

рассказы чистый вздор. Если вы говорите о рождении Богов, то этим признаете их смертными. Почему Гера теперь не родит? Состарилась ли она или нет вестника, который бы вас известил об этом?⁶⁰ Послушайтесь меня, эллины, и не объясняйте иносказательно ни басен, ни богов ваших. Допустивши это, вы уничтожите своих богов. Ваши боги или нечестивы, если они таковы, какими представляете их, или если обратить их в естественные явления⁶¹, они уже не то, что вы говорите. Но поклоняться стихиям и я сам не буду, и других склонять к тому не стану. Метродор Лампсакский в книге о Гомере очень неразумно все обращал в аллегорию. Он говорил, что Гера, Афина и Зевс не то, чем представляют их люди, воздвигающие им храмы и жертвенники, но что они суть части природы и сочетания стихии ее. Вы должны будете сказать, что и Гектор, Ахиллес, Агамемнон и все прочие эллины и варвары вместе с Еленой и Парисом принадлежат к той же природе и введены для складности, потому что никто из них не существовал. Но я говорил это только условно, а в самом деле наше познание о Боге неприлично сравнивать с мнениями тех, которые погрузились в вещество и нечистоту.

И какие у вас учреждения? Кто не осмеет ваши торжественные собрания, учреждаемые на общественный счет, которые установлены в честь злых демонов и обращают людей к постыдным делам? Я не раз видел одного человека, и при виде его удивлялся, а потом чувствовал презрение, потому что он по наружности представлял ложно то, чего нет у него внутри. Я видел, как он пышничал и вполне предавался неге, то сверкал глазами, то размахивал руками и неистовствовал с грязным лицом, то представлял Афродиту, то Аполлона. Он один является обличителем всех богов, представителем суеверия, прорицателем геройских подвигов, изобразителем убийств, наставником блуда и корыстолюбия, учителем разврата, поводом к смертным приговорам⁶², и при всем том все его хвалят. Но я отверг всю ложь его, его нечестие, его занятия и наконец самого этого человека. А вас увлекают подобные люди, и вы порицаете тех, которые не разделяют ваших чувств. Я не хочу разевать рот (от удивления), когда

многие поют, не хочу, чтобы тот, кто делает кривления и неестественные движения, возбудил во мне такие же страсти. Что удивительного или прекрасного совершается у вас? Посредством носа производят постыдные звуки, делают неприличные движения, на сцене учат как блудодействовать, и это видят сыновья и дочери ваши. Хороши у вас аудитории, где рассказываются срамные дела ночные, где услаждают слушателей произношением гнусных речей. Достойны похвалы и поэты ваши лжецы, которые фигурными словами обольщают слушателей.

Я видел людей, которые озабочены упражнением тела и обременены своею дородностью: им предлагают награды и венцы, их вызывают учредители игр, не к прекрасному подвигу, но к тому, чтобы затеять спор и ссору, и кто сильнее дерется, тот получает венец. И это еще меньшее из зол; а о больших кто может говорить без возмущения? Некоторые предавшись праздности, из-за мотовства продают себя на смерть: бедный продает себя, – богатый покупает убийц. Свидетели сидят, а гладиаторы бьются один на один без всякой причины, и никто не приходит на помощь. Это ли у вас хорошие дела? Высший между вами по достоинству собирает войско человекоубийц и хвалится тем, что он питает разбойников; выходят от него разбойники, и все вы сходитесь на зрелище, как судии нечестия отчасти учредителя зрелища, отчасти и самих единоборцев. И тот, кто не присутствовал при убийстве, скорбит, что ему не суждено было быть зрителем злодейских, безбожных и преступных действий. Вы убиваете животных, чтобы есть мясо, и покупаете людей, чтобы доставить душе пищу из человеческого тела и питаете ее самым безбожным пролитием крови. Разбойник убивает, чтобы получить что-нибудь, а богатый покупает единоборцев для убийства.

Какую пользу принесет мне тот, кто в трагедии Эврипида беснуется и разыгрывает лицо матереубийцы Алкмеона, кто обезобразил свой вид, страшно разевает рот, носит с мечом, неистово кричит и является в окровавленной одежде? Прочь от меня басни Акусилая; прочь от меня такого же рода стихи Менандра. Зачем я буду удивляться баснословному игроку на

флейте. Зачем мне, надобно Аристоксену, делать изыскания о фивяanine Антигениде?⁶³ Уступим вам эти пустые дела. А вы или поверьте нашему учению, или также оставьте нас при наших верованиях.

Что удивительного и великого делают наши философы? Они оставляют одно плечо непокрытым, отпускают длинные волосы, отращают бороду, носят звериные ногти; они говорят, что ни в чем не нуждаются; но как Протей⁶⁴ нуждаются в кожевнике для сумы, в портном для одежды, в дровосеке для палки, в богачах и поваре для своей прожорливости. Человек, порождающий собак! ты не знаешь Бога, и уклоняешься к подражанию животным; ты публично кричишь с важностью человека небедного, и сам за себя мстишь: когда не получаешь, то ругаешься, и философия делается у тебя искусством наживаться. Ты следуешь учению Платона, и вот эпикурейский софист открыто восстает на тебя. Опять ты хочешь следовать Аристотелю, и тебя ругает какой-нибудь последователь Демокрита. Пифагор говорит, что он был некогда Евфорбом⁶⁵, и в своем учении (о переселении душ) преемствовал Ферекиду; Аристотель же колеблет бессмертие души. Вы, которые резко переходите от одного учения к другому противоположному и не согласны между собою, вооружаетесь на тех, которые согласны⁶⁶. Некоторые говорят, что Бог есть тело, а я говорю, что Он бестелесен; говорят, что мир неразрушим; а я утверждаю, что разрушится; говорят, что сожжение мира бывает в разные времена; а я говорю, что это будет один раз; судиями признают Миноса и Радаманта, а я Самого Бога; бессмертие приписывают одной душе, а я и телу вместе с душою. Чем мы вредим вам эллины? Почему вы ненавидите, как самых отъявленных злодеев, тех, которые следуют слову Божию? Мы не едим человеческого мяса⁶⁷: вы лжесвидетельствуете, когда говорите так; а у вас Пелопс делается ужином для богов, хотя был любимцем Посидона; Кронос пожирает детей и поглощает Митиса.

Перестаньте величаться чужими словами и, подобно галке, украшаться не своими перьями. Если каждый город возьмет от вас собственное свое изречение, то ваши софизмы потеряют

силу. Вы исследуете, что такое Бог, но не знаете, что в вас есть; и, разиня рот на небо, падаете в ямы. Ваши книги, подобно лабиринтам, а читающие их – бочке Данаид. Что вы разделяете время, называя одно прошедшим, другое настоящим, а иное будущим? Каким образом будущее может настать, когда существует настоящее? Но как пловцы на море, когда корабль несется по водам, по неопытности думают, что горы бегут (а не корабль их), так и вы не замечаете, что вы сами проходите, а век стоит, пока угодно Сотворившему его. Зачем меня обвиняете, когда излагаю свое учение, зачем спешите ниспровергнуть все мои убеждения? Не так же ли вы родились, как и мы, и приняли участие в том же порядке мира? Зачем вы присваиваете мудрость только себе, тогда как вы не имеете ни другого солнца, ни другого восхода звезд, ни лучшего происхождения, ни даже смерти, отличной от других людей? Грамматики положили начало вашему пустословию; вы разделяли мудрость, удалили себя от истинной мудрости и имена частей ее приписали людям. Бога же вы не знаете; и споря между собою, сами ниспровергаете друг друга. Поэтому все вы ничто; хотя присвоите себе дар слова, но рассуждаете как слепой с глухим. К чему у вас строительные орудия, тогда как не умеете строить? К чему ваши речи, когда сами вы далеки от дел, ибо в счастье надмеваетесь, а в неудачах упадаете духом? Ваши действия несообразны с разумом; ибо в собраниях вступаете с пышностью, а с учением своим прячетесь в углах? Посему-то, когда мы узнали, что вы таковы, – мы оставили вас, и уже не трогаем вашего, но следуем слову Божию. Зачем ты, скажи мне, поднимаешь войну из-за букв? Зачем как в кулачном бою, скрадываешь произношение их заикаясь подобно афинянам, тогда как тебе приличнее говорить ближе к природе? Если ты, не будучи афинянином говоришь по-аттически, то скажи мне, почему не говоришь по-дорически? Почему одно для тебя представляется слишком грубым, а другое более приятным для разговоров?

Если привлекает тебя образованность их, то почему ты вооружаешься на меня, если я принимаю такие мнения, которые мне нравятся? Не нелепо ли, что нас ненавидят без

всякого исследования и по несправедливому предубеждению, тогда как разбойника не наказывают по одному только обвинению прежде чем тщательно исследуется справедливость его⁶⁸. Диагор был афинянин, но вы его наказали за то, что издевался над таинствами афинскими; и, однако, читаете его фригийские книги⁶⁹, а нас ненавидите. Вы сохраняете толкования Льва и не терпите обличений от нас; вы имеете у себя мнения Аппиона о богах египетских, а нас изгоняете, как крайних безбожников. У вас показывают гробницу Зевса олимпийского, хотя некто говорит, что критяне лгут⁷⁰. Собрание множества богов есть ничто. И хотя Эпикур, презритель их, отправлял священные обязанности к ним⁷¹, но я не буду скрывать пред правителями то понятие, какое я имею о Боге и Его владычестве над всем. Зачем ты советуешь мне лгать насчет моего верования? Ты говоришь, что презираешь смерть; зачем же убеждаешь меня избежать ее хитростью? У меня не оленьё сердце, а ваши речи походят на болтовню Ферсита. Как я поверю тому, кто говорит, что солнце есть огненная масса, а луна (другая) земля⁷²? Это словопрение, а не раскрытие истины. Не безрассудно ли верить рассказам о Геркулесе в книгах Геродота, в которых говорится о высшей земле, с которой будто бы упал лев, убитый Геркулесом? Что пользы в аттической речи, философских соритах, силлогистических доказательствах, в измерении земли, расположении звезд и обращении солнца? Заниматься подобными вопросами свойственно человеку, который налагает на себя мнения, как законы.

Поэтому я отверг и ваши законоположения. Должен быть один и общий для всех образ жизни. А теперь, сколько городов, столько законодательств, так что одни почитают гнусным то, что, по мнению других, прекрасно. Так эллины признают незаконным брачное сожитие с матерью, а у персидских магов это почитается прекрасным установлением; педерастия осуждается варварами, но она пользуется особым преимуществом у римлян, которые стараются собирать стада мальчиков, на подобие коней пасущихся.

Когда я увидел все это, когда ознакомился с мистериями, исследовал различные виды богопочтения, совершаемые людьми женоподобными и гермафродитами, когда и у римлян нашел, что Зевс Латиар услаждается человеческою кровью и человекоубийцами, что Артемида недалеко от великого города занимается подобными же деяниями, и что во многих других местах тот или иной демон служит причиною злодейств: тогда я углубился в самого себя и исследовал, каким образом могу найти истину. В то время, как ум мой рассматривал все лучшее, я напал на одни книги варварские, которые древнее эллинских учений, и столь божественны, что не могут быть сравниваемы с их заблуждениями; и я поверил этим книгам, по простоте их речи, безыскусственности писателей, удобопонятности объяснения всего творения, предвидению будущего, превосходству правил и, наконец, по учению о едином Властителе над всем. Итак, душа моя, вразумленная Богом, поняла, что одни книги влекут за собою осуждение, а другие разрушают рабство, находящееся в мире, освобождают нас от многих начальников и бесчисленных тиранов и дают нам то, чего — не скажу, чтобы мы не получили прежде, но что получивши, не сохранили по заблуждению.

Будучи просвещен познанием их, я решился отвергнуть языческие заблуждения, как детские бредни. Природа зла, как известно, сходна с природою самых малых семян: ибо хотя зло от малого с нашей стороны повода усиливается, зато можно опять его разрушить, если мы веруем словам Божиим и сами не рассеиваемся. Бог предлагает нам некое скрытое сокровище: когда мы раскапываем его, то покрываемся пылью, но за то мы упрочиваем за собою обладание им. Кто владеет всем этим сокровищем, тот приобрел драгоценнейшие богатства. Эти слова относятся к нашим единомысленникам. Что же сказать вам, эллины, кроме того, что вы не порицали лучших себя, и если кто называется варваром, не находит в этом повода к презрению. Ибо если хотите, вы можете найти причину, почему одни не в состоянии понимать языка других; и если вы желаете исследовать наше учение, то я предложу легкое для вас и пространное объяснение.

Думаю, что теперь кстати доказать, что наша философия древнее учений эллинских. Пределами у нас будут Моисей и Гомер, потому что они оба жили в древнейшие времена; последний древнее всех поэтов и историков, а первый родоначальник всей мудрости у варваров. Итак, возьмем их для сравнения, и мы найдем, что наше учение древнее не только образованности эллинов, но и самого изобретения письмен. Сошлюсь не на своих писателей, но воспользуюсь эллинскими. Первое было бы неудачно, потому что вы не примите их; а последнее представляется удивительным, когда я сражаюсь с вами вашим же оружием, заимствую у вас доказательства не заподозренные вами. О поэзии Гомера, его происхождении и времени, когда он процветал, исследовали следующие древнейшие писатели: Феоген Ригинский, бывший в царствование Камбиза, – Стезимброт Тасский, Антимах Колофонский, Геродот Галикарнасский и Дионисий Олинфский; после них Эфор Кумский, Филохор Афинский, Мегаклид и Хамелеон – перипатетики; потом грамматика: Зенодот, Аристофан, Каллимах, Кратес, Эратосфен, Аристарх и Аполлодор. Из числа их Кратес говорит, что Гомер жил прежде возвращения Гераклидов, спустя восемьдесят лет после троянской войны; по Эратосфену спустя сто лет от взятия Трои, по Аристарху около ионийского переселения, бывшего спустя сто сорок лет после троянских событий, по Филохору – после ионийского переселения при архонте афинском Архиппе, спустя сто восемьдесят лет после троянской войны. Некоторые говорили, что он был за девяносто лет до олимпиад, то есть спустя триста семнадцать лет после взятия Трои; другие полагали время его жизни еще позднее и говорили, что Гомер был современником Архилоха, – а Архилох жил около двадцать третьей олимпиады, во времена Гигеса Лидянина, в пятисотых годах после троянской войны. Того, что мы сказали вкратце о времени жизни вышеупомянутого поэта, т. е. Гомера и о разногласии писателей, говоривших о нем, достаточно для тех, которые могут внимательно исследовать эти свидетельства. Можно бы, конечно, доказать и ложность мнений о самых происшествиях. У кого не согласна хронология, у того и история

не может быть истинной. Не от того ли бываю ошибки в счислении времени, что излагают неистинное?

Но у нас нет пустого стремления к славе ни разногласия во мнениях. Мы отделились от общепринятого и земного учения, мы повинемся заповедям Божиим, следуем закону Отца нетления и отвергли мнения человеческие; не одни богатые у нас философствуют, но и бедные даром пользуются учением; ибо все, что исходит от Бога так высоко, что нельзя заплатить за них дарами мирскими. Мы допускаем всех, кто хочет слушать, будет ли он старик или юноша; и всякому вообще возрасту у нас воздается честь; впрочем, распутство от нас далеко. И мы не лжем, говоря это. Прекрасно было бы, если бы преклонилось ваше упорство в неверии; но, если и не будет этого все-таки наша вера останется твердою опираясь на Божиим свидетельстве. Вы смеетесь, но некогда восплачете. Не глупо ли, что вы удивляетесь Нестору, который усиливается сравняться с юношами в битвах, тогда как он с трудом отсекает по старческой слабости упряжь у коней; а смеетесь над теми, которые у нас борются со старостию и размышляют о делах божественных? Кто не будет смеяться над вами, когда вы говорите об амазонках, Семирамиде и некоторых других воинственных женщинах, а наших девиц порицаете? Ахиллес был юноша и, однако, верят, что он имел много благородства; Неоптолем был также молод, но храбро; Филоктет был слаб, но божество нуждалось в нем для взятия Трои. Каков был Ферсит? Но он начальствовал над войском и не подвергался бы порицанию за свою остроконечную и лысую голову, если бы не имел глупости болтать без меры. Желающих у нас философствовать мы не испытываем по лицу, ибо не судим по наружности о приходящих к нам. Ибо мы думаем, что крепость духа может быть у всех, хотя бы они были слабы телами. Ваши же суждения исполнены зависти и великой глупости.

Поэтому я решился посредством вещей, которые вы сами уважаете, доказать разумность наших учреждений и безрассудство ваших. Послушайте, до чего доходит пустота у эллинов, – вы, которые говорите, что мы занимаемся пустяками среди женщин и юношей, среди девиц и старух и насмехаетесь

над нами за то, что мы не с вами. Произведения искусств заключают в себе много вздора, хотя уважают их более богов наших; относительно женщин вы ведете себя непристойно. Лизипп сделал из меди статую Праксиллы, которая ничего полезного не сказала в стихах своих, Менестрат – Леархиды, Силанион – блудницы Сапфы, Навкид – Эрвины Лезбосской, Воиск – Мертиды, Кефизодот – Миры Византской, Гомф – Параксигориды и Амфистрад Клиты. Что сказать о статуях Аниты, Телезиллы и Мистиды? Эвтикрат и Кефизодот сделали статую первой, Никерат второй, Аристократ третьей. Эвтикрат сделал статую Мнестархиды Ефесянки, Силанион Коринны, Эвтикрат – Фаларкиды Аргосской. Я упомянул об этих женщинах, для того, чтобы вы не думали, что у нас делается что-нибудь странное, и чтобы вы, в виду этих памятников, находящихся пред глазами, не насмехались над теми женщинами, которые у нас философствуют. Сапфо была блудница, бесстыдная женщина, и сама воспевала свое распутство; а у нас все женщины целомудренны, и девицы, сидящие за прялками поют божественные песни гораздо лучше, чем эта девица ваша. Посему вы должны стыдиться того, что вы ученики презренных женщин, а смеетесь над женщинами, преданными нашему учению, и над общественными собраниями, которые они посещают. Что за прекрасное учение произвела вам Главкиппа, родившая чудовище, как показывает ее медная статуя, сделанная Никератом афинянином, сыном Евктемона? Если она родила слона, почему же воздается ей общественная почесть? Пракситель и Геродот сделали вам статую распутной Хрины, а Эвтикрат Пантевхиды, сделавшейся беременною от прелюбодея. Диномен своим искусством передал потомству память Византиды, царицы Пеонской, за то, что она родила черного младенца. Я осуждаю и Пифагора, который представил Европу сидящею на быке, и вас, которые уважаете за искусство этого обличителя Зевса⁷³. Смеюсь и над искусством Мирона, который изобразил тельца и на него возложил Нику, так как он, похитив дочь Агенора, получил награду за свое прелюбодейство и невоздержание. Геродот Олинфский изобразил Гликеру, блудницу и Аргосскую

музыкантшу. Виракис поставил статую Пазифее; вспоминая ее распутство, вы едва не желаете, чтобы и ныне были подобные женщины. Какая-то Меланиппа была мудра и за это Лизистрат сделал ее статую, а вы не верите, чтобы у нас были мудрые женщины.

Конечно, весьма достоин чести тиран Филарис, пожиривший грудных детей, которого изображение сделал Полистрат Ампрокиот и которого доныне показывают, как дивного мужа. Агригентинцы боялись смотреть на такой вид этого людоеда; а люди, заботящиеся об образовании, гордятся, что видят его изображение. Не преступно ли то, что у вас чествуются братоубийство, потому что вы смотрите на изображения Полиника и Этеокла, тогда как вы должны бы зарыть их вместе с художником Пифагором? Истребляйте памятники нечестия. Зачем я буду ради Периклемена, рассматривать и ценить как что-нибудь удивительное изображение женщины, родившей тридцать человек детей? Следовало бы питать отвращение к той, которая принесла так много плодов невоздержания, и подобие которой у римлян представлено в свинье, удостоенной за такое же дело священного служения. Марс любодействовал с Афродитой, и Андрон изобразил вам Гармонию, родившуюся от них. Софрон, написавший пустяки и нелепости, более прославился посредством медной статуи, существующей и доныне. Баснописца Эзопа прославили навсегда не одни басни, но и пластическое искусство Аристодама. И как вам не стыдно клеветать на честность ваших женщин, когда у вас столько женщин – поэтов пустейших и развратниц, столько преступных мужчин? Что хорошего мне в том, если узнаю, что Еванта родила в Перепате, или если буду удивляться искусству Каллистрата, или смотреть на Нееру Каллиада, которая была блудница? Лаида была распутная женщина, а Турн сделал памятник ее распутству. От чего не приводит вас в стыд распутство Гефестиона, хотя Филон искусно представил образ его? Или зачем вы ради Леохара чествуете Ганимеда гермафродита, как будто владеете чем-то прекрасным? Пракситель также изобразил какую-то развратную женщину. Лучше было бы, если бы, оставивши все такие вещи, вы искали

того, что поистине прекрасно; лучше бы, если бы вы отказались от вымыслов Филенида и Элифантида⁷⁴ и не гнушались нашим образом жизни.

То, что мною изложено, я узнал не от других: я путешествовал по многим странам, сам занимался в качестве софиста вашими науками, изучал искусства и различные изобретения, и наконец, живя в Риме сам видел различные статуи, туда перенесенные вами. Я не стараюсь, как обыкновенно делают многие, подтверждать свои мысли чужими мнениями, но излагаю то, что сам видел и узнал. Поэтому-то я распростился и с римским высокомерием, и с холодным афинским красноречием, с различными учениями и принял нашу варварскую философию. Я начал было излагать, каким образом она древнее ваших учреждений, но на время уклонился от этого, а теперь возвращусь к рассуждению об учении нашем. Только не тяготитесь моими уроками и не возражайте болтовнею и пустяками, говоря: «Татиан выше эллинов, выше множества философствовавших, он следует новому учению варваров». Что худого в том, что человек подобострастный прочим людям обличает их в явном невежестве? Что нелепого по примеру родного вам мудреца⁷⁵, всегда стареть и всему учиться?

Пусть Гомер⁷⁶ был не позже троянской войны, а современником ее, и даже сражался с Агамемноном, пусть, если кто хочет, думают, что он жил прежде изобретения букв. Окажется что вышеупомянутый Моисей на много лет древнее взятия Трои, или даже жил гораздо прежде построения Трои и времен Троя и Дардана. Для доказательства этого я приведу в свидетели халдеев, финикийцев и египтян. И к чему много распространяться? Тому, кто берет на себя труд убеждать слушателей, нужно говорить о деле как можно короче. Бероз вавилонянин, жрец вавилонского Бела, современник Александра, написавший для Антиоха, третьего царя после Александра, историю халдеев в трех книгах и изложивший подвиги царей, говорит об одном из них, по имени Навуходоносор, который предпринял поход против финикийцев и иудеев. Мы знаем, что эта война была предсказана нашими

пророками и случилась гораздо позднее Моисея, за семьдесят лет до владычества персов. Бероз весьма достоверный писатель: это доказывается тем, что Юба, писавший об ассириянах, говорит, что он узнал историю у Бероза; а он написал две книги об ассириянах.

После халдеев, у финикиян мы находим следующее: у них было три писателя: Феодот, Ипсикрат и Мох. Книги их переведены на греческий язык Хетом, который так же тщательно написал жизнеописания философов. В этих исторических книгах рассказывается о похищении Европы при одном из царей, о пришествии Менелая в Египет и о происшествиях при Хираме, который отдал дочь свою в замужество за Соломона царя иудейского и доставлял ему всякого рода дерево для построения храма. О том же самом написал и Менандр Пергамен. Но время жизни Хирама уже близко к троянской войне; и Соломон, современник Хирама, жил гораздо позже времен Моисея.

У египтян также есть точные исторические записки, и события, бывшие у них, описал Птоломей, только не царь, но жрец Мендеса. Он, рассказывая о деяниях царей, говорит, что иудеи при царе египетском Амазисе вышли из Египта, под предводительством Моисея, в те страны, которые они заняли. Он так говорит: «Амазис был современником царя Инаха». После него грамматик Апион, человек очень ученый, в четвертой книге о египтянах, а всех книг его пять, между прочим говорит, «что Амазис, современник Инаху Аргосскому, разрушил Аварис, как Птоломей Мендесский написал в своих летописях». А время, которое протекло от Инаха до разрушения Трои, включает в себе двадцать поколений, и это доказывается таким образом».

Вот какие были цари у аргосцев: Инах, Фороней, Апис, Криазис, Триопас, Аргий, Форвант, Кротопас, Стенелай, Данай, Линкей, Прит, Авас, Акризий, Персей, Стенелай, Евристей, Атрей, Тиест и Агамемнон, в восемнадцатый год царствования которого взята Троя. Всякий рассудительный человек должен тщательно заметить, что у греков, как они сами свидетельствуют, еще не было ни одного письменного исторического памятника. Ибо Кадм, который передал им буквы,

спустя много поколений пришел в Беотию. После же Инаха при Форонее люди, наконец, перешли от дикой и пастушеской жизни к более свободному образу жизни. Поэтому, если Моисей был современник Инаху, то он древнее троянской войны на четыреста лет. И это видно из преемства царей аттических, македонских, птолемейских и антиохийских. Посему, если знаменитейшие происшествия у эллинов были записаны и сделались известны после Инаха, то значит, это было и после Моисея. Ибо Фороней, преемнику Инаха, современником у афинян был Огиг, при котором был первый потоп; а за Форбантом следовал Актей, от которого Аттика названа Актеею. Современниками Триопа были Прометей, Эпиметей, Атлас, Кекропс и Ион. При Кротопе был пожар Фаэтона и потоп Девкалиона. Во время Стенела было царствование Амфиктиона, происшествие Даная в Пелопонесе, основание Дардании Дарданом и возвращение Европы в Крит из Финикии. При Линкее была похищена Прозерпина, основан храм в Элевзине, введено Триптолемом земледелие, Кадм пришел в Фивы и царствовал Минос. При Прите была война Евмолпа против афинян. При Акризе было пришествие Пелопса из Фригии, прибытие Иона в Афины, царствование второго Кекропса, подвиги Персея и Диониса, появление ученика Орфеева Музея. В царствование Агамемнона была взята Троя.

Итак, из сказанного видно, что Моисей жил ранее древних героев, войн, демонов. поскольку же он древнее по времени, то ему должно верить более, нежели эллинам, которые, не признавая того, заимствовали у него учения; ибо многие из их софистов, по своему любопытству познакомившись с писаниями Моисея и подобных ему философов, старались переделать их учение, во-первых, для того, чтобы думали, что они говорят что-нибудь свое, во-вторых, для того, чтобы то, чего они не понимали, прикрыть вымышленной словесной оболочкою, придавая истине вид басни. Впрочем, о том, что говорили образованные люди у эллинов о нашем законе и об истории постановлений, сколь многие и какие писатели упоминали об этом – будет показано в книге «против тех, которые рассуждали о Божественных делах».

А теперь особенно важно со всею точностию показать, что Моисей древнее не только Гомера, но и писателей, древнейших Гомера, как то: Лина, Филаммона, Фамирида, Амфиона, Музея, Орфея, Демодока, Фемия, Сивиллы, Эпименида Критского, пришедшего в Спарту, Аристея Проконесского, написавшего историю Аримаспов, Асвола Центавра, Исатида, Дримона, Евкла Кипрского, Ора Самосского и Пронапида Афинского. Лин был учителем Геркулеса; а геркулес на одно поколение был ранее троянской войны, как это видно из того, что сын его Тлиподем уже воевал против Трои. Орфей был современником Геркулеса; ибо сочинения, которые выдают под его именем, говорят, принадлежат Ономакриту афинянину, жившему в царствование пизистрадитов около пятидесятой олимпиады. Учеником же Орфея был Музей. Об Амфионе нечего говорить ученым, что он за два столетия жил до троянских событий, Демодок и Фемиий жили во время самой троянской войны; один был у женихов⁷⁷, а другой у Феаков. Фамирид и Филаммон жили немного прежде их. Итак, я со всевозможною точностию, мне кажется, написал вам о сочинениях в каком-либо роде и о времени их. Но чтобы вполне докончить исследуемый предмет, укажу еще тех, которые почитались мудрецами. Минос, который почитался первым во всяком роде мудрости и в законодательстве, жил при преемнике Даная – Линкее в одиннадцатом поколении после Инаха. Ликург, родившийся гораздо позже взятия Трои, дал законы лакедемонцам за сто лет до олимпиад. Дракон жил около тридцатой олимпиады, Солон около сорок шестой. Пифагор около шестьдесят второй. А олимпиады, как мы сказали⁷⁸, установлены спустя четыреста семь лет после троянских событий. После этих доказательств не стану много говорить о времени жизни семи мудрецов. Ибо, если древнейший из них Фалес жил около пятидесятой олимпиады, то нет уже нужды говорить о других мудрецах, которые жили после него.

Вот что, эллины, для вас написал я, Татиан, последователь варварской философии, уроженец ассирийской земли, следовавший первоначально нашему учению, а потом принявший то, которое теперь исповедую. Я, наконец, узнал

Бога и Его творение, и готов предстать пред вами для исследования учения, и не изменю своим убеждениям относительно Бога.

Афинагор и его сочинения

Об Афинагоре и его сочинениях

В надписании к апологии, принадлежащем по мнению ученых, самому Афинагору, он называет себя афинянином, философом христианским. Дальнейших подробностей жизни этого апологета история не сохранила нам. Два только писателя говорят об Афинагоре: святой Мефодий и Филипп Сидет. Первый приводит одно место из апологии Афинагора⁷⁹; другой сказал только несколько слов, и то подлежащих большому сомнению; Евсевий и Иероним хранят глубокое молчание об этом писателе⁸⁰. Вот что говорит Сидет: «Начальником александрийской школы был Афинагор. Он жил во времена Адриана и Антонина, и представил им свою апологию в защиту христиан. Он исповедовал христианскую веру уже и в то время, когда ходил еще в тоге философа, и был начальником в школе академиков. Намереваясь писать против христианства, для вернейшего достижения своей цели приступил к чтению свящ. книг, и плененный благодатью Св. Духа, подобно великому Павлу, сделался проповедником того самого учения, против которого восставал. Учеником его был Климент александрийский, у которого обучался Пантен». (См. Dodvel. Dissert. in Irenaeum, ad calcem). Но и это почти единственное свидетельство много оспаривают, потому что оно в частных своих показаниях прямо расходится с свидетельством церковного историка Евсевия, который и жил прежде Филиппа и сочинениями своими (историческими) далеко превосходит жалкую, по отзывам Сократа (Церк. Ист. кн. 17 гл. 27) и патр. Фопя, (Cod. XXXV). Компиляцию Филиппову, с громким названием истории христианства. Так, напр., неверно Сидет утверждает будто Афинагор был начальником александрийской школы: ибо в таком случае непонятно, каким образом могли бы оставаться в неизвестности творения столь знаменитого лица даже для Евсевия? Далее, Климент александрийский был не учителем, а учеником Пантена: об этом ясно свидетельствуют Евсевий (Ц. Ист. кн. 5. гл. 10) и Фотий (Cod. six).

Сам апологет в начале своего сочинения о *воскресении мертвых* свидетельствует, что он написал не мало сочинений, доставивших ему почетное имя философа; но из всех них до нас дошли только два: апология и трактат о *воскресении мертвых*.

Апология есть лучшее произведение Афинагора. Она представлена была Марку Аврелию и сыну его Коммоду, а не Луцию Веру. Это мнение находит себе подтверждение в самой апологии. Так, Афинагор (гл. 37) говорит: «кто с большею справедливостью может получить просимое, как не мы, которые молимся о вашей власти, чтобы *сын наследовал отцу по праву царствования*»... Выражение: «чтобы сын наследовал отцу», никак не может относиться к Марку Аврелию и Луцию Веру: они оба были усыновлены Антонином, и ни один из них не мог быть отцом другого. Далее, в той же апологии Афинагор, желая сколько-нибудь приблизить к разумению язычников величайшую тайну пребывания Сына в Отце, употребляет весьма удачное сравнение, указав не плотское происхождение сына царского от царя. Но это сравнение не имело бы никакого смысла, если бы эти самые слова были обращены к Марку Аврелию и Луцию Веру, двум братьям, чего, конечно, не мог не знать Афинагор. Время написания апологии 166 или 177 год. Прежде этого времени не было даже и повода к ее появлению, ибо, по свидетельству истории, во все царствование Марка Аврелия гонение на христиан существовало в эти два года. Не лишен интереса и тот вопрос, как мог Афинагор представить свою апологию римскому императору? Самый удобный для этого случай был. вероятно, тот, что в 176 году Аврелий предпринимал путешествие в Грецию, Сирию и Египет. Афинагор *афинянин* имел возможность представить свою апологию в Афинах. С другой стороны, благочестивая, пламенная ревность о благе единоверных могла подвигнуть мужественного апологета предпринять нелегкое путешествие и в самый Рим. Но что апология действительно была представлена императорам, а не написана только в форме защитительной: в этом удостоверяют нас первые же почти строки апологии, где апологет обращается к правителям, и

потом все те места, где прямо или косвенно автор относится к ним с теми похвалами, которые он мог позволить себе, не нарушая долга справедливости...

Вся апология состоит: из вступления и опровержения взводимых на христиан обвинений. Во вступлении апологет, после обращения к императорам, изображает бедственное положение своих единомыслителей, невинно гонимых при тех самых государях, которые отличаются мудрою веротерпимостью, – большею частью за одно имя христианина. Вслед за тем, Афинагор опровергает обвинение в безбожии, и с этой целью приводит, в главных чертах, христианское исповедание веры, показывая, что христиане признают единого Бога, верховного Творца вселенной, троичного в лицах. Философы и поэты, которые только догадочно признавали единство Божие, не были почитаемы безбожниками: тем менее можно обвинять в этом христиан, которые свое учение основывают на свидетельстве пророков. Тяжким обвинением также падало на христиан то, что они, удаляясь бесстыдных сборищ языческих, тайно составляли свои собрания, о которых народная молва разносила самые безобразные толки. Апологет, строго храня закон Церкви не посвящать чуждых в тайны христианской дисциплины, открывает, однако ж, сколько находит нужным для своей цели, внутреннюю сторону христианской жизни своих единомыслителей.

Сближая апологию Афинагора с таким же произведением другого знаменитого христианского писателя Иустина, мы находим несколько весьма сходных положений, высказываемых ими обоими. Так, оба единогласно и открыто свидетельствуют, что христиан обвиняют за одно только имя; тот и другой требуют от правителей суда для христиан равномерного для римских подданных всех вероисповеданий; источник ненависти язычников к христианам и гонения первых на последних, по убеждению обоих апологетов, скрывается в вечной, непримиримой вражде пророка к добродетели; необыкновенное мужество христиан среди мучений, изумлявшее самих мучителей, и тот и другой апологет объясняют непреодолимую надеждою христиан на Бога, и непоколебимую уверенность в блаженной вечной жизни загробной; видим, также, большое

сходство в некоторых личных мнениях Иустина и Афинагора, напр., касательно христианского учения о падении ангелов. Но нельзя не видеть и разницы в творениях этих двух писателей. Стремясь к одной цели, они шли не одним путем. Афинагор, сравнительно с св. Иустином, очень мало приводит свидетельств из свящ. книг пророческих, а старается путем строгого, беспристрастного рассуждения довести образованных читателей своих до убеждения в тщете языческого верования. Также собственными словами языческих философов и поэтов, хорошо известными судьям и правителям, он старается представить справедливыми многие мнения христианские и нелепыми – многие убеждения языческие. От такого направления всего сочинения произошла и другая внешняя особенность. В речи Афинагора слышится образованный, разборчивый в словах оратор, старающийся подействовать сколько на ум своих читателей – силою мысли, столько же и на их слух – гармонией и приятностью речи; слышится оратор, хорошо знающий те приемы, которые указывало древнее словесное искусство своим адептам для снискания благоволения своих слушателей или читателей.

Другое произведение Афинагора содержит в себе раскрытие той величайшей истины, что смерть есть конец – мучений, а не бытия человеческого, и что будет время, когда все воскреснут, будут жить вечно, с телами. Автор сперва устраняет сомнения и опровергает возражения, какие представлялись в его время и со стороны врагов христианского учения о воскресении, и какие рождались в душе самих верующих. И после того, уже положительно раскрывает истину воскресения тел, указывая на *цель*, для которой сотворен человек, на его *природу* и, наконец, на необходимость должного *возмездия* за добрые и худые дела, которого, однако ж, в настоящей жизни мы не видим. Но это возможно только при том условии, если души умерших опять соединятся с телами, т. е. по *воскресении*. Имён в виду *цель*, с которою и побуждение, по которому написан трактат о воскресении, можно думать, что весьма невелик был промежуток *времени*, отделявший появление в свете представляемых нами в переводе двух произведений

Афинагора, хотя и нельзя с точностью определить год написания.

Подлинность апологии и трактата «о воскресении» не подвергалась сомнению. Оба эти произведения сохранились до нашего времени в нескольких манускриптах – частью отдельно, частью в составе с сочинениями других писателей, напр. Иустина. В том же виде они были издаваемы и в свет: иногда на двух языках – греческом и латинском, иногда на котором-нибудь одном из них⁸¹).

Афинагора афинянина философа христианского прошение о христианах

Марку Аврелию Антонину, и Люцию Аврелию Коммоду, самодержцам армянским, сарматским, и, что всего выше, философам.

Великие Государи! В вашей империи народы держатся разных обычаев и законов, и никому из них не возбраняется законом и страхом наказания следовать отечественным постановлениям, как бы ни были они смешны. Троянец называет богом Гектора и поклоняется Елене, почитая ее Адрастиею; лакедемонянин боготворит Агамемнона-Зевса и Филоною, дочь Тиндара; житель Тинедосаеннеса; афинянин приносит жертвы Ерехтею-Посидону, а в то же время афиняне совершают обряды и мистерии в честь Агравлы и Пандросы⁸², хотя они, призваны нечестивыми за то, что открыли ящик. Одним словом, у всех племен и народов люди совершают жертвоприношения и мистерии, какие им угодны. А египтяне признают за богов кошек, крокодилов, змей, аспидов, собак. И ко всем им снисходите и вы, и законы, в той мысли, что нечестиво и незаконно совершенно не признавать Бога, и необходимо, чтобы каждый почитал богов каких ему угодно; дабы люди страхом божества удерживались от преступлений. А нас ненавидите за одно имя⁸³? Не обманывайтесь молвой, подобно толпе – ибо не имя достойно ненависти, а преступление – суда и наказания. Потому-то все прославляют вашу кротость, милосердие, снисхождение ко всякому и человеколюбие; каждый пользуется одинаковыми правами, города же пользуются честью, сообразно со своим достоинством, и вся империя по вашей мудрости наслаждается глубоким миром. Только нам, называющимся христианами, вы не оказываете вашего внимания, и даже позволяете гнать, притеснять и мучить нас, тогда как мы не делаем ничего худого, и как будет доказано дальше в речи, преимущественно пред всеми питаем самые святые достодолжные расположения к божеству и вашей власти⁸⁴, и все это за одно имя, которое

вооружает против нас толпу. Я осмелился раскрыть пред вами наше положение, чтобы из этой речи вы узнали, что мы страдаем вопреки справедливости, вопреки всякому закону и здравому разуму, – и умоляю вас обратить сколько-нибудь внимания и на нас, чтобы, наконец, клеветники перестали подвергать нас смерти. Ибо не в том дело, что враги наши посягают на нашу честь или отнимают у нас какое-либо другое большее благо, – мы презираем эти блага, хотя для многих они кажутся достойными забот, так как мы научены не только быющему не воздавать тем же и не судиться с теми, кто нападает на нас и грабит, но и подставлять для удара другую часть головы тем, кто ударит по щеке, и отдавать верхнее платье тем, кто отнимет нижнее⁸⁵. Но когда отдадим деньги, хотят лишиться нас самой жизни, взводя на нас множество преступлений, которые и не приходили нам даже и на мысль, но скорее свойственны клеветникам нашим и им подобным.

Конечно, если кто может обличить нас в великом или малом преступлении, мы не просим избавить нас от наказания, но признаем справедливым нести наказание, как бы ни было оно сильно и жестоко. Но если обвинение основывается на одном имени, – ибо что до сегодня говорят об нас, есть пустая и неразумная людская молва, и ни один христианин не был обличен в преступлении, – то долг ваш, величайшие, человеколюбивые и мудрейшие государи, законом оградить нас от обид, дабы, как во всей империи каждый порознь и целые города пользуются вашими благодеяниями, и мы могли благодарить вас и похвалиться тем, что избавились от клевет. Ибо несообразно с вашим правосудием, чтобы между тем как прочие, обвиняемые в преступлении, не подвергаются наказанию прежде дознания их вины, – в отношении к нам имя больше значило, нежели судебный улики, потому что судьи не исследуют, сделал ли подсудимый какое-нибудь преступление, но ставят в вину самое имя, как преступление. Между тем, имя само по себе не считается ни хорошим, ни худым, а оказывается дурным или добрым по худым или добрым делам, который подразумеваются под ним. Вы сами лучше знаете это, как занимавшиеся философией и всякого рода ученостью. Поэтому

те, которые призываются к суду у вас, хотя бы их обвиняли в величайших преступлениях, бывают благодушны, зная, что вы будете исследовать жизнь их, и не обратите внимания ни на имена их, если они ничего не значат, ни на обвинения в преступлениях, если они ложны; они законным порядком получают приговор, осуждающий или оправдывающий. Этого-то принадлежащего всем права просим и мы, чтобы не преследовали нас ненавистью и не наказывали за то, что мы называемся христианами – ибо какое отношение нашего имени к преступлению? Но пусть судят нас по тому делу, за которое кто-нибудь позовет на суд, и либо отпускали нас, когда оправдаемся от обвинения, либо подвергали наказанию, если доказано наше преступление, – не за имя, потому что нет ни одного христианина-преступника, если только он нелицемерно держится этого учения, а за преступление. Так, мы видим, судятся и философы⁸⁶. Ни один из них прежде судебного исследования не считается у судьи за доброго или худого только по его науке или занятию, но если кто из них окажется виновным в преступлении, то подвергается наказанию, не навлекая на самую философию никакого нареkania, – ибо он виновен, как не истинный философ, а наука невинна, – если же оправдается от обвинений, то отпускается. Пусть поступают также и с нами: пусть исследуется жизнь обвиняемых, а имя останется свободным от всякого обвинения. Но, начиная защищать свое учение, считаю необходимым просить вас, величайшие самодержцы, выслушать беспристрастно и без предубеждения, не увлекаясь народною и неразумною молвой, но обратить и на наше учение свойственную вам любовь к знанию и истине. Тогда и вы не погрешите по неведению, и мы, освободясь от безрассудной молвы толпы, успокоимся от преследований.

Нас обвиняют в трех преступлениях: в безбожии, в ядении человеческого мяса, подобно Фиесту, в гнусных кровосмешениях Эдиповских. Но если это правда не щадите никакого пола и возраста, наказывайте без меры преступления, совершенно истребите нас с женами и детьми, если кто-нибудь из христиан живет на подобие зверей. Да и звери не питаются

животными однородными себе; они совокупляются по закону природы и в одно определенное для деторождения время, а не по неистовой похоти, и бывают признательны к тем, кто благодетельствует им⁸⁷. Если же кто неистовее самих зверей, то за такие преступления какое наказание он понесет, которое было бы достойным возмездием его преступности? Если же это вымысел и пустые клеветы, – естественное следствие того, что порок противоположен добродетели; и по закону божескому противное восстает на противное; – если мы ничего такого преступного не делаем, что вы сами свидетельствуете, запретив доносы⁸⁸: то вам остается исследовать нашу жизнь, учение, доброе расположение к вам, вашему дому и власти и наше повиновение, – и таким образом, наконец, даровать нам права, хоть одинаковые с нашими гонителями. Тогда мы победим их, будучи готовы и жизнь свою отдать за истину.

Итак, я буду отвечать за каждое из обвинений, дабы не было смешным оставить без опровержения тех, которые высказывают их. Что касается до обвинения в безбожии, напрасно взводимого на нас, то афиняне справедливо обвинили в безбожии Диагора, который не только сделал общеизвестным орфическое учение и разглашал между народом элевсинские и кабирские таинства и разрушил деревянную статую Геркулеса, чтобы сварить репу, но и открыто проповедовал, что вовсе нет Бога. А нам, которые отличаем Бога от материи, и учим, что иное вещество, и иное Бог, и что между ними величайшее расстояние, – ибо Бог не сотворен и вечен и может быть постигаем только умом и мыслью, а материя сотворена и тленна, – справедливо ли дается название безбожников? Если бы мы, имея столько оснований к богопочтению, – благочиние, гармонию во всем, величие, красоту, стройность мира, мыслили подобно Диагору, тогда справедливо почитали бы нас безбожниками, и имели бы причину преследовать нас. Но так как наше учение признает единого Бога, Творца этой вселенной, Который Сам не сотворен, ибо сущее не получает бытие, а только не сущее, – но все сотворил Словом Своим, то мы напрасно терпим то и другое – и худую молву и преследование.

Поэты и философы, любомудрствовавшие о Боге, не казались безбожниками. Так, Еврипид, сомневаясь в бытии тех, которые по общему предрассудку несправедливо называются богами, говорит: *«Если есть Зевс на небе, то он не должен бы человека делать несчастным»*.

А о Боге, Который постигается мыслью, он же согласно с разумом учит: *Видишь ли ты Вышнего, Который и эфир беспредельный и землю объемлет вокруг властными дланями? Его Зевсом называй и почитай Богом*.

Он не знал природы тех богов, которым обыкновенно давались имена: *«Зевса... Кто этот Зевс, я не знаю разве по названию»*⁸⁹.

И не видел, на каком основании давались им самые имена. Ибо к чему служат названия для тех предметов, сущность которых не существует? Бога же (невидимого) он познавал из дел, рассматривая явления воздуха, эфира и земли и возвышаясь к сокровенному. Он понимал, что Тот есть Бог, Кто сотворил все вещи и Духом Своим управляет ими, и утверждает и различие Бога от вещей и вместе Его единство. С ним согласен и Софокл, который относительно природы божественной, преисполнившей красотой дела свои говорит, что *«Един по истине, един есть Бог, сотворивший небо и пространную землю»*⁹⁰.

И Филолай говоря, что все содержится Богом, как бы в крепости, показывает и единство Его и превосходство над материей. Также Лисий и Опсим⁹¹, – один из них называет Бога невыразимым числом, а другой избытком самого большого из чисел перед ближайшим. Так, если десять есть самое большое число, как думают пифагорейцы, потому что оно четверочастное и содержит в себе все отношения числа и гармонии⁹², а девять есть ближайшее к нему, то Бог есть единица, т.е. Он един; ибо высшее число только единицею превосходить ближайшее к нему меньшее. Также Платон и Аристотель. Впрочем, приводя слова этих философов о Боге, я не намерен подробно излагать их учение; ибо знаю, что на сколько вы превосходите всех мудростью и силою власти, на столько возвышаетесь над всеми и основательным изучением всякого звания, усвоивши каждую

отрасль учености так, как не усвоили себе другие, занимающиеся только одной отраслью. Но так как без приведения имен философов невозможно показать, что не одни мы почитаем Бога единым, то я и обратился к их мнениям. Итак, Платон говорит: «Зиждителя и отца всего и найти не легко и нашедши возвестить Его всем невозможно»⁹³, разумея здесь единого и вечного Бога. Хотя он признает и других богов, например, солнце, луну и звезды, но признает их сотворенными. «Боги богов, которых я создатель и отец творений, которые не могут разрушиться без моей воли; а все связанное может разрешиться». Итак, если не безбожник Платон, который признает единого Творца вселенной, несотворенного Бога, то не безбожники и мы, которые признаем и почитаем Бога, Который все сотворил Словом и все содержит Духом Своим. Аристотель и его последователи, признавая Бога единого, представляют Его в виде какого-то сложного животного, состоящего из души и тела; телом Его почитают эфир, блуждающие звезды и сферу неподвижных звезд, которые двигаются кругообразно; а душою разум, который управляет движением тела, и сам в себе не движимый, служить причиною его движения. Стоики, хотя допускают много наименований божества, соответственно различным изменениям материи, в которой, по их мнению, пребывает дух Божий, но на самом деле признают единого Бога. Ибо если Бог есть художественный огонь⁹⁴, проходящий в произведениях мира и заключающий в себе первоначальные основания, по которым все происходит с необходимостью; и если дух Его проникает весь мир: то, по их мнению, един Бог, который называется Зевсом по огненной (τοῦτον) части вещества, Гера⁹⁵ по воздуху (ἀέρα), и другими именами, соответственно каждой части материи, которую он проникает.

Итак, если все вникавшие в начала вселенной, хотя по большей части невольно, согласны в том, что божество едино; если и мы признаем Богом Того, Кто устроил этот мир, то почему же тем позволено безнаказанно и говорить, и писать о божестве, что хотят, а нам запрещено это законом, хотя мы можем подтвердить истинными свидетельствами и доказательствами то, что мы думаем и во что правильно

веруем, именно что Бог един. Поэты и философы догадочно касались этого предмета, как и других, по сродству духа своего с божественным, движимые каждый своею душою испытать, не удастся ли ему найти и познать истину. Но в них не оказалось столько способности, чтобы постигнуть истину, потому что думали приобрести познание о Боге не от Бога, а каждый сам собою: посему каждый из них различно учил и о Боге, и о материи, и о формах, и о мире. А что мы знаем и во что веруем, в том имеем свидетелями пророков, которые по вдохновению от Божественного Духа возвещали и о Боге, и о вещах божественных. Конечно, и вы, возвышаясь над прочими мудростью и благоговением к истинно божественному, согласитесь, как неразумно отказаться от веры Духу Божию, Который двигал устами пророков, как инструментами⁹⁶, и обратиться к мнениям человеческим.

Что от начала один есть Бог Творец всего, это вы увидите из следующих соображений, которые составляют разумное оправдание нашей веры. Если от начала было два бога или многие, то они находились или в одном и том же месте, или каждый в своем собственном. Но в одном и том же месте быть они не могли. Ибо если они боги, то не подобны друг другу; но они не подобны, потому что безначальны: все существа, имеющие начало, подобны своим образцам; а безначальные существа не подобны, потому что не произошли от кого другого или по какому-нибудь образцу. Но скажут, что они составляют из себя одного и Бог один также как рука и глаз и нога суть части одного тела? Так, если бы дело шло о человеке, например, о Сократе, так как он рожден и подвержен тлению, состоит из частей и может быть разделен на части: а Бог, как безначальный, бесстрастный и неразделимый, конечно, не состоит из частей. Если же каждый из них существует отдельно, а Бог Творец мира находится выше сотворенного и окрест всего, что Он сотворил и устроил, то где будет другой бог, где прочие? Ибо если мир, имея круглую форму, замыкается небесными кругами, а Творец мира обитает над творением, управляя им посредством своего промысления, то где будет, место другого бога или прочих богов? Его нет в мире, который принадлежит

другому, нет и окрест мира, ибо и над ним Бог, Творец мира. Если же его нет ни в мире, ни окрест мира, так как все, что около мира, объемлется тем же Богом, – то где же он? Выше мира и Бога? В другом мире или окрест другого? Но если в другом мире или около него: то он уже не около нас, ибо он не владычествует над миром, и сам не велик могуществом, ибо он пребывает в ограниченном месте. Если же этого места нет и в другом мире, ибо Бог Творец все наполняет, ни окрест другого, ибо все Им объемлется: то и его самого нет, как нет места, в котором бы он обитал. И что делает он, когда есть другой Бог, которому принадлежит этот мир, и сам он, обитая выше Творца мира, не находится ни в мире, ни окрест мира? Разве есть какое-нибудь другое место, где бы пребывал он? Но над ним Бог и все Божие. Какое может быть место, когда Бог Творец наполняет все над миром? Промышляет ли он? Если не промышляет, то ничего не сотворил. Если же он ничего не творить и не промышляет; если нет никакого другого места, где бы он находился, то есть только этот изначальный и единый Бог Творец мира.

Если бы мы основывались на таких только умствованиях, то иному показалось бы наше учение человеческим, но наши умозаклучения подтверждаются свидетельствами пророков. Думаю, что я вам, как любознательнейшим и ученым не безызвестны Писания Моисея или Исаии и Иеремии и прочих пророков, которые в исступлении ума своего⁹⁷ движимые Духом Божиим, возвещали то, что им было внушаемо, ибо Дух употреблял их также как музыкант надувает флейту. Что же они? «Господь Бог наш, – говорят они, – никто другой не сравнится с Ним»⁹⁸. И еще: «Я Бог первый и последний: и кроме Меня нет Бога». Также: «прежде Меня не было иного Бога, и по Мне не будет. Я Бог, и нет кроме Меня»⁹⁹. И о величии Божиим: «небо престол Мой, земля же подножие ног Моих: какой дом соорудите Мне? Или какое есть место покоя Моего?»¹⁰⁰» Впрочем, предоставляю вам прочитать сами книги, и тщательно исследовать в них заключающиеся пророчества, чтобы, по надлежащем обсуждении, вы могли отвратить гонения на нас.

Я достаточно доказал, что мы не безбожники, когда признаем единого Бога безначального, вечного, невидимого и бесстрастного, необъятного и неизмеримого, постигаемого одним умом и разумом, преисполненного светом и красотой, духом и неизреченною силою, Который словом Своим все сотворил и устроил, и все содержит. Мы также признаем и Сына Божия: и никому да не покажется смешным, что у Бога есть Сын. Ибо мы представляем Бога Отца и Сына не так, как баснословят поэты, у которых боги нисколько не лучше людей¹⁰¹. Сын Божий есть Слово Отца, как Его идея и как действенная сила¹⁰², ибо по Нему и чрез Него все сотворено, потому что Отец и Сын суть одно. А так как Сын в Отце и Отец в Сыне, по единству и силе духа¹⁰³, то Сын Божий – ум и слово Отца. Если вам по превосходному разумению вашему желательно знать, что такое Сын; то я скажу кратко: Он есть первое рождение Отца, не так, чтобы оно получило бытие во времени, – ибо Бог, как вечный ум и вечно словесное (λογικός) существо искони имел в Себе Самом слово (λόγος), но Он произошел от Него для того, чтобы быть идеей и девственной силой для всех материальных вещей, которые находились в виде бескачественной природы и недейственной земли, – легчайшие частицы были смешаны с тяжелейшими. Наши слова подтверждает и Дух пророческий: «Господь создал Меня как начало путей Своих в дела Свои»¹⁰⁴. Утверждаем, что и этот самый Дух Святой, действующий в пророках, исходить от Бога, подобно лучу солнечному, истекая из Него, и возвращаясь к Нему. Итак, кто после сего не удивится, услышав, что называют безбожниками тех, которые исповедуют Бога Отца и Бога Сына и Духа Святого и признают их единство в силе¹⁰⁵ и различие в порядке? Впрочем, этим не ограничивается наше богословское учение: но мы признаем и множество ангелов и служителей, которых Творец и Зиждитель мира Бог чрез Свое Слово поставил и распределил управлять стихиями и небесами, и миром, и всем, что в нем, и благоустройством их.

Не удивляйтесь, что я подробно излагаю наше учение: я хочу, чтобы вы не увлекались общим безрассудным мнением, и могли знать истину. И самыми правилами, которыми мы

руководствуемся, правилами, который не от человека происходят, но изречены и преподаны Богом, мы можем убедить, не почитать нас за безбожников. Какие же эти правила, в которых мы воспитываемся? «Говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, молитесь за гонящих вас: да будете сынами Отца вашего, Который на небесах, Который повелевает солнцу Своему восходить над злыми и благими и посылает дождь на праведных и на неправедных»¹⁰⁶. Здесь позвольте мне, как защищающему дело перед царями-философами, возвысить голос и смело во всеуслышание сказать: между теми, которые разбирают силлогизмы, разрешают обоюдности, показывают происхождение слов, или объясняют слова подобозначущие и однозначущие, и категории и аксиомы, что такое подлежащее, и что такое сказуемое, и которые обещают, такими и подобными речами сделать слушателей счастливыми; есть ли между ними столь очистившиеся в душе, чтобы не только не ненавидели врагов, но и любили их; не только не злословили тех, которые наперед злословили их, — это еще не так важно, — но и благословляли и молились за тех, которые злоумышляют на их жизнь? Напротив, они постоянно заняты изысканием этих тонкостей со злым намерением, и всегда стараются сделать какое-нибудь зло, считая делом своим искусство в словах, а не доказательство посредством дел. А у нас вы найдете людей необразованных, ремесленников и стариц, которые, правда, не в состоянии доказать пользу нашего учения словом, но делом подтверждают его нравственную благотворность. Они не слова затверживают, но совершают добрые дела ¹⁰⁷; не ударяют, когда их бьют; не жалуются в суде, когда отнимают у них имение; подают нуждающимся, и любят ближнего, как самих себя.

Итак, стали ли бы мы соблюдать себя в такой чистой, если бы мы не признавали, что Бог бодрствует над человеческим родом? Конечно, нет. Но так как мы веруем, что отдадим отчет во всей настоящей жизни Богу, сотворившему и нас, и мир, то мы избираем жизнь воздержную, человеколюбивую и уничиженную, — зная, что здесь не можем потерпеть, хотя бы нас лишали жизни, никакого зла, которое бы сравнилось с

благами, нам уготованными там от Великого Судьи за кроткую, человеколюбивую и скромную жизнь. Платон сказал, что Минос и Радамант будут судить и наказывать злых¹⁰⁸; а мы говорим: «Минос ли какой или Радамант или отец их – и он не избегнет суда Божия». Почитают благочестивыми таких людей, которые настоящую жизнь полагают в том, чтоб «есть и пить, ибо утром умрем»¹⁰⁹, которые смерть почитают глубоким сном и забвением, (сон и смерть суть близнецы¹¹⁰), а нас, людей, которые настоящую жизнь почитают маловажною, которые стремятся к тому одному, чтобы познать Бога и Его Слово, и какое единение Сына с Отцом, какое общение Отца с Сыном, что такое Дух, в чем единство этих Существ и различие соединенных Духа, Сына и Отца, – которые знают, что ожидаемая жизнь много выше всякого выражения, если только мы перейдем туда чистыми от всякой неправды, которые до того человеколюбивы, что любят не друзей только («ибо если любите любящих вас, – говорить (Писание), – и если займы даете тем, которые дают вам, какую награду будете иметь»¹¹¹, нас, когда мы таковы и ведем такую жизнь, чтоб избежать осуждения, нас не считают благочестивыми? Вот малое из великого и немногое из многого, чтобы не утомить вас большим. Те, которые испытывают мед или молоко, и по малой части узнают обо всем, хорошо ли оно.

Впрочем, так как многие из обвиняющих нас в безбожии, которым и во сне не приснилось познать Бога, по своему невежеству и несмыслию в предметах естественных и божественных, измеряют благочестие числом жертв, и обвиняют нас в том, что мы не признаем тех же богов, каких чтут ваши города, то прошу вас, самодержцы, обратите внимание на два предмета, и, во-первых, на то, почему мы не приносим жертв. Создатель вселенной и Отец не имеет нужды ни в крови, ни в дыме, ни в благоухании цветов и курений, будучи Сам – совершеннейшее благоухание и не имея недостатка ни в чем внутри или вне¹¹². Но для Него самая большая жертва та, если мы знаем, Кто распростер и окружил небеса и, утвердил землю на подобие центра, Кто собрал воду в моря и отделил свет от тьмы, Кто украсил эфир звездами и повелел земле производить

всякие семена, Кто сотворил животных и создал человека. Если мы, признавая Бога Создателем, Который все содержит и наблюдает ведением и всеуправляющей мудростью, воздеваем к небу чистые руки, то какие еще нужны Ему жертвоприношения?

*И богов – приношением жертвы, обетом смиренным
Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных
Смертный молящий, когда он пред ними виновен и
грешен¹¹³.*

Что мне всесожжения, в которых Бог не нуждается? Ему нужно приносить жертву бескровную и служение разумное.

А что мы не признаем и не чтим тех богов, каких чтут ваши города, – это упрек совершенно безрассудный. Сами те, которые обвиняют нас в безбожии за то, что мы не почитаем тех богов, которых они признают, не согласны между собою касательно богов. Так, афиняне признали за богов Келея и Метаниру¹¹⁴, лакедемоняне – Менелая, и ему приносят жертвы и совершают празднества; а троянцы, не желая даже слышать это имя, прославляют Гектора, жители Кеоса – Аристея¹¹⁵, которого почитают за Зевса и Аполлона; Фасцы¹¹⁶ – Феагена, который совершил убийство на олимпийских играх; самосцы чтут Лизандра после столь многих убийств и других злодеяний; Алкман и Гесиод¹¹⁷ Медею; киликийцы – Ниобу; сицилийцы – Филиппа, сына Вутакида¹¹⁸; амафусийцы¹¹⁹ – Онесила; карфагеняне – Гамилькара. Но и целого дня не достанет, чтобы пересказать обо всех народах. Итак, если сами они разногласят между собою касательно своих богов, то зачем обвиняют нас, что мы не согласны с ними? А не смешно ли то, что делается у египтян? В храмах, во время торжественных собраний, они бьют себя в грудь, плача по ним, как по умершим, и вместе приносят жертвы, как богам¹²⁰ 39). И несколько не удивительно: они и животных признают богами, и по смерти их стригут себе голову, погребают их в храмах и устраивают общественный плач. Итак, если мы нечестивы потому, что не чтим тех богов, каких чтут другие, то нечестивы и все города, все народы, потому что все они почитают не одних и тех же богов¹²¹.

Но пусть они почитают одних и тех же богов. Что же? Если многие, не умея различить, что такое вещество, и что такое Бог, и какое между ними различие, поклоняются сделанным из вещества идолам: то неужели для них и мы, которые отдаляем и различаем безначальное и происшедшее, сущее и несущее, постигаемое умом и воспринимаемое чувством, и каждому из этих предметов даем приличное название, неужели и мы станем поклоняться идолам? Если вещество и Бог одно и то же, только два названия одного и того же предмета, то мы поступаем нечестиво, не почитая за богов камни и деревья, золото и серебро. Если же они весьма различны между собою, различны столько, сколько художник и материал для его работы, то за что нас обвиняют? Ибо как горшечник относится к глине – глина есть материал, а горшечник-художник, – так относятся между собою и Бог Создатель и вещество, повинующееся Его художеству. Но как глина сама собою, без помощи искусства не может сделаться сосудом: так и удобоизменяемое вещество без художника-Бога не получило бы ни разнообразия, ни формы, ни красоты. Не ставим мы глиняного сосуда выше горшечника, ни чаш и золотых блюд выше сделавшего их художника; но, если есть в них что-нибудь хорошее по искусству, хвалим художника, и он пользуется славой за сосуды; так и относительно вещества и Бога, – слава и честь устройства мира по справедливости принадлежать не веществу, а Богу, его Создателю. Посему, если бы мы те или другие виды вещества принимали за богов, то мы оказались бы не имеющими никакого понятия о Боге истинном, ибо в таком случае мы равняли бы с вечным разрушимое и тленное.

Прекрасен мир, как своим величием и расположением звезд, которые находятся в наклонном круге (Зодиака) и у севера, так и сферическим видом своим; но не ему, а Создателю его должно поклоняться. Подданные, приходя к вам, не останавливаются на великолепии вашего жилища, пренебрегши воздать почтение вам, правителям и владыкам, от которых могут получить себе нужное: но, мимоходом взглянув на царское жилище и подивившись великолепному убранству его, вам, средоточию всего¹²², воздают почести. Впрочем, вы,

цари, строите царские жилища для самих себя, а мир сотворен не потому, чтобы Бог имел в нем нужду; Бог Сам для Себя есть все, свет неприступный, мир совершенный¹²³, дух, сила, разум. Посему, если мир есть орган благозвучный и стройный: то я поклоняюсь не органу, а тому, кто настроил его и извлекает звуки, и производит согласную песнь. И на состязаниях распорядители игр не увенчивают цитр, минуя художников, играющих на них¹²⁴. Если мир, как говорит Платон, есть художественное произведение Божие: то удивляясь его красоте, я возношусь к его Художнику. Или пусть мир будет сущностью и телом Бога, как думают перипатетики; вместо того, чтобы поклоняться Богу, причины движения в этом теле, – мы не будем припадать к этим бедным и слабым стихиям, не будем поклоняться бесстрастным воздухом, как выражаются они, страдательному веществу. Или пусть кто признает части мира силами Божиими. Мы будем воздавать служение не этим силам, а их Творцу и Владыке. Я не прошу у вещества того, чего оно само не имеет, и, вместо Бога, не служу стихиям¹²⁵, которые ничего не могут более, нежели сколько им повелено. Хотя они и прекрасны на вид, благодаря искусству Создателя; но, по природе своей, они тождественны с веществом. С этим согласен и Платон: «то, что мы называем, говорит он, небом и миром, хотя и много получило благ от Отца, но оно причастно телу, поэтому не может не подлежать изменению»¹²⁶. Итак, если я, удивляясь прекрасному устройству неба и стихи, не поклоняюсь им, как богам зная, что они подлежат разрушению, то как я буду называть богами те вещи, которых сделали художники, люди известные мне? Рассудите об этом, прошу вас, хоть немного.

В защиту своего дела мне должно представить точные доказательства и касательно имен богов, что они новы, и касательно изображений их, что они сделаны, так сказать, вчера или третьего дня. И вы сами достоверно знаете это, как лучше всех знакомые со всеми древностями. Итак, я утверждаю, что Орфей, Гомер и Гесиод дали и имена, и генеалогию тем, кого называют они богами. Об этом свидетельствует и Геродот: «Я думаю, что Гесиод и Гомер жили за четыреста лет до меня, не

более: они-то составили для эллинов теогонию, дали прозвания богам, разделили между ними почести и искусства, и обозначили их вид»¹²⁷. А изображения их не были в употреблении, пока не было пластики, живописи и ваяния, пока не явились Саврий самосский, Кратон сикионский, Клеанф коринфский и девушка коринфская. Саврий изобрел черчение, изобразив на солнце тень лошади, а Кратон – живопись, нарисовав на выбеленной доске тени мужчины и женщины, а та девушка изобрела пластику: питая любовь к одному человеку, она начертила на стене тень его спящего: отец ее, обрадованный совершенным сходством, – он был горшечник, – вырезал рисунок и наполнил глиною. Это изображение и теперь еще хранится в Коринфе¹²⁸. Жившие после них Дедал и Феодор милетский прибавили к тому делание статуй и ваяние. Вообще, время появления изображений и статуй так недавнее, что можно бы поименовать художника каждого бога. Так, статую Артемиды ефесской и Афины, или лучше Афины, – Афилою называется она, как говорят люди, знающие тайны, потому что так¹²⁹ она была в древности сделана из оливкового дерева, – и статую ее же в сидячем положении сделал Эндий, ученик Дедала. Аполлон пифийский есть произведение Феодора и Телекла, Аполлон делосский и Артемида – искусство Идектея и Ангеллиона, Гера самосская и аргивская – дело рук Смилида, а остальные статуи произведение Фидия; Венера кидская в виде гетеры – произведение Праксителя; Асклепий эпидаврский – работа Фидия. Кратко сказать, нет ни одной статуи, которая не получила бы своего существования от человека. Итак, если они боги, то почему не существовали от начала? Почему они моложе тех, кто сделал их? Почему нужны были им люди и их искусство, чтобы существовать? Они – земля, камни, вещество и искусная работа!

Но некоторые говорят, что это только изображение, а боги – те, в честь которых сделаны эти изображения, что моления, которые обращаются к ним последним, и жертвы относятся к богам и совершаются для них; что нет другого средства, кроме этого, приблизиться к богам, ибо трудно видеть богов открыто¹³⁰, и в подтверждение справедливости этого

представляют действия некоторых идов, поэтому исследуем, кака сила заключается в именах богов. Но прежде нежели начну это исследование, я прошу вас, величайшие самодержцы, простить человеку, высказывающему истинные суждения. Я намерен не обличать идов, а опровергая клеветы представить оправдание нашего верования. Вы на самих себе можете получить понятие о царстве небесном; ибо как вам, отцу и сыну, получившим царство свыше, ибо «душа царева в руке Божией», говорит пророческий дух¹³¹, все покоряется: так все подчинено Богу, и Его Слову, как нераздельному от Него Сыну. Итак, прежде всего обратите внимание на следующее. Не от начала, как говорят, боги существовали, но каждый из них родился так же, как рождаемся и мы. В этом все согласны. Так, Гомер говорит:

*Бессмертных отец Океан и мать Тефиса*¹³².

А Орфей, который первый изобрел имена богов, изложил их генеалогию и рассказал подвиги каждого из них, и который считается у них достовернейшим богословом, так что ему и Гомер следовал во многом, особенно касательно богов, Орфей первое рождение богов производит из воды:

*...Океан, от коего родилось*¹³³.

Вода, по его учению, была началом всего, из воды образовался ил, а из них произошло животное – дракон, к которому приросла голова льва; в середине же двух голов¹³⁴ 53) было лицо бога, по имени Геркулеса, или Кроноса. Этот Геркулес родил яйцо необыкновенной величины, которое, когда наполнилось, от сильного давления родителя распалось надвое: верхняя часть приняла образ неба, а нижняя земли. Так произошла богиня телесная земля. Небо, смешавшись с землею, произвело женщин Клото, Лахезу и Атропу, и мужчин сторуких Коттиса Гигиса, Вриарея и циклопов, Вронтиса, Стерописа и Аргоса. Узнав, что эти дети лишат его власти, оно связало их и низвергло в тартар. Поэтому, разгневанная земля произвела Титанов. «Почтенная Гея произвела небесных сынов, которым дали название Титанов, так как они мстили звездоносному небу»¹³⁵.

Таково первоначальное происхождение и богов, почитаемых у язычников, и вселенной. Что же из сего следует? То, что каждое существо, признаваемое божеством, имеет начало бытия. А если было время, когда они не существовали, как говорят о них повествующие о богах: то – они не боги. Ибо безначальное вместе и вечно, а то, что получило бытие, подвержено и тлению. И я говорю то же что и философы. «Надобно различать, что есть всегда сущее и неимущее начала, и что – бывающее, но никогда не сущее»¹³⁶. Платон, рассуждая об умопостигаемом и чувственном, учит, что умопостигаемое, всегда сущее не имеет начала; а несущее, чувственное получило бытие во времени, имеет начало и конец. Подобным образом и стоики говорят, что все будет истреблено огнем, и снова будет существовать, так как мир получить другое начало. Если, по их мнению, при всем том, что существуют две причины, одна действующая и управляющая, т.е. промысление, а другая – страждущая и изменяемая, т. е. вещество, невозможно, однако, чтобы мир, получивши начало, и при промыслении о нем оставался неизменяемым: то как могут пребывать неизменными боги, которые не существуют по своей природе, но получили начало бытия? Чем же лучше вещества эти боги, происшедшие из воды? Но и не вода – начало всего, как они думают: ибо из простых и однородных стихий, что могло бы произойти? Веществу нужен художник, а художнику вещество. И каким образом отпечатались бы формы без вещества и художника? Не основательно и то, будто вещество древнее Бога; потому что причина производящая необходимо должна существовать прежде того, что от нее происходить.

Если бы нелепое их учение о богах ограничивалось только тем, что почитали богов происшедшими и получившими свое бытие из воды: то я, доказав, что все получившее начало бытия подвержено разрушению, перешел бы к прочим обвинениям против нас. Но они, кроме того, приписали им телесные формы: бога Геркулеса представляют в виде извивающегося дракона¹³⁷; иных называют сторукиими; о дочери Зевса, которую он родил от матери Реи или Деметры, говорят, что она имела, кроме двух естественных глаз, еще два глаза на лбу, птичий нос

на задней части шеи и рога; от чего Рея, испугавшись чудовищности своего детища, бежала от него и не давала ему сосцов; посему она таинственно называется Афилою, а обыкновенно называется Прозерпиною, и Корою, будучи, впрочем, не одно и то же с Афиною, которая называется также Корою от зрачка (Κόρη). Притом и подвиги их, как они думают, описали с точностью. Так, будто Кронос отрезал срамные члены у своего отца, свергнул его с колесницы, и умертвил своих детей мужского пола, пожрав их; а Зевс, связав своего отца, низвергнул его в тартар, также как и Уран своих сыновей; воевал с титанами за власть, и преследовал мать свою Рею за то, что она отказалась вступить с ним в брак; когда же она сделалась драконовой самкой, и он превратился в дракона и совокупился с нею, связав ее так называемым Геркулесовым кольцом, какового смешения символом служит жезл Гермеса; потом он сделал кровосмешение с дочерью своею Прозерпиною, и изнасиловав ее в виде дракона и имел от нее сына Диониса. Итак, необходимо сказать, по крайней мере, следующее: что доброго или полезного в этих рассказах, чтобы мы могли поверить, будто Кронос, Зевс, Кора и другие суть боги? Телесные ли формы? Но кто из рассудительных и привыкших к размышлению поверит, что ехидна родилась от бога? Орфей говорить: «Фанис родил другое детище страшное из священной утробы, ужасную на вид ехидну, у которой были волосы на голове и лицо приятное, прочие же части начиная с верха шеи похожи были на страшного дракона»¹³⁸? Или кто допустит, что тот же Фанис первородный бог, ибо он вышел из яйца, – имел тело или вид дракона, или, что был пожран Зевсом, чтоб ему быть неприступным? Если они ничем не отличаются от самых низких животных, ибо очевидно, божество должно отличаться от тварей земных и происшедших из вещества: то они – не боги. Зачем же нам обращаться к ним, когда рождение их подобно рождению скотов, а сами они – зверовидны и безобразны?

Даже, если б они говорили, будто боги имеют плоть, кровь, семя и страсти гнева и похоти: и тогда нужно было бы все эти речи считать вздором и достойными смеха. Ибо в Боге нет ни

гнева, ни похоти и пожелания, ни детородного семени. Пусть бы они имели плоть, по крайней мере, пусть будут они выше гнева и ярости, чтоб Афина не видна была

*Гневная на Зевса отца, а ее волновала свирепая злоба¹³⁹,
и чтобы Гера не являлась так:*

*Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу¹⁴⁰.
Они должны быть выше скорби:*

*Горе! Любезного мужа, гонимого около града,
Видят очи мои, и болезнь проходить мне сердце¹⁴¹.*

Я и людей тех называю невежественными и грубыми, которые предаются гневу и скорби. Но если «отец людей и богов» оплакивает сына, говоря:

Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мне между смертных,

Днесь суждено под рукою Патрокловой пасть¹⁴².

и не может воплями своими спасти его от опасности:

Зевсов сын Сарпедон! Не помог громовержец и сыну¹⁴³,

то кто не упрекнет в безрассудстве тех людей, которые на основании таковых басен являют себя читателями божества, а лучше сказать – безбожниками? Пусть боги имеют плоть, но не подвергаются ранам, пусть Афродита не уязвляется Диомедом в тело:

*Ранил меня Диомед, предводитель Аргосцев
надменный¹⁴⁴,*

или от Арея в душу:

*Как надо мной хромоногим, Зевсова дочь Афродита
Гнусно ругается, с грозным Ареем губительным богом
Сочетавшись...*

...И прекрасную плоть растерзал¹⁴⁵.

Страшный в войнах, помощник Зевса против титанов является слабейшим Диомеда:

Свирепствовал словно Арей сотрясатель копья¹⁴⁶.

Замолчи, Гомер: Бог не неистовствует. А ты представляешь мне Его и злодеем, и губителем людей:

*Бурный Арей, истребитель народов, кровью покрытый!¹⁴⁷,
и описываешь его прелюбодеяние и оковы:*

Мало-помалу и он, и она усыпились. Вдруг цепи

*Хитрой Ифеста работы упав, их схватили с такою
Силой, что не было средства им тронуться членом¹⁴⁸.*

И как много других таких же нечестивых бредней они рассказывают? Уран оскопляется, Кронос связывается и низвергается в тартар, титаны делают восстание, Стикс умирает в битве: даже и смертными они оказываются; влюбляются друг в друга, влюбляются в людей.

*Мощный Эней: от Анхиза его родила Афродита,
В рощах, на холмах Идейских богиня, почившая с
смертным¹⁴⁹.*

Не влюбляются ли они? Не страдают ли? Подлинно боги они, и не коснется их никакая страсть!... Если бы Бог по божественному домостроительству и принял плоть и тогда разве Он есть уже раб похоти?

*Такая любовь никогда ни к богине ни к смертной
В грудь не вливалась мне и душою моею не владела!
Так не любил я, пленясь молодой Иксиона супругой,
Ни Данией прельстясь, белоногою Акризия дочерью
Ни владея молодой знаменитого феникса дочерью,
Ни прекраснейшей смертной пленясь Алкменой в Фивах
Даже Семелой, родившею радость людей – Диониса;
Так не любил я пленясь лепокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!¹⁵⁰.*

Говорящий так получил начало бытия, подвержен тлению и ничего божественного не имеет. Кроме того, боги прислуживают людям:

*«О царственный дом Адмета, где я, хоть и бог,
терпеливо довольствовался рабской трапезой»¹⁵¹.*

И пасут стада:

*«Пришедши в эту страну, я пас быков хозяина моего и
охранял его дом»¹⁵².*

Значит Адмет выше бога. О, прорицатель и мудрец предвещающий другим будущее! Не предсказал гибели своего любимца¹⁵³ и даже умертвил друга¹⁵⁴ своими руками. А я полагал, – говорит Эсхил, осмеивая лжепророчествование Аполлона, – что божественный уста Феба неложны и исполнены пророческого ведения. Тот, который поет, который присутствует

на пиршестве, который сказал это, – тот самый умертвит моего сына¹⁵⁵.

Но все это, может быть, поэтические вымыслы, которые имеют смысл естественный: «Зевс означает огонь, – как говорит Эмпедокл, – Юнона и Плутон жизненное начало, и слезы Нистиды воды источников»¹⁵⁶. Итак, если Юпитер – огонь, Юнона – земля, Плутон – воздух и Нистиды – вода, а огонь, вода, воздух суть стихии, то ни один из них – не бог, ни Юпитер, ни Юнона, ни Плутон; потому что их состав и происхождение – из вещества, которое разделено Богом. «Огонь, вода, земля и приятная вершина воздуха; и притом дружба...» Они без дружбы существовать не могут, смешиваясь от несогласия: кто же может сказать, что они – боги? Главное начало – дружба, по словам Эмпедокла, и ему повинуются – составные вещи, начало же господствует; итак, если мы допустим, что одна и та же сила и управляемого, и господствующего: то незаметным для себя образом сделаем вещество тленное, текучее и изменяемое равночестным нерожденному и вечному, и всегда одинаковому в себе – Богу. Зевс есть пламенеющее вещество, по учению стоиков, Гера – воздух (ἀήρ), как показывает и самое название, если его прибавить к нему самому и произнести зараз; Посидон – вода (πόσι). Другие иначе объясняют это в отношении к природе. Так, Юпитера называют воздухом в двух естествах, мужеском и женском; другие – временем года, которое сообщает благорастворение ему, почему он один избежал Кроноса. К стоикам же нужно сказать: если вы признаете одного высочайшего Бога вечного и безначального, а составные вещи – видоизменением вещества, и утверждаете, что дух Божий, проникая вещество, по разным его изменениям, получает такое или другое название: то виды вещества будут – телом Бога; а когда стихии исчезнут от сожжения, то по необходимости исчезнут вместе с видами и названия их, и останется один только дух Божий! Итак, кто же будет признавать богами тех, чьи тела, по своей материи, подвержены изменению и тлению? Что же касается тех, которые говорят, что Кронос – время, Рея – земля, которая зачинает и рождает от Кроноса, почему и называется матерью всех, а он рождает и пожирает

рожденных; что отсечение у него мужского члена означает совокупление мужчины с женщиною, отделяющее и передающее семя женщине и производящее на свет человека, заключающего в себе вождение, т. е. Венеру; что неистовство Сатурна против его детей означает обращение времени, изменяющее предметы одушевленные и неодушевленные, а узы и тартар – означают время, изменяющееся по временам года и исчезающее: таким мы скажем. Если Кронос есть время, то изменяется; если он годовая перемена, то сменяется; если – мрак или холод, или влажное вещество: то из этого ничто не пребывает неизменным; а божество – бессмертно, неподвижно и неизменяемо; следовательно, не есть Бог ни Кронос, ни его изображение. Что касается Зевса, то если он есть происшедший от Кроноса воздух, которого мужеский пол – Юпитер, а женский – Юнона, почему она и сестра и жена его, то изменяется; если же он – время года, то сменяется; а божество не изменяется и не сменяется. Но для чего много распространяться и утруждать вас: сами вы лучше знаете то, что сказано каждым из тех, кто объяснял это в отношении к природе, или что писатели думали о естестве, или что говорят об Афине, которую считают разумом, распростертом во всем; или об Изиде, которую считают сущностью века, из которой все произошли, и чрез которую все существуют; или об Озирисе, который умерщвлен братом Тифоном и которого члены Изиды искала, вместе с сыном Ором, и нашедши украсила гробницею доселе называемою Озиридской. Вращаясь туда и сюда около видов вещества, они отступают от Бога, созерцаемого разумом, а обоготворяют стихии и их части, давая им разные названия: посев хлеба называют Озирисом (поэтому-то, говорят, в мистериях при обретении членов его, или плодов, они восклицают к Изиде: «нашли мы, радуемся»); виноградный плод – Дионисом, а самое дерево – Семелою; свет солнечный – молнией¹⁵⁷ 76). Таким-то образом богословствуют те, которые обоготворяют басни, не замечая, что все приводимое ими в защиту богов подтверждает то, что говорится против них. Какое отношение имеет Европа и Тавр и Цинк и Леда к земле и воздуху, так чтобы нечестивое совокупление с ними Зевса было

соединением земли и воздуха? Отступив от величия Божия и не будучи в состоянии подняться разумом выше, ибо не имеют стремления к небесному обиталищу, – они остановились на видах материи и ниспадши долу благодворят изменения стихии, подобно тому, как если бы кто-нибудь принял за кормчего корабль, на котором он плывет. Но как корабль, хотя бы был снабжен всем нужным, ничего не значит, если нет на нем кормчего: так и стихии, хотя устроенные, бесполезны без Промысла Божия. Корабль сам по себе не будет плавать: так и стихии без Создателя не будут двигаться.

Вы, превосходя всех умом, может быть спросите: каким же образом действуют некоторые из идолов, если не боги те, которым мы воздвигаем статуи? Ибо невозможно, чтобы бездушные и неподвижные изображения действовали сами по себе, без движущего. Что в некоторых местах и городах, у тех или других народов бывают некоторые действия под именем идолов, этого не отвергаем и мы; но если одни получали от них пользу, а другие вред, мы не почитаем поэтому богами тех, которые производили то и другое. Впрочем, тщательно исследуем, каким образом по мнению вашему действуют идолы, и кто действует, присвоя себе их имена. Но, приступая к объяснению того, кто действует в идолах, и что это – не боги, нахожу нужным воспользоваться некоторыми свидетельствами и философов. Во-первых, Фалес, как говорят тщательно изучавшие его учение, – различает бога, демонов и героев. Бога он почитает умом мира, под демонами понимает духовные существа, а под героями – души людей, отделившиеся (от тел), от добрых – добрые, а от злых – злые. Платон, который о прочем иначе рассуждает, также различает – Бога безначального, потом подвижные и неподвижные звезды, созданные безначальным для украшения неба, и демонов: о последних он сам говорить отказывается и советует слушать тех, которые уже говорили о них. «О прочих же демонах, говорит он, рассуждать, и знать их происхождение – свыше наших сил; а должно верить прежде говорившим о них, которые были потомками богов, как утверждают они, и хорошо знали о своих предках. Нельзя же не верить детям богов, хоть бы они

говорили и без достаточных и необходимых доказательств; и так как по уверению их, они рассказывают о близком для них: то следуя обычаю должно верить им. Поэтому согласно с ними, и нам о происхождении богов должно думать и говорить таким образом: от земли и неба родились дети Океан и Тефиса; а от них – Порк, Кронос и Рея, и другие с ними; от Кроноса и Реи – Зевс и Гера и все, которые, как мы знаем, называются братьями; а также и прочие потомки сих последних»¹⁵⁸. Итак, неужели тот, кто созерцал вечный ум и постигаемого мыслью Бога, и раскрыл Его свойства, именно что истинно сущее, единоестественное есть благо от Него происходящее, т.е. истина; кто рассуждал касательно первой силы также о том, что «все во власти царствующего над всем, и все для Него, и Он причина всего»; о втором, о третьем. Неужели он считал выше своих сил узнать истину о тех существах, которые были производимы от подлежащих чувствам земли и неба? Этого нельзя сказать. Но так как он признавал, что боги не могут ни рождать, ни рождаться, потому что получающее начало бытия имеет и конец; и что еще труднее того переуверить народ, без исследования веривший басням, поэтому он и сказал, что выше его знать и говорить о происхождении прочих демонов; ибо он не мог ни мыслить, ни говорить, чтобы боги рождались. Другие слова Платона: «великий царь неба Зевс, едущий на быстрой колеснице, шествует первый, устроая все и управляя; за ним следует воинство богов и демонов»¹⁵⁹, относятся не к тому Зевсу, о котором говорится, что он родился от Кроноса. здесь именем Зевса называется Творец вселенной. Это показывает и Платон: не находя возможным назвать его другим выразительным именем, он употребил общенародное слово, не как свойственное Богу, но как для всех понятное, потому что невозможно рассуждать о Боге понятно для всех; он прибавил и слово: великий, чтоб отличить небесного от земного, от того, который моложе неба и земли, моложе даже критян, которые похитили его, чтоб он не был умерщвлен отцом.

Нужно ли напоминать вам о поэтах или приводить другие мнения, вам, которые изучили всякое знание? Достаточно сказать следующее: если бы поэты и философы не признавали,

что Бог один, и не почитали богов одни – за демонов, другие – за вещество, иные – за людей: то было бы справедливо преследовать нас, когда мы различаем Бога и вещество, и их сущности. Мы признаем Бога и Сына Его – Слово и Духа Святого, именно составляющих одно по силе своей Отца, Сына и Духа; ибо Сын есть ум. Слово, мудрость Отца, а Дух есть истечение Его, как свет от огня. Так же мы допускаем и другие силы, которые властвуют над веществом и чрез вещество, и из которых одна враждебна Богу, не в том смысле, чтоб она была что либо противободруствующее Богу, как например, вражда – дружба у Эмпедокла, или ночь – дню в небесных явлениях (ибо если бы что-нибудь противостояло Богу, то лишилось бы бытия и было бы разрушено могуществом и силою Божиею), но эта сила противна благодати Божией, которая свойственна Ему и соприсуца, как цвет телу, и без которой Он не существует (не так, чтоб она была Его часть, но она есть необходимая принадлежность, соединенная и нераздельная с Ним, подобно как огню свойственно быть красным, и эфиру – голубым) и есть дух обращающийся около вещества, который сотворен от Бога, как и прочие ангелы сотворены Им, и поставлен для управления веществом и его видами¹⁶⁰. Бог сотворил ангелов для промысления о вещах, сотворенных Им, так что Богу принадлежит всеобъемлющее и общее промысление обо всем, а промысление о частях – ангелам, к ним приставленным¹⁶¹. Как у людей есть свобода выбирать добро и зло (ибо вы не награждали бы добрых и не наказывали бы злых, если бы порок и добродетель не были в их власти, и одни оказываются исправными в том, что им поручено от вас, а другие – неверными): так и у ангелов. Одни из них, свободные, какими и сотворены были от Бога, пребыли в том, к чему Бог сотворил их и определил; а другие злоупотребили и своим естеством, и предоставленною им властью. Таковы: князь вещества и видов его, и другие из тех, которые были около него, как главного, помощниками (вы знаете, что мы ничего бездоказательного не говорим, а излагаем то, что возвещено пророками), – последние возымели вожделение к девам и были побеждены плотью; а тот сделался небрежен и лукав в управлении ему вверенном. От

совокупившихся с девами родились так называемые исполины. Не удивляйтесь, если и поэты нечто сказали об этих исполинах: между мудростью и божественною и мирскою такое же расстояние, какое между истиною и вероятностью: первая – небесная, и вторая земная; и благодаря начальнику вещества «мы умеем говорить много ложного, похожего на истину»¹⁶².

Сии-то ангелы, ниспавшие с неба и обитающие в воздухе и на земле и уже не могущие взойти на небо, равно и души исполинов, которые суть собственно демоны, блуждающие вокруг мира, производят действия, одни именно демоны, – соответственные природе, какую они получили, а другие, именно ангелы, – тем вожделениям, которые они возымели. Князь же вещества, как видно из самых событий, изобретает и устрояет противное благодати Божией. «Часто при размышлении тревожит меня вопрос: случай ли или Бог управляет жизнью людей; сверх чаяния и не по правде одни выходят из домов без средств к жизни, а другие счастливы»¹⁶³. И это неожиданное и несправедливое благополучие и злосчастье привело Еврипида в недоумение, кому принадлежит такое управление земными делами, о котором можно сказать: «и так, видя это, как мы скажем, что существует род богов, или как мы подчиняемся законам»¹⁶⁴. Это побудило и Аристотеля сказать, что поднебесная не управляется Промыслом, между тем вечный Промысл Божий постоянно бодрствует над нами:

*«Земля по необходимости, хочет ли, не хочет ли, производит растения, и питает мой скит»*¹⁶⁵,

и в отношении к отдельным людям он действует по заслугам каждого, сообразно с истиною, а не с людским мнением; а прочие вещи управляются законом разума сообразно с общим их устройством. Но так как происходящие от противного духа демонские влияния и действия производят такое беспорядочные случаи, и возмущают людей разнообразными способами, отдельно и в целых народах, по частям и вообще, чрез отношение к веществу и чрез сочувствие с божественным, изнутри и извне, поэтому некоторые немаловажные люди пришли к мысли, что этот мир существует не по какому-нибудь закону, а управляется и движется

неразумным случаем. Они не понимали, что в устройстве вселенной нет ничего беспорядочного и случайного, а напротив, каждая часть ее произошла разумно, почему и не преступает установленного для нее порядка; также и человек, по воле Создавшего его, подлежит определенному порядку, как в отношении к происхождению своему, которое подчиняется одному общему закону, так и к устройству своего тела, не уклоняющемуся от закона, и в отношении к концу жизни, одинаковому и общему для всех. Только в отношении к свойственному ему разуму и к действию правящего веществом князя и его демонов, каждый человек движется и действует различно, хотя все имеют общую им способность рассуждать.

Демоны, о которых мы говорили, привлекают язычников к идолам; ибо они привязаны к крови жертв и ею услаждаются; а боги, которые нравятся толпе и коих имена даны статуям, были люди, как можно видеть из их истории. Демоны же присвоили себе эти названия, – чему доказательством служит деятельность каждого из них. Иные отсекают тайные члены, именно Рея; иные ранят и поражают, как Артемида¹⁶⁶, а почитаемая в Тавриде умерщвляет иностранцев. Я не буду говорить о тех, которые сами себя терзают ножами и бичами, и о других родах демонов, ибо Богу несвойственно побуждать к тому, что противно природе: «Когда демон готовит человеку зло, то наперед повреждает его ум»¹⁶⁷. А Бог, как совершенно благой, всегда благодетельствует. Таким образом, иные – те, кто действует чрез статуи, и иные, в честь кого воздвигаются эти статуи, – важнейшим подтверждением этому служат Троя и Парий: один из этих городов имеет статуи Нериллина, который жил в наше время, Парий – статуи Александра и Протея; гробница и статуя Александра до сих пор на площади¹⁶⁸. Прочие статуи Нериллина служат общественным украшением – если только и они составляют украшение города; а одна из них славится тем, что прорицает и врачует болящих, и за это троянцы боготворят статую, украшают золотом и венками. Что касается статуй Александра и Протея, – об этом вы знаете. что он сам бросился в огонь около Олимпии – то говорят, что статуя Протея издает прорицания, а в честь статуи Александра¹⁶⁹,

устраиваются на общественный счет жертвоприношения и праздники, как будто внемлющему Богу. Кто же Нериллин ли, Протей и Александр производят это в статуях или природа вещества? Но вещество их – медь, что же может сделать сама по себе медь, которую можно снова изменить в другую форму, как Амазис у Геродота превратил таз в изображение бога? И сами Нериллин, Протей и Александр, что больше могут сделать для болящих? Ибо что теперь, по рассказам производит статуя, то производила она и тогда, когда Нериллин был еще жив и болен.

Итак, что же? Прежде всего, неразумные и мечтательные движения представлений души то такие, то другие образы частью заимствуют от вещества, частью сами по себе создают и производят. Это случается с душою особенно тогда, когда она прилепляется к духу вещества и смешивается с ним, когда она взирает не на небесное и Творца вселенной, а долу, на земные вещи, вообще на землю, как будто она только плоть и кровь, а не чистый дух. Такие неразумные и мечтательные движения души производят видения, соединенные с страстным влечением к вещественным изображениям. Когда нежная и удобопреклонная душа, неведущая и неопытная в твердом учении, чуждая истины и не постигающая Отца и Творца вселенной, исполнится ложных о себе представлений, то обращающиеся около вещества демоны, жаждущие жертвенного дыма и крови, обольстители людей, – призвав себе на помощь эти увлекающие толпу обманчивые движения души, и действуя на умы людей, внедряют в них эти видения, как бы они происходили от идолов и статуй; и когда душа сама собою, как бессмертная, разумно движется, предузнавая будущее или испытывая настоящее: то демоны присвояют себе эту славу.

Но необходимо также, согласно с обещанием нашим, сказать несколько об именах богов. Геродот и Александр, сын Филиппа, в письме к матери¹⁷⁰, – об них обоих говорят, что они в Илиополе, в Мемфисе и Фивах входили в беседу с жрецами, – уверяют, будто они слышали от этих, что боги были люди. Геродот говорит: «они доказывали, что те, изображения коих существуют, были действительно такими, но от богов весьма

отличны; что прежде этих людей царствовали в Египте боги, которые не имели ничего общего с людьми и всегда управлял который-нибудь один из них; и что потом царствовал там Ор, сын Озириса, которого эллины называют Аполлоном; он, по низвержении Тифона, был последним царем в Египте. Озирис же по-гречески назывался Дионис. Таковы были как прочие, так и последний царь Египта»¹⁷¹. От них имена богов перешли к эллинам. Аполлон был сын Диониса и Изиды, как говорит тот же Геродот: «Аполлона и Артемиду почитают детьми Диониса и Изиды, а Латону их кормилицей»¹⁷². Их почитали происшедшими с неба первыми царями, и частью по незнание истинного богопочитания, частью же из благодарности к их начальствованию возводили в богов и вместе с женами. «Теперь все египтяне приносят им в жертву волов чистых и тельцов; самок же не позволительно приносить им, так как они посвящены Изиде, которой статуя имеет вид женщины с бычачьими рогами, как греки изображают Ио»¹⁷³. Кто же больше заслуживает доверия к своим рассказам, как не те, которые, по преемству рождения, сын от отца, приняли как жречество, так и историю? Не вероятно, чтобы жрецы, почитавшие идолов, лгали, когда говорили, что это были люди. Если бы один только Геродот говорил, что по сказаниям египтян, боги их оказываются людьми, и так как он сам свидетельствует: «Я не намерен передавать сказаний о богах, какие слышал я, кроме только их имен», – не следовало бы еще верить ему, как баснописцу. Но так как Александр и Гермес, прозванный Трисмегистом, и весьма многие другие – я не буду перечислять каждого порознь, – приписывали им вечное происхождение¹⁷⁴, то не остается никакого основания сомневаться, что цари были возведены в богов, что боги были людьми; это говорят и ученейшие из египтян, которые, называя богами воздух, землю, солнце, луну, считают прочих богов смертными людьми, и храмы гробницами их. То же говорит Аполлодор в книге о богах. Геродот же называет страсти их мистериями. «Как совершается празднество в честь Изиды в город Бузирисе, – я уже прежде сказал. после жертвоприношения бичуют себя все мужчины и все женщины, многие тысячи людей; а как именно бичуют себя,

неприлично мне рассказывать»¹⁷⁵. Если они боги, то бессмертны; если же бичуются ради их страданий и это составляет их мистерии, то они – люди». Еще тот же Геродот говорит: «в городе Саисе, в храме Афины есть и гробница того, чье имя назвать считаю неприличным в этом случае, – подле святилища, у задней стены храма Афины. Есть также озеро, обложенное кругом камнем, такой величины, какой, как мне кажется, озеро в Хелосе, называемое круглым. В этом озере представляют ночью страдания его¹⁷⁶, и это египтяне называют мистериями»¹⁷⁷. И показывают не только гробницу Озириса, но и то, как он набальзамирован. «Когда к ним приносят труп, то они показывают принесшим деревянные изображения умерших, отделанные посредством живописи. и превосходнейшим называют изображение того, чье имя сказать считаю неприличным при этом случае»¹⁷⁸.

Так же говорят и из эллинов важнейшие поэты и историки, например, о Геракле:

*Зверский Геракл посрамивши Зевесов закон и накрытый им гостелюбно для странника стол, убийство свершил...*¹⁷⁹.

Не удивительно, что он, будучи таков, пришел в неистовство, и воспламенив костер, сжег себя. Об Эскулапе Гесиод говорит:

«Отец людей и богов воспламенился, и устремившись с Олимпа ослепительною молнией, умертвил любезного сына Леты, движимый гневом».

И Пиндар:

«И мудрость побеждается корыстью. Развратило и его (Эскулапа) обильною наградю золото, показанное в руках. Кронион бросив руками молнию, мгновенно лишил дыхания, и она нанесла смерть».

Итак, они были или боги: тогда не питали бы страсти к золоту, –

о золото, высшее сокровище смертных, пред которым ни мать, ни дети не имеют такой привлекательности:

ибо божество ни в чем не нуждается и выше пожелания, – так же были бы и бессмертны; или были люди и потому они злы по неразумию и жадны до богатства. Говорить ли мне много о

Касторе, или Полидевке, или об Амфиарее, которые, так сказать, вчера или третьего дня родились людьми от людей, а теперь почитаются за богов, если и Инона после ее неистовства и страданий почитаются божеством?

Морепплаватели назвали ее Левкатеей,

и сын ее

«божественный Палемон призовется мореходцами»¹⁸⁰?

Если люди самые гнусные и богоненавистные удостоились чести быть богами; если Семирамида, дочь Дерцеты, женщина сладострастная и кровожадная, признана богиней Сирийскою, и если из-за Дерцеты Сирияне поклоняются голубям и Семирамиде; ибо, по баснословию Ктезия, эта женщина, что, впрочем, невозможно, превратилась в голубя: – то что удивительного, если одни за власть названы богами от подвластных им? Сивилла, о которой упоминает и Платон, говорит: «было десятое поколение смертных людей после того как случился потоп первых людей, и царствовали Сатурн и Титан и Иапет, которых люди называли лучшими детьми земли и неба, прилагая им имена земли и неба, так как они были первые из людей»¹⁸¹. Другие признаны богами за силу, как Геракл и Персей: иные за искусство, как Эскулап? Таковую часть предоставляли им или подчиненные, или сами начальствующее, и из сих – одни по страху, другие по уважению к ним приобрели это название. Антиной за человеколюбие ваших предков к своим подданным достиг того, что его признали богом, а потомки их без исследования приняли это. «Критяне всегда лживы, ибо тебе, царь, сделали критяне гробницу, ты же не умер». А сам ты, Каллимах, веруя в рождение Зевса, как не веришь его погребению, и таким образом затемняя истину, проповедуешь и неведущим о смерти его? Когда ты видишь пещеру, то вспоминаешь о Реи; а когда видишь гробницу (Зевса) – стараешься скрыть его смерть. Разве не знаешь, что вечен только безначальный Бог? Подлинно, или недостоверны мифы о богах, рассказываемые народом и поэтами, и потому излишне и почитание их; – ибо те и не существуют, о которых ложны сказания; – или, если несомненно их рождение, их любовные дела, человекоубийства, похищения,

отсечения членов, молнии, то они уже не существуют и окончили жизнь; так как они получили начало бытия, а прежде не существовали. Какое же основание – одним событиям верить, а другим не верить, когда поэты рассказывают об них для большого прославления богов? Ибо не лгали же о страстях их те, которые считали их богами, и прославляли их деяния. – Итак, мы не безбожники, так как признаем Бога, Творца вселенной, и Его Слово: это доказано по мере моих сил, хотя и не вполне соответственно важности предмета.

Нас обвиняют также в каких-то пиршествах и нечестивых смешениях, дабы казалось, что не без причины ненавидят нас, и вместе надеясь страхом отвлечь нас от образа нашей жизни, или тяжестью обвинений сделать правителей строгими и неумолимыми к нам. Но они издеваются над теми, которые знают, что искони, не в наше только время, по какому-то божественному закону и разуму, порок обыкновенно враждует против добродетели. Так и Пифагор был сожжен вместе с другими тремястами человеке; Гераклит и Демокрит – первый был изгнан из города Эфеса, другой – из Авдер, быв признан за сумасшедшего, и Сократ был афинянами осужден на смерть. Но как они, по отношению к своей добродетели, не потерпели никакого вреда от молвы народной, так неосновательные клеветы некоторых нисколько не помрачают правоты нашей жизни, ибо мы имеем похвалу от Бога. Впрочем, я отвечу и на эти обвинения. Я уверен, что вы находите меня правым и потому, что я уже сказал, Превосходя всех умом, вы согласитесь, что те, которые образцом всей жизни имеют Бога, – так чтобы каждый из нас был пред Ним чистым и неукоризненным, – те и в мыслях никогда не допустят ни малейшего греха. Ибо если бы мы были убеждены, что существует одна только настоящая жизнь на земле: то еще можно было бы подозревать, что мы служим плоти и крови, или предаемся корыстолюбию и сладострастию; но так как мы знаем, что Бог и ночью и днем присущ нашим мыслям и словам, что весь Он – свет и видит находящееся в нашем сердце, то мы также убеждены, что, оставив настоящую жизнь, будем жить другою жизнью, лучшею здешней, небесною, а не земною, – ибо

будем пребывать у Бога и с Богом, неизменными и бесстрастными душою, не как плоть, хотя и будем иметь плоть, но как небесный дух, – или если мы увлеклись грехом вместе с другими, нас постигнет жизнь худшая, в огненных мучениях; ибо создал нас Бог не как овец или скотов, не понапрасну и не для того, чтобы мы погибли и уничтожились. Поэтому-то невероятно, чтобы мы добровольно грешили и подвергали себя наказанию великого Судии.

Нисколько не удивительно, если они приписывают нам то, что говорят о своих богах, торжествуя страсти их под именем мистерии. Только если они стали обвинять нас в распутстве и безразличном совокуплении, то им следовало бы наперед возненавидеть Зевса, который имел детей от матери Реи и дочери Коры и женился на собственной сестре, или выдумавшего это Орфея, который представил Зевса более преступным и нечестивым, чем самый Фиест; ибо последний сделал кровосмешение с дочерью по оракульскому изречению, желая остаться царем и отомстить за себя. Мы же так далеки от подобных преступлений, что нам не позволено даже смотреть с вожделением. «Кто смотрит на женщину, говорит (Господь наш), с вожделением, уже прелюбодействовал в сердце своем»¹⁸². Итак, о тех, которым непозволительно употреблять зрение ни на что больше того, на что Бог сотворил глаза, чтобы т. е. они были для нас светом, – которые считают сладострастный взгляд за прелюбодеяние, так как глаза устроены для другого назначения, – и которые ожидают суда даже за мысли: о тех можно ли думать, что они ведут развратную жизнь? Мы смотрим не на законы человеческие, от которых может укрыться иной злодей, – я вначале показал вам, владыки, что наше учение богооткровенное, – но у нас есть закон, который повелел соблюдать величайшую непорочность между нами самими и ближними. Поэтому, смотря по возрасту, иных мы считаем сыновьями и дочерьями, других братьями и сестрами, и престарелым отдаем честь как отцам и матерям. Кого мы называем братьями и сестрами и прочими родственными именами, о тех мы весьма заботимся, чтобы тела их оставались неповрежденными и нерастленными. Еще слово говорит нам:

«если кто повторит целование, потому что это нравится ему», (то согрешает); и прибавляет: «итак, с величайшею осторожностью должно быть употреблено лобзание или лучше приветствование, что бы оно не лишило нас вечной жизни, если хоть сколько-нибудь будет осквернено помышлением»¹⁸³.

Посему, имея надежду вечной жизни, мы презираем здешние житейские дела и даже душевные удовольствия.

И жену каждый из нас, которую он взял по установленным у нас законам, имеет только для деторождения. Как земледелец, бросив в землю семена, ожидает жатвы и больше уже не сеет, так и у нас мерою пожелания служить деторождение. Между нами найдешь даже многих и мужчин и женщин, которые состариваются безбрачными, надеясь теснее соединиться с Богом¹⁸⁴. Если жизнь девственная и целомудренная более приближает к Богу, а худой помысл и пожелание удаляет от Него: то мы, избегая худых помыслов, тем паче избегаем таких дел. Ибо наше богопочтение состоит не в заботе о словах, но в доказательствах и учении делами: нужно или оставаться таким, каким кто родился, или вступать в один брак, ибо второй брак есть прелюбодеяние под благовидным предлогом. «Кто разведется, говорить (Господь), – с женою своею, и женится на другой, тот прелюбодействует»¹⁸⁵, не позволяя ни отпустить ту, которую кто лишил девства, ни жениться на другой. Отступающий от первой жены, хотя бы она и умерла, есть прикровенный прелюбодей, как потому, что преступает распоряжение Божие, ибо в начале Бог сотворил одного мужа и одну жену, – так и потому что разрушает самую тесную связь плоти с плотью, происшедшую чрез половое совокупление.

Таковы-то наши правила, наши нравы. О, для чего мне говорить, о чем лучше умолчать¹⁸⁶? Мы слышим пословицу: «блудница укоряет целомудренную». Ибо те, которые устроили торжище блудодеяния и предлагают юношам гнусные пристанища всякого постыдного удовольствия, и даже мужчин не щадят, совершая студодеяния мужчины на мужчинах, и всячески оскорбляя красивейшие и благообразнейшие тела, и бесчестя сотворенную Богом красоту – ибо красота на земле не сама собою происходит, но посылается по распоряжению и

мысли Божией, – те самые обвиняют нас за то, что сознают за собою и что приписывают своим богам, как нечто похвальное и достойное богов своих. Прелюбодеи и деторастлители оскорбляют целомудренных и единобрачных, живя подобно рыбам, которые поглощают встречающих и преследуют сильная слабейшую. И вот что значит есть плоть человеческую: вопреки законам, которые вы и предки ваши установили для соблюдения всякой справедливости оказывать над людьми жестокие насилия, так что посылаемых вами правителей народов не достает для суда над теми, которым заповедано не уклоняться, когда бьют их, и благословлять, когда злословят их. Ибо для них недовольно быть справедливыми, – а справедливость состоит в том, чтобы воздавать равным равное, – но надлежит еще быть добрыми и терпеливыми.

Итак, кто из здравомыслящих может сказать, когда таков наш образ жизни, что мы человекоубийцы? Ибо невозможно есть мясо человеческое, не убив наперед кого-нибудь. Первое – ложь¹⁸⁷, а на счет второго¹⁸⁸, если кто спросить их, видали ли они то, о чем говорят: то никто не будет так бесстыден, чтобы сказать, будто он видел это. У нас есть и слуги, у иных больше, у других меньше, от которых невозможно скрыться: однако и из них никто не говорил такой наглой лжи об нас. Ибо тех, которые, как известно, не хотят смотреть и на справедливо казнимого: тех, кто обвинит в человекоубийстве или человекоядении? Кто не стремится с любовью на зрелища борьбы гладиаторов и зверей, особенно если они даются вами? Но мы, думая, что смотреть на убийство почти то же, что совершать оное, отказываемся от таких зрелищ. Как же мы, которые даже не смотрим на убийства, чтобы не приобщиться преступлению, можем сами быть убийцами? Если мы утверждаем, что женщины, вытравливающие зародившихся младенцев, делают человекоубийство и дадут Богу отчет за вытравление, то как же сами станем убивать человека? Ибо не свойственно одному и тому же человеку – почитать находящегося еще во чреве младенца живым существом, о котором также печется Бог, и умерщвлять того, который родился для жизни: не свойственно бросать родившегося, так как бросающие совершают

детоубийство, и в то же время – убивать уже вскормленного. Мы во всем и всегда равны и одинаковы, подчиняясь разуму, а не владычеству над ним.

Какой же человек, верующий в воскресение, согласится сделаться гробом тех, которые имеют воскреснуть? Невозможно, чтобы одни и те же люди веровали в воскресение тел наших и вместе употребляли их в пищу, как не имеющие воскреснуть; были убеждены, что земля никогда возвратит своих мертвецов, и вместе думали, что тела, которые схоронены кем-либо в его внутренности, от него не потребуются. Напротив, кто думает, что не будет суда за эту жизнь, как бы ни проводил ее – хорошо или худо, ни воскресения, но что вместе с телами. погибает и как бы угасает и душа, те, по всей вероятности, не удержатся ни от какого преступного действия. А кто убежден, что никто не укроется от суда Божия и что самое тело понесет наказание вместе с душою, для которой оно служило орудием неразумных влечений и страстей, те – весьма основательно думать – будут избегать и малейшего греха. И если кому кажется вздором то, что истлевшее, разрушившееся и совершенно уничтожившееся тело снова придет в прежний состав, то не верующие могут обвинять нас разве только в простоте ума, а не в худой нравственности, ибо заблуждением своим мы никому не вредим. Можно было бы показать, что не мы одни признаем воскресение тел, но и многие философы, но это теперь неуместно: нас упрекнули бы в том, что в настоящее исследование вводим посторонние рассуждение, если бы стали говорить, например, об умопостигаемом и о чувственных вещах и их устройстве, или о том, что бестелесное существует прежде тел, и что вещи чувственные, хотя они первые поражают наши чувства, явились после умопостигаемых существ, так как тела составились из бестелесных начал чрез их совокупление и чувственное произошло из умопостигаемого; ибо по учению Пифагора и Платона ничто не препятствует, чтобы тела после своего разрушения опять составились из тех же стихи, из которых они произошли первоначально. Но мы отложим рассуждение о воскресении.

Вы же, государи, во всех отношениях, и по природе, и по своему образованию, столь благие, умеренные, человеколюбивые и достойные царства, удостойте вашего царского одобрения меня за то, что я опроверг клеветы и доказал наше благочестие, кротость и благонравие. Какие люди более заслуживают получить просимое, как не мы, которые молимся за вашу власть, чтобы сын, как требует справедливость, наследовал от отца царство, и чтобы ваша власть более и более утверждалась и распространялась, и все вам покорствовало? Это полезно и для нас, чтобы нам вести жизнь тихую и безмятежную¹⁸⁹ и охотно исполнять ваши повеления.

Афинагора афинянина философа христианского о воскрешении мертвых

Ко всякому положению и учению, выражающему истину вещей, прирастает нечто ложное, прирастает не потому, чтоб это естественно развивалось из какого-либо начала, или от какой-либо причины, свойственной каждой вещи, но оно привносится теми, которые нарочито измышляют зловерное семя для искажения истины. В этом можно убедиться, во-первых, из примера тех, которые в древности занимались философскими исследованиями, из взаимного разногласия их как с древнейшими, так и с современными им, а также из самой путаницы относительно ныне занимающих вопросов. Такие люди ни одной истины не оставили не оклеветанною: ни существа Божия, ни Его ведения, ни деятельности, ни всего того, что необходимо с сим связано и предписывает нам образ благочестия. Одни совершенно и решительно отвергают истину в этих предметах, другие извращают их по своим воззрениям, а иные стараются подвергнуть сомнению самое очевидное. Посему, я думаю, тот, кто занимается исследованием этих предметов, должен иметь двоякого рода доказательства: одни (непрямые) – в защиту истины, а другие (прямые) в подтверждение истины, одни в защиту истины против неверующих или сомневающихся, а другие в подтверждение истины для благомыслящих, и охотно принимающих истину. Поэтому, желающие рассуждать об этих предметах должны всегда иметь в виду, что именно нужно в тот или другой раз, и с сим сообразовать свои доказательства, и самый порядок раскрытия их приспособлять к потребности, а не пренебрегать тою или другою нуждою, тем или другим местом, свойственным каждому предмету для того, чтобы казаться выдерживающими всегда одно и тоже начало. Конечно, в отношении к доказыванию и естественной последовательности, доказательства прямые, подтверждающие истину, должны предшествовать доказательствам непрямым, защищающим истину; но что касается большей пользы тех или других

доказательств, то наоборот, не прямые должны предшествовать доказательствам прямым. Так и земледелец не может с пользою бросать в землю семена, если наперед не очистит ее от трав диких и вредных для бросаемых добрых семян; ни врач не может впускать в больное тело какое-нибудь из целительных веществ, если наперед не очистит его от находящейся в нем злокачественной материи или не удержит ее притока. Так и желающий учить истине, говоря об истине, не можем убедить никого, пока какое-нибудь ложное мнение господствует в уме слушателей и противится словам его. Посему, имея в виду большую пользу, и мы иногда излагаем доказательства истины не прямые прежде тех, которые прямо подтверждают истину. Таким же образом поступить я нахожу бесполезным и теперь в рассуждении о воскресении, обращая внимание на потребность. Ибо и касательно этого предмета одни совершенно не веруют, другие сомневаются, и из тех, которые принимают первые основания¹⁹⁰, некоторые колеблются умом подобно сомневающимся и что всего безрассуднее, они находятся в таком состоянии, не имея никакого повода к неверию в самой сущности дела, и не находя сказать никакой основательной причины, почему они не веруют или колеблются.

Будем рассуждать так. Бесспорно, что не всякое неверие бывает у некоторых без основания и по безрассудному предубеждению, но иногда происходит от основательной причины и осторожности в изыскании истины: оно имеет справедливое основание, когда самый предмет, которому не веруют, представляется невероятным; но не верить тому, что само не есть невероятно, свойственно людям, не имеющим здравого суждения относительно истины. Итак, те, которые не веруют или сомневаются касательно воскресения, должны не по тому, что кажется им без всякого рассуждения и что нравится людям развратным, произносить о нем суждение, но или допустить происхождение людей без всякой причины, – а это весьма легко опровергнуть, – или полагая причину существующего в Боге, смотреть на этот догмат как на начало, и из него доказывать, что воскресение не имеет никакой вероятности. А это они сделают, если будут в состоянии

доказать, что Бог или не может, или не хочет – тела мертвые или совершенно уже разрушившиеся опять соединить и собрать так, чтобы вышли те же самые люди. Если же они это не могут, то пусть отстанут от такого безбожного неверия и не кощунствуют над тем, над чем не должно. Ибо утверждают ли они, что Бог не может, или что Он не хочет этого, – в том и другом случае они говорят неправду, как видно будет из нижеследующего. Невозможным для кого-нибудь справедливо признается дело, если он или не знает, как его сделать, или не имеет достаточной силы хорошо исполнить то, что знает. Ибо незнающий того, что должно быть сделано, не может и предпринять, и исполнить того, чего не знает, а хорошо знающий то, что должно сделать, из чего и как сделать, но или вовсе не имеющий силы совершить знаемое, или не имеющий достаточной силы, и не начнет дела, если он благоразумен и внимателен к своим силам; приступив же необдуманно, не окончит предположенного. Но Бог не может не знать природы имеющих воскреснуть тел, целых ли членов или их частей, не может не знать, куда поступает каждая частица по разрушении тел, и какая из стихий приняла каждую частицу, разрушившуюся и соединившуюся с сродным себе, хотя для людей совершенно неуловимы частицы тел, опять соединившиеся с сродными себе частями вселенной. Ибо Тот, Который прежде устройства каждой вещи знал природу будущих стихий, из которых должны произойти тела человеческие, и те части их, из которых Он намеревался взять пригодное для устройства тела человеческого, – Тот, очевидно, и после разрушения целого тела не может не знать, куда поступила каждая из частиц, которые Он употребил для полного образования каждого тела. Что касается до господствующего теперь у нас порядка вещей и до нашего суждения о прочем, – нам труднее наперед знать то, чего еще нет, но для величия Божия и Его премудрости то и другое естественно и одинаково легко – наперед знать несуществующее и знать разрушившееся.

Что могущество Божие достаточно для воскрешения тел, это доказывает самое происхождение их. Ибо если Бог в первоначальном творении создал не существовавшие тела

человеческие и самые начала их, то Он и разрушившиеся каким-либо образом воскресит с такою же легкостью, так для Него и это равновозможно. Такому учению нисколько не вредит то, будет ли кто производить первые начала тел человеческих из вещества или из стихий, как первоначальных основ, или из семян. Ибо какой силе свойственно было образовать вещество, по их мнению, безобразное, украсить безвидное и неустроенное многими и различными формами, части стихий соединить в одно, и семя единое и простое разделить на многое, расчленив бесчленное и дать жизнь безжизненному: той же самой силе свойственно соединить разрушившееся, воздвигнуть лежащее, опять оживотворить умершее и тленное изменить в нетлении. Тому же Творцу и той же силе и премудрости свойственно и то, что расхищено множеством разных животных, обыкновенно нападающих на такие тела и питающихся ими, извлечь из них и присоединить опять к собственным членам и их составам, хотя бы оно поступило в одно животное, хотя бы во многие, хотя бы из них в другие, хотя бы вместе с ними разрушившись обратилось в первые начала по естественному на них разложению: это последнее особенно, по-видимому, смущает некоторых даже и из отличающихся мудростью, которым, не знаю почему, казались сильными такие недоумения, представляемые толпою.

Обыкновенно говорят, что многие тела погибших при кораблекрушениях и в реках делаются пищей рыб, также многие тела умирающих на войне, или по другой какой-нибудь горестной причине и несчастию лишаящихся погребения, пожираются встречными животными. Когда таким образом тела истребятся и составляющие их части и члены распределятся по многим животным, и посредством питания соединятся с телами питающихся: то, во-первых, говорят, невозможно их отделение, и к тому во-вторых, присоединяют еще более затруднительное. Так как из животных, напивавшихся телами человеческими, некоторые годны в пищу людям и проходя чрез их чрево соединяются с телами потребивших их, то по необходимости части людей, которые сделались пищей принявших их животных, поступают в тела других людей, так как

напитавшиеся ими животные препровождают принятую пищу к тем людям, для которых сами они послужили пищей. Далее трагически говорят о детях, которых родители вследствие голода или бешенства решились пожрать, также о детях, съеденных родителями по козням врагов, об известной мидийской трапезе¹⁹¹, о трагических вечерах Фиеста, и приводят другие подобные несчастные случаи, происходившие у эллинов и варваров. Этим доказывают, как они думают, невозможность воскресения, так как невозможно, чтобы одни и те же части воскресали вместе с теми и другими телами, – но или тела первых из них не могут составиться, когда части, из которых они состояли, перешли к другим людям, или, если эти части возвратятся к первым телам, тела последних будут неполными.

Но такие люди, мне кажется, во-первых, не понимают могущества и премудрости Создателя и Распорядителя вселенной, Который приготовил для каждого животного пищу сродную и соответственную его естеству и роду, и не всякому веществу предоставил входить в соединение или смешение со всяким телом, и не затрудняется в отделении того, что соединилось, но позволяет естеству каждой твари делать или испытывать то, что ему свойственно, а иногда и препятствует, и все допускает или изменяет по Своей воле и сообразно с Своею целью. При этом надобно сказать, что они не обратили внимания на силу, и свойство каждого из существ, которые служат в пищу, тех, которые ими питаются. Иначе они знали бы, что не все, что принимает кто-нибудь, уступая внешней необходимости, обращается в сродную пищу животному, но иное тотчас по принятии окружающими желудок частями, портится и изблевывается, отделяется или иным образом извергается, так что не подвергается даже первоначальному и естественному пищеварению, а не только что не соединяется с питающимся существом. Равным образом, и не все, что сварилось и подверглось первоначальному изменению, вполне поступает в питающиеся части тела, ибо иное в самом чреве утрачивает питательную силу, а иное после вторичного изменения и переварения в печени отделяется и соединяется с

чем-либо другим, не имеющим питательной силы. И после изменения, совершающегося в печени, не все поступает в пищу людям, но отделяется в обыкновенных извержениях, и та пища, которая остается, иногда в самых питаемых членах и составах, превращается во что-нибудь другое, смотря по преобладанию избыточного и более обильного вещества, которое обыкновенно повреждает или в себя обращает то, что к нему привходит.

Итак, если животные весьма различны по своей природе и самая естественная пища изменяется сообразно с родом и телесным устройством каждого из них, и притом пища каждого животного подвергается троякому очищению и отделению: то непременно должно повреждаться и выходить, куда следует, или превращаться во что-нибудь другое – все чуждое питанию животного, как неспособное соединиться с ним, а естественная и соответствующая силам питаемого животного сила питающего вещества поступает в него надлежащими путями, и будучи совершенно очищена естественными очищениями, становится действительным приращением существа; эту именно только пищу всякий, истинно понимающий дело, назовет пищей, так как она отвергает все, что чуждо и вредно для состава питаемого животного и служит великим бременем при наполнении желудка и утолении голода. Такая-то пища – в этом никто не усомнится – соединяется с питаемым телом, смешивается и сродняется со всеми его частями и составами; а та, которая иного свойства и чужда природе, скоро портится, если встретится с сильнейшим веществом или легко портит другое, если само сильнее его, и обращается в негодные соки и ядовитые качества, как не приносящая ничего сродного или соответственного питаемому телу. Лучшим доказательством этого служит то, что у многих животных от такого рода пищи происходит боль или опасное повреждение, или смерть, когда они от сильного голода примут вместе с пищей что-либо ядовитое и противное их природе; это совершенно губительно для питающегося тела, потому что полезны для питания животных только сродные им и согласные с их природою вещества, а противное причиняет вред. Итак, если по различию природы животных различны виды

свойственной им пищи и из нее не все, что примет животное, и не всякая часть ее вполне соединяется с питаемым телом, но только то, что очищено посредством всяческого пищеварения и вполне изменилось для соединения с известным телом и сделалось сообразным с питаемыми частями: то, очевидно, что ничто противное природе никогда не соединяется с ними, так как оно не составляет сродной и соответственной им пищи, но или самым желудком извергается в виде твердом и испорченном, прежде чем произведет какой-либо другой сок, или оставаясь в нем долее, производит страдание или болезнь трудно излечимую, которая повреждает естественную пищу или и самую плоть, нуждающуюся в пище. И хотя иногда оно бывает устранено при помощи каких-нибудь лекарств или лучшей пищи, или естественных сил: но и тогда выходит с немалым вредом, так как не приносит ничего сродного с естеством тела, с которым оно не может соединиться.

Если бы даже кто допустил, что из таких веществ пища, – пусть останется за нею это название, как употребительнейшее, – хотя она и противна природе тела, однако, войдет в него, раздробится и изменится во что-нибудь влажное или сухое, в теплое или холодное, и тогда из такого предположения противникам не будет никакой пользы, ибо воскресшие тела составятся опять из своих собственных частей, а из упомянутых веществ ни одно не будет их частью, даже не будет иметь и вида или места части, и притом не останется навсегда в воспринявших его членах тела, и при воскресении их не воскреснет, так как для поддержания жизни тогда не будут нужны ни кровь, ни влага, ни желчь, ни воздух. Ибо в чем прежде нуждались тела, когда они питались, в том не будут нуждаться и тогда, потому что вместе с скудостью и тлением питавшихся тел уничтожится нужда и в питающих веществах. Посему, хотя бы кто и предположил, что изменение производимое этою пищей, простирается даже до плоти: и в таком случае не будет никакой необходимости, чтобы плоть, таким образом изменившаяся, соединившись с телом какого-нибудь другого человека, после опять входила, как часть, в полный состав его, потому что сама плоть не сохраняет

навсегда принятого им вещества, да и то, что ею принято, не остается неизменно там, куда превзошло, но подвергается многообразным изменениям, причиняемым то печалью или заботами, то скорбями или трудами или болезнями, и переменами от жара или холода, между тем как жидкости, изменяющиеся вместе с плотью и жиром не принимают пищи для того, чтобы остаться тем, что они суть. Если же такие изменения испытывает плоть, то всякий поймет, что плоть, питаемая несродным ей, терпит еще больше перемен, то утучняясь и расширяясь от принятых ею веществ, то извергая их из себя каким-либо образом, и уменьшаясь от одной или от многих из сказанных выше причин; остается же в членах только то, что способствует их соединению, укреплению или согреванию, что избрано природою и соединяется с веществами, которыми восполняется естественная жизнь и истощание от житейских трудов. Таким образом, если обсудить как следует то, что мы теперь исследовали и даже допустить предположения, выставляемые противниками, то нельзя доказать истины того, что они утверждают, – чтобы тела человеческие когда-нибудь смешивались с другими, подобными им, по неведению ли кто, введенный в обман другим, вкусил такого тела, или сам по себе от голода или в припадке сумасшествия осквернил себя телом однородного с ним существа; хотя и нам небыизвестны звери, которые имеют человеческий вид, или имеющие природу людей и зверей, каких обыкновенно представляют отважнейшие из поэтов.

А что сказать о телах человеческих, которые не назначены в пищу ни одному животному, и которым, по достоинству природы, определена могила только в земле, так как Творец не назначил и другое какое из животных в пищу животным того же вида, хотя предоставил он свойственную природе их пищу находить в животных разного с ними рода. Если противники могут доказать, что тела людей назначены в пищу людям: то ничто не препятствует признать, что людям есть друг друга естественно, как и другое что дозволенное природою, и пусть дерзающие говорить наслаждаются телами возлюбленных своих, и угощают ими своих приятелей, как самым приличным

кушаньем. Но так как это нечестиво даже и говорить, и вкушение плоти человеческой людьми есть дело самое отвратительное и самое гнусное, и ужаснее всякого беззаконного и противоестественного ядения или действия, так как с другой стороны противоестественное никогда не может поступить в пищу нуждающимся в ней членам и составам, а не поступающее в пищу не может соединиться с тем, чего оно не питает: то и тела людей никогда не могут соединиться с подобными им телами, для которых эта пища противоестественна, хотя нередко проходит чрез их чрево по какому-нибудь ужасному несчастию; не имея питательной силы и рассеявшись по тем частям вселенной, от которых получили первоначальное свое происхождение, вещества соединяются с сими последними на время, на сколько каждому из них придется; потом же они опять отделяются от них премудростью и силою Того, Кто снабдил всякое животное существо свойственными ему силами – и соответственно природе соединяются каждое с своим, хотя бы были они сожжены огнем, или сгнили в воде, хотя бы были поглощены зверями или другими животными, хотя бы иной член, отторгнутый от целого тела, разложился прежде прочих членов. Соединившись опять друг с другом, они займут прежнее место, чтобы составить то же тело, и дать новую жизнь тому, что умерло и совершенно разрушилось. Впрочем, распространяться об этом более не благовременно, потому что это признается всеми, по крайней мере теми, кто не полу-звери.

Так много есть более полезного, что можно сказать о настоящем предмете исследования, то я не хочу теперь останавливаться на доводах тех, которые прибегают к делам человеческим и к производителям их людям и говорят, что последние не могут возобновить свои произведения, если они разобьются или обветшают от времени, или иным образом повредятся, которые потом из примера горшечников и ваятелей стараются доказать, что и Бог не желает; а если бы и желал, не может воскресить умершее и разрушившееся тело; эти люди не понимают, что чрез это они тягчайшим образом оскорбляют Бога, ставя на один уровень силы совершенно различных

существ, или лучше, самые природы существ ими обладающих, и искусственное наравне с естественным. Останавливаться на них стыдно; безрассудно поистине опровергать мысли поверхностные и пустые. Гораздо приличнее и всего справедливее сказать, что невозможное у людей возможно у Бога¹⁹². Посредством этого весьма уместного соображения вместе со всеми вышеизложенными разум доказывает, что (воскресение тел) дело возможное, значит оно не невозможно для Бога. Но, кроме того, оно и неужодно воле Его.

Неужднное Богу бывает неуждно Ему или как несправедливое, или как недостойное. И опять, несправедливость можно усматривать или по отношению к самому смеющему воскреснуть, или по отношению к кому-нибудь другому вне его. Но, очевидно, что воскресение не делает несправедливости никому из посторонних существ, которые считаются в числе существующих. Ни духовные существа не будут обижены воскресением людей, – ибо воскресение людей не послужит никаким препятствием для их бытия, ни вредом, ни оскорблением, не будут обижены – ни бессловесные животные, ни бездушные твари; ибо эти и не будут существовать после воскресения; а в отношении к несуществующему нет места никакой несправедливости. Если же кто допустит, что и они будут всегда существовать, и тогда они не получают обиды от возобновления тел человеческих. Ибо, если, теперь будучи подчинены роду человеческому, служа нуждам людей, находясь под игом и в рабстве всякого рода, они не терпят от сего никакой несправедливости, тем более тогда, когда люди будут бессмертны, чужды недостатка и уже не станут нуждаться в употреблении их, они освобожденные от всякого рабства, не будут обижаться. Если бы даже они имели голос, то не стали бы обвинять Создателя, будто они несправедливо унижены пред людьми тем, что не удостоены одинакового с ними воскресения. Ибо существам, у которых природа неодинакова, Справедливый не может дать и конец одинаковый. Кроме того, у кого нет никакого понятия о справедливости, у тех не бывает и жалобы на несправедливость. Равным образом нельзя сказать и того,

чтобы представлялась какая несправедливость по отношению к самому человеку воскрешаемому. Он состоит из души и тела; но тогда не будет сделана несправедливость ни по отношению к душе, ни по отношению к телу. Никто рассудительный не скажет, что будет обижена душа; иначе он вместе с тем отвергнет и настоящую жизнь. Ибо если ныне, обитая в теле тленном и подверженном страданию, она не терпит чрез это никакой несправедливости, тем более для нее не будет обиды, когда станет обитать в теле нетленном и чуждом страдания. И в отношении к телу не будет никакой несправедливости. Ибо если ныне оно тленное, существуя вместе с нетленным, не терпит обиды: то очевидно, само сделавшись нетленным и существуя вместе с нетленным, чрез это не будет обижено. Нельзя сказать и того, чтобы недостойным Бога делом было воскресить и составить разрушившееся тело. Ибо если не было недостойно Его создать тело худшее, т. е. тленное и подверженное страданию: тем более не недостойно Его создать лучшее, т. е. тело нетленное и чуждое страдания.

Таким образом, я доказал посредством основных истин и вытекающих из них следствий каждый пункт нашего исследования, и оказывается ясным, что воскресение разрушившихся тел есть дело и возможное, и угодное, и достойное Создателя. Чрез это же доказана и ложность противного мнения, и неосновательность доводов людей неверующих. Нужно ли еще говорить о взаимном отношении одного пункта с другим и связи их между собою, если только уместно упоминать о связи того и другого, как будто они разделены какою-либо противоположностью? Не должно ли сказать, что то, что Бог может сделать, Ему и желательно; и угодное Богу непременно возможно и сообразно с достоинством желающего? Выше достаточно сказано о том, что иное – доказательства истины прямые, и иное, – не прямые, какое между ними различие, и когда и по отношению к кому те ли другие бывают полезны. Но ничто не препятствует, для общей пользы и для связи прежде сказанного и тем, что далее буду говорить, начать речь опять с того же самого и с того, что близко к этому. Одному роду доказательств естественно надлежит

занимать первое место, а другое должно сопутствовать первому, наподобие телохранителя, пролагать путь и отстранять все, что препятствует и противится. Ибо прямые доказательства истины, как необходимые всем людям для твердости в убеждении и спасения, занимают первое место и по природе своей, и по порядку, и по пользе: по природе своей, так как они доставляют познание о вещах; по порядку, так как они существуют в том и вместе с тем, что доказывают; а по пользе, так как способствуют твердости в убеждении и спасению тех, которые познают. А не прямые доказательства истины и по природе своей и по силе стоят ниже; ибо менее значит обличать ложь, нежели подтверждать истину, и по порядку оно занимает второе место; ибо имеет силу только по отношению к ложно мыслящим, а ложное мнение рождается от пришлого сеяния и извращения истины. Но хотя это действительно так, последние доказательства часто поставляются на первом месте и бывают иногда более полезны, так как служат к истреблению и предочищению обременяющего некоторых неверия и сомнения или ложного мнения тех, кто только что приступает к истине. Те и другие направляются к одной цели, – ибо к благочестию ведут и те доказательства, которые обличают ложь, и те, которые подтверждают истину, – однако они не одно и то же: одни, как я сказал, необходимы для всех верующих и заботящихся об истине и собственном спасении; а другие бывают полезнее иногда, некоторым и по отношению к некоторым. Об этом сказал я кратко для напоминания о том, что уже было сказано. Теперь же нужно приступить к делу и доказать истинность учения о воскресении – как на основании той причины, по которой и для которой произошел первый человек и потомки его, – хотя они произошли неодинаковым образом, – так и на основании общей природы всех людей, как людей; ровно и на основании будущего суда, который произведет над ними Создатель за все время жизни каждого из них и за всякие действия, – в справедливости которого никто не станет сомневаться.

Доказательство на основании причины будет то, если мы рассмотрим, случайно ли и напрасно сотворен человек, или для

чего-нибудь; если для чего-нибудь, то для того ли он сотворен, чтобы ему жить и оставаться в той природе, с какою он произошел, или для пользы кого-нибудь другого; если для пользы другого, то для пользы ли Самого Создателя, или кого-нибудь иного из близких к Нему и удостоившихся большего попечения. Рассматривая это более общим образом, мы находим, что всякий благоразумный и приступающий к какому-нибудь действию по основательному обсуждению, не делает напрасно ничего, если действует с намерением, но или для собственной пользы или для пользы кого-нибудь другого, о ком он заботится, или для самого дела, к произведению коего он побуждается некоторым естественным влечением и склонностью. Например – употребим сравнение, чтобы пояснить нашу мысль, – человек строит дом для собственной пользы, делает для быков и верблюдов или для других животных, в которых он нуждается, приличную каждому из них кровлю, не для собственной пользы, если судить по видимости, хотя относительно последней цели она именно имеется в виду, но ближайшим образом для пользы тех, о которых заботится; рождает детей не для собственной пользы и не для кого-нибудь другого из близких к себе, но для того, чтобы рожденные им существовали и жили, сколько возможно, преемством детей и потомков утешаясь в своей кончине и думая таким образом обессмертить смертное. Так бывает у людей. И Бог, конечно, сотворил человека не напрасно, – ибо Он премудр, а никакое дело премудрости не бывает напрасно, – и не для собственной пользы; ибо Он ни в чем не нуждается; Тому, Кто совершенно ни в чем не нуждается, ничто из созданного Им не может служить к собственной Его пользе. Также и не для кого-нибудь из созданных Им творений Он сотворил человека. Ибо никто из одаренных разумом и суждением не сотворен и не творится для пользы другого большого или меньшего существа, но для собственной их жизни и пребывания. И разум не находит какой-нибудь пользы, которая была бы причиною сотворения людей, ни для бессмертных существ, которые не имеют ни в чем недостатка и отнюдь не нуждаются для своего бытия ни в каком содействии от людей, – ни для бессловесных животных,

которые по природе своей подвластны людям и исполняют для них службы, какие каждому из них свойственны, а не созданы для того, чтобы пользоваться людьми, ибо несправедливо употреблять начальствующее и управляющее на служение низшим, или разумное подчинять неразумным, которые неспособны к начальствованию. Итак, если человек сотворен не без причины и напрасно, – ибо ничто из сотворенного Богом не напрасно, в отношении к намерению Создателя, – и не для пользы Самого Создателя или кого-нибудь другого из творений Божиих; то очевидно, что если смотреть на первую и общую причину всех вещей, Бог сотворил человека ради Себя Самого, ради благодати и премудрости, созерцаемой во всех созданиях, а если рассматривать причину ближайшую к сотворенным людям, – для жизни самих сотворенных, и притом для жизни, которая не на краткое время возжигается, а потом совершенно угасает. Такую жизнь, по моему мнению, Бог уделил животным пресмыкающимся, летающим и плавающим или, вообще сказать, всем бессловесным; а тем, которые носят в себе образ Самого Творца, владеют умом и одарены разумным смыслом, Творец определил вечное существование, чтоб они, познавая своего Творца и Его силу и премудрость, и следуя закону и правде, безболезненно пребывали во веки с тем, с чем проводили предшествующую жизнь, находясь в тленных и земных телах. Те существа, которые сотворены для кого-нибудь другого, по справедливости перестают существовать, когда прекращают свое бытие те, для которых они сотворены, и не будут понапрасну существовать, так как в творениях Божиих напрасное не имеет места. Но те существа, которые сотворены для самого бытия своего и жизни, так как причина бытия соединена с самою их природою и усматривается только в самом их бытии, никогда не могут подвергнуться ни от какой причины совершенному уничтожению их бытия. Если причина их бытия всегда усматривается в самом их бытии: то всегда должно сохраняться созданное таким образом живое существо, делая и испытывая то, что ему свойственно, причем та и другая часть, из которых оно состоит, проявляется свойственным себе образом: именно душа существует и пребывает с тою природою

своею, с какой она сотворена, и совершает свойственное себе, – а ей свойственно управлять телесными стремлениями и все что происходит, всегда определять и измерять надлежащими признаками и мерами, – а тело стремится по природе своей к тому, что ему свойственно, и принимает назначенные ему изменения, а после всех прочих, относящихся к возрастам, к виду, к величине, – и самое воскресение. Ибо воскресение есть некоторый вид изменения и притом самый последний из всех; это – изменение того, что еще останется в то время, на лучшее.

Уверенные в этом не меньше, как и в том, что уже совершилось, и рассматривая свою природу, мы любим и эту жизнь при всей ее скудости и тленности, как сообразную с настоящим состоянием нашим, и твердо надеемся на жизнь в нетлении, которую не по человеческим выдумкам воображаем, обольщая себя ложными ожиданиями; мы веруем неложному речательству, – намерению Сотворившего нас, с каким Он создал человека из бессмертной души и тела, даровал ему ум и врожденный закон для соблюдения и сохранения того, что дано от Него и что потребно для разумной жизни; мы хорошо знаем, что Он и не создал бы такое живое существо и не украсил бы его всем для всегдашней жизни, если бы не хотел, чтобы эта тварь всегда пребывала. Итак, если Творец всего создал человека для того, чтобы он был причастником разумной жизни, и чтоб он, сделавшись созерцателем Его величия и сияющей во всем мудрости, всегда пребывал в таком созерцании, согласно с намерением Его и с природою, какую получил человек: то причина сего создания удостоверяет в непрерывности его существования, а непрерывность – в воскресении, без которого человек не существовал бы всегда. Из сказанного очевидно, как причиною создания человека и намерением Творца ясно доказывается воскресение. Если же такова причина, по которой человек введен в мир, то необходимо рассмотреть и то, что естественно или по порядку следует за этим. А по порядку исследования после причины сотворения следует природа сотворенных людей; за природою же сотворенных – праведный суд об них Творца и после всего этого – последняя цель их.

Итак, исследовавши самое первое, нужно затем рассмотреть природу человеческую.

Доказательство истины учения или каких-либо предметов, подлежащих исследованию, сообщает неложную достоверность положениям тогда, когда заимствуется не откуда-нибудь извне и не из того, что кажется или казалось некоторым, но – из общего всем и природного смысла, или из связи производных истин с основными. Ибо дело идет или об основных истинах, и тогда нужно только указание на природный смысл, или о таких, которые естественно вытекают из первых, и об их естественной связи с ними; тогда нужно соблюдать в них порядок и показать, что действительно вытекает из основных или прежде доказанных истин, дабы не была пренебрежена истина и ее правильное доказывание, не было смешано или разорвано в своей естественной связи то, что по природе находится в порядке и разграничено. Поэтому, мне кажется, те, которые добросовестно занимаются настоящим предметом и хотят здраво судить, есть ли воскресение человеческих тел, или нет, – наперед должны внимательно рассмотреть силу каждого из идущих сюда доказательств, и какое каждое из них должно занять место, что между ними первое, что – второе, что – третье, и что – последнее из них. Располагая же их, на первом месте должно поставить – причину сотворения людей, т. е. намерение Творца, с каким Он сотворил человека; к ней потом естественно присоединить природу сотворенных людей, – не потому, чтобы она была второстепенным доказательством, но потому, что невозможно зараз судить о том и другом, хотя они весьма близки между собою и представляют одинаковую силу в отношении к предмету. Когда этими доводами, как первыми, которые заимствуются от творческой деятельности Божией, несомненно будет доказано воскресение: тогда можно достоверность его подтверждать и доводами из Промысла Божия; я говорю о следующей каждому человеку награде или наказании, по праведному суду, и о предлежащей цели человеческой жизни. Многие, рассуждая о воскресении, только третьему доказательству придают всю силу, думая, что причина воскресения – суд. Ошибочность этого ясно открывается из того,

что все умершие люди воскреснут, но не все воскресшие будут судимы. Ибо если бы один только праведный суд был причиною воскресения, то следовало бы, что ни сделавшие ничего худого, ни доброго не воскреснут, напр., самые малые младенцы. А между тем воскресение назначено как всем прочим, так и умершим в первом возрасте; и последние служат доказательством, что воскресение будет не ради суда, как первой причины, но по намерению Творца и по природе сотворенных существ.

Хотя достаточно и одной причины, усматриваемой в сотворении людей, для доказательства того, что воскресение, по естественному порядку, следует за разрушением тел; но справедливо – не опускать ни одного из предположенных доводов, но согласно с тем, что сказано, показать для тех, которые сами не могут усмотреть, силу, каждого из них, и прежде всего показать, какое значение имеет природа сотворенных людей, которая приводит к тому же убеждению и равно утверждает веру в воскресение. Если вообще природа человеческая состоит из бессмертной души и из тела, которое соединено с нею при сотворении; если ни природе души самой по себе, ни природе тела отдельно не даровал Бог самостоятельного бытия и жизни, но только людям состоящим из души и тела, чтобы, с теми же частями, из которых они состоят, когда рождаются и живут, по окончании сей жизни они достигали одного общего конца: то душа и тело в человеке составляют одно живое существо, которое испытывает и свойственное душе и свойственное телу, действует и исполняет то, что относится к чувственному или умственному постижению; и потому совершенно необходимо, чтобы такой состав всецело направлялся к одному концу, – дабы все и во всех отношениях сходилась к одной гармонии и к общему согласию, – сотворение человека, природа человеческая, жизнь человеческая, действия и страдания, образ жизни, и сообразная с природою последняя судьба. Если же есть единство и гармония во всем этом живом существе, если есть согласие между действиями души и отправлениями тела, то должна быть одинакова и последняя цель всего этого. Одна же действительно будет последняя цель,

если живое существо, назначенное к известному концу, будет находиться в том же своем составе. Оно будет совершенно тем же живым существом, когда будет иметь те же все части, из которых состоит это живое существо. А части эти тогда только явятся в свойственном им соединении, когда те из них, которые разрушились, опять соединятся в состав живого существа. Образование же состава тех же людей по необходимости ведет к воскресению тел, умерших и разрушившихся; ибо без него те же части не соединились бы между собою по природе, и не восставилось бы естество тех же людей. Если ум и рассудок даны людям для уразумения умопостигаемых предметов, не только сущностей сотворенных, но и благодати, премудрости и правды Того, Кто даровал их: то необходимо, чтобы, если продолжают существовать те предметы, для которых дан рассудок, пребывала и самая дарованная на сие способность суждения. А она не может пребывать, если не существует та природа, которая одарена ею, и в которой она находится. Существо же, получившее ум и рассудок, есть человек, – не душа сама по себе; следовательно, человеку должно оставаться всегда и состоять из души и тела; а таким пребывать ему невозможно, если не воскреснет. Ибо если нет воскресения, то не останется природа человеков, как человеков. Если же человеческая природа не остается существовать, то напрасно душа связана с немощами тела и его состояниями, напрасно и тело удерживается от достижения того, к чему стремится, будучи направлено и сдерживаемо уздой души; напрасно, существует ум, напрасна рассудительность и соблюдение правды или упражнение во всякой добродетели, напрасны законодательство и уставы, и вообще сказать, все то, что есть прекрасного в людях и для людей, или лучше напрасно самое сотворение людей и их природа. Если же решительно во всех делах Божиих и исходящих от Него дарах нет ничего напрасного, то совершенно необходимо, чтобы бессмертной душе соответствовало вечное пребывание и тела, сообразно с его природою.

Пусть не удивляются, что жизнь, прекращаемую смертью и тлением, мы называем пребыванием – имея в виду, что не один

смысл этого выражения, и не одна мера пребывания, так как не одна и природа пребывающих существ. Ибо каждое из пребывающих имеет пребывание сообразное с своею собственною природою, и никто не должен искать такого же пребывания у существ совершенно нетленных и бессмертных, так как существа совершеннейшие не равняются с низшими; и у людей нельзя искать такого неизменного пребывания. Те сотворены бессмертными от начала и нескончаемо пребывают по единой воле Творца; а люди по душе имеют от сотворения непрерывное существование, но по телу получают нетление после изменения. Таков смысл учения о воскресении. Имея его в виду, мы ожидаем и разрушения тела, следующего за жизнью немощной и тленной, и после него уповаем иметь пребывание в нетлении: таким образом мы не равняем нашу смерть со смертью животных, и пребывание людей с пребыванием бессмертных, чтобы чрез это нам не поставить неразумно природу и жизнь людей в один уровень с существами, совершенно различными. Итак, недолжно сокрушаться, если усматривается некоторое неравенство в пребывании¹⁹³ людей, и ради того, что отделение души от частей тела и разложение частей разрывает непрерывность жизни, – не должно отвергать воскресения. Ибо с ослаблением чувств и физических сил, которое естественно бывает во время сна, по-видимому, также прерывается жизнь, состоящая в сознательном ощущении, так как люди засыпают на известный промежуток времени, и как бы снова возвращают к жизни, – и однако ж мы не отказываемся называть такое состояние жизнью. По этой причине, я думаю, некоторые называют сон – братом смерти, не потому, чтобы производили их от одних и тех же предков или отцов, но – по одинаковости состояния умерших и спящих, по спокойствию и нечувствительности ко всему, что существует и происходит, и даже к бытию собственной жизни. Итак, если мы жизнь людей, несмотря на то, что она подвержена таким изменениям от начала до разрушения, и терпит перерывы от всех выше – сказанных обстоятельств, не отказываемся, однако, называть тою же жизнью: то мы не должны отвергать и жизни, следующей

после разрушения, которая приведет воскресение, – хотя она прерывается на некоторое время чрез разлучение души от тела.

Ибо такова природа людей; из начала и по мысли Творца она получила в удел – подвергаться изменениям и имеет жизнь и пребывание неодинаковое, но прерываемое то сном, то смертью, то переменами в каждом возрасте, так как последующий возраст не обнаруживается ясно в предыдущем. Кто поверил бы, если бы не был научен опытом, что в безразличном и бесформенном семени заключено столь много и столь великих сил, такое разнообразие частей, возникающих и слагающихся в нем, как-то: костей, нервов, хрящей, кроме того, мускулов, плоти, внутренностей и прочих составов тела? Ни во влажных семенах ничего этого не видно, ни у младенцев не замечается того, что обнаруживается у юношей, ни в возрасте юношеском того, что свойственно мужам зрелым, ни у сих последних того, что бывает у стариков. Хотя из помянутых возрастов некоторые вовсе не обнаруживают, а некоторые не ясно представляют естественную свою последовательность и перемены, происходящие в человеческой природе: однако, те, которые не слепотствуют злонамеренно или по беспечности в исследовании дела, знают, что, прежде всего, должны быть брошены семена, что когда после образования из отдельных частей и членов плод явится на свет, наступает развитие первого возраста, после этого развития следует зрелость, после зрелости – упадок естественных сил – до старости, а потом разрушение одряхлевших тел. И так, если здесь, хотя ни семя не представляет ясно начертанной жизни человеческой или ее вида, ни жизнь не обнаруживает последующего разрушения на первоначальные стихии, однако, порядок естественных явлений внушает веру в то, что еще не удостоверено самыми явлениями: тем более разум, исследуя истину в естественном порядке, удостоверяет в воскресении, имея надежнейшие и более сильные, чем опыт, основания к подтверждению истины.

Предложенные нами выше доказательства, подтверждающие воскресение, все одного рода, так как происходят из одного начала, – а это начало у них – происхождение первых людей чрез сотворение; но одни из них

утверждаются на самом первом начале, из которого произошли, а другие, вытекающие из природы и жизни людей, заимствуют свою достоверность от промышления Божия об нас. Ибо причина, по которой и для которой сотворены люди, находясь в тесной связи с природою человеческою, получает свою силу из сотворения; доказательство же, заимствуемое из правосудия, по которому Бот судит благочестиво и нечестиво живших людей, получает силу из назначения их; и, хотя суд и назначение людей происходят оттуда – от сотворения, но более утверждаются на промышлении. Раскрыв сколько можно первые доводы, хорошо доказать рассматриваемую нами истину и посредством последних: я говорю о предстоящей каждому человеку награде или наказании по праведному суду, и о цели человеческой жизни. И из этого нужно наперед поставить то, что естественно предшествует, и прежде рассмотреть мысль о суде. Здесь присовокуплю только, по заботливости о надлежащей основательности и порядке в изложении одно: что именно те, которые признают Бога творцом всего, если хотят быть верными своим началам, необходимо должны допустить, что все сотворенное находится под сохранением и промышлением премудрости и правды Его, и рассуждая таким образом должны признать, что ничто ни на земле, ни на небе не изъято из управления и провидения Божия, но что попечение Творца простирается на все сокровенное и явное, малое и великое. Ибо все сотворенное имеет нужду в промышлении Творца, и каждое существо в частности, относительно своей природы и назначения, для которого оно создано. Я считаю делом пустого тщеславия входить теперь в подробности о том, что свойственно природе каждой вещи; но человек, о котором предлежит теперь говорить, как слабый, имеет нужду в пище; как смертный, – в потомстве, как разумный – в правосудии. Если же каждая из этих потребностей свойственна человеку по его природе, и он нуждается в пище для поддержания жизни, нуждается в потомстве для продолжения рода, нуждается в правосудии для законного приобретения пищи и потомства: то необходимо, чтобы, как пища и преемство рода относятся к обеим частям его существа, так и правосудие простиралось на

обе же части, – то есть на всего человека состоящего из души и тела, – и чтобы весь человек подлежал суду за все свои дела, и получал за них награду или наказание. Если праведный суд полагает возмездие за действия обеим частям, и не одна душа должна получить возмездие за то, что сделано ею вместе с телом, – ибо она не сама по себе увлекается к грехам относительно телесных удовольствий, пищи или других чувственных благ, – и ни одно только тело, – ибо оно само по себе не способно рассуждать о законе и правосудии: – но человек, состоящий из того и другого подлежит суду за каждое из своих действий; между тем разум не находит этого воздаяния ни в настоящей жизни, – ибо в настоящей жизни нет его по достоинству, так как многие безбожники, преданные всякому беззаконию и нечестию, не испытывают несчастий до самой смерти, и напротив, те, которые жизнь свою провождают во всякой добродетели, подвергаются скорбям, обидам, клеветам, мучениям и всяким бедствиям, – ни после смерти, – ибо человек не состоит еще из обеих частей, пока душа отделилась от тела, а тело разложилось на то, из чего оно было составлено. и не сохраняет ничего из прежней своей природы или вида, ни даже памяти о соделанном: – то следствие очевидно для всякого; именно что надлежит по апостолу, «тленному сему» и рассыпавшемуся «облещись в нетление», дабы, когда умершие оживут чрез воскресение, и опять соединится разделившееся или совершенно разрушившееся, каждый получил должное, за то, «что с телом соделал, благое или злое»¹⁹⁴.

Итак, тем, которые признают Промысл и принимают с нами одни и те же начала, но потом, не знаю каким образом, отступают от собственных положений, тем пусть всякий предлагает эти рассуждения, и даже больше этих, если захочет пространнее изложить то, что сказано много сокращенно и мимоходом. А тем, которые расходятся в самых основаниях, полезно было бы предложить другое начало, показывая вместе с ними сомнение в том, что они исследуют, и вместе с ними рассуждая таким образом: совершенно ли навсегда оставлена без внимания жизнь и все поведение людей и распростерт на

земле какой-то глубокий мрак, покрывающий неведением и забвением самих людей и дела их, или гораздо безопаснее думать, что Творец управляет Своими творениями, надзирает над всем существующим и совершающимся, и есть судия дел и намерений? Если бы никогда не было никакого суда над человеческими деяниями, то люди не имели бы никакого преимущества перед животными, или даже были бы еще несчастнее их, так как они борются со страстями и заботятся о благочестии и правде и о прочих добродетелях; а жизнь скотская была бы самою лучшею, добродетель – нелепостью, угроза суда – крайне смешною, наслаждение всякими удовольствиями – величайшим благом; и общим для всего учением и одним законом было бы любимое у невоздержных и сладострастных правило: «будем есть и пить, ибо утром умрем»¹⁹⁵. Конец такой жизни не удовольствие, как думают некоторые, а совершенное бесчувствие. Если же Творец людей имеет какое-нибудь попечение о своих творениях, и соблюдает различие между доброю и худою жизнью, то это последует или в настоящей жизни, когда еще живут люди добродетельные или злые, или после смерти, когда они подвергнутся разделению и разрушению. Но ни в том, ни в другом случае не может быть соблюден праведный суд. Ибо в настоящей жизни ни добрые не получают должного за добродетели, ни злые – за свое нечестие. Я уже не говорю о том, что, пока пребывает наша природа в том виде, в каком мы теперь существуем, эта смертная природа не может понести наказания, которое равнялось бы весьма многим и весьма тяжким преступлениям. Так, разбойник, правитель или тиран, умертвивший несправедливо бесчисленное множество людей, одною смертью своею не мог бы заплатить за них правосудию. Так, нечестивец, который не имел ни одного истинного представления о Боге, предавался всякому глумлению и злохулению, презирал божественное, попирал законы, растлевал детей и женщин, несправедливо разорял города, сожигал дома вместе с живущими в них, опустошал области, истреблял множество людей, или даже целый народ: каким образом он в тленном теле получил бы наказание, соразмерное с этими злодеяниями, если смерть предвосхищает

его от заслуженного наказания, и смертное естество его недостаточно для возмездия даже за какое-нибудь одно из преступлений его? Итак, ни в настоящей жизни не видно праведного суда, ни после смерти.

Смерть есть или совершенное прекращение жизни, так что душа вместе с телом разрушается и истлевает, или душа пребывает одна, неразложимая, неразрушимая, не гибнущая, а разрушается только тело, не сохраняя никакого воспоминания о содеянном, и никакого ощущения того, что оно испытало по влиянию души. Ибо если совершенно угасает жизнь людей, тогда нет никакого попечения о людях уже не живущих, никакого суда над теми, которые жили добродетельно или нечестиво; а в таком случае превзойдут все злодеяния беззаконной жизни, и множество гнусностей, связанных с такою жизнью, и главное из этих беззаконий, – безбожие. Если же подвергается тлению одно тело, и каждая из разрушившихся частей его переходит к сродным стихиям, а душа, как нетленная, остается сама по себе, то и тогда суд над нею не будет иметь места, так как нет здесь правосудия. Но нелепо предполагать, будто от Бога или у Бога бывает какой-нибудь суд, в котором нет правды: а правды не бывает в суде, когда недостает того, кто совершил праведное или неправедное. Совершил же в жизни то, о чем производится суд, человек, а не одна душа. Кратко сказать, такой суд не соблюл бы ни в чем справедливости.

Если будут награждены добрые дела, то, очевидно, будет оказана несправедливость в отношении к телу, которое участвовало с душою в трудах при совершении добра, и не участвует в награде за добрые дела; и тогда как душа часто получает прощение некоторых согрешений ради немощи и нужд тела, само тело будет лишено награды за участие в добрых делах, в которых во время жизни и оно несло труды вместе с душою. И когда будут судимы согрешения, не соблюдет правосудие в отношении к душе, если она одна подвергнется наказанию за те грехи, которые она совершила подвигнутая телом и увлеченная его стремлениями или движениями, иногда внезапно и как бы воровски, иногда с некоторым насилием, иногда под благовидным предлогом попечения о сохранении

тела. Или какая была бы справедливость, – подвергать суду одну душу за то, к чему она по своей природе не имеет ни вожделения, ни влечения или стремления, например, за роскошь, или насилие, или жадность, или несправедливость, и происходящие от них пороки? Если большая часть таких злодеяний бывает от того, что люди не сдерживают волнующие их страсти, а страсти возникают от требования и нужд тела, от попечения о нем и угождения ему, – ибо ради этого всякое стяжание и наслаждение, так же супружество и все житейские дела, между которыми и из-за которых одно считается предосудительным, а другое нет: – то где правосудие, если одна душа подвергнется суду за то, к чему тело первое чувствует стремление и увлекает душу к сочувствию и к общению в действиях для того, что ему потребно? Если сильные влечения и сладострастные похоти, равно как страхи и печали, в которых всякая неумеренность подлежит осуждению, получают свое движение от тела, а за происходящие от них грехи и наказания за них падут на одну душу, которая ни в чем таком не нуждается, не похотствует, не страшится, и сама по себе не испытывает ничего такого, что обыкновенно испытывает человек? Если даже положим, что страсти принадлежат не одному телу, а и душе человека, что и справедливо, так как единая жизнь его слагается из обоих: однако, не можем сказать, чтобы они принадлежали одной душе, если отдельно рассматриваем ее собственную природу. Ибо если она совершенно не нуждается ни в какой пище, то она никогда не может стремиться к тому, в чем она не имеет нужды для своего бытия, не может домогаться чего-нибудь такого, чем она вовсе не может пользоваться; она никогда не будет скорбеть о недостатке денет или стяжаний, как совершенно бесполезных для нее. Если она выше тления, то не страшится ничего того, что могло бы причинить ей смерть; не страшится ни голода, ни болезни, ни отсечения членов, ни увечья, ни огня, ни железа, потому что она не может потерпеть от сего никакого вреда или болезни, так как ее совершенно не касаются ни тела, ни силы телесные. Если же страстные движения присвоят собственно душам – нелепо, то преступления, происходящие от них, и

наказания за них возлагать на одни души – чрезвычайно несправедливо и недостойно суда Божия.

Кроме того, не нелепо ли – добродетель и порок считать даже немислимыми в одной душе, отдельно от тела, ибо добродетели мы признаем добродетелями человека, равно как и противоположные им пороки, а не относим к душе, отделенной от тела, самой по себе существующей, – награду же или наказание за них относить к одной душе? Каким образом представить себе мужество и твердость в одной только душе, когда она не боится ни смерти, ни ран, ни отсечений членов, ни ущерба, ни ударов, ни происходящих от них страданий, или несчастий? Каким образом представить в ней воздержание и целомудрие, когда она не влечется никаким желанием к пище, или совокуплению, или другим удовольствиям и наслаждениям, когда ничто другое ни изнутри не возбуждает ее, ни извне не подстрекает? Как представить в ней благоразумие, когда ей не подлежит, над чем бы ей действовать или не действовать, что избирать и чего убегать, или лучше, когда в ней нет никакого движения, или естественного стремления к какой-либо внешней деятельности? Каким образом душам может быть свойственна справедливость в отношении друг к другу или к чему-нибудь другому однородному или разнородному, когда они не имеют, почему бы, чем бы и как бы воздать по заслугам или по закону равномерности за исключением почтения к Богу, когда они не имеют стремления, или побуждения к пользованию своим или к воздержанию от чужого: когда пользование тем, что сообразно с природою или воздержание от сего свойственно тем, которые так рождены, чтобы могли пользоваться; а душа ни в чем не имеет нужды, и не так устроена, чтобы пользоваться тем или другим, и поэтому в ней так устроенной не может оказаться своекорыстия.

И нелепее всего то, что установленные законы относят к людям, а возмездие за законные и незаконные деяния обращают на одни души. Ибо если по справедливости следует принять наказание за преступление тому, кто принял законы, законы же принял человек, а не душа сама по себе, то и наказание за проступки должен понести человек, а не одна

душа. Бог не душам заповедал воздерживаться от того, что нисколько не свойственно им, например, прелюбодеяния, убийства, воровства, хищения, поношения родителей, и вообще всякого пожелания, причиняющего ближнему обиду и вред. Ибо заповедь: «чти отца твоего и мать»¹⁹⁶ не к душам только относится, так как эти названия не свойственны им, потому что не души рожают душ, так чтобы им присвоилось название отца или матери, а люди людей. Так же и эту заповедь: «не прелюбы сотвори»¹⁹⁷, не сообразно было бы обратиться к душам, когда между ними не существует различие мужского пола и женского, и в них нет ни способности, ни стремления к совокуплению. Когда нет этого стремления, не может быть совокупления; а у кого совершенно нет совокупления, у тех нет и законного совокупления, т. е. брака; когда же не существует законное совокупление, то не может иметь место и незаконное совокупление, и вожделение или совокупление с чужою женою, т. е. – прелюбодеяние. И запрещение похищать или желать большего не относится к душам; ибо им нет нужды в том, в чем нуждающиеся, вследствие естественного недостатка или потребности, обыкновенно похищают или отнимают силою, например, золото или серебро, или животное, или что-нибудь другое, относящееся к пище или одежде, или житейскому употреблению. Для природы бессмертной бесполезно все, что для нуждающихся составляет предмет стремления, как полезное. Впрочем, подробнейшее исследование об этом пусть будет представлено тем, которые желают тщательнее исследовать каждый предмет, или имеют большую охоту состязаться с противниками. А нам достаточно того, что теперь сказано и что согласно с этим подтверждает истину воскресения, и было бы неблагоприятно дольше останавливаться на том же, ибо мы поставили целью не то, чтобы ничего не опустить, что можно сказать, но, чтобы кратко показать всем собравшимся¹⁹⁸, как должно рассуждать о воскресении, и доказательства, на которых утверждается это учение, сообразовать с способностью присутствующих.

После выше предложенного исследования остается рассмотреть доказательство, заимствуемое из цели человека:

оно уже ясно из того, что сказано, но следует его рассмотреть и дополнить на столько, на сколько нужно для того, чтобы не показалось, что мы оставили без внимания то, о чем сказали только кратко, и отступили от предмета, или сделанного в начале разделения. По этой причине и ради тех, которые очень занимаются сим предметом, достаточно указать только на то, что и для произведений природы, и для произведений искусства должна быть свойственная каждому цель: в этом убеждает нас всеобщий смысл и свидетельство наглядного опыта. Разве мы не видим, что иную цель имеют в виду земледельцы, иную врачи, и еще, что иное назначение того, что родится из земли, и иное животных, которые питаются от нее и рождаются по некоторому естественному преемству? Если же это несомненно, и силы, как естественные, так и искусственные, а также их произведения, должны иметь свойственное им назначение, то совершенно необходимо, чтобы назначение людей, как особенных по своей природе существ, не имело ничего общего с другими. Ибо несправедливо назначать одну и ту же цель и для тех, которые не имеют разумного суждения, и для тех, которые действуют по врожденному закону и разуму, и способны к жизни разумной и к справедливости. Таким образом, беспечальность не может быть собственно их целью, – ибо это было бы у них обще с существами, лишенными всякого чувства; – не может также и наслаждение тем, что питает и услаждает тело, и обилие удовольствий, – ибо тогда необходимо имела бы преимущество жизнь скотская, а жизнь добродетельная была бы бесцельна, – это я считаю собственно назначением зверей и скотов, а не людей, одаренных бессмертною душою и разумным суждением.

Равным образом не может быть назначением человека блаженство души, отделенной от тела. Ибо мы рассматриваем жизнь, или назначение не одной какой-либо из частей, из которых состоит человек, но человека, состоящего из обеих. Таков именно всякий человек, получивший эту жизнь, и должна же быть собственная цель его жизни. Если же цель относится к обеим частям, а между тем она, по причинам, неоднократно высказанным выше, не может быть указана для живущих людей

ни в этой жизни, ни по отделении души от тела, потому что человек не есть уже человек, когда тело разрушилось или совершенно уничтожилось, хотя бы душа и продолжала существовать сама по себе, то совершенно необходимо, чтобы назначение людей находилось в каком-либо ином состоянии этого двучастного живого существа. А если это необходимо следует, то непременно должно быть воскресение тел, умерших и совершенно разрушившихся, и вторичное существование тех же людей; ибо естественный закон определяет цель ни для человека вообще и ни кое-кого из людей, но для тех самых, которые провели эту жизнь, а они не могут опять существовать, как те же люди, если те же самые тела не будут возвращены тем же самым душам. Но чтобы тоже самое тело приняло ту же самую душу, это не иначе возможно, как только чрез воскресение. Когда это совершится, тогда достигнется цель, сообразная с природою людей. Никто не согрешил бы, если б сказал, что цель сознательной жизни и разумного суждения – в постоянном и непрерывном занятии тем, к чему больше и прежде всего приспособлен естественный разум – в созерцании Сущего и непрестанном услаждении Его заповедями, хотя многие из людей, слишком пристрастно и сильно предавшиеся земному, не достигают этой цели. Не изменяет общего жребия множество таких, которые уклоняются от предназначенной им цели: каждый подвергнется суду и каждому будет соразмерена награда или наказание за добрую или худую жизнь.

Св. Феофил Антиохийский и его три книги к Автолику о вере христианской

О святом Феофиле Антиохийском и его книгах к Автолику

О жизни св. Феофила антиохийского очень мало известно. Из его сочинения, написанного к Автолику о вере христианской, видно, что Феофил родился и воспитался в язычестве и получил отличное ученое образование. Подобно многим другим (например, Иустину, Тапану и Афинагору) он познакомился с священными книгами христиан и чрез чтение их, особенно писаний пророческих, уверовал во Христа, (ad Autol. 1, 14). Уважение, какое приобрел он в кругу верующих своею ревностью по вере, свидетельствуется тем, что по смерти Эроса, пятого епископа антиохийской церкви (168), он был поставлен в преемники ему. О епископской деятельности его можно судить по следующему отзыву Евсевия: «так как в это время еретики, подобно плевелам, нисколько не менее вредили чистому семени апостольского учения, то пастыри церкви повсюду старались отгонять их от стада Христова, иногда наставлениями и увещаниями к самим братьям, иногда открытою борьбой против врагов, то устными состязаниями и опровержениями, то чрез сочинения... Восставали на еретиков, в числе других и Феофил» (Ц. Ист. IV, 24). Так как Феофил в 3-й книге своей к Автолику говорит о смерти римского императора Марка Аврелия философа (180), то обыкновенно вместе с Никифором принимают, что Феофил был епископом около 18 лет (168–181); а ученые бенедиктанцы время его епископства полагают от 176 г. до 186 г.

По свидетельству Евсевия, св. Феофил написал «превосходную» книгу против Маркиона и сочинение против ереси Гермогена, в котором он, между прочим, приводил свидетельства из апокалипсиса Иоанна (там же). Кроме того, Евсевий и Иероним упоминают о других «огласительных сочинениях», о кратких, но прекрасных трактатах, относящихся к назиданию Церкви» (Catal. 48). Иероним говорит о приписываемом Феофилу толковании на евангелие и на притчи Соломона, но замечает, что они не соответствуют изяществу

слога в других его сочинениях. Впрочем, он в предисловии к толкованию на Матфея цитует Феофилов комментарий на евангелие. На основании слов Иеронима (epist. ad algas 121), думают (Отто), что комментарий Феофила был в роде свода или гармонии четырех евангелистов с объяснение текста в совокупности, а не порознь¹⁹⁹). Сам св. Феофил упоминает в книге к Автолику (II, 28, 30) о сочинении, в котором излагалось о демоне, обольстившем первых человеков, и о родословии патриархов. Но все эти полемические, толковательные и общеназидательные сочинения Феофила не дошли до нас²⁰⁰.

Единственное дошедшее до нас сочинение св. Феофила антиохийского – *три книги к Автолику*, о которых упоминают Евсевий и Иероним. Достоинство их относительно как содержания, так и изложения заставляют очень сожалеть о потере других указанных нами творений Феофила. Автолик, к которому написаны книги о вере христианской, был очень образованный и, может быть, облеченный властью, язычник, лично знакомый с Феофилом, но исполненный предубеждения и ненависти против христианства. Устные собеседования с ним Феофила были поводом к написанию книг о христианской вере. Эти книги были написаны не вдруг, а порознь в том порядке, в каком они существуют, и были посылаемы к Автолику, и уже после, по однородности своего содержания, собраны в одно целое. После одной из бесед, в которой Автолик смеялся над учением христианским, особенно о Боге и воскресении мертвых, и над самым именем христианина, написана первая книга. В ней св. Феофил на требование Автолика: «покажи мне твоего Бога», отвечает: «покажи мне твоего человека, и я покажу тебе моего Бога; покажи, что очи души твоей видят и уши сердца твоего слышат» (гл. 2). Он доказывает, что Бог не может быть видим плотскими очами и неизобразим для человека по Его бесконечности; но может быть познаваем из Его Промысла и действий; полное же знание и созерцание Бога сделается возможным тогда, когда мы совлечемся смертного тела и облечемся в бессмертие (гл. 3–7). Так как Автолик не верил воскресению мертвых, то Феофил сперва показывает, что без веры мы не можем обойтись в делах житейских и достигнуть в

них успеха, и тем более должны верить Богу, создавшему нас из небытия в бытие (гл. 8–11); и коснувшись имени христиан, которое ничего нелепого не содержит в себе, но означает «людей помазанных елеем Божиим (гл. 12), потом отвечает на требование Автолика показать воскресшего мертвеца» «Я показал бы тебе мертвеца воскресшего, который и теперь жив: но и этому не поверишь». Затем указывает ему в самой природе образы воскресения, например, в смене дней и ночей, в произрастании деревьев, в выздоровлении больных (гл. 13) и наконец, собственным примером, как он дошел до убеждения в истине, убеждает верить учению христианскому (гл. 14).

Во второй книге Феофил, по желанию Автолика, продолжает свое рассуждение, доказывает ложность языческого суеверия – почитанием за богов идолов, сделанных людьми, противоречием философских систем и нелепостью феогонии поэтов (1–8), и сему противопоставляет истинность Божественного откровения, содержащегося в писаниях пророков, и в особенности раскрывает смысл и достоинство сказаний книги Бытия о сотворении мира и человека, о рае, о падении первых людей, и о первоначальной истории человеческого рода, до рассеяния народом по всей земле (9–38). В третьей книге Феофил опровергает обвинения в безнравственности христиан, показывая, что по всей справедливости эти обвинения падают на языческих писателей (1–8), напротив учение христиан возвещает высокие истины о Едином Боге, Святом Законодателе, о покаянии, о правде, о чистоте в самых помыслах о любви даже ко врагам, и это подтверждает жизнью христиан, которые воздерживаются даже от языческих игрищ и непристойных зрелищ (9–15). Потом на возражение, что христианское учение ново, доказывает, что напротив священные книги христиан восходят к глубочайшей древности, сравнивая хронологию библейскую и языческую, (16–29) и в заключение просит внимательно прочитать его книгу (гл. 30).

Таково содержание трех книг²⁰¹ о христианской вере, которые дают Феофилу весьма видное место в ряду христианских апологетов II века.

Феофила к Автолику

Книга первая

Красноречивый язык и изящные выражения доставляют наслаждение и питают тщеславие людей с испорченным умом; любитель же истины не обращает внимания на цветистость слов, но исследует самое дело речи, что и каково оно. Так как ты, мой друг, забросал меня пустыми словами, говоря в похвалу твоих богов – каменных и деревянных, выбитых и литых, изваянных и живописных, «которые не видят и не слышат, ибо они суть идолы и произведения рук человеческих»²⁰², и сверх того называешь меня христианином, как будто я ношу какое-нибудь преступное имя: то с своей стороны признаю, что я христианин, и ношу это боголюбезное имя в надежде быть угодным Богу. Имя Божие не есть, как ты предполагаешь, что-либо укорительное; может быть потому думаешь так о Боге, что сам ты еще не угоден Богу.

Если ты скажешь: «покажи мне твоего Бога»²⁰³, то я отвечу тебе: покажи мне твоего человека²⁰⁴, и я покажу тебе моего Бога. Покажи, что очи души твоей видят и уши сердца твоего слышат. Ибо как телесные глаза у зрячих людей видят предметы этой земной жизни и усматривают различие, например, между светом и тьмою, между белым и черным, между безобразным и красивым, между правильным, соразмерным и неправильным, несоразмерным, между чрезмерным и недостаточным, или как уши различают звуки, подлежащие слуху – резкие, тяжелые или приятные: так точно есть уши сердца и очи души, чтобы видеть Бога. И Бог бывает видим для тех, кто способны видеть Его, у кого именно открыты очи душевные. Все имеют глаза, но у иных они покрыты мраком и не видят солнечного света. И хотя слепые не видят, свет солнечный все-таки существует и светит, а слепые пусть жалуются на самих себя и на свои глаза. Так и у тебя друг мой, очи твоей души помрачены грехами и злыми делами твоими. Человек должен иметь душу чистую, как блестящее зеркало. Когда на зеркале есть ржавчина, то не может быть видимо в зеркале лицо человеческое: так и человек, когда в нем есть

грех, не может созерцать Бога. Итак, покажи ты себя самого, не прелюбодей ли ты, не блудник ли, вор, грабитель, похититель, растлитель отроков, не сварлив ли ты, не злоречив ли, не гневлив ли, не завистлив ли, не надменен ли, не горд ли, не буен ли, не сребролюбив ли, не ослушник ли родителям, не продавец ли детей твоих. Ибо Бог не открывается тем, кто это делает, если наперед не очистят себя от всякой скверны. Все это наводит мрак, и как болезнь на глазах не позволяет им обращаться к свету солнечному, так и тебя, мой друг, беззакония помрачают так, что не можешь видеть Бога.

Ты скажешь мне: «ты, видящий, опиши мне вид Бога». Послушай, друг мой: вид Бога неопишем и неизъясним, ибо не может быть видим плотскими глазами. Его слава бесконечна, величие необъятно, высота непостижима, могущество неизмеримо, мудрость неисследима, благость неподражаема, благодеяния неизреченны. Ибо если назову Его светом, то я скажу об Его творении; назову ли Его Словом, скажу об владычестве²⁰⁵; назову ли Его умом, скажу о Его мудрости; назову ли Духом, скажу о Его дыхании; назову ли мудростью, скажу о Его порождении; назову ли крепостью, скажу о Его могуществе; назову ли силою, скажу о Его деятельности; назову ли Промыслом, скажу об Его благости; назову ли царством, скажу о Его славе; назову ли Господом, – назову Его сущим; назову ли судьей, – назову Его праведным; назову ли отцом, – скажу о Его любви; назову ли огнем, – скажу о Его гневе. Скажешь мне: «так Бог гневается?» Да, Он гневается на тех, которые делают зло, но благ, щедр и милостив к любящим и боящимся Его; ибо Он наставник благочестивых и отец праведных, но судья и каратель нечестивых.

Бог безначален, потому что он не произошел, неизменяем, потому что бессмертен. Он называется Богом (Θεός) потому что положил (διὰ το τεθεϊκεῖν) все в Своей крепости и διὰ το θεεῖν: слово же θεεῖν означает бежать, двигать, производить, питать, провидеть, управлять, оживотворять все²⁰⁶. Он называется Господом, потому что господствует над всем, Отцом, – потому что существует прежде всего, – Зиждителем и Творцом, потому что все создал, сотворил, – Всевышним, потому что превыше

всего, – Вседержителем, потому что всем управляет и все содержит. Ибо и высоты небес, и глубины бездн, и пределы вселенной в руке Его, и нет места Его успокоения²⁰⁷. Небеса – Его дело, земля – Его творение, море – Его создание, человек – Его произведение и подобие, солнце, луна и звезды – Его стихии, сотворенные в знамения, во времена, дни и годы²⁰⁸, на службу и пользу людей; и все Бог создал из небытия в бытие, дабы из дел Его было познаваемо и разумеемо Его величие.

Как душа в человеке невидима и незрима для людей, познается же чрез движение тела, так и Бога нельзя видеть очами человеческими, но Он созерцается и познается из Его провидения и действий. Ибо кто увидит корабль в море, снаряженный и идущий к берегу, непременно заключит, что есть на нем кормчий, управляющий его движением; так точно должно думать, что есть Бог – Правитель вселенной, хотя Он и невидим плотскими глазами по Его бесконечности. Если человек не может взглянуть на солнце – это весьма малое в сравнении с вселенной тело – по чрезмерному его жару и силе, то не меньше ли еще смертный человек может зреть неизреченную славу Бога? Как гранатовое яблоко, снаружи покрытое кожицею, имеет внутри много ячеек и вместилищ, отделенных друг от друга тонкими плевами, и содержит в себе много семян: так все творение содержится духом Божиим²⁰⁹ и этот дух вместе с творением содержится рукою Божией. И как зерно гранатного яблока, в нем содержащееся, не может видеть то, что вне кожицы, будучи само внутри: так и человек, который вместе со всем творением содержится рукою Божией, не может видеть Бога. Далее – царя земного хотя не все видят, но признают его бытие и знают о нем по его законам, распоряжениям, властям, войскам и изображениям. А ты не хочешь таким же образом познавать Бога из Его дел и сил²¹⁰?

Рассмотри, мой друг, дела Его, – преемственные смены времен года и перемены воздухов, благочинное течение звезд, правильное последование дней и ночей, месяцев и годов, разнообразную красоту семян, растений и плодов, многообразные виды животных четвероногих, птиц, гадов и рыб, речных и морских, – также данный животным инстинкт к

рождению и воспитанию потомства не для их собственной пользы, а для употребления человека, – Промысл Божий, приготавливающий пищу для всякой плоти, – то подчинение, которое определено животным в отношении к человеческому роду, – течение приятных потоков и не иссякающих рек, периодическое выпадение росы и дождей, разнообразное движение небесных тел, восход утренней звезды, предвестницы появления полного светила, союз Плеяды и Ориона, течение Арктура и прочих звезд по небесному кругу, коим всем многообразная премудрость дала собственные имена²¹¹. Сей Бог единый сотворил из тьмы свет, хранилища южного ветра²¹² и сокровища бездны и пределы морей, и сокровища снега и града, собирает воды в сокровищах бездны²¹³ и мрак в его сокровищах, и изводит свет приятный и вожделенный из сокровища его, возводит облака с края земли и умножает молнии для дождя, посылает гром для страха и предвозвещает взрыв грома посредством молнии, чтобы никто не умер от внезапного страха, и самую силу молнии, сходящей с небес, умеряет так, чтоб она не сожгла земли, ибо если бы молния взяла всю силу свою, то сожгла бы землю, и гром, предоставленный самому себе, разрушил бы все на земле.

7. Сей Бог мой есть Господь вселенной, Который один простер небо²¹⁴ и положил широту поднебесной, Который возмущает глубину моря и шум волн его возбуждает,²¹⁵ владычествует над силою его и укрощает возмущение волн²¹⁶, Который утвердил землю на водах²¹⁷ и дает дух питающий ее, дыхание коего животворит все, и с удержанием коего вселенная разрушится. Об Нем ты говоришь, человек, Его духом дышишь, и Его-то не знаешь. Это произошло у тебя от помрачения души и окаменения сердца твоего. Но если хочешь, можешь излечиться: отдай себя врачу, и он снимет болезнь с очей твоей души и сердца. Кто этот врач? Бог, Который чрез Слово и премудрость²¹⁸ врачует и животворит. Бог словом Своим и Премудростию сотворил все; ибо «Словом Его небеса утвердились и Духом Его вся сила их»²¹⁹. Превосходна Его Премудрость: «Бог премудростью утвердил землю и устроил небеса разумом, в чувстве Его бездны разверзлись, и облака

источали росу»²²⁰. Если ты разумеешь это, друг, и живешь чисто, свято и праведно, то можешь видеть Бога. Прежде же всего да утвердятся в сердце твоём вера и страх Божий, и тогда ты уразумеешь это. Когда отложишь смертное и облечешься в бессмертие, тогда узришь Бога, как следует. Ибо воздвигнет Бог плоть твою бессмертную вместе с душою; и тогда, сделавшись бессмертным, узришь Бессмертного, если ныне уверуешь в Него, и тогда познаешь, как ты несправедливо говорил о Нем.

Но ты не веруешь в воскресение мертвых. Когда оно совершится, уверуешь волею неволею, но вера твоя вменится в неверие, если ныне не уверуешь. И почему ты не веруешь? Или не знаешь, что во всех делах предшествует вера²²¹? Какой земледелец может получить жатву, если прежде не вверит земле семени? Кто может переплыть море, если прежде не доверится кораблю и кормчему? Какой больной может излечиться, если прежде не доверится врачу? Какое искусство или знание можно изучить, если прежде не отдадим себя и не доверимся учителю? Итак, земледелец верит земле, плаватель – кораблю, и больной – врачу, а ты не хочешь довериться Богу, имея от Него столько залогов? Первое – то, что Он сотворил тебя из небытия в бытие. Ибо если бы не было твоего отца и матери, тем более ты не существовал бы. И Он образовал тебя из небольшой влажной сущности и малейшей капли, которая и сама никогда не существовала; Бог произвел тебя в эту жизнь. Веришь же ты, что созданные людьми статуи суть боги и делают дивные вещи. А не веруешь, что Бог, сотворивший тебя, может некогда воссоздать тебя?

Далее, имена богов, которым, как говоришь, ты поклоняешься, суть имена умерших людей. И кто же и каковы они были? Кронос не оказывается ли ядущим и истребляющим своих собственных детей? Укажешь ли на Зевса, его сына, – рассмотри внимательно его действия и образ жизни. Прежде всего, он был воспитан на горе Иде козю, и, как говорят мифы, убил ее и сняв с нее кожу, сделал себе одежду. О прочих его действиях, кровосмешениях, прелюбодеяниях и срамных делах, гораздо лучше рассказывают Гомер и другие поэты. Нужно ли мне указывать на его сыновей, на Геракла, самого себя

сжегшего, на Диониса пьяного и неистового, на Аполлона, от страха бегавшего от Ахиллеса, влюбленного в Дафну и не ведавшего о смерти Гиацинта²²², – на Венеру раненную, на Арея, губителя людей, и еще более – на кровь, текущую из этих называемых богов? Но это еще маловажно в сравнении с тем, как вспомним о растерзанном боге, называемом Озирис, по котором ежегодно совершаются празднества, как по погибающем и опять находимом, отыскиваемом по частям²²³, ибо неизвестно, умер ли он, и не видно, отыскан ли. Нужно ли говорить мне об Аттисе оскопленном, или об Адонисе, блуждающем в лесу, занимающемся охотой и раненном вепрем, или об Асклепии, пораженном молнией, или о Сераписе, бежавшем из Синопы в Александрию, или об Артемиде Скифской, также бывшей в бегстве, человекоубийце, охотнице и влюбленной в Эндимиона? Это не мои слова, но об этом рассказывают ваши же историки и поэты.

К чему мне перечислять множество животных, чтимых египтянами, – гадов, скотов, зверей, птиц, животных речных, даже тазы и постыдные звуки²²⁴? Если укажешь на эллинов и на другие народы, то они чтут камни, деревья и другие материальные вещи, изображения, как я уже сказал, умерших людей. Известно, что Фидий сделал в Пизе для илийцев Зевса олимпийского, а для афинян – Афину в Акрополе. Спрошу и я тебя, друг мой, сколько насчитывается Зевсов. Во-первых, есть Зевс олимпийский, потом Зевс Латиар, Зевс касский, Зевс Керавний, Зевс пропатор, Зевс Панний, Зевс Полиух и Зевс капитолийский. Зевс, сын Кроноса, бывший царем критян, имеет гробницу в Крите; а прочие, быть может, не удостоились погребения. Если упомянешь о матери так называемых богов, то уста мои да не изрекут ее деяний (ибо нам непристойно и называть таковые) или деяний ее служителей, поклоняющихся ей²²⁵, и сколько дохода и податей царю доставляют и она и ее сыны²²⁶. Ибо они не боги, но идолы, как я прежде сказал²²⁷, «дела рук человеческих и нечистые демоны. Подобны им будут те, которые делают их и надеются на них»²²⁸.

Поэтому скорее буду почитать царя, *нежели богов ваших*²²⁹, почитать, не поклоняясь ему, но молясь за него. Поклоняюсь же

Богу, Который по истине есть Бог истинный, зная, что царь от Него сотворен. Ты скажешь мне: почему не поклоняешься царю? – Потому, что он сотворен не для того, чтоб ему поклонялись, но, чтобы воздавалась законная честь. Он не Бог, но человек, от Бога поставленный, не для того, чтоб ему поклонялись, но чтоб он судил праведно. Ибо ему некоторым образом вверено от Бога управление; и как он никому из поставленных ниже его не позволяет называться царями – ибо ему принадлежит имя царя и другому непозволительно называться этим именем, – так и поклонение никому не принадлежит, кроме единого Бога. Так-то, друг мой, во всем ты заблуждаешься. Царя же почитай благорасположением к нему, повиновением ему, молитвою за него. Поступая так, исполнишь волю Божию. Ибо закон Божий говорит: «сын, чти Бога и царя и ни к кому из них не будь непокорен, ибо отомстят внезапно врагам своим»²³⁰.

Что же касается твоих насмешек над мною и над моим именем христианина, то не знаешь, что говоришь ты. Во-первых, что помазано, то приятно, полезно и не должно быть осмеиваемо. Ибо какой корабль может быть пригоден и прочен, если прежде не будет помазан? Или какая башня или дом могут быть красивы и удобны, если не будут помазаны? Кто, вступая в эту жизнь или выходя на палестру, не помазывается маслом? Какое произведение или украшение может иметь благообразие, если не помажется и не очистится? Далее – воздух и вся поднебесная некоторым образом помазываются светом и дыханием. А ты не хочешь помазаться елеем Божиим? Потому-то мы и называемся христианами, что помазуемся елеем Божиим²³¹.

Ты отрицаешь еще воскресение мертвых и говоришь: покажи мне хоть одного воскресшего из мертвых, чтоб увидеть и поверить. Но, во-первых, что великого в том, что поверишь, увидев событие? Потом, веришь же ты, что Геракл сам себя сжег и еще жив, что Аклепий был поражен молнией и воскрес. А не веришь тому, что сказано Богом? Я может быть показал бы тебе мертвеца, который воскрес и еще жив, но ты и этому не поверишь. Бог доставляет тебе много доказательств,

располагающих верить Ему. Если угодно тебе, обрати внимание на окончание времен года, дней и ночей, как они кончаются и опять возникают²³². Не бывает ли также воскресение семян и плодов? И это на пользу людей. Ибо, например, когда брошено в землю зерно пшеницы или других семян, то прежде оно умирает и разлагается, потом же поднимается и встает колосом. И деревья не производят ли, по велению Божию, в определенные времена плоды, прежде скрытые и невидимые? Далее, иногда воробей или другая птица, проглотив семя от яблони или смоковницы, или другого дерева, улетит на какой-нибудь каменистый холм или гробницу и здесь выбросит из своего желудка семя; тогда оно, пустив корень вырастает в дерево, хотя прежде было в желудке и перешло чрез такую сильную теплоту. Все это производит премудрость Божия для того, чтоб и посредством сего доказать, что Бог может совершить общее воскресение всех людей. Если же хочешь видеть более дивное зрелище в доказательство воскресения – не только от земных вещей, но и от небесных, то представь совершающееся ежемесячное воскресение луны, как она убывает, исчезает и опять восстает. Вникни еще, друг мой, в дело воскресения, совершающееся в тебе самом, хотя ты не ведаешь о сем. Ты может быть подвергался какой-нибудь болезни и терял дородность тела, крепость и красоту, но, получив милость от Бога и исцеление, снова возвращал телесное здоровье, красоту и силу; и как ты не знал, куда девалась плоть твоя исчезнувшая, так не знаешь, откуда она появилась и пришла. Ты скажешь: от пищи и соков, превратившихся в кровь. Хорошо, но и это есть также дело Бога, так устрояющего, а никого другого.

Итак, не будь неверующим, но веруй. Я также прежде не верил, что это будет, но теперь верю после того, как сообразил эти доказательства и вместе прочитал священные писания святых пророков, которые по вдохновению от Духа Божия предсказали и прошедшее так, как оно совершилось, и настоящее так, как оно происходит, и будущее в том виде, как оно исполнится. Таким образом убежденный посредством того, что совершается и было раньше возвещено, я теперь не

остаюсь в неверии, но верую, повинуюсь Богу. Ему и ты, если хочешь, повинуйся и уверуй, дабы, если теперь не уверуешь, не вынужден был тогда уверовать посредством вечных мучений. Так как об этих наказаниях было предсказано пророками, то бывшие после них ваши поэты и философы похитили учение о них из священных писаний, чтобы мнениям своим предать достоверность²³³. И сами они предсказывали о наказаниях, имеющих поразить нечестивых и неверующих, чтоб они были известны всем и не могли некоторые сказать: мы не слышали и не знали. Если хочешь, и ты тщательно читай пророческие писания, и они самым верным путем приведут тебя к тому, чтоб избежать вечных мучений и получить вечные блага Божия. Ибо «Тот, кто дал уста, чтобы говорить, образовал уши, чтобы слышать и сотворил глаза, чтобы видеть»²³⁴, исследует все и совершит суд праведный, воздавая каждому сообразно с его делами. Тем, которые постоянно посредством добрых дел ищут нетления, Он дарует вечную жизнь, радость, мир, покой и множество благ, которых «ни глаз не видел, ни ухо не слышало, и которые не всходили на сердце человека»²³⁵, а тех, которые не веруют, презирают и не покоряются истине, но повинуются неправде, так как они исполнены блуда, прелюбодеяния, срамных дел, любостяжания и нечестивого идолослужения, постигает гнев и негодование, скорбь и теснота, и, наконец, возьмет их огонь вечный. Так как ты, мой друг, сказал: покажи мне твоего Бога, – то вот какой Бог мой, и я советую тебе бояться Его и веровать в Него.

Книга вторая

В беседе, которую мы несколько дней назад имели с тобою, любезнейший Автолик, когда ты спрашивал меня, кто мой Бог, и уделил несколько времени выслушать мои слова, – я высказался тебе относительно моей религии; потом мы очень дружелюбно расстались друг с другом и пошли каждый в свой дом, хотя сначала ты принял меня сурово: ты знаешь и помнишь, что учение наше тебе казалось глупостью. Так как после того сам ты просил меня, то хотя я невежда в слове²³⁶, однако, хочу теперь в настоящей книге, обстоятельнее доказать тебе бесполезность труда твоего и тщету служения, в котором находишься, и вместе представить истину очевидную для тебя посредством некоторых ваших исторических сказаний, которые ты читаешь, но может быть не вполне понимаешь.

Смешным кажется мне то, что каменосечцы, ваятели, живописцы или плавильщики делают, пишут, вытесывают, отливают и изготовляют богов, которые после того, как будут отделаны художниками, ни во что ставятся ими; когда же их купят и поставят в так называемый храм или какой дом, то не только купившие приносят им жертвы, но и те, которые их сделали и продали, приходят с усердием и с запасом жертв и возлияний поклониться им и почитают их за богов, забывая, что эти боги таковы же, какими они были в их руках, – камень, медь, дерево, краска или другое какое вещество. Это конечно случалось и с вами, которые читаете истории и родословия мнимых богов. Ибо когда вы читаете об их происхождении, то почитаете их за людей; а после называете их богами и поклоняетесь им, не соображая и не понимая того, что они и родились такими, каковы они по своему происхождению в читаемых вами сказаниях.

Так как боги ваши рождались, – их род тогда был очень плодovit. Но где же ныне видно, чтобы рождались боги? Ибо если они тогда рождали и рождались, – очевидно, что и до ныне должны бы рождаться боги; в противном случае это должно быть признано слабостью: они или состарились, почему уже и

не рожают, или умерли и более не существуют. Если боги рождались, то надлежало бы им и доныне рождаться, как и люди еще рождаются; даже богов должно бы быть более, чем людей, как говорит Сивилла: «Если боги рожают и пребывают бессмертны, то богов родившихся было бы более, чем людей, и не осталось бы места, где бы стать смертным²³⁷. Ибо, если у людей, которые смертны и маловременны, доныне еще являются дети и не престали рождаться люди, так что города и села наполнены ими и даже поля населяются: тем более боги, которые по представлению поэтов не умирают, не должны ли рождать и рождаться, когда вы говорите, что боги родились? Почему гора, называемая Олимп некогда была населена богами, а ныне она пуста? Или почему прежде Зевс обитал на горе Иде и было известно, что он там живет, согласно с Гомером и прочими поэтами, а ныне неизвестно его местопребывание? И почему не везде он был, а находился в одной части земли? или он о прочих не заботился, или не мог быть везде и о всем промыслять. Ибо, если он, например, был в восточной части, то не был в западной; если же опять был на западе, то не был на востоке. Богу же Вышнему, всемогущему и истинному Богу, свойственно не только быть вездесущим, но и все видеть и все слышать и не ограничиваться каким-либо местом; в противном случае место, содержащее Его, было бы больше Его, ибо содержащее больше содержимого, а Бог не ограничивается местом, но Сам есть вместилище всего. Далее, почему Зевс оставил Иду – потому ли, что он умер, или та гора ему не нравилась более? Куда же он отправился? На небеса? нет. Скажешь, может быть – в Крит? Подлинно так: его гробница там показывается до сего дня. Или ты скажешь – он ушел в Пизу, где и доныне прославляет искусство рук Фидия? – Перейдем теперь к сочинениям ваших философов и поэтов.

Некоторые из стоиков говорят, что вовсе нет Бога, или если есть, утверждают, что Он ни о чем не печется, кроме Себя Самого. И эту мысль вполне проявило безумие Эпикура и Хризиппа. Другие говорят, что все происходит случайно, что мир не сотворен и природа вечна, и не осмелились утверждать, что вовсе нет никакого Промысла Божия, но говорят, что совесть

каждого есть Бог. Иные утверждают, что Бог есть дух, все проходящий. Платон же и его последователи признают Бога безначальным, отцом и творцом всего, но затем полагают, что Бог и материя безначальны, и что последняя совечна Богу. Если Бог безначален и материя безначальна, то Бог не есть уже творец всего, как думают платоники, и не остается единовластительство Божие, как они допускают. Кроме того, как Бог, будучи безначален, есть также неизменяем, так и материя, если безначальна, должна быть вместе и неизменяема и равна Богу; ибо получившее начало во времени – превращаемо и изменяемо, безначальное же непревращаемо и неизменяемо. Что великого, если Бог создал мир из подлежащей материи? И человек-художник, если получит от кого вещество, делает из него, что захочет. Могущество же Бога обнаруживается в том, что Он из ничего творит что хочет, равно как дать душу и движение не свойственно никому другому, кроме Бога. И человек делает какое-либо изображение, но разум, дыхание или чувство он не может дать своему произведению. Бог же имеет гораздо большее могущество творить разумное, одушевленное, чувствующее. Как во всем этом Бог могущественнее человека, так и в том, что Он из ничего творит и сотворил существующие вещи, сколько хочет и как хочет.

Так-то разногласны мнения ваших философов и писателей. Между тем, как они так говорили, – поэт Гомер другим образом излагает происхождение не только мира, но и богов. Он говорит:

Океан родитель богов и мать Тефиса:

От него все потоки и всякое море²³⁸.

В этих словах он еще не показывает Бога. Ибо кто не знает, что океан – вода? Если – вода, то не Бог. Но Бог, если Он творец всего, как и действительно есть, – Он есть создатель и воды и морей. Гесиод также изложил происхождение и богов, и самого мира. Он, говоря, что мир сотворен, не был в состоянии сказать, от кого он произошел. Кроме того, он назвал богами Кроноса и сына его Зевса, Посидона и Плутона, а мы знаем, что они позднее мира. Еще он рассказывает, что Кронос был побежден Зевсом, своим сыном. Вот его слова:

*«Победив силою отца своего Кроноса, он поровну распределил и роздал бессмертным разные почести».*²³⁹

Далее он говорит о дочерях Зевса, которых называет музами, и просит их открыть ему, каким образом все произошло.

*«Здравствуйте, дочери Зевса! подарите меня приятную песню. Воспойте род богов блаженных, всегда существующих, которые родились от земли и звездного неба и темной ночи, которых вскормило соленое море. Скажите мне как сперва произошли боги и земля, реки и безграничное море с пенящимися волнами, и звезды, светящие и пространное небо вверху. Скажите, как боги разделили богатства и почести и как сперва они населили многохолмовый Олимп. Скажите об этом мне музы, живущие на вершинах Олимпа с начала, скажите что из этих существ прежде всего произошло».*²⁴⁰

Но как знали об этом музы, которые были моложе мира? И как они могли рассказать Гесиоду, когда отец их еще не родился?

Гесиод некоторым образом предполагает материю, как существующую, и говорит о творении мира в следующих словах:

*Прежде всего произошел хаос, потом пространная земля, самое безопасное основание для бессмертных обитающих на высотах снежного Олимпа, затем мрачный тартар в глубинах широкой земли, и Эрос, красивейший между богами, который гонит заботу и подавляет разумный совет в сердцах всех богов и людей. Из хаоса произошли Эрев и черная ночь. Земля же сперва произвела равное себе звездное небо, чтоб оно отовсюду ее покрывало и служило безопасным жилищем для блаженных богов; она родит еще высокие горы, приятные обители для божественных нимф, обитающих на лесистых высотах. И бесплодная вода с своими пенящимися волнами родила без объятия любви понт, а после соединившись с небом родила океан с глубокими водоворотами*²⁴¹.

Изложив это, он еще не показал, кем же все создано. Ибо если вначале был хаос и предсуществовала некая материя

несозданная, кто же, наконец, ее устроил и дал ей порядок и вид? Сама ли материя придала себе вид и красоту? Зевс гораздо позднее не только материи, но и мира и многих людей, равно как и самый отец Кронос. Или скорее – была могущественная сила, создавшая ее, то есть – Бог, Который и украсил ее? К тому же, Гесиод оказывается во всех отношениях болтуном, который и сам себе противоречит. Ибо, упомянув о земле, небе и море, он говорит, что от них произошли боги, а от богов – какие-то страшные люди, сродные богам, поколение титанов, циклопов и гигантов, также богов египетских или лучше – пустых людей, как говорить Аполлонид, по прозванию Гораций, в книге под заглавием «Семенути» и в других своих исторических сочинениях о религии и царях египетских.

К чему излагать мне вздорные басни эллинов – о Плутоне, царе мрака, о Посидоне, скрывающемся под морем, влюбившемся в Меланиту и родившем сына – пожирателя людей или трагические сказания, которые составили ваши писатели о сыновьях Зевса? Сами они передают их генеалогию, показывая, что они родились людьми, а не богами. Комик Аристофан в комедии «Птицы», касаясь сотворения мира, говорит, что мир получил первоначальное происхождение из яйца:

Чернокрылая ночь прежде всего родила яйцо.

Кроме того, Сатир повествуя о родах александрийцев, начав с Филопатора, по прозванию Птолемея, говорит, что Дионис был его родоначальником; почему Птолемей составил первое поколение. Вот что говорит Сатир: «От Диониса и Алтеи фестийской родилась Деианира, от нее и Геракла, сына Зевсова, – Гилль, от него – Клеодем, от него – Аристомах, от него – Темен, от него – Кис, от него – Марон, от него Фестия, от нее Аккой, от него Аристомид, от него Каран, от него – Кин, от него Тиримм, от него Пердикк, от него Филипп, от него Аерон, от него – Алект, от него – Аминт, от него Вокр, от него Менагр, от него Арсиноя, от нее же и от Лага Птолемей Сотир, от него и Вереники – Птолемей Филадельф, от него и от Арсинои – Птолемей Эвергет, от него и от Вереники, дочери Мага, царя киренского, – Птолемей Филопатор. Таково родство между

Дионисом и царями александрийскими. Поэтому в Дионисовом колене различаются роды: алтейский от бывшей жены Диониса, дочери Фестия, Алтеи; деианирский – от дочери Диониса и Алтеи, жены Геракловой. Затем роды их имеют еще наименования: род Ариадны от дочери Миноса, жены Диониса, дочери отцелюбивой²⁴²; которая совокупилась с Дионисом в виде корабельного кормчего, – Фестиев – от Фестия, отца Алтеи, Фоантов – от Фоанта, сын Диониса, Стафилский – от Стафила, сына Диониса, Эвенский – от Эвномия, сына Диониса, мароский – от Марона, сына Ариадны и Диониса. Все это сыновья Диониса»²⁴³. Впрочем, были и доныне есть многие другие названия: гераклиды – от Геракла, аполлониды и аполлонцы от Аполлона, посидонцы – от Посидона, и диевы и диогены – от Зевса.

Нужно ли мне перечислять еще множество таковых названий и родословий? Так-то заблуждаются все ваши писатели, поэты и философы, и еще более те, которые полагаются на них. Они сложили басни и глупые сказания о своих богах, ибо представили их не богами, но людьми, иных – пьянствующими, иных – прелюбодеями и убийцами. И о происхождении мира они предали нелепые и противоречивые сказания. Во-первых, некоторый, как я выше показал, объявили, что мир не сотворен; и они, утверждая безначальность мира и вечность природы, говорят несогласно с тем, которые почитают мир сотворенным. Ибо их мнение основано на догадке и человеческом соображении, а не на истине. Одни говорили, что есть Промысл, а другие отвергали их учение. Арат говорит:

«Начнем с Зевса, которого мы люди никогда не преминем называть: полны Зевсом все улицы и площади людские, полны им море и пристани; повсюду мы пользуемся Зевсом. Мы его порождение: он по своей милости дарует благополучие людям и побуждает их к труду, внушая попечение о жизни; он говорит, когда земля наиболее удобна для волов и для заступа, когда благоприятное время пахать землю и бросать в нее семена»²⁴⁴.

Кому же верить Арату или Софоклу, который говорит:

«Нет Провидения; всего лучше жить на удачу, как кто может»²⁴⁵?

Но Гомер опять не согласуется с ним, ибо он говорит:
*«Доблесть смертным властительный Зевс и величит и молит».*²⁴⁶

И Симонид:

«Никто, ни город, ни человек не получал доблести без богов; Бог премудр, но между людьми ничего нет без неправды».

Подобное говорить Эврипид:

*«Ничего с людьми не бывает без Бога».*²⁴⁷

И Менандр:

*«Никто о нас не печется кроме Бога».*²⁴⁸

И еще Эврипид:

*«Когда Богу угодно спасти, Он даст много средств ко спасению».*²⁴⁹

И в другом месте:

*«Если захочет Бог, спасешься, хотя поплывешь на соломинке».*²⁵⁰

И множество таких мнений они высказали и даже противоречили самим себе. Софокл, отрицавший Промысл Божий, в другом месте говорить:

*«Смертный не избежит удара Божия».*²⁵¹

Кроме того, они то вводили множество богов, то говорили о единовластительстве Божиим, и тогда, как одни признавали Промысл, другие отвергали его бытие. Поэтому Эврипид делает следующее признание:

*«С полною надеждою изучаем мы многое, но напрасно трудимся и ничего-то мы не знаем».*²⁵²

Таким образом они невольно признаются, что не знают истины; и что говорили они, то говорили по внушению демонов. И действительно, поэты Гомер и Гесиод, вдохновенные, как говорится, музами, говорили под влиянием фантазии и обольщения, от духа не чистого, но обманчивого. Это ясно доказывается тем, что одержимые демонами даже в настоящее время заклиняются именем истинного Бога, и эти ложные духи сами признаются, что они демоны, которые некогда действовали и в тех поэтах. Впрочем, некоторые из них, пришедши в здоровое состояние души, говорили нечто согласное

с пророками, так что это служит свидетельством против них самих и против всех людей, например, о единовластительстве Божиим, о будущем суде и о других истинах.

Но были люди Божии, исполненные Святого Духа и истинные пророки, Самим Богом вдохновенные и умудренные, – которые получили свыше ведение, святость, и праведность. Они-то удостоились чести быть органами Божиими и сосудами премудрости от Бога, по которой они и говорили о сотворении мира и о всем прочем. Они предсказывали моровые язвы, голод, войны. И не один или два, но многие являлись в различные времена у евреев так же, как и Сивилла у эллинов: и все они говорили согласно друг с другом и о том, что было прежде них, и о том, что совершалось при них, и о том, что ныне исполняется пред нашими глазами; поэтому-то мы уверены и касательно будущего, что оно также исполнится как совершилось первое.

И прежде всего пророки согласно научили нас, что Бог все сотворил из ничего. Ибо ничто не совечно Богу, но будучи Сам Себе местом²⁵³, ни в чем не нуждаясь и существуя прежде веков, Он восхотел создать человека, дабы им познаваем был, и для него-то предуготовил мир. Тот, кто сотворен, имеет нужду в том или другом, а Безначальный ни в чем не нуждается. Итак, Бог, имея Свое Слово в собственных недрах²⁵⁴ родил Его, проявив Его вместе с Своею Премудростью прежде всего. Слово сие Он имел исполнителем Своих творений и чрез Него все сотворил. Оно называется началом, потому что начальствует и владычествует над всем, что чрез Него создано. Оно, будучи духом Божиим²⁵⁵, началом, премудростью и силою Вышнего, сходило на пророков и чрез них глаголало о творении мира и о всем прочем. Ибо не было пророков при создании мира, но Премудрость Бога, сущая в Нем, и святое Слово Его, всегда соприсущее Ему. Посему Оно чрез пророка Соломона так говорит: «когда готовил Он небо, была Я с Ним, и когда творил крепкие основания земли, была при Нем устроая»²⁵⁶. Моисей, живший за много лет до Соломона, или лучше – Слово Божие чрез него, как чрез орудие, говорит: «В начале сотворил Бог небо и землю»²⁵⁷. Сперва он упомянул о начале и сотворении, а

потом наименовал Бога; ибо не следует напрасно и попусту употребляют имя Божие. Ибо Премудрость Божия предвидела, что некоторые будут пустословить и введут множество богов несуществующих. Посему, чтоб истинный Бог был разумеем из дел Его, и видно было, что Бог Словом Своим сотворил небо и землю и то, что в них. сказано: в начале сотворил Бог небо и землю». Потом сказав о сотворении их, он показывает нам: «земля же была, невидима и неустроенна и тьма (была) над бездною и дух Божий носился над водою»²⁵⁸. Этому прежде всего научает нас божественное Писание; некоторым образом показывая, что материя, из которой Бог сотворил и устроил мир, получила начало и создана от Бога.²⁵⁹

Начало творения есть свет, потому что свет делает видимым то, что создается. Поэтому говорится: «И сказал Бог: да будет свет, и стал свет; и видел Бог свет, что он хорош», – разумеется для человека. «И отделил... свет от тьмы, и назвал Бог свет днем, а тьму назвал ночью. И был вечер и было утро, день первый. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды и да отделяет она воду от воды. И стало так. И сотворил Бог твердь и отделил воду, которая была под твердею, от воды над твердею. И назвал Бог твердь небом, и увидел Бог, что она хороша. И был вечер и было утро, день второй. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом в одно место, и да откроется суша. И стало так. И собралась вода в свои места, и открылась суша. И назвал Бог сушу землею, а собрания вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля злак травный, производящий семя по роду своему, и дерево плодовитое, приносящее плод, которого семя в нем самом по его роду. И стало так. И произвела земля злак травный, рождающий семя по роду своему, и дерево плодовитое, приносящее плод, которого семя в нем самом по его роду на земле. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер и было утро – день третий. И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, чтоб освещать землю и отделять день от ночи, и да будут они для знамений и времен, и дней, и годов; и да станут на тверди небесной для освещения, чтобы давать свет на землю. И стало так. И сотворил Бог два светила великие, –

светило большое для управления днем и светило меньшее для управления ночью и звезды; и поставил их... на тверди небесной, чтоб они светили на землю и управляли днем и ночью и отделяли свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер и было утро, – день четвертый. И сказал Бог: да произведут воды пресмыкающихся с живыми душами и птиц, летающих на земле под твердею небесной. И стало так. И сотворил Бог великих китов и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвели воды по родам их, и всякую птицу пернатую по роду.... И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды морские, и птицы да размножаются на земле. И был вечер и было утро, – день пятый. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, четвероногих, гадов и зверей земных по роду... И стало так. И сотворил Бог зверей земных по роду их и скотов по роду их, и всех гадов земных... И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию, и да обладает рыбами морскими, и... птицами небесными, и... скотами, и... всею землею и... всеми гадами пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и господствуйте над нею, и обладайте рыбами морскими и... птицами небесными, и... всеми скотами, и... всею землею, и всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву семенную, производящую семя, которая есть на лице всей земли, и всякое дерево, которое имеет в себе плод семени семенного, рождающего семя, – это будет вам в пищу, и всем зверям земным и всем птицам небесным и всякому гаду пресмыкающемуся по земле, который имеет в себе дыхание жизни (дал Я), – всякую траву зеленую в пищу. И стало так. И увидел Бог все, что сотворил Он, и это было очень хорошо. И был вечер и было утро, – день шестой. Так совершены были небеса и земля и все украшение их; и окончил Бог в шестой день дела Свои, которые творил, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые сотворил. И благословил Бог день

седьмой и освятил его, потому что в этот день Он почил от всех дел Своих, которые Бог начал творить»²⁶⁰.

Этого семидневного творения никто из людей не может надлежащим образом объяснить, ни изобразить всего домостроительства Его, хотя бы имел тысячу уст и тысячу языков; даже хотя бы кто жил тысячу лет на этом свете и тогда не будет в состоянии об этом сказать что-нибудь достойным образом, по причине превосходного величия и по богатству премудрости Божией, присущей в этом шестидневном творении. Многие писатели, подражая сему, пытались рассказать творение мира, и хотя они пользовались этим пособием к объяснению создания мира и природы человеческой, однако, не сказали даже искры похожего на истину. Конечно то, что сказано вашими философами, историками и поэтами, по-видимому, достойно веры по изукрашенности их речи, но глупость и пустота их изложения обнаруживается из того, что у них много бредней, а истины не находится ни малейшей частицы, ибо и то, что, по-видимому, сказано ими справедливого, смешано с заблуждением. Как смертоносный яд, смешанный с медом или вином, делает все смешение вредным и негодным, так и их красноречие оказывается напрасным трудом или скорее – пагубою для тех, которые верят ему. Кроме того, они говорили и о седьмом дне, название которого все употребляют, но большая часть не понимают; ибо, что у евреев называется субботою, то по-эллински переводится – гевдомада (εβδομας) – имя, которое употребляется во всем роде человеческом, а по какой причине так называют ее, не знают. Что же касается до сказания поэта Гесиода, что из Хаоса родились Эрев и Земля и Эрос, господствующий над его мнимыми богами и над людьми, то оно пусто, нелепо и чуждо всякой истины, ибо Богу не следует быть побеждаемым удовольствием, так, как и благоразумные люди воздерживаются от всякого постыдного удовольствия и худого пожелания.

И то, что Гесиод начинает сказание о творении мира с земных вещей, – есть мысль человеческая, уничижительная и бессильная в отношении Бога. Ибо человек, находясь внизу, начинает строить дом с земли и не может надлежащим образом

возвести его и сделать крышу, если прежде не положит основания. Могущество же Бога обнаруживается в том, что Он творит вещи из ничего и так, как Ему угодно. Ибо «невозможное у человеков – возможно у Бога»²⁶¹. Посему и пророк говорит, что прежде всего Им сотворено небо на подобие кровли. «В начале, говорит он, сотворил Бог небо»²⁶², т. е. чрез Начало было сотворено небо, как выше я показал²⁶³. Называет же он землю – то, что некоторым образом служит грунтом и основанием; бездну – множество вод и тьму, так как созданное Богом небо, на подобие крыши, покрывало воды вместе с землею, и дух, который носился над водами, – тот, который дал Бог твари для ее оживотворения, как человеку душу, соединяя тонкое с тонким, (ибо дух тонок и вода тонка), дабы дух питал воду, а вода вместе с духом, проходя повсюду, питала все создание. Сей единый дух, имея подобие света, находился между водою и небом, чтобы некоторым образом тьма не соприкасалась с небом, весьма близким к Богу, прежде нежели Бог сказал: «да будет свет». Итак, небо, на подобие свода, обнимало все вещество, походившее тогда на глыбу. Ибо другой пророк, именем Исаия сказал о небе: «Бог сотворил небо как свод и простер его как шатер для житья»²⁶⁴. Посему повеление Бога, т. е. Слово Его, являющееся как свеча в заключенной комнате, осветило поднебесную, сотворив свет отдельно от мира. «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью»; ибо подлинно человек не мог бы назвать свет днем или тьму ночью, ни прочим видам дать имена, если б он не получил наименования от Творца Бога. В самом начале повествования о сотворении мира священное Писание говорит не об этой тверди, которую мы видим, но о другом небе, для нас невидимом, по которому это видимое нами небо названо твердью и на котором хранится половина вод, чтобы служить человечеству для дождей, ливней и рос. Другая часть воды оставлена в земле для рек, источников и морей. Когда таким образом вода покрывала землю, особенно ее углубленные места, Бог чрез Слово Свое повелел собраться воде в одно место и появиться земле, которая прежде была невидима. Земля сделалась видимою, но

еще была неустроенна. Бог устроил и украсил ее всякого рода травами, семенами и растениями.

Посмотри далее на их разнообразие, превосходную красоту и многочисленность, как они представляют собою воскресение во образ будущего воскресения всех людей. Кто не удивится видя, что из семени смоковничного вырастает смоковница или из других самых малейших семян происходят огромные деревья? А море представляет нам некоторое подобие мира. Ибо как море, если бы не было поддерживаемо приливом рек и источников, давно высохло бы по причине своей солёности, так и мир, если бы не имел закона Божия и пророков, из которых истекают сладость, милосердие, правда и учение святых заповедей Божиих, давно погиб бы вследствие злобы и умножающихся в нем грехов. И как на море есть обитаемые острова, обильные хорошими водами и плодоносные, имеющие спокойные места и пристани, в которых могут найти прибежище подвергшиеся буре, так Бог дал миру, волнуемому и обуреваемому грехами, собрания, называемые святыми церквами, в которых, как в благоустроенных пристанях, сохраняется учение истины, к которым прибегают желающие спастись, как скоро они сделаются любителями истины и захотят избежать гнева и суда Божия. И как есть иные острова – каменистые, безводные, бесплодные, полные диких зверей и необитаемые, опасные для плавающих и подвергающихся буре, об которые сокрушаются корабли и погибают к ним пристающие, так есть учения ложные: это ереси, погубляющие, тех, которые пристают к ним. Ибо они не руководствуются словом истины, но как пираты, наполнив корабли²⁶⁵, нарочно ударяются в вышеназванные места, чтобы погубить их, так бывает и с теми, которые уклоняются от истины, – они гибнут от своего заблуждения.

В четвертый день созданы светила. Бог в Своем предведении знал бредни суетных философов, которые в отвержение Бога станут говорить, что произведения на земле рождаются от светил; посему чтоб явна была истина, сотворены были растения и семена прежде светил; ибо позднейшее не может произвести того, что ему предшествует. Это включает в

себе изображение великого таинства. Ибо солнце есть образ Бога, а луна – человека. И как солнце превосходит луну могуществом и славою, так Бог далеко превосходит человека; и как солнце всегда бывает полно и не уменьшается, так Бог всегда пребывает совершен, полный всякого могущества, разума, мудрости, бессмертия и всякого блага. Луна же образ человека, каждый месяц умалется и как бы умирает, потом нарождается и увеличивается, представляя будущее воскресение. Подобным образом те три дня, которые были прежде создания светил, суть образы Троицы, Бога и Его Слова и Его Премудрости²⁶⁶. А четвертый день – образ человека, нуждающегося в свете, так что существуют Бог, Слово, Премудрость, человек. Потому и созданы светила в четвертый день. И расположение звезд представляет экономию и порядок праведных, благочестивых и соблюдающих закон и заповеди Божии. Ибо самые светлые и блестящие звезды суть образы пророков; почему они и пребывают неподвижны и не переходят с места на место. Другие звезды менее светлые суть образ народа праведных. Блуждающие же идвигающиеся с места на место, так называемые планеты, представляют собою тех, которые отпадают от Бога и оставляют Его закон и повеления.

В пятый день созданы животные из воды и чрез их также открывается многообразная премудрость Божия. Ибо кто может исчислить их множество и разнообразие родов? Притом были благословлены Богом созданные из воды, чтобы и это служило знамением того, что люди, которые приступают к истине, возрождаются и благословляются Богом, примут покаяние и отпущение грехов посредством воды и бани возрождения. А киты и хищные птицы представляют подобие людей алчных и преступных. Ибо как между тварями плавающими и летающими, хотя они одного происхождения, есть такие, которые живут сообразно с своею природой и не обижают слабейших себя, но соблюдают закон Божий и питаются земными произрастениями, а некоторые из них преступают закон Божий плотоядением и обижают слабейших себя; так и люди праведные, сохраняющие закон Божий, никому не досаждают и не наносят обиды, но живут свято и праведно, а люди алчные, убийцы и безбожники

подобны китам, зверям и птицам плотоядным, ибо они некоторым образом пожирают слабейших себя. Впрочем, род рыб и гадов хотя причастен благословения Божия, но не получил никакого особенного преимущества.

В шестой день Бог сотворил животных четвероногих, зверей и гадов, но не произнес благословения на них, сохраняя его для человека, которого намерен был создать в шестой день. Животные четвероногие и звери суть также образ людей, которые не знают Бога, живут нечестиво, помышляют о земном и не раскаиваются. Ибо обращающиеся от беззаконий и праведно живущие подобно птицам взлетают душою, помышляя о горнем и угождая воле Божией. Незнающие же Бога и нечестиво живущие подобны птицам, которые имеют перья, но не могут взлетать и носиться в высотах Божиих. Такие люди имеют имя человеков, но мудрствуют о дальнем и земном, будучи отягчены грехами. Звери (θηρία) получили свое имя от того, что они одичали (απο του θηριουσθαι), а не потому, чтобы изначала были злыми или ядовитыми, ибо ничего злого не было изначала сотворено Богом, но все было прекрасно; грех же человека испортил их, ибо с преступлением человека, и они преступили. Если владыка дома хорошо ведет себя, то необходимо и слуги живут благочинно, если же господин согрешит, то и слуги также будут грешить; таким же образом произошло и то, что с согрешением человека, который есть господин всего, и служащие ему твари уклонились к злу. Но когда человек опять возвратится в сообразное с своею природой состояние, тогда и те животные восстановятся в первоначальный образ кротости.

Что касается сотворения человека, то изобразить его – выше способности человека, хотя и кратко сказание о нем священного Писания. Словами: «сотворим человека по образу и подобию Нашему» Бог, во-первых, показывает достоинство человека. Сотворив все словом, Он как бы почитал это маловажным, и только создание человека бессмертного почитает делом достойным Своих рук. Далее, как бы нуждаясь в помощи, Бог говорит: «сотворим человека по образу и подобию». Никому другому сказал Он: «сотворим», как Своему

Слову и Своей Премудрости. Сотворив человека и дав благословение на то, чтоб он размножался и наполнял землю, Бог все покорил его власти и господству и определил ему первоначально иметь пищу от плодов земных, семян, трав и овощей, предписывая в то же время и животным иметь одну пищу с человеком, и питаться им от всех произрастений земных.

Совершив таким образом небо и землю, и море и все, что в них, в шестой день, Бог «почил в седьмой день от всех дел, которые сотворил». Затем священное Писание все прежде сказанное заключает так: Это – книга превосходения неба и земли, когда они произошли в день, в который Бог сотворил небо и землю, и всякий злак полевой, прежде нежели он вырос, и всякую траву полевую, прежде нежели она прозябла, ибо Бог не посылал еще дождя на землю и человека еще не было чтобы возделывать землю»²⁶⁷. Этими словами оно показывает нам, что вся земля в то время была орошаема от божественного источника и не было нужды, чтобы возделывалась человеком, но земля все производила сама собою по повелению Божию, чтобы человек не был обременен тяжелым трудом. Но дабы видно было сотворение человека, в предупреждение возможных между людьми нескончаемых споров на том основании, что было сказано Богом: «сотворим человека», а не показано Его сотворение, – Писание научает нас в следующих словах: «источник же исходит из земли и напоял все лицо земли, и создал Бог человека из персти от земли и вдунул в лицо его дыхание жизни и человек стал живою душой»²⁶⁸. Поэтому весьма многими душа названа бессмертною. По создании человека, Бог избрал ему в восточных странах местопребывание, прекрасно светом, сияющее чистейшим воздухом, богатое разнообразными растениями, и в нем поставил человека.

Эту священную историю Писание передает в следующих словах: «И насадил Бог сад в Эдеме на восток и там поставил человека, которого создал. И произвел Бог из земли всякое дерево, красивое видом и хорошее для пищи, а также дерево жизни посреди сада и дерево познания добра и зла. И река выходила из Эдема для орошения сада, оттуда она разделяется

на четыре источника. Имя одному Фисон: он обтекает всю землю Евилатскую; там есть золото, и золото этой земли прекрасно; там же есть анфракс и камень зеленый. Имя другой реке Геон: она обтекает всю землю Эфиопскую. Третья река Тигр; она идет с восточной стороны Ассирии. Четвертая река Евфрат. И взял Господь Бог человека, которого создал и поставил его в том саду возделывать его и соблюдать. И дал Бог Адаму такую заповедь: от всякого дерева в саду будешь есть, от дерева же познания добра и зла не вкушайте, и в который день вкусите от него, – умрете. И сказал Господь Бог: не добро быть человеку одному; сотворим ему помощника, подобного ему. И создал Бог также из земли всех зверей полевых и всех птиц небесных и привел их к Адаму. И как назвал Адам (всякую) живую тварь, так и было имя их. И дал Адам имена всем скотам и всем птицам небесным и всем зверям полевым; Адаму же не находилось помощника подобного ему. И навел Бог сон на Адама, и он уснул; и взял одно из ребер его и наполнил плотью вместо его. И устроил Господь Бог ребро, которое взял от Адама, в жену, и привел ее к Адаму. И Адам сказал: «это ныне кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, потому что взята от мужа своего. Посему человек оставит отца и мать свою и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. И они оба были наги, и им не было стыдно».

«Был же змей хитрейший из всех зверей на земле, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: почему это Бог сказал: не вкушайте ни от какого дерева райского? И сказала жена змею: от всякого дерева райского мы едим, от плода же дерева, которое посреди рая, сказал Бог – не вкушайте от него и не касайтесь его, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: не умрете вы; ибо Бог знал, что в который день вкусите от него, очи ваши откроются и будете как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и глазам приятно видеть его и оно вождено ради разумения; и взявши плод его ела и дала также мужу своему с собою, и они ели. И открылись очи у них обоих и узнали, что они наги, и сшили смоковые листья и сделали себе опоясания. И слышали голос

Господа Бога, ходящего в саду по полудни, и скрылся Адам и жена его от лица Божия между деревьями сада. И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: где ты? И (Адам) сказал Ему: голос Твой я услышал в саду, и убоился, потому что я наг, и скрылся. И сказал ему (Бог): кто возвестил тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого одного я заповедал тебе не есть? И сказал Адам: жена, которую Ты дал мне, она мне дала от дерева, и я ел. И сказал Бог жене, что это сделала ты? И сказала жена: змей обольстил меня, и я ела. И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты из всех зверей земных, ты будешь ходить на персях и чреве твоём и будешь есть прах во все дни жизни твоей. И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; он будет блюсти твою голову, а ты будешь блюсти его пяту. И жене сказал: много умножу скорби твои и стенание твое; в болезни будешь рождать детей, и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, с которого одного я заповедал тебе не есть. проклята земля в делах твоих; в скорби будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терние и волчцы произрастит она тебе, и будешь питаться травой поля твоего. В поте лица твоего будешь есть хлеб твой, пока не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо земля ты и в землю отойдешь»²⁶⁹. Таковы слова священного Писания, относящиеся к истории человека и рая.

Ты скажешь мне: Бог, по твоим словам, не должен ограничиваться местом, как же ты теперь говоришь, что Он ходил в рай? – Послушай, что скажу тебе. Бог и Отец всего необъятен и не находится в каком-либо месте, ибо нет места успокоения Его. Слово же Его, чрез которое Он все сотворил, будучи Его силою и премудростию, приняв вид Отца и Господа всего, – Оно ходило в рай под видом Бога и беседовало с Адамом. И само священное Писание научает нас, что Адам говорил, что «он услышал голос». Что же такое голос, как не Слово Бог, которое есть и Его Сын? Но так, как ваши поэты и мифологи говорят о сынах богов, рожденных от совокупления,

но как истина сказывает – Сын есть Слово всегда сущее в недрах Бога. Но прежде нежели что-либо произошло, Бог имел Его советником, так как Он есть Его ум и мысль. Когда же Бог восхотел сотворить то, что Он определил, Он родил сие Слово вне проявленное, перворожденное всей твари²⁷⁰, не так, однако, чтобы Сам лишился Слова, но Он родил Слово и вместе с Словом всегда пребывал. Посему нас учат священные писания и все духоносцы, из коих Иоанн говорит: «в начале было Слово, и Слово было у Бога», показывая этими словами, что сперва был один только Бог и в Нем Слово. Потом он говорит: «и Бог было Слово; все чрез Него сотворено и без Него ничто не сотворено»²⁷¹. Итак, сие Слово, которое есть Бог и от Бога рождено, Отец вселенной, когда хочет, посылает в какое-либо место, и Оно, посланное Богом, когда является бывает слышимо и видимо и находится в известном месте.

Бог сотворил человека в шестой день, создание же его открыл после седьмого дня, когда сделал и рай, чтобы поселить его в лучшем и превосходнейшем местопребывании. Что это истинно, показывает самое дело. Не видим ли болезней, которые терпят женщины при рождении детей, и как после того они забывают свою скорбь, чтоб исполнялось повеление Божие и род человеческий плодился и размножался? Не видим ли также осуждение змея, как он проклятый ползает на чреве и ест землю, чтоб и это служило доказательством того, что я сказал выше.

Далее Бог произвел из земли всякое дерево, прекрасное видом и хорошее для пищи. Ибо в начале были только сотворенные в третий день растения, семена и травы; в раю же были созданы деревья превосходной красоты и приятности, так как он назван садом, насажденным Самим Богом. Все прочие растения в мире были одинакового рода; но двух деревьев, дерева жизни и дерева познания не было нигде, кроме одного рая. Что рай был земля и на земле насажден, об этом говорит Писание: «и насадил Бог рай в Эдеме на востоке и поставил там человека, и произвел еще Бог из земли всякое дерево, прекрасное видом и хорошее для пищи»²⁷². Выражениями «еще из земли» и «на востоке» св. Писание ясно научает нас, что рай

находился под сим небом, под которым находятся восток и земля. Эдем же в переводе с еврейского значит приятность. Далее указывается, что из Эдема выходит река для орошения рая, и потом разделяется на четыре главные части: из них две, названные Фисон и Геон, орошают восточные страны, в особенности Геон, который окружает всю эфиопскую землю, и в Египте, как говорят, является под именем Нила. Остальные две реки, которые называются Тигром и Евфратом, нам очень известны; ибо они близки к нашим странам. Поставив человека, как мы выше сказали²⁷³, в рай, чтоб он возделывал и хранил его, Бог заповедал ему вкушать от всех плодов, не исключая и дерева жизни; только от дерева познания запретил ему вкушать. Бог перенес его из земли, из которой сотворил, в рай, дав ему побуждение к преуспеянию, чтобы, возрастая и совершенствуясь, даже явленный как Бог, восходил на небо бессмертным (ибо Бог сотворил человека средним, ни совершенно смертным, ни бессмертным, но способным к тому и другому; подобно и рай, относительно красоты, создан средним между землею и небом). Выражение «чтобы возделывал» означает не другое какое-либо дело, а соблюдение заповеди Божией, чтобы преступлением не погубил самого себя, чему и подвергся он чрез грех.

Прекрасно было само по себе дерево познания, прекрасен был и его плод. Ибо не оно, как думают некоторые, было смертоносно, но преслушание заповеди. В плоде его ничего другого не было, кроме только познания. Познание же прекрасно, если кто им хорошо пользуется. По возрасту этот Адам был еще младенцем, почему и не мог принять надлежащим образом познания. Ибо и теперь дитя, тотчас по рождении, не может есть хлеб, но прежде питается молоком, потом, с увеличением возраста, переходит к твердой пище. Тоже было с Адамом. Посему Бог, не по зависти, как думают некоторые, запретил ему есть от дерева познания. Кроме того, Он хотел испытать его, будет ли он послушен Его заповеди; и вместе с тем хотел, чтобы младенчеству человек долее оставался простым и невинным. Ибо свято не только у Бога, но и у людей в простоте и невинности повиноваться родителям.

Если же дети должны повиноваться родителям, то сколь же более надлежит повиноваться Богу и Отцу всего? Кроме того, даже и несообразно, чтобы дети мыслили более, нежели сколько потребует их возраст. Ибо каждый постепенно возрастает как летами, так и мудростию. Наконец, когда закон предписывает воздерживаться от чего-нибудь, и кто не повинуется ему – очевидно, не закон причина наказания, но непослушание и преступление закона. И отец иногда повелевает своему сыну удаляться от чего-либо, и если сын преслушает отеческое повеление, то подвергается наказанию за непослушание; не самые те вещи наносят ему удары. но непослушание приносит наказание непослушному. Так и первозданного непослушание подвергло изгнанию из рая; не потому, чтобы в дереве познания заключалось что-либо злое, но за непослушание человек претерпел труд, печаль, болезнь и, наконец, смерть.

Бог оказал великое благодеяние человеку, что не оставил его вечно связанным грехом, но, как бы осудив в ссылку, изгнал его из рая, дабы он этим наказанием очистил в продолжение известного времени грех и исправившись потом мог быть возвращен. Посему по создании человека в сем мире, таинственно написано в книге Бытия, что как бы дважды он был поставлен в рай: в первый раз исполнилось это, когда он был там поставлен, другой раз имеет совершиться после воскресения и суда. И как сосуд, когда после сделания его окажется в нем какой-либо недостаток, переливается или переделывается, чтоб он сделался новым и неповрежденным, так бывает и с человеком чрез смерть: ибо он, некоторым образом, разрушается, чтобы при воскресении явиться здоровым, т. е. чистым, праведным и бессмертным. А что Бог звал и сказал: где Адам? – это сделал Он не потому, что не знал, но как долготерпеливый давал ему случай к раскаянию и исповеданию.

Но кто-нибудь спросил нас: смертным ли по природе сотворен человек? Нет. Значит, – бессмертным? Не скажем и этого. Но скажет кто-нибудь: итак, он сотворен ни тем, ни другим? И этого не скажем. Он сотворен по природе ни

смертным и ни бессмертным. Ибо, если бы Бог сотворил его вначале бессмертным, то сделал бы его Богом; если же наоборот сотворил бы его смертным, то Сам оказался бы виновником его смерти. Итак, Он сотворил его ни смертным и ни бессмертным, но, как сказали выше²⁷⁴, способным к тому и другому, чтобы, если устремится он к тому, что ведет к бессмертию, исполняя заповедь Божию, получил от Него в награду за это бессмертие, и сделался бы Богом; если же уклонится к делам смерти, не повинаясь Богу, сам был бы виновником своей смерти. Ибо Бог создал человека свободным и самовластным. Итак, что человек навлек на себя своим нерадением и непослушанием, то Бог ныне прощает ему по Своему человеколюбию и милосердию, если человек Ему повинуется. Как непослушанием человек навлек на себя смерть, так повиновением воле Божией желающий может доставить себе вечную жизнь. Ибо Бог дал нам закон и святые заповеди, исполняя которые всякий может спастись и, достигнув воскресения, наследовать нетление

Изгнанный из рая Адам познал жену свою Еву, которую Бог сотворил в жену для него из ребра Его. И это не потому, что Он не мог произвести отдельно жену его, но Бог предвидел, что люди введут множество богов. Предвидя и зная, что заблуждение действием змея введет множество богов несуществующих (ибо один есть Бог, но уже с того времени обман тщился посеять множество богов и говорил: вы будете, как боги); итак, чтобы не думали, что один Бог сотворил мужа, а другой жену, Он не сотворил обоих отдельно. Но чтобы показать таинство единства Божия, Бог вместе сотворил жену Адама, а также для того, чтобы большая была между ними любовь. И Адам, сказав Еве: «это теперь кость от костей моих и плоть от плоти моей», при этом пророчествовал, говоря: «посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будут два в едину плоть», — что самое явно исполняется на нас самих. Ибо не всякий ли законно вступивший в брак оставляет мать и отца, всех родственников и ближних своих, прилепляясь и привязываясь к своей жене, питая к ней большее расположение? Посему многие не редко

подвергаются даже смерти за своих жен. Так как эта Ева первая была обольщена змеем и сделалась зачинщицею греха, – злой демон, называемый также сатаною, некогда говоривший с нею чрез змея, и теперь действующий в увлеченных им людях, назывался Еван²⁷⁵. Демон еще называется драконом, (ἄποδεδρακέναι), потому что убежал от Бога; в начале же он был ангел. О нем много можно говорить; но теперь я опущу это исследование; ибо в другом сочинении²⁷⁶ у нас было рассуждение.

Итак, когда Адам познал жену свою Еву, – она зачавши родила сына, которому имя Каин и сказала: «приобрела... человека чрез Бога»²⁷⁷. И зачавши опять, родила другого, которому имя Авель. «Он сделался пастырем овец; Каин же занимался земледелием»²⁷⁸. Но слишком долго было бы рассказывать, а тем более объяснять эту историю; любознательные относительно подробностей этой истории могут научиться из самой книги, которая надписывается: «Бытие мира»²⁷⁹. Когда же сатана увидел, что Адам и жена его не только живут, но и родили детей, тревожимый завистью, что не имел силы подвергнуть их смерти, и видя, что Авель благоугождает Богу, подействовал на брата его, по имени Каина, и побудил его убить брата своего Авеля. И, таким образом, явилось начало смерти в этом мире и донныне она ходит по всему роду человеческому. Бог же по Своему милосердию, и Каину, также как Адаму, хотел дать случай к раскаянию и исповеданию, говоря: «где Авель брат твой?» Но Каин с грубостью отвечал Богу: «не знаю; разве я сторож брата моего». Тогда разгневанный Бог сказал: «что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И теперь проклят ты от земли, которая открыла себя, чтоб принять кровь брата твоего от руки твоей; жалким и трясущимся будешь ты на земле»²⁸⁰. И с того времени уstraшенная земля не принимает крови человека, и даже никакого животного²⁸¹; так что очевидно, не она, а преступивший человек причина смерти.

Сам Каин также имел сына, которому имя Енох. И построил он город, который назвал именем сына своего Еноха, С того времени начали строить города и это еще прежде потопа, а не

как ложно говорит Гомер: «нигде не был еще построен город человеческий»²⁸². «У Еноха родился сын именем Гаидад, который родил Меила, Меил Мафусала, а Мафусал Ламеха, Ламех же взял себе двух жен, которых имена: Ада и Села.» Отсюда получило начало многоженства, также и музыка. Ибо Ламех родил трех сыновей: Овела, Иувала и Фовела. «Овел был муж, кормивший скот в шатрах, Иувал показал псалтирь и гусли, а Фовел был ковач меди и железа»²⁸³. Доселе простирается родословие семени Каина; остальное его потомство осталось в забвении, за то, что он убил брата своего. На место Авеля Бог дал Еве зачать и родить сына, которому имя Сиф; от него распространяется остальной род человеческий до сего времени. А тем, которые хотят узнать обо всех родах, – легко можно изложить это при помощи священного Писания. И это отчасти нами уже сделано, как мы уже упоминали²⁸⁴ в другой книге, именно – изъяснен порядок родословия первой исторической книги²⁸⁵. Этому всему научает нас Святой Дух, говоривший чрез Моисея и прочих пророков, так что мы, чтящие Бога имеем Писания, которые оказываются древнее и даже истиннее всех писаний ваших историков и поэтов. Так некоторые нелепо говорили, что Аполлон был изобретателем музыки, между тем как другие говорят, что музыка была изобретена Орфеем от приятного пения птиц, но их слова оказываются пустыми и ничтожными; ибо эти люди жили много спустя после потопа. Что же происходило с Ноем, который иными называется Девкаленом, изложено нами в вышеупомянутой книге, к которой если хочешь, можешь и ты обратиться.

После потопа опять положено было начало городам и царствам следующим образом. Первый город был Вавилон, затем Орех, Архав и Халани в земле Сеннаар. Царь их был именем Невроф. Из них вышел так называемый Ассур; отсюда произошло название ассириян. Невроф же построил города: Ниневию, Ровоон, Калак и Дасен, находившийся между Ниневиею и Калаком. Ниневия был главный и большой город. Другой сын Сима, сына Ноева, именем Месраин, родил народ Лудуима, Энемигима, Лавиима, Нефалима, Патросониима и

Хослонима, от которых же произошел и Филистим. Что касается трех сыновей Ноя, их племени и родословия, то краткий перечень их сделан нами в вышеупомянутой книге²⁸⁶. Теперь же упомянем о том, что опущено нами, как относительно городов и царств, так и происшествий того времени, когда была одна речь и один язык. Пред разделением языков города были те же самые, о которых мы писали выше. Когда же наступило время людям разойтись в различные стороны, они составили совет по своей мысли, а не по Божией, построят город и башню, вершина которой достигала бы до неба, чтобы тем сделать славным свое имя. поскольку же они решились вопреки воли Божией совершить такое трудное дело, то Бог, разрушил их город и низвергнул башню. В то же время Он изменил языки людей, дав каждому особое наречие. На ото указывала и Сивилла, возвещая гнев, имеющий постигнуть мир. Вот ее слова:

«Когда совершились, угрозы великого Бога, которыми Он грозил смертным, строившим башню в стране Ассирийской; тогда все были они одного языка и хотели взойти на звездное небо. Тотчас же бессмертный повелел ветрам, и ветры низринули с высоты великую башню и между смертными сделали раздор. Тогда башня упала, и языки смертных людей разделились на многие наречия.»²⁸⁷

Итак, далее. Это происходило в земле Халдейской. В земле Ханаанской был город, которому имя Харран. В это время первым царем был в Египте Фараон, который у египтян назывался также Нехао, и ему преемствовали последующие цари. В земле же Сennaар, у так называемых халдеев, первым царем был Ариох; после него Элласар, за сим Ходоллагомор, царь Эламский, после же сего Фаргал, царь народов, называвшихся ассирийцами. Другие пять городов были построены в уделе Хама, сына Ноева: первый Содом, потом Гоморра, Адама, Севоин и Валак, называвшийся также Сигор. Имена царей их следующие: Валлас, царь содомский, Варсас, царь гоморрский, Сennaар, царь адамский, Имоор, царь севоинский, и Валах²⁸⁸, царь Сигора, называемого также Валаком. Они были в подданстве у Ходоллагомора, царя ассирийского двенадцать лет. В тринадцатый же год они отпали

от Ходоллагомора; и, таким образом в это время четыре ассирийских царя предприняли войну с сими пятью царями. Отсюда получили начало войны на земле. И они окружили исполинов Каранаин, и с ними сильные народы и оммеев в самом городе их, и хорреев, обитавших в горах, называемых Сеир, до так называемого Теревинта Фарана, который находится в пустыне. В это же время был праведный царь, именем Мельхиседек в городе Салиме, ныне называемом Иеросолима. Он был первый из всех священников Бога Вышнего. От него вышеназванный город Иеросолима получил название Иерусалима; от него же появились и священники во всей земле. После него царствовал Авимелех в Герарах, за ним другой Авимелех, затем царствовал Ефрон, по прозванию Хеттей. Таковы были имена царей, существовавших в первые времена; имена прочих ассирийских царей, царствовавших в продолжение многих лет, умолчаны; из самых близких к нашим временам упоминаются ассирийские цари: Феглафасар после сего Селаманасар, потом Сеннахарим²⁸⁹. После него был Адрамелех Эфиоплянин, который царствовал и над Египтом; впрочем, это все, по нашим писаниям, принадлежит к очень позднейшим временам.

Из этого любители учености и древности могут усмотреть, к позднему ли времени относятся сказания наши, находящиеся у святых пророков. Хотя в первые времена были немногочисленны обитатели аравийской и халдейской земли, но по разделении языков их, они начали мало-помалу распространяться и умножаться по всей земле, Одни уклонились для обитания на восток, другие в страны великого материка и на север, так что проникли в Британию в северной полосе, иные отправились в землю Ханаанскую, которая называется также иудею и Финикиею, в страны Эфиопии, Египта, Ливии, в так называемый жаркий пояс и в западные края, наконец, остальные пошли в страны приморские, в Памфилию, Азию, Элладу, в Македонию и далее в Италию, Галлию, Испанию и Германию, так что теперь вся вселенная наполнилась обитателями. Таким образом сначала три части земли были населены людьми, восток, юг, запад, потом, с

умножением людей, заселились и остальные части земли. Не зная сего ваши писатели говорили, что мир шарообразен, или сравнивали его с кубом. Но как могли они сказать об этом истину, не зная ни творения мира, ни заселения его? Когда люди мало-помалу распространились и умножились на земле, как мы выше сказали, – таким же образом заселили и острова морские и прочие страны.

Кто же из называемых у вас мудрецов, поэтов и историков мог сказать об этом истину, когда они жили много позднее, и ввели множество богов, которые сами родились, спустя много лет по построении городов, – после царей, народов и войн? Они должны были упомянуть и обо всем, что происходило до потопа о сотворении мира и человека; и о последующих происшествиях должны были точно рассказать египетские пророки или халдеи и другие писатели, если они говорили божественным и чистым Духом, и возвещали истину; и не только о прошедшем или настоящем они должны были говорить, но и предвозвещать то, что имеет случиться с миром. Из сего открывается, что все другие ошибаются, а только одни христиане владеют истиною, так как мы научены Святым Духом, Который говорил во святых пророках и все предвозвестил.

Далее, тебе нужно с любовью исследовать божественные дела, т. е. писания пророков, чтобы чрез сравнение того, что говорится нами, с словами других ты мог найти истину. Я уже выше доказал из сочинений ваших историков, что имена так называемых богов суть имена людей. Изображения их, которые ежедневно делаются до сего времени, – «идолы... дела рук человеческих»²⁹⁰. И им-то воздает богопочтение множество неразумных людей; Творца же и Создателя вселенной и Питателя всякого дыхания не чествуют, обольщаемые ложными учениями, по преданиям, переходящим от отцов. Но Бог, Отец и Создатель вселенной, не оставил человечества, но дал закон и посылал святых пророков, чтобы возвестить роду человеческому и научить, дабы каждый из нас вразумился и познал, что один Бог: они и научили нас воздерживаться от нечестивого идолослужения, прелюбодейства, убийства, блуда, хищения, сребролюбия, клятвопреступления, гнева и всякой

скверны и нечистоты, и не делать другому того, чего человек себе самому не желает: таким образом, делающий правду избежит вечных мучений и наследует жизнь вечную для Бога.

Божественный закон запрещает нам поклоняться не только идолам, но и стихиям: солнцу, луне и прочим звездам; кроме того, не должны мы служить ни небу, ни земле, ни морю, ни источникам или рекам: только единому истинному Богу и Творцу вселенной мы должны поклоняться в праведности сердца и с чистым умом. Посему говорит святой закон: «не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай жены ближнего твоего». Подобным образом говорят и пророки. Так Соломон учит нас не грешить глазами, говоря: «глаза твои да видят правое и вежди твои да помахивают на праведное»²⁹¹. И сам Моисей, также пророк, говорит о единовластительстве Божиим: «это – ваш Бог, Который утвердил небо и создал землю, Которого руки сотворили все воинство небесное, и Он создал не для того, чтобы вы ходили за ними»²⁹². Также Исаия говорит: «так говорит Господь Бог, утвердивший небо и основавший землю и то, что на ней, и давший дыхание людям, живущим на ней и дух попирающим ее: Сей Господь Бог ваш»²⁹³, еще у него же говорит Бог: «Я сотворил землю и человека на ней, Я утвердил небо рукою Моей»²⁹⁴. И в другой главе: «Это Бог ваш, устроивший края земли; Он не взалчет и не утомится, и неисследима Его мудрость»²⁹⁵. Подобным образом Иеремия говорит: «Он сотворил землю силою Своей, устроил вселенную премудростию Своею, и разумом Своим простер небо и множество воды на небе, и извел облака от края земли, сотворил молнии пред дождем и ветры из сокровищ Своих»²⁹⁶. Легко видеть, как все пророки говорили согласно между собою, одним и тем же духом возвещая о единовластительстве Божиим, о происхождении мира и сотворении человека. Кроме того, они глубоко скорбели о нечестии рода человеческого и обличали тех, которые мнили быть мудрыми, за их заблуждения и грубость сердца. Иеремия говорит: «всякий человек одурачен от ума своего, всякий художник посрамился от изваяний своих, напрасно серебряник трудится над серебром; нет в них духа и в

день посещения своего они погибнуть»²⁹⁷. То же самое говорит Давид: «развернулись и омерзели в начинаниях своих; нет делающего добро, нет ни единого; все уклонились, все сделали негодны»²⁹⁸. Подобным образом и Аввакум: «что пользы человеку в изваянии, что изваял он ложный вымысел? Горе тому, кто говорит камню: восстань, и дереву: возвысься»²⁹⁹. Подобным образом говорили и прочие пророки истины. И к чему мне приводить множество пророков, когда они, как не много их, говорили о столь многих вещах единодушно и согласно между собою? Желающие могут обратиться к их писаниям и обстоятельно узнать истину, не увлекаясь ложными мечтами и помышлениями. Эти люди, о которых я говорил выше, были пророки у евреев, – люди неученые, пастухи, простецы.

И Сивилла, которая была пророчицею у эллинов и прочих народов, упрекает в начале своего пророчества человеческий род, говоря:

«Люди смертные и плотские, ничтожные, зачем вы скоро надмеваетесь, не взирая на конец жизни? Вы не трепещете, не боитесь Бога, блюстителя вашего, всевышнего ведца, всевидящего свидетеля, всеуправляющего Творца, Который вложил во все Свой добрый дух и сделал его руководителем всех смертных? Един Бог, Который один управляет, величайший, нерожденный, вседержитель, невидимый, Сам один только видящий все, незримый никакою смертною плотью. Ибо какая плоть может видеть глазами небесного, истинного, бессмертного Бога, Который живет на небе? Люди по природе смертные, состоящие из костей, жил и плоти, не могут смотреть прямо даже на лучи солнца. Его одного почитайте, Который управляет миром и один существовал во век и от века, самобытный, безначальный, все содержащий, дающий всем смертным суд в совести. Но вы получите достойное возмездие за свое злое изволение, за то, что вы оставили прославлять истинного и вечного Бога, и приносить Ему священные жертвы, и совершали жертвоприношения демонам, которые во аде. Вы ходите в гордости и безумии, и, оставив прямой и истинный путь,

уклонились и блуждаете среди шипов и терновников. Смертные, перестаньте суетно блуждать во мраке и в черной ночи: оставьте мрак ночи и примите свет. Вот Он для всех видимый, с Кем не заблудитесь. Идите, не следуйте всегда темноте и мраку: вот радостный свет солнца чудно сияет для всех. Познавайте и положите эту мудрость в сердцах ваших: един есть Бог, посылающий дожди, ветры, землетрясения, молнии и глады, язвы и бедствия, снега и льды. К чему перечислять все порознь? Он управляет небом, владычествует над землею и самобытно существует».

И о так называемых рожденных³⁰⁰ говорила:

«Если рожденное совершенно разрушается, то не может Бог, образоваться из чресл мужа и женщины. Но един Бог Всевышний, Который сотворил небо, солнце, звезды и луну, плодоносную землю и воды морские, возвышенные горы и постоянные течения источников; рождает также бесчисленное множество живущих в воде, питает жизнь пресмыкающихся на земле, различных птиц, звонко поющих, и щебечущих, красивых, приятно шумящих и волнующих воздух своими крыльями. Он поместил в ущельях гор диких зверей, и нам, смертным подчинил всех скотов. Он поставил созданного им человека правителем всего и подчинил ему разнообразные и неисчислимые вещи. Кто из смертных может познать все это? Но Он один знает, сотворивший это от начала, бессмертный, вечный Творец, живущий на небе, добрым подающий добрую и обильную награду, злых же и нечестивых посещает гневом и яростью, войною, язвою и горькими скорбями. Люди, к чему вам возвышаться тщетно и погибать навсегда? Стыдитесь боготворить кошек и крокодилов. Не безумие ли это, если боги воруют чаши, похищают горшки? И вместо того, чтоб обитать на величественном небе, они³⁰¹ бывают добычею червей и пауков. Безрассудные, вы покланяетесь змеям, собакам, кошкам, почитаете птиц и гадов земных, каменные статуи и рукотворенные изображения, каменные курганы³⁰², – этому вы покланяетесь и многим другим суетным вещам, которые даже неприлично и называть. Такие боги обольщают людей

неразумных и распространяют из уст своих смертоносный яд. Только Тому, Которому принадлежит жизнь и непреходящий вечный свет, и Кто изливает людям радость, приятнейшую сладкого меда, – Тому одному нужно поклоняться и следовать путем вечной правды. Но вы оставили все это и своим безумием навлекли на себя полную чашу кары Божией – чашу чистую, изобильную, крепкую. И не хотите протрезвиться и прийти в здравый ум, позвать Царя всевидящего Бога. За это пламень горящего огня придет на вас: будете гореть в огне вечно, покрытые срамом за ложных и бесполезных идолов. Почитающие же истинного и вечного Бога получают в наследие жизнь и будут вечно обитать в прекрасном райском саду и вкушать сладкий хлеб с звездного неба»³⁰³.

Само собою ясно, что это истинно, полезно, справедливо и достолюбезно для всех людей; и что делавшие злое необходимо получают наказание по своим делам.

И некоторые из поэтов ваших высказали это, как бы оракульские изречения, самим себе и в свидетельство против злодеев, утверждая, что они будут наказаны. Эсхил сказал:

«Сделавшему что-либо (злое) надлежит и страдать»³⁰⁴.

И сам Пиндар сказал:

«Делающий злое должен понести наказание»³⁰⁵.

Точно также и Эврипид:

«Не жалуйся на свое страдание: ибо по своей воле ты делал зло; а закон требует наказывать врага, когда поймаешь его»³⁰⁶.

И опять он же:

«Наказывать врагов я почитаю делом достойным мужа»³⁰⁷.

Подобное сказал Архилох:

«Я знаю одно и притом важное, что делающий злое понесет тяжкое наказание»³⁰⁸.

И что Бог все видит, и ничто не укрывается от Его, будучи же долготерпеливым Он медлит судить, и об этом сказал Дионисий:

«Око правды, как ни спокойно смотрит, всегда все видит»³⁰⁹.

А что будет суд Божий и наказание неожиданно постигнет злых, это показывает Эсхил в следующих словах:

*«Несчастье быстро приходит на смертных и наказание на того, кто нарушает правду. Ты видишь правосудие безгласное, незримое для тебя, спишь ли ты или идешь, или сидишь: оно беспрестанно следит близко или издалека. Ночь не скроет злодеяния: что ты ни сделаешь злого, помышляй, что есть видящий это».*³¹⁰

Не так же ли говорит Симонид:

*«Не бывает бедствия неожиданного для людей: и Бог в короткое время все ниспровергает»*³¹¹.

И опять Эврипид:

*«Никогда не должно почитать прочным счастье и высокомерное богатство злого, ни род нечестивого; ибо время, не знающее родителей, обнаруживает преступления людей»*³¹².

И еще Эврипид:

*«Не неведуще божество, но оно знает клянувшихся ложно и тех, которые к тому вынуждены»*³¹³.

И Софокл:

*«Если делать злое, то должен и терпеть злое»*³¹⁴.

Таким образом и ваши поэты предсказывали, что Бог будет судить неправедную клятву и всякое другое преступление; сверх того, они волею или неволею говорили согласно с пророками и о сгорении мира, хотя, будучи позднее их по времени, похитили это из закона и пророков.

Но что за важность в том, жили ли они позднее или раньше пророков? Верно, что они говорили согласно с пророками. О сгорении мира пророк Малахия предсказал: «вот идет день Господень, как пылающий котел, и пожжет всех нечестивых»³¹⁵. И Исаия: «гнев Божий придет как сильное падение града и как вода, стремящаяся в долину»³¹⁶. Таким же образом Сивиллы и прочие пророки, даже ваши поэты и философы возвестили о правде, суде и наказании, кроме того, невольно говорили они и о Промысле, что Бог заботится не только об нас живых, но и о умерших, ибо побеждаемы были истиною. Из пророков же Соломон сказал об умерших: «будет исцеление плоти и

восстановление костей»³¹⁷. Также и Давид сказал об этом: «возрадуются кости смиренные»³¹⁸. Согласно с ними сказал и Тимокл:

*«Благой Бог милостив к мертвым».*³¹⁹

Итак, писатели, говорившие о множестве богов, возвращались к единовластительству Божию, отрицавшие Промысл, говорили о Промысле, утверждавшие отсутствие суда, признавали, что будет суд, и не допускавшие чувства по смерти, признавали, что оно останется. Так Гомер говорил:

*«Душа отлетела подобно сну»*³²⁰.

И в другом месте:

*«Душа, отлетая из членов, сошла в Аид»*³²¹.

И еще:

*«Погребай меня скорее, чтобы мне войти в врата Аида»*³²².

О прочих же писателях, которых ты читал, думаю, сам хорошо знаешь, каким образом они рассуждали. Это все уразумевает всякий, ищущий мудрости Бога и благоугождающий Ему своею верою, правдою и добрыми делами. Один из вышеупомянутых пророков, по имени Осия, сказал: «какой умный поймет это, и разумный познает? Ибо пути Господни правы, и праведные ходят по ним, нечестивые же падают на них»³²³. Итак, должно учиться желающему учиться. Старайся же чаще со мною сходиться, чтобы, слыша еще живую речь, верно узнать истину.

Книга третья

Феофил Автолику желает здравствовать. Так как писатели любят сочинять множество книг для пустой славы, одни о богах, войнах или временах, другие о бесполезных баснях и прочих пустяках, которыми и ты занимался до сего времени, и не утомляешься от такого труда, а встречаясь со мною считаешь бреднями слово истины, и думаешь, что наши писания недавни по времени, посему и я не отягощусь с помощью Божьей показать тебе древность наших писаний, в кратком изложении, чтобы ты не обременился прочитать его и увидел пустословие прочих сочинителей.

Надлежало бы, чтобы писатели были сами очевидцами того, о чем они утверждают, или точно узнали о том от очевидцев. Ибо пишущие о том, что недостоверно, некоторым образом бьют воздух. Ибо что пользы в том, что Гомер описал троянскую войну и ввел столько людей в заблуждение; или Гесиод составил родословие так называемых у него богов, или Орфей перечислил триста шестьдесят пять богов, которых он сам под конец своей жизни отвергнул, говоря в своих «Завещаниях», что один Бог? Чего достигли Арат, или другие, подобно ему описавшие мировую сферу, кроме славы человеческой, которую они получили незаслуженно? Что они сказали истинного? Или какую пользу принесли Эврипиду, Софоклу и прочим трагическим писателям их трагедии, или Менандру, Аристофану и прочим комическим писателям комедии их, Геродоту и Фукидиду их истории, Пифагору святилище и Геркулесовы столбы³²⁴, Диогену циническая философия, Эпикуру его учение, что нет Промысла. или Эмпедоклу отрицание Бога, или Сократу божба его собакой, гусем, платаном. пораженным громом Эскулапом и божествами, которых он призывал? И зачем он добровольно умер, какую награду надеялся получить по смерти? Что принесла пользы Платону его философия, или прочим философам, которых не буду перечислять по множеству их, – их учение? Это говорю, чтобы показать бесполезный и безбожный образ их мыслей.

Ибо все они, любя пустую и суетную славу, ни сами не познали истины, ни других не привели к истине. Ибо то, что они говорили, обличает их, так как они говорили несогласно друг с другом и многие из них отвергали свои собственные положения; они не только опровергали друг друга, но даже некоторые из них и собственные свои учения разрушали, так что слава их обращалась в бесчестие и глупость; ибо разумные люди осуждают их. В самом деле они говорили о богах, а после учили безбожию, говорили о происхождении мира, а под конец утверждали, что все явилось само собою; говорили о Промысле и потом учили также, что мир существует без промысла. И что же? Предпринимая писать о нравственности, не учили ли они совершать распутство, блуд и прелюбодеяние и самые отвратительные преступления? И о богах своих они проповедуют, что они первые совершали безнравственные совокупления и употребляли отвратительные яства. Ибо кто не воспекает Крона, пожиравшего детей своих, или сына его Зевса, поглотившего Метиса и приготовлявшего богам преступные пиршества, на которых, говорят, служил им хромой Гефест кузнец, и его сестру Геру, которая не только вышла замуж за Зевса, но и нечистыми устами делала то, что нельзя и высказать? О прочих делах Зевса, какие воспевают поэты, ты сам, конечно, знаешь. Нужно ли пересказывать мне о деяниях Посидона, Аполлона, Диониса, Геркулеса, сладострастной Афины и бесстыдной Афродиты, о которых я подробно говорил в другой книге³²⁵.

И мне не следовало бы делать такого рода опровержения, если бы я не видел, что ты еще находишься в сомнении об учении истины. Ибо при всем твоим благоразумии, ты охотно терпишь глупых: иначе ты не дозволил бы себе увлекаться пустыми словами неразумных людей и не верил бы утвердившейся молве, которая распускается безбожными и взводит на нас клеветы, будто мы, читатели Бога и называющиеся христианами, имеем общих для всех жен и живем в незаконном смешении, даже совокупаемся с собственными сестрами, и, что всего безбожнее и бесчеловечнее, едим плоть человеческую. Кроме того, говорят.

что наше учение явилось недавно, что нам нечего сказать в подтверждение истины, нами содержимой, и нашего учения, и что учение наше есть нелепость? Я весьма удивляюсь, что ты, будучи любознателен и тщателен в исследовании всех предметов, менее всего стараешься слушать нас. Ибо если тебе возможно, ты и ночь не задумаешься провести в библиотеках.

Так как ты перечитал великое множество книг, то, что думаешь о мнениях Зенона, Диогена и Клеанфа, содержащихся в их книгах, которые учат, что может быть вкушаема человеческая плоть, что дети могут варить и пожирать своих собственных отцов, и если кто не захочет вкусить или извергнет часть отвратительной пищи, может и сам не ядуший быть съеден? Сверх того, более еще безбожный голос Диогена учит детей приносить отцов своих в жертву и пожирать. Что же? Разве Геродот историк не рассказывает, что Камбиз³²⁶, убив детей Гарпага и сварив, предложил отцу их в пищу? Также и об индийцах он рассказывает, что у них отцы пожираемы были собственными детьми. О, безбожное учение тех, которые писали, или скорее учили этому; о, нечестие и безбожие их, о, разум так тщательно мудрствовавших и возвещавших мудрость! Ибо учившие сему наполнили мир нечестием.

И о незаконных совокуплениях согласен почти весь заблуждавшийся хор ваших философов. И первый – Платон, наиболее почтенный из них по своей философии, в первой книге³²⁷ своего сочинения, о политике выразительно как бы узаконяет, что должны быть у всех общие жены, пользуясь примером сына Зевсова и законодателя критян³²⁸, на том основании, будто чрез это увеличивается чадородие, и будто удручаемые трудами получают утешение от таких общений. И Эпикур также, вместе с учением безбожия, советует совокупляться с матерями и сестрами, и это вопреки законов, сего не допускающих. Ибо Солон ясно поставил закон, и о том, чтобы дети рождались от законного брака, а не от любодеяния, чтобы кто-либо не почитал как отца – того, кто не отец, или не бесчестил по неведению своего действительного отца. То же не допускали делать и прочие законы греков и римлян. Почему же Эпикур и стоики учат совокуплению с сестрами и мужчинами, и

таким учением наполняли библиотеки, чтобы таким образом научить с детства незаконному союзу? Да и что мне еще говорить об этом, когда о так называемых у них богах они проповедовали подобные дела?

Говорившие, что существуют боги, потом приводили их в ничто. Ибо одни говорили, что они состоят из атомов, другие, – что обращаются в атомы, и что боги имеют могущество не более людей. Платон, сказав, что существуют боги, не сомневается производить их из вещества. Пифагор, который так занимался исследованием о богах и столько странствовал по свету, наконец, определяет их, как природу, и говорит, что все это происходит случайно; боги нисколько не заботятся о людях. Не упоминаю о том, как Клитомах, академик усиливается отвергнуть бытие Божие. Не тому же ли учат и Критий и Протагор Авдеритянин, говоря: «если и существуют боги, я не могу об них ни говорить, ни показать – каковы они, потому что многое препятствует мне?» О крайнем безбожии Эвемера излишне и говорить. Ибо он, решившись многое наговорить о богах, под конец утверждает, что вовсе нет богов, но что все управляется случаем. Платон, который так много говорил о единстве Бога и о душе человеческой, утверждая, что душа бессмертна, не противоречит ли после себе самому, говоря, что души некоторых переселяются в других людей, иные же в бессловесных животных? Не представится ли умным людям его учение ужасным и незаконным, – что тот, кто был человеком, будет потом волком, или собакой, или ослом, или другим каким-либо бессловесным животным? Подобный сему вздор говорит и Пифагор, отвергающий, кроме того, и Промысл. Кому же из них будем верить, – Филимону ли комику, который говорит: «почитающие Бога имеют великие надежды на спасение»³²⁹, или выше упомянутым: Эвемеру, Эпикуру, Пифагору и прочим, отрицающим богопочтение и Промысл? О Боге и о Промысле сказал Аристон:

«Надейся, Бог обыкновенно помогает всем достойным, и им наиболее. Если не предстоит никакой награды живущим как должно, то какая польза в благочестии»³³⁰?

Положим так; но я довольно часто вижу, что те, которые хотят жить благочестиво, терпят несчастия, те же, которые ничего дурного не наблюдают кроме своей только пользы, находятся в почетнейшем, чем мы, состоянии³³¹. Да, в настоящей жизни, – но должно смотреть дальше и ожидать конца всех. Ибо не случай управляет всем, как некоторые думают нечестиво и бесполезно для жизни: такую мысль поддерживают худые люди в ограждение своей развратной жизни. Но есть награда живущим благочестиво и достойное наказание беззаконным. Ибо ничего не бывает без Промысла»³³².

Что касается мнений других и почти большей части о Боге и Промысле, то легко видеть, как согласно друг с другом они говорили: одни совершенно отвергли бытие Бога и Промысла, другие же признавали Бога и утверждали, что все управляется Промыслом. Поэтому, разумному читателю или слушателю должно обращать большое внимание на то, что говорит каждый из них, – как сказал Симил:

«Поэты обыкновенно – хороши ли они или худы, говорят одинаково; но вам должно судить»³³³.

Итак, должно тому, который критически исследует мнения философов и поэтов, тщательно внимать и обсуживать то, что ими говорится. Также говорит Филимон:

«Скучно, когда сидит бестолковый слушатель; по своей глупости он не умеет судить»³³⁴.

Отрицая бытие богов, сами же потом признают их и говорят, что боги совершают беззаконные дела. И, во-первых, поэты ваши полногласно воспевают великие злодеяния Зевса. Хризипп, много наговоривший вздору, не ясно ли указывает на беззаконное совокупление Геры с Зевсом? нужно ли перечислять распутство так называемой матери богов, или Зевса Латиария³³⁵, жаждущего крови человеческой, или оскотенного Аттиса, или деяния Зевса, называемого Трагиком, который сжег, как говорят, свою собственную руку, и теперь почитается у римлян богом? Умалчиваю о храмах Антиноя и о прочих, называемых богами: ибо что рассказывается об них, возбуждает смех в разумных людях. Таким образом, ваши

философы собственными учениями своими изобличают себя или в безбожии, или незаконном совокуплении; даже написанные ими сочинения показывают нам, что люди могут есть человеческую плоть и что почитаемые у них за богов первые совершили такие злодейства.

Мы также признаем Бога, но единого, Создателя, Творца и Устроителя всего мира; знаем, что все управляется Промыслом, но Промыслом Его только; научились святому закону, но законодателем имеем истинного Бога, Который и учит нас поступать праведно, быть благочестивыми и делать добро. О благочестии Он говорит: «да не будет у тебя других богов, кроме Меня. Не делай себе кумира, и никакого подобия, какое находится на небе вверху, или на земле внизу, или в водах под землею. Не поклоняйся им и не служи им: ибо я Господь Бог твой»³³⁶. О делании же добра сказал: «почитай отца твоего и мать твою, чтобы ты был благополучен и долголетен на земле, которую даю тебе Я Господь Бог». И о справедливости: «не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не свидетельствуй на ближнего твоего ложного свидетельства. Не желай жены ближнего твоего, не пожелай дома его, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего, что есть у ближнего твоего. Не извращай дела бедного на суде его, удаляйся от всякого слова неправедного, не убивай невинного и правого, не оправдывай нечестивого и не принимай даров, ибо дары ослепляют глаза видящих и извращают слова справедливые»³³⁷. Служителем сего божественного закона был Моисей, слуга Божий, для всего мира, преимущественно же для евреев, называемых также иудеями, которых древле держал в рабстве египетский царь, тогда как они были праведным семенем людей благочестивых и святых – Авраама, Исаака и Иакова, но Бог вспомнил их и сделав чрез Моисея поразительные чудеса и знамения, освободил и вывел их из Египта; провел чрез пустыню и возвратил их в Ханаанскую землю, которая после названа Иудеею, и им-то Он дал закон и научил сему. Таковы приведенные выше десять глав этого великого и удивительного закона, ведущего ко всякой правде.

Так как евреи, родом из земли халдейской, были пришельцами в земле египетской (во время бывшего там голода открылась нужда переселиться им в Египет, где продавался хлеб, и там прожили они долгое время, что случилось с ними по предсказанию Божию), так как, говоря, они пришельствовали в Египте четыреста тридцать лет, то выводя их чрез Моисея в пустыню, Бог научил их чрез закон, говоря: «пришельца... не притесняйте, потому что вы знаете душу пришельца, ибо сами были пришельцами в земле египетской»³³⁸.

Поскольку народ этот преступил закон, от Бога данный, то Бог, благий и милосердый, не желая погубить их, не только дал закон, но после того посылал еще к ним пророков из братьев их, вразумлять их и напоминать им заповеди закона и обращать их к покаянию, чтобы впредь не грешили. Эти пророки предсказывали, что если они будут упорствовать в злых делах, то будут преданы в рабство всем царствам земным, что ясно и исполнилось над ними. О покаянии пророк Исаия говорит вообще ко всем, особенно же к народу: «ищите Господа и нашед призывайте Его; когда же Он приблизится к вам, то пусть оставит нечестивый пути свои и муж беззаконный – желания свои и обратится ко Господу Богу своему и будет помилован, потому что Он много простит грехов ваших»³³⁹. И другой пророк Иезекииль говорит: «если беззаконный отвратится от всех беззаконий, которые он сделал и будет соблюдать заповеди Мои и делать праведное, то будет жить и не умрет; все неправды, которые он сделал, не вспомнутся, но он будет жить правдою, которую делал: ибо не хочу смерти беззаконного, говорит Господь, но чтоб обратился он от путей нечестия и был жив»³⁴⁰. И опять Исаия: «обратитесь вы, которые замышляете глубокий и беззаконный совет, чтобы вам спастись»³⁴¹. И другой пророк Иеремия: «обратитесь к Господу, Богу вашему, как собирающий виноград к корзине своей, и будете помилованы»³⁴². Много, или лучше – бесчисленно много сказано в священном Писании о покаянии, потому что Бог всегда желает отвратить род человеческий от всех грехов.

И о справедливости, которую заповедует закон, согласны между собою слова и пророков, и евангелистов, потому что все

они говорили вдохновенные одним Духом Божиим. Исаия так говорил: «отнимите лукавства от душ ваших, научитесь делать добро, ищите справедливости в суде, освобождайте угнетенного, давайте суд сироте и оправдывайте вдову»³⁴³. И еще он: «разрушь всякий союз неправды, разорви сети насильственных договоров, отпусти угнетенных на свободу, раздери всякое писание несправедливое, раздери алчущему хлеб твой, и нищих бескровных введи в дом твой; если увидишь нагого, одень, и единоплеменников твоих не презирай. Тогда взойдет ранний свет твой и скоро воссияют исцеления твои, и правда твоя пойдет пред тобою»³⁴⁴. Подобно сему и Иеремия говорит: «станьте на путях и посмотрите, и спросите, как добрый путь Господа Бога вашего, и идите по нему и найдете покой душам вашим. Судите судом праведным, потому что в этом воля Господа Бога вашего»³⁴⁵. Таким же образом Осия говорит: «Соблюдайте справедливость и приближайтесь к Господу, Богу вашему, утвердившему небо и создавшему землю»³⁴⁶. Другой пророк Иоиль также говорит: «соберите народ, освятите церковь, примите священников, соберите... младенцев, питающихся от сосцов, – выйдет жених от ложа своего и невеста от чертога своего. И молитесь Господу Богу вашему усердно, чтобы помиловал вас, и изгладил грехи ваши»³⁴⁷. Подобно сему и другой пророк Захария так говорит: «Господь Вседержитель судит судом истины, оказывайте милость и сострадание каждый к ближнему своему, не угнетайте вдовы и сироты и пришельца, и никто пусть не помнит зла на брата своим в сердцах ваших, говорит Господь Вседержитель»³⁴⁸.

О чистоте же учит нас святое Слово, чтобы не только не грешить делом, но даже и мыслию, не помышлять даже в сердце о каком-либо худом деле, или, смотря на чужую жену, не иметь к ней похоти. Соломон, царь пророк, сказал: «глаза твои пусть смотрят на правое, веки твои пусть направляются на справедливое, делай правыми течения ног твоих»³⁴⁹. Евангельский голос еще сильнее учит о чистоте, говоря: «всякий, кто посмотрит на чужую жену с похотствованием, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». «И кто женится на отпущенной мужем, прелюбодействует, и кто разведется с

женою, кроме вины блуда, подает ей повод прелюбодействовать»³⁵⁰. И еще говорит Соломон: «кто привяжет огонь к одежде, не сожжет ли свою одежду? Или, кто пройдет по горящим угольям, не сожжет ли ног? Так и приходящий жене замужней не останется невинным»³⁵¹.

И чтобы мы были благорасположены не только к единоплеменникам, как думают некоторые, пророк Исаия сказал: «скажите ненавидящим и проклинающим вас: вы братья наши, чтоб имя Господа прославлялось и являлось радости их»³⁵². И евангелие говорит: «любите врагов ваших, и молитесь за оскорбляющих вас. Ибо если вы любите любящих вас, какая вам награда? И хищники, и мытари это делают»³⁵³. Делющих же добро учит не тщеславиться, дабы не были человекоугодниками. «Ибо пусть не знает, – говорит оно, – рука твоя левая, что делает рука твоя правая»³⁵⁴. И еще Слово Божие повелевает нам повиноваться начальствам и властям и молиться за них, чтобы «нам проводить тихую и спокойную жизнь»³⁵⁵. И учит: «воздавать всем все: кому честь – честь; кому страх – страх; кому дань – дань, и не оставайся должным никому ничем, кроме только взаимной любви»³⁵⁶.

Итак, смотри, – те, которые так учат, могут ли жить распутно и входить в незаконные совокупления, или, что всего безбожнее, есть человеческую плоть, особенно когда непозволительно нам смотреть даже на игры гладиаторов, чтобы нам не быть участниками и свидетелями убийства, не должно смотреть и на остальные зрелища, чтобы не осквернились наши глаза и уши, принимая участие в произносимых там словах. Ибо скажет ли кто об едении человеческой плоти, – там пожираются дети Фиеста и Тирея; или о прелюбодеянии, – там представляются на сцене не только прелюбодеяния людей, но и богов, о которых возвещают благозвучно, получая за то почести и награды? Да будет далека от христиан мысль о делах такого рода; у них находится целомудрие, выполняется воздержание, соблюдается единобрачие, сохраняется чистота, истребляется неправда, искореняется грех, уважается справедливость, почитается закон, совершается богопочтение; Бог исповедуется, истина

господствует, благодать сохраняет, мир ограждает, Слово Божие руководит, мудрость учит, жизнь управляет, Бог царствует. Много можно бы говорить о наших постановлениях и о заповедях Бога и Творца всей твари; но, кажется, я довольно сказал, чтобы ты и сам постарался узнать дело, особенно из книг, которыми доселе занимаешься, дабы ты и впредь был так любознателен, как до сего времени.

Хочу теперь с помощью Божией подробнее изложить тебе хронологию, что ты узнал, что не ново и не баснословно наше учение, но древнее и достовернее всех ваших поэтов и писателей, писавших о неизвестном. Ибо одни, почитая мир несотворенным, уходили в бесконечность, другие, признавая его сотворенным, говорили, что протекло с того времени пятьдесят миллионов три тысячи семьдесят пять лет. Так показывает Аполлоний египтянин. Сколько глупостей допустил также Платон, который, кажется, был мудрейшим из эллинов! В его книге о политике³⁵⁷ выразительно говорится: «каким образом, если бы все всегда оставалось так, как существует ныне, могли бы явиться новые вещи? В продолжение тьмы лет они были неизвестны людям, тогда жившим; и тысяча или две тысячи лет с тех пор, как они явились: некоторые были опять избраны Дедалом, другие Орфеем, иные же Паланидом». Говоря это, он показывает, что тьма тех лет прошла от потопа до Дедала. Потом сказав много о городах в мире, населении их и народах, признается, что это он сказал по догадке. Ибо говорит: «если какой Бог будет обещать что» и проч. Ясно, что он говорил догадочно; если же так, то значит не вполне истинно то, что сказано им.

Посему лучше быть учеником законоположения Бога, как и сам Платон признал, что нельзя иначе познать истину, если не научит Бог через закон³⁵⁸. Что же? И поэты, Гомер, Гесиод и Орфей не говорили ли, что они научены Промыслом Божиим? Кроме того, писатели говорят, что они были современниками оракулам и предсказателям, от которых узнали истину и тщательно записали. Сколько же более знаем мы истину, наученные от святых пророков, исполненных Святого Духа Божия? Потому-то все пророки говорили согласно друг с другом,

и предвозвещали будущие события всего мира. Ибо любящие знание или лучше – любящие истину из самого исполнения предвозвещенных и уже совершившихся событий могут убедиться, что вполне истинно и то, что возвещено ими о времени и летах до потопа, о том, сколько лет прошло от сотворения мира до нашего времени, и таким образом могут увериться, что лживо говорили наши писатели и что не истинно сказанное ими.

Платон, как прежде я сказал³⁵⁹, говорит, что был потоп не по всей земле, а только на равнинах, и что некоторые спаслись бегством на высочайшие горы. Другие же говорят, что были тогда Девкалион и Пирра, и они спаслись в ковчеге, и что Девкалион, вышед из ковчеге, бросил назад камни, из которых сделались люди, – отсюда, говорят, и называется множество людей народами (λαοί)³⁶⁰. Иные же говорили, что был Климент при другом потопе. Из прежде сказанного мною ясно видно, что те, которые писали, такие вещи и суетно мудрствовали, – жалки, нечестивы и безрассудны. Наш же пророк и слуга Божий Моисей, повествуя о происхождении мира, рассказал, каким образом был потоп на земле, и о том, что происходило вместе с потопом, не выдумывая какого-либо Пирру, Девкалиона, или Климента, ни того будто только равнины были потоплены и спаслись одни убежавшие в горы.

Он не говорит, что был другой потоп, но сказал, что впредь не будет на земле потопления водою; отчего и не было и не будет. Он говорит, что восемь человек спаслось в ковчеге, сооруженном по повелению Божию, – не Девкалионом, но Ноем, которого еврейское имя в переводе на греческий язык значит успокоение. Как я показал в другой книге³⁶¹, Ной, возвещая тогдашним людям о будущем потопе, пророчествовал им говоря: «идите, призывает Δευτε, καλει³⁶² вас Бог к покаянию»: почему собственно и назван Девкалионом. У сего Ноя были три сына, как я показал во второй книге³⁶³, по имени: Сим, Хам и Иафет, у которых были три жены, у каждого по одной, и кроме того были сам он и жена его. Этого мужа некоторые называли Эвнухом. Итак, эти восемь человек спаслись в ковчеге. Далее Моисей показал, что потоп шел сорок дней и сорок ночей, от

того что разверзлись небесные хляби и потекли все источники бездны, так что вода поднялась выше всякой высокой горы на пятнадцать локтей. Таким образом погиб весь род бывших тогда людей, спаслись же одни сохранившиеся в ковчеге, которых, как я выше сказал, было восемь; остатки этого ковчега показывают до сего времени на Араратских горах. Таковы главные обстоятельства истории потопа.

Моисей был вождем иудеев, как я выше сказал³⁶⁴, изгнанных из Египта царем Фараоном, по имени Тетмозисом, который, говорят, по изгнании народа царствовал 25 лет и 4 месяца, как показал Манефон. И после него царствовал Хеврон 13 лет, после него Аменофис 20 лет и 7 месяцев; после него сестра его Амесса 21 год и 1 месяц, после нее Мифрис 12 лет и 9 месяцев; после него Мифраммутозис 20 лет и 10 месяцев, после него Титмозис 9 лет и 8 месяцев; после него Дамфенофис 30 лет и 10 месяцев, после же сего Ор 36 лет и 5 месяцев, затея его дочь 10 лет, и 3 месяца; после нее Мерхерис 12 лет и 3 месяца; затем его сын Армаис 4 года и 1 месяц; после него Рамессис 1 год и 4 месяца; после же сего Мессис Миаммун 6 лет и 2 месяца; после него Аменофис 19 лет и 6 месяцев; после него Фисс и Рамессис 10 лет, которые, говорят, имели в свое время большие военные силы сухопутные и морские. Евреи же, в то время жившие в Египте и порабощенные царем Тетмозисом, построили ему укрепленные города – Пито, Рамессу и Он, что ныне Илиополь: так что евреи, праотцы наши, от которых мы получили и священные книги, более древние, чем книги всех ваших писателей, как выше я сказал, оказываются старше знаменитых тогда городов египетских. Страна же Египтом названа от царя Сефа, ибо Сеф, говорят, назывался также Египтом. У этого Сефа был брат, по имени Армаис, названный Данаем, который прибыл из Египта в Аргос и упоминается у прочих писателей ваших, как человек весьма глубокой древности.

Манефон, много наболтавший в пользу египтян и к этому взведший клевету на Моисея и на бывших с ним евреев, именно будто они были изгнаны из Египта вследствие проказы, не мог дать верных хронологических показаний. И называя их

пастырями и врагами египтян, он невольно назвал их так, принужденный самою истиной; ибо действительно предки наши, жившие в Египте, были пастырями, но не прокаженными. Ибо известно, что, когда они пришли в землю, называемую Иерусалим, где и жили потом, священники их, пребывавшие по повелению Божию во храме, врачевали всякую болезнь, исцеляли также и прокаженных и всякую язву. Храм построил Соломон, царь иудейский. Хронологические ошибки Манефона ясны из его собственных слов; таким же образом, он ошибался и о царе, который изгнал их, именем Фараон. Ибо он после не царствовал над египтянами, так как преследуя евреев, он с войском был потоплен в Чермном море. И еще ошибается он, будто те пастыри воевали с египтянами; ибо за триста тридцать лет до прибытия Даная в Аргос они вышли из Египта, и с тех пор жили в стране, называемой ныне Иудеею. А известно, что Данай весьма многими почитается древнейшим всех у эллинов. Но Манефон в своих сочинениях невольно упомянул о двух главных истинах, во-первых, назвал евреев пастырями, во-вторых, сказал, что они вышли из Египта. Таким образом, из этих записей открывается, что Моисей и бывшие с ним древнее троянской войны на девятьсот или на тысячу лет.³⁶⁵

Что касается построения храма в иудее, который создал царь Соломон спустя пятьсот шестьдесят шесть лет по исходе иудеев из Египта, у тирян написано, как построен храм, и в их архивах сохранились записки, в которых находится, что храм был построен за сто тридцать четыре года и восемь месяцев до основания тирянами Карфагена (написаны же они по повелению царя Тирского, именем Иерома, сына Авивала, так как Иером был другом Соломона по приязни с ним отца его, и вместе по чрезвычайной мудрости Соломона. Ибо они постоянно занимали друг друга разными вопросами; доказательством сего служит то, что до сего времени сохранились у тирян списки писем, которые они друг другу посылали, как свидетельствует Менандр ефесянин в своей истории тирского царства, говоря так: «По смерти Авивала, царя Тирского, преемствовал ему на царстве сын его Иером, который жил пятьдесят три года. Ему наследовал Вазор, который жил 43 года, а царствовал 17 лет.

После него Метуастарт, живший 54 года, царствовал 12 лет. После него брат его Атарим, живший 58 лет, царствовал 9 лет. Его умертвил брат его, именем Еллис, который жил 50 лет, и царствовал 9 месяцев. Его умертвил Ютовал, жрец Астарты, который жил 40 лет и царствовал 12 лет. Ему наследовал сын его Вазор, который жил 45 лет и царствовал 7 лет. Сын же его Меттин, живший 32 года, царствовал 29 лет. Ему наследовал Пигмалион, который жил 56 лет и царствовал 7 лет. В седьмой же год его царствования сестра его, убегшая в Ливию, построила город, который до сего времени называется Карфагеном». Итак, все время от царствования Иерома до основания Карфагена включает в себе 155 лет и восемь месяцев. В двенадцатый же год царствования Иерома был построен в Иерусалиме храм, – таким образом, от построения храма до основания Карфагена прошло 133 года и 8 месяцев.

Итак, свидетельства финикиян и египтян, как мы знаем из сказаний о временах наших событий писателей Манетона египтянина и Менандра ефесянина, также и Иосифа, описавшего войну иудеев с римлянами, достаточно подтверждают сказанное нами. Ибо из этих древних писателей видно, что и писания прочих позднее писаний Моисея, и даже бывших после него нам пророков, ибо последний из пророков, именем Захария, процветал в царствование Дария. И все законодатели ваши издали свои законы после того. Ибо, если кто укажет на Солона афинянина, – он был во времена царей Кира и Дария, современник Захарии, вышеназванного пророка, который жил много лет позже; что касается законодателей Ликурга, Дракона и Миноса, то и их превосходят древностью священные книги, потому что писания божественного закона, данного нам чрез Моисея, явились прежде Зевса царя критского и даже прежде троянской войны. Но чтобы яснее показать порядок времен и лет, я, при помощи Божией, изложу хронологию событий не только после потопа, но и до потопа, так чтобы по возможности перечислить все года, начиная с сотворения мира, которое описал, по вдохновению Святого Духа, Моисей, слуга Божий. Ибо, говоря о создании и происхождении мира, первоизданного человека, и о

последующих событиях, он показал также года, прошедшие до потопа. Я же прошу благодати у одного Бога, чтобы мне точно сказать, согласно с Его волею, всю истину, и чтобы ты и всякий, читающий об этом, был наставлен истиною и благодатью Его. Итак, приступаю к записанным родословиям, начиная с первозданного человека.

Адам до времени, когда родил детей, жил 230 лет, сын его Сиф 205 лет, сын сего Енос 190 лет, сын его Каинан 170 лет, сын его Малелеил 165 лет, сын его Иаред 162 года, сын его Енох 165 лет, сын его Мафусал 167 лет, сын его Ламех 188 лет. У него родился сын, вышеназванный Ной, который родил Сима, будучи 500 лет. При Ное был потоп, когда ему было 600 лет. Итак, всего до потопа прошло 2242 года. Вскоре после потопа Сим, будучи 100 лет, родил Арфаксада, Арфаксад же родил Салу, будучи 135 лет, Сала же родил Эвера, будучи 130 лет, – от него и назван весь род евреями; Эвер же родил Фалека, будучи 134 лет, он родил сына Рагова, будучи 130 лет; Рагов же родил Серуха будучи 132 лет; Серух родил Нахора, будучи 130 лет; Нахор родил Фарру, будучи 75 лет; Фарра родил Авраама, будучи 70 лет; этот патриарх наш родил Исаака, будучи 100 лет. Итак, всех лет от создания человека до Авраама было 3278. Исаак жил до рождения детей 60 лет и родил Иакова; Иаков жил до переселения в Египет, о котором выше мы сказали, 130 лет: пребывание евреев в Египте продолжалось 430 лет, и по выходе из Египта они пробыли в так называемой пустыне 40 лет. Таким образом, всех прошло 3938; в это время по смерти Моисея принял начальство Иисус сын Навин, который управлял народом 27 лет. После Иисуса, когда евреи отступили от заповедей Божиих, находились в рабстве у царя Месопотамского именем Хусоратона восемь лет. Потом, когда раскаялся народ, у него были судьи: Гофониил судил сорок лет, Еклон 18 лет, Аод 8 лет. Потом, когда народ преступил заповеди Божии, иноплеменники властвовали над ними 20 лет. Затем Деввора судила их 40 лет. Потом мадианитяне владели ими 7 лет. После того Гедеон судил их 40 лет, Авимелех 3 года, Фола 23 года, Иаир 22. Потом филистимляне и аммонитяне держали их в 18 лет. Потом Иефай судил их 6 лет, Есвон 7 лет, Елон 10

лет, Авдон 8 лет. Затем иноплеменники владели ими 40 лет. Потом Самсон судил их 20 лет. После сего продолжался у них мир 40 лет. Потом Самира³⁶⁶ судил их один год, Илий 20 лет, Самуил 12 лет.

После судей были у евреев цари; из них первый, именем Саул, царствовал 20 лет, потом Давид праотец наш 40 лет. Итак, всех вообще лет от смерти Моисея до царствования Давида было 498. После них Соломон, первый по воле Божией построивший храм в Иерусалиме, царствовал 40 лет, после него Ровоам 17 лет, после него Авия 7 лет, после него Аса 41 год, после него Иосафат 25 лет, после него Иорам 8 лет, после него Охозия один год, после него Гофолия 6 лет, после него Иоас 40 лет, после него Амасия 39 лет, после него Озия 52 года, после него Иоафам 16 лет, после него Ахаз 17 лет, после него Езекия 29 лет, после него Манассия 55 лет, после него Амос 2 года, после него Иосия 31 год, после него Охаз 3 месяца, после него Иоаким 11 лет, потом другой Иоаким 3 месяца и 10 дней, после него Седекия 11 лет. После этих царей, когда народ пребывал во грехах и не раскаивался, по пророчеству Иеремии пришел на иудею царь Вавилонский, именем Навуходоносор. Он переселил иудейский народ в Вавилон и разрушил храм, построенный Соломоном. В Вавилонском переселении народ прожил 70 лет. Все же время от сотворения мира до переселения в землю Вавилонскую заключает 4954 года 6 месяцев и 10 дней. И как Бог чрез Иеремию пророка предсказал, что народ будет в пленении Вавилонском, так Он преуказал возвращение его в свою землю после 70 лет. Итак, по прошествии 30 лет, сделался Кир царем персидским, который, по пророчеству Иеремии во второй год своего царствования объявил письменные указы, чтобы все иудей находящиеся в его царстве, возвратились в свою страну и вновь построили Богу храм, разрушенный вышеназванным царем Вавилонским. При этом Кир, по повелению Божию, приказал Савессару и Митридату, своим телохранителям, обратно доставить для употребления в храм сосуды, взятые Навуходоносором из храма иудейского. Во второй год

царствования Дария исполнилось 70 лет, предсказанные Иеремию.

Отсюда можно видеть, как древнее и истиннее наши священные писания – писаний греческих и египетских и всяких других историков. Геродот, Фукидид, Ксенофонт и другие историки начинали писать с царствования Кира и Дария, и не имели возможности сказать более достоверное о древних и первоначальных временах. Ибо что великого в том, что историки говорили о царях у варваров Дарие и Кире, у эллинов о Зопире и Иппие, или о войнах афинян и лакедемонян, или о делах Ксеркса и Павзания, подвергшегося опасности умереть голодом в храме Афины, или о Фемистокле и пелопонесской войне, или о Алкивиаде и Фразивуле? Я не намерен говорить подробно обо всем, но показать число лет от сотворения мира и обличить суетный труд и пустословие писателей, потому что не двадцать тысяч мириад лет, как сказал Платон, от потопа до его времен, и не пятнадцать мириад три тысячи семьдесят пять лет, как свидетельствовал Аполлоний египтянин, и что не безначален мир и не существует все по случаю, как пустословили Пифагор и прочие, но он произошел и управляется Промыслом все сотворившего Бога, – и все времена и годы ясны для тех, которые желают убедиться в истине. Но чтобы не подумали, что я довел хронологию только до Кира и опустил последующие времена, как бы не имея возможности показать их, – я постараюсь при помощи Божией изложить по возможности и дальнейший порядок времен.

Когда Кир после 38-летнего царствования был убит Томирою в Массагетии, в шестьдесят вторую олимпиаду, – в то время усилились с помощью Божией римляне, после того, как был построен Рим Ромулом, сыном, как повествуют, Аррея и Илии, в 7 олимпиаду, в 16 день майских календ, так как год показан в десять месяцев; – итак, когда умер Кир, как выше сказали, в шестьдесят вторую олимпиаду, прошло времени от основания Рима 220 лет, и в это время римлянами управлял Тарквиний по прозванию Супербус (гордый); он первый изгнал некоторых римлян, растлевал мальчиков и оскотничал граждан, даже растлевал дев и выдавал их замуж. Поэтому собственно

он назван на римском языке Superbus υπερφανος гордый. Ибо он первый постановил, чтобы те, которые приветствовали его, были в свою очередь приветствуемы кем-нибудь другим. Царствовал он 25 лет. После него в продолжение 453 лет начальствовали по году консулы, трибуны и эдилы, перечислять имена которых считаю делом продолжительным и излишним. Ибо, если кто пожелает узнать их, может найти их в записках, которые написал Номенклатор Хризер, отпущенник М. Аврелия Вера, который все описал – и имена и времена, начиная от основания Рима и до кончины своего покровителя самодержца Вера. Итак, управляли римлянами годичные правители, как сказали, в продолжение 453 лет. Потом управляли так называемые императоры: первый – Кай Юлий, который царствовал 3 года, 4 месяца и 6 дней; потом Август 56 лет, 4 месяца и один день; Тиверий 22 года. Затем другой Кай 3 года, 8 месяцев и 7 дней; Клавдий 13 лет, 8 месяцев и 24 дня; Нерон 13 лет, 6 месяцев и 28 дней; Гальба 7 месяцев и 6 дней; Отон 3 месяца и 5 дней; Вителлий 6 месяцев и 22 дня; Веспасиан, 9 лет, 11 месяцев и 22 дня; Тит 2 года и 22 дня; Домициан 15 лет, 5 месяцев и 6 дней; Нерва один год, 4 месяца и 10 дней; Траян 19 лет, 6 месяцев и 16 дней; Адриан 20 лет, 10 месяцев и 28 дней; Антонин 22 года, 7 месяцев и 6 дней; Вер 19 лет и 10 дней. Таким образом период кесарей до смерти императора Вера содержит 225 лет. От смерти Кира и царствования Тарквиния Гордого до смерти вышеупомянутого императора Вера, всего времени прошло 741 год.

От сотворения же мира все время слагается так: от сотворения мира до потопа прошло 2242 года, от потопа до рождения сына у Авраама, праотца нашего, 1036 лет, от Исаака, сына Авраама. до странствования народа, с Моисеем в пустыне – 660 лет. От смерти Моисея, от принятия начальства Иисусом Навином, до смерти Давида Патриарха – 498 лет. От смерти Давида и царствования Соломона до переселения народа в землю вавилонскую – 518 лет, 6 месяцев и 10 дней. От царствования Кира до смерти императора Аврелия Вера 741 год. Всех же в совокупности лет от сотворения мира 5695, с несколькими месяцами и днями.

Итак, из рассмотрения времен и всего нами сказанного, можно видеть древность пророческих писаний и божественность нашего учения, – что не ново это учение, и не баснословны и не ложны наши верования, как думают некоторые, но самые древние и истинные. Ибо Фалл упоминает о Виле царе ассирийском и Кроне Титане, говоря, что Вил, вместе с титанами воевал против Зевса и сторонников его, так называемых богов, и что побежденный там Гиг, который тогда царствовал в стране прежде называвшеюся Актою, теперь же Аттикою, бежал в Тартисс³⁶⁷. Не считаю нужным распространяться о происхождении названий прочих стран и городов, особенно для тебя, хорошо знающего историю. Итак, ясно, что Моисей древнее всех писателей (и не он один, но и многие, после него бывшие пророки), древнее и Крона, Вила и троянской войны. Ибо по истории Фалла, Вил существовал за 322 года до троянской войны. А Моисей почти на 900 или на 1000 лет был древнее завоевания Трои, – как мы показали выше. Но так как Крон и Вил были современники, то многие не знают – кто Крон, и кто Вил. Некоторые почитают Крона, называя его Вилом и Валом, особенно живущие в восточных странах, не различая Крона и Вила. У римлян же он называется Сатурном, и они сами не знают, кто он Крон ли или Вил. Олимпиады начали праздноваться с Ифита, как говорят, а по некоторым с Лима, который назывался также Илием. Какой же порядок имеет число лет и олимпиад, я выше сказал. Думаю, что, сколько возможно, обстоятельно показаны мною древность наших событий и число всех лет. И если есть у меня ошибка, например, лет 50 или 100 если даже 200, однако, не на тысячи или десятки тысяч лет как это случилось с ложными счислениями Платона, Аполлония и других. Что же мы, быть может, не знаем точно числа всех лет, – это потому, что в священных книгах не написаны промежуточные месяцы и дни. Кроме того, о тех временах, о которых мы сказали, согласное говорит и Бероз, философ халдейский, который передал эллинам халдейские писания: он сходно с Моисеем повествует о потопе и о многих других событиях и отчасти согласен с пророками Иеремию и Даниилом, а именно – то, что о событиях

иудейских при Вавилонском царе, которого он называет Набопалассаром, у евреев называют Навуходоносором. Он также упоминает о храме в Иерусалиме, что он был разрушен халдейским царем, и что во второй год царствования Кира положены основания храма, а во второй год царствования Дария храм был окончен.

Эллины же не имеют истинной истории, во-первых, потому, что они в недавнее время познакомились с письменами: в этом они сами признаются говоря, что письма изобретены – одни халдейцами, другие египтянами, иные же финикиями; во-вторых, они заблуждались и заблуждаются в том, что упоминают не о Боге, но о суетных и бесполезных делах. Так они с честью помнят Гомера, Гесиода и прочих поэтов. Славу же бессмертного и единого Бога не только забывают, но и бесчестят и кроме того почитающих его преследовали и преследуют ежедневно. Они назначают награды и пособия тем, которые сладкозвучно поносят Бога, а заботящихся о добродетели и проводящих благочестивую жизнь – иных побивали камнями, иных умерщвляли. и до сего времени подвергают жестоким мучениям. Посему такие люди необходимо должны были потерять мудрость Божию и не нашли истины. Итак, если ты хочешь, прилежно читай эти книги мои, чтобы тебе иметь советника и залог истины.

Ермий Философ и его Осмеяние языческих философов

Об Ермие, сочинителе «Осмеяния языческих философов»

Под именем Ермия дошло до нас на греческом языке небольшое сочинение под заглавием: «Осмеяние языческих философов (διασυρμωστων εξω φιλοσοφών). Кто был этот Ермий, где и в какое время он жил, история не передает нам никаких известий. В рукописных кодексах его сочинений дается ему название философа. По главной мысли своего сочинения и приемам ее изложения он близко подходит к св. Иустину и особенно Татиану, так что в его сочинении можно видеть более подробное раскрытие следующего замечания Татиана: «ты следуешь учению Платона? и вот эпикурейский софист открыто восстает на тебя. Опять, ты хочешь следовать Аристотелю? и тебя ругает какой-нибудь последователь Демокрита»³⁶⁸. Резко полемическое отношение Ермия к философии языческой и взгляд на ее происхождение напоминает более первые времена горячей борьбы христианского учения с язычеством, чем позднейшие века. Посему ученые издатели и исследователи творений древности большею частью и справедливее относят Ермия к писателям апологетам второго или начала 3-го столетия по Р. Х.³⁶⁹.

Сочинение Ермия вполне соответствует своему заглавию: не касаясь почти истин христианства, он исключительно занимается различными системами языческой философии и с живым, остроумным сарказмом представляет их взаимное противоречие и несостоятельность. Начиная словами апостола Павла: «премудрость мира сего есть глупость пред Богом (1Кор.3:19), автор отправляется от положения, что языческая философия обязана своим происхождением падшим духам, и затем доказывает историей философских систем бесплодность их попыток решить важнейшие вопросы человеческого духа, сопоставляя друг другу главнейших представителей древней философии с их противоречивыми мнениями о душе человеческой, о видимом мире и о Боге.

Сочинение Ермия было издано в первый раз Раф. Зейлером, с его латинским переводом, в Базеле (1553 г.). Англичанин Ворт издал его в исправнейшем виде, с своими примечаниями, в Оксфорде (1700). Затем Мараново издание Иустина, в котором помещено и сочинение Ермия, перепечатано в VI томе греч. Патрологии абб. Миня.

Ермия Философа Осмеяние языческих философов

Блаженный апостол Павел в послании к коринфянам, жителям, соседственным со страню Греции, которую называют Лаконией, так возвещает: «возлюбленные, премудрость... мира сего есть глупость в очах Божиих»³⁷⁰, и это сказал он не мимо истины. Ибо, мне кажется, премудрость эта получила начало от падения ангелов, и от сего-то философы, излагая свои учения, не согласны между собою ни в словах, ни в мыслях. Так одни из них душу человеческую признают за огонь, как Демокрит³⁷¹; другие – за воздух, как стоики; иные за ум, иные за движение, как Гераклит; другие – за испарение; другие за силу, истекающую из звезд; другие за число, одаренное силою движения, как Пифагор; иные за воду рождающую, как Гиппон; иные за стихию из стихий; иные за гармонию, как Динарх; иные за кровь, как Критий; иные за дух; иные за единицу, как Пифагор; древние также думают различно. Сколько мнений об этом предмете! Сколько рассуждений софистов, которые больше между собою спорят, чем находят истину!

Но пусть были бы они не согласны между собою относительно души, – по крайней мере, согласно учили о прочих предметах? Между тем, один признает удовольствие благом души, другой – злом, иной чем-то средним между благом и злом. Далее, одни говорят, что отделение ее «от тела» – благо, другие – зло, третьи – среднее между добром и злом. Далее, одни говорят, что природа души бессмертна, другие, – что она смертна, третьи, что она существует на короткое время; одни низводят ее в состояние животных, другие – разлагают в атомы; одни утверждают, что она переходит в тела трижды, другие назначают ей такое странствование в продолжение трех тысяч лет: те, которые сами не живут и ста лет, обещают душе три тысячи лет существования! Как назвать эти мнения? Не химерою ли, как мне кажется, или глупостью, или безумием, или нелепостью, или всем этим вместе? Если они нашли какую-нибудь истину, то пусть бы они одинаково мыслили, или говорили согласно друг с другом: тогда и я охотно соглашусь с

ними. Но когда они разрывают, так сказать, душу, превращают ее один в такое естество, другой в другое, и подвергают различным преобразованиям вещественным, признаюсь, такие превращения порождают во мне отвращение. То я бессмертен, и радуюсь; то я смертен, и плачу; то разлагают меня на атомы: я становлюсь водою, становлюсь воздухом, становлюсь огнем; то я не воздух и не огонь, но меня делают зверем, или превращают в рыбу, и я делаюсь братом дельфинов. Смотря на себя, я прихожу в ужас от своего тела, не знаю как назвать его, человеком ли, или собакой, или волком, или быком, или птицей, или змеем, или драконом, или химерою. Те любители мудрости превращают меня во всякого рода животных, в земных, водяных, летающих, многовидных, диких или домашних, немых или издающих звуки, бессловесных или разумных. Я плаваю, летаю, парю в воздухе, пресмыкаюсь, бегаю, сижу. Является, наконец, Эмпедокл, и делает из меня куст.

Если философы разноречат таким образом в учении о душе человека, тем более они не могли сказать истину о богах или о мире. Они так храбры, чтобы не сказать – тупы: не в состоянии будучи постигнуть собственной души, исследуют природу самих богов, и, не зная собственного тела, истощаются в усилиях познать естество мира. Относительно начал природы они чрезвычайно разногласят друг с другом. Если б я встретился с Анаксагором, он стал бы учить меня вот чему: начало всех вещей есть ум, он виновник и владыка всего; он беспорядочное приводит в порядок, неподвижному дает движение, смешанное разделяет, нестройное устрояет. Такое учение Анаксагора нравится мне, и я вполне соглашаюсь с его мыслями. Но против него восстают Меллис и Парменид: последний в поэтических стихах возвещает, что сущее есть единое, вечное, беспредельное, недвижимое и совершенно равное себе. Я опять, не знаю почему, соглашаюсь с этим учением, и Парменид вытесняет из души моей Анаксагора. Когда же я воображаю, что утвердился в своих мыслях, выступает в свою очередь Анаксимен с другою речью: я тебе говорю, кричит он, что все есть воздух; если его сгустить и сжать, то образуется вода, а если разредить и расширить, то – эфир и огонь; по возвращении

в свое естественное состояние он становится чистым воздухом; а если будет сгущаться, то изменяется. Я опять перехожу на сторону этого мнения, и люблю уже Анаксимена.

Но восстает против этого Эмпедокл с грозным видом и из глубины Этны громко вопиет: начало всего – ненависть и любовь; последняя соединяет, а первая разделяет, и от борьбы их происходит все. По моему мнению, они сходны между собою и несходны, беспредельны и имеют предел, вечны и временны. Прекрасно, Эмпедокл, я иду за тобою до самого жерла Этны. Но на другой стороне стоит Протагор и удерживает меня, говоря: предел и мера вещей есть человек; что подлежит чувствам, то действительно существует, а что не подлежит им, того нет на самом деле. Прельщенный такою речью Протагора, я в восхищении от того, что он все, по крайней мере, наибольшую часть представляет человеку. Но с другой стороны Фалес предлагает мне истину, толкуя: начало всего есть вода, все образуется из влаги, и все превращается во влагу, самая земля плавает на воде. Отчего бы не поверить мне Фалесу, древнейшему из ионийских философов? Но соотечественник его, Анаксимандр, говорит, что прежде воды существует вечное движение, и чрез него – одно возникает, а другое разрушается. Итак, надобно поверить Анаксимандру.

С другой стороны, не пользуется ли славой Архелай, который выдает за начало всего теплоту и холод? Но с ним не согласен великоречивый Платон, утверждая, что начала всех вещей суть Бог, материя и идея. Теперь я вполне убежден. Ибо могу ли не думать согласно с философом, который сочинил колесницу для Юпитера? Но позади стоит ученик его Аристотель, завидующий учителю своему за создание колесницы. Этот указывает иные начала: одно деятельное, а другое страдательное; по его мнению, начало деятельное, не подлежащее действию других вещей, есть эфир, а начало страдательное имеет четыре качества: сухость, влажность, теплота и холод, и от взаимного превращения их происходит возникновение и уничтожение вещей. Я утомился уже, волнуемый мыслями туда и сюда. Остановлюсь на мнении Аристотеля, и уже никакое другое учение не потревожит меня.

Но что делать мне? На мою душу нападают старики, древнейшие упомянутых философов: Ферекид, который утверждает, что начала всех вещей Зевс, Хфония и Кронос: Зевс – эфир, Хфония – земля, Кронос – время; что эфир начало деятельное, земля – страдательное, а время – то, в чем происходит все. Но и эти старики спорят между собою. Левкипп почитает все это глупостью, и утверждает, что начала всех вещей беспредельны, вечно движимы и чрезвычайно малы, и что тончайшие из них поднявшись вверх, образуют огонь и воздух, а твердые спустившись вниз, составляют воду и землю. Доколе же буду принимать такие учения и ничему истинному не научиться? Разве освободит меня от заблуждения Демокрит, открывающий, что начало всех вещей есть сущее и несущее, что сущее есть полнота, а несущее – пустота, и что полнота производит все в пустоте посредством или превращения, или фигуры. Пожалуй, я готов согласиться с добрым Демокритом и вместе с ним смеяться; но меня отвлекает плачущий Гераклит, утверждая: начало всего, есть огонь, который имеет два состояния: разрежение и сгущение, первое – деятельное, второе страдательное, то – соединяет, а это разделяет. Но, довольно уже для меня: мне вскружили голову столько разных начал. Но вот еще Эпикур приглашает меня не пренебрегать его прекрасного учения об атомах и пустоте, так как все происходит и уничтожается от многообразного и многообразного соединения их.

Не противоречу тебе, прекрасный Эпикур. Но над твоим учением смеется Клеанф, поднимая голову из колодезя, черпая из него истинные начала всех вещей, – Бога и материю, и утверждая, что земля превращается в воду, а вода в воздух, что воздух поднимается вверх, а огонь находится в окружности земли, что по всему миру распростерта душа, часть коей одушевляет и нас. Несмотря на многочисленность этих философов, другая толпа их прибывает ко мне из Ливии: Карнеад и Клитоммах и все их последователи; попирая учения всех прочих философов, они сами утверждают, что природа вещей непостижима, и что к истине всегда примешивается некоторая ложь. Что же мне делать после столь долгих

утомительных исследований? Как освободить ум мой от такого множества мнений? Если ничто не может быть постигнуто, то истина удалена от людей, а пресловутая философия более гоняется за тенью, нежели обладает знанием вещей.

Но вот другие философы древнего поколения, – Пифагор и единоплеменники его, важные и молчаливые, передают мне, как некоторые таинства, иные учения, вместе с главным и таинственным их доказательством: «сам сказал». Начало всех вещей есть единица; из ее разнообразных форм и чисел происходят стихии; число же, форма и мера стихий таковы: огонь составляется из двадцати четырех прямоугольных треугольников, и заключается в четырех равных сторонах, из коих каждая состоит из шести прямоугольных треугольников, так что он уподобляется пирамиде; воздух составляется из сорока восьми треугольников, и заключается в восьми равных сторонах; его сравнивают с восьмигранною фигурой, которая содержит восемь равносторонних треугольников, из коих каждый разделяется на шесть прямых углов; таким образом всего сорок восемь углов; вода составляется из двадцати равных и равносторонних треугольников, и сравнивают ее с фигурой о двадцати гранях, состоящей из ста двадцати равных и равносторонних треугольников, а шесть раз двадцать – сто двадцать; эфир составляется из двенадцати равносторонних пятиугольников и похож на двенадцатигранник, земля составляется из сорока восьми треугольников и заключается в шести равносторонних четырехугольниках, и имеет вид куба: ибо куб состоит из шести четырехугольников, из коих каждый имеет четыре треугольника, так что всех треугольников вместе двадцать четыре.

Так измеряет мир Пифагор! Я снова вдохновенный презираю дом, отечество, жену, детей и ни о чем более не забочусь, возношусь в самый эфир, и, взяв у Пифагора локоть, начинаю мерить огонь. Измерения Зевсера уже недостаточно. Если не вознесется на небо такое важное существо, великое тело и великая душа, то есть я, и не измерит эфира, то пропадет владычество Зевса! Измерив же эфир и сообщив Зевсу сведение о том, сколько углов имеет огонь, я схожу с

неба и ем оливы, смоквы, огородные овощи, потом перехожу к воде, и ее, влажную стихию, начинаю измерять локтем, пальцем и полупальцем, а с тем вместе и глубину ее, чтоб и Посидон узнал от меня, как велико море, над которым он владычествует. Я и землю всю обхожу в один день, исследуя ее число, меру и фигуру: ибо вполне уверен, что от столь великого и чудного существа, каков я, не ускользнет и одна пядень вселенной. Кроме того, я узнаю даже и сколько звезд на небе, и сколько рыб в воде, и сколько зверей на земле, и, положив мир на весы, легко могу узнать, сколько в нем весу. Напыщенная знанием таких вещей, душа моя как бы сделалась владычицею всего мира.

Но Эпикур, наклонившись ко мне говорит: ты, друг мой, измерил только один мир, между тем миров много, и все они беспредельны. Вследствие этого, я вынужден говорить о множестве небес, о множестве различных эфиров, и, запасшись нужным продовольствием на несколько дней, нимало не медля начинаю странствовать по мирам Эпикура: легко перелетаю пределы Фетисы и Океана, и, прибыв в другой мир, как бы в другое государство, а несколько дней измеряю все. Отсюда я снова переношусь в третий мир, потом в четвертый, в пятый, в десятый, сотый, тысячный, и куда наконец? Все это мрак невежества, черный обман, нескончаемое заблуждение, неполное разумение, непроницаемое неверие. Остается, чтоб я сосчитал самые атомы, из которых образовалось такое множество миров, дабы ничего не упустить в своем исследовании, особенно же столь необходимые и полезные вещи, от которых зависит благосостояние домов и государств. Все это я высказал с той целью, чтобы видно было, как философы противоречат друг другу в мнениях, как исследования их теряются в бесконечности, ни на чем не останавливаясь, и как недостижима и бесполезна цель их усилий, не оправдываемая ни очевидностью, ни здравым разумом.

Дополнение

В этом дополнении мы указываем на расхождения перевода Преображенского лишь с новейшим изданием Ермия. Это вызвано следующими соображениями:

1) в изд. SC впервые учтена важнейшая рукопись Р (11–12 вв., в то время как прочие – 15–16 вв.), не известная предыдущим издателям или не использованная ими (внимание к рукописи было привлечено в 1906 г.);

2) все прочие произведения, вошедшие в настоящий том, требуют новых самостоятельных изданий, но для маленького опуса Ермия отдельная книга нецелесообразна;

3) для большинства апологий, за исключением Феофила, – Татиана, Афинагора, Минуция Феликса, сирийской Пс.-Мелитона – уже имеются новые переводы (см. Библиографию; новый перевод сирийской апологии еще не опубликован), к которым можно обратиться при необходимости проверить текст;

4) наконец, дополнение такого рода для всех произведений этого тома потребовало бы слишком больших и в конечном итоге все равно не оправданных усилий, доставив не столько практическое удобство читателю (не так уж и много, по-видимому, наберется принципиально важных мест), сколько постоянный моральный и психологический дискомфорт. Частично недостатки издания Преображенского (и многочисленные опечатки второго издания) искупаются, как мы надеемся, Указателями источников и имен. Остается ждать, что когда-нибудь появятся новые переводы в сопровождении подробного текстологического, богословского, литературного и исторического комментария; наш же репринт удовлетворяет в первую очередь насущному требованию иметь как можно скорее под рукой весь корпус сочинений апологетов, с которым можно было бы – хотя и с несколько ограниченными возможностями – работать широкому кругу читателей.

Соответствие глав в изд. Hanson`а Преображенскому
Hans.Преобр.Стр. по Преобр.Hans.Преобр.Стр. по Преобр.

1	1	19621–14	11	5	1995–18

2	1	19614–1972	12	5–6	19918–19910
3	2	1973–14	13	6	19910–2003
4	2	19714–1975	14	6–7	2003–15
5	3	1974–1983	15	7	20015–25
6	3	1983–15	16	8	200–1
7	3	19815–23	17	9	20013–32
8	4	19824–30	18	9–10	20132–20210
9	4	19830–1985	19	10	20211 – конец
10	4	1985–1994			

Corrigenda

Рукописи: 1 группа: P; 2 группа: Δ (LMNOQTV);

подгруппа 2 группы: Ω = Θ (XCDRZ) + Ψ (SEF).

Страница:Напечатано: Читать:

19613–12 как Демокрит Не читать (глоссы с полей)

19612 как стоики

19611 как Гераклит

1969 как Пифагор

1968 как Гиппон

1967 как Динарх

1967 как Критий

1966 как Пифогор

1971 философов

не читать (конъект. Seiler'a)

отделение (διαλυσιν P: δε αλυσιν =

смятение, горе конъект. Neal, Hanson)

1977 Между что и
природа
добавить:
её [от тела] – благо, другие – зло,
третьи – среднее между добром и
злом. Далее, одни говорят, что (P: Δ
Ω)

1977–6 летаю Δ Ω P Hanson

1975 растение Куст (θαμνον, ср. Диог. Лаэрт. 8, 77,
рус. пер. с. 354)

19819 вода добавить затем и (земля) (кон. Diels,
Hanson: воздух рук.)

19811 Этны букв.: огня

1995 не пользуетсяεὐδοκίμεῖν Δ Ω: εὐδοκίμεῖ кон. Seiler,
славою Diels: читать επιτρεπεί τοῦτοις (Δ Ω)

		εὐδοκίμεῖν = не позволяет им быть в чести.
20010	я почерпаю	черпая (ἀνίμα кон. Menzel: ἀνειμῶν C, ἀνειμῶ sett.)
20011	утверждаю	[утверждая]
20017	напирая	попирая
20020	ЛОЖЬ	букв. φαντασίαν ψευδῆ (ложное впечатление, воображение)
2004	прямых	не читать
2012	(треугольников)треугольников)	(равных и равносторонних (кон. Worth, Diels, Hanson)
2014	(ста) двадцатитреугольников добавить по Р: а шесть (кон. Worth, Diels, все рук.Комментарии к 16 гл. (= 8 Преобр.) в кроме Ризд. SC, р. 133–8. Ермий исходил из невразум) традиции, отличной от диалогов Платона.	Читать вместе с Р: двадцати. После (ста) двадцатитреугольников добавить по Р: а шесть (кон. Worth, Diels, все рук.Комментарии к 16 гл. (= 8 Преобр.) в кроме Ризд. SC, р. 133–8. Ермий исходил из невразум) традиции, отличной от диалогов Платона.
2016–7	Состоящий треугольников	~ Не читать
20116	Зевсерова	Зевесова. Далее текст, по мнению Hanson`а, испорчен, и слова такое важное существо – душа надо относить, скорее, не к автору, но к измеряемому им космосу. Однако по нашему мнению, Ермий иронически прилагает к себе эти «космические» эпитеты, ср. ниже – «от столь великого и чудного существа, каков я»

Мелитон Сардийский

О Мелитоне Сардийском и его сочинениях

К числу христианских апологетов 2-го века, писавших на греческом языке, принадлежит св. Мелитон, епископ сардийский (в Лидии, в Малой Азии), знаменитейший пастырь церкви восточной и учнейший писатель своего времени. Он жил во второй половине 2-го века. Сохранившиеся о его жизни сведения очень скудны: известно, что он путешествовал в Палестину для изучения мест, где происходили события священной истории, и для исследования подлинных книг Ветхого Завета (Евс. IV, 26); известно также, что он принимал участие в прекращении спора, волновавшего лаодикийскую церковь после мученической смерти епископа Сагариса, по каковому поводу написал сочинение о пасхе; наконец известно, что он подал императору Марку Аврелию речь в защиту христианской Веры (Евсев. там же). Тем не менее видно, что он своею церковною и учено-литературною деятельностью оставил по себе великую память в последующих родах. Поликрат, еписк. ефесский, в своем послании к римскому епископу Виктору (ок. 190 г.) по вопросу о пасхе, упоминает о Мелитоне в числе великих вождей церкви, погребенных в Азии, называет его эвнухом (ἔννουχον), т. е. ведшим безбрачную жизнь и свидетельствует, что он во всем поступал по внушению Святого Духа (Евс. V, 24). Тертуллиан, почти его современник, хвалит его красноречие и изящество слога, замечая, что многие христиане почитают его пророком (Иерон. Catal. Script. с. 24). Евсевий приводит его наряду с современниками – Эгезиппом, Дионисием коринфским, Аполинарием иерапольским, Иринеем и др. как одного из представителей здоровой веры и проводников апостольского предания (Ев. IV, 21). Св. Мелитон скончался в Сардах. Говоря об этом Поликрат ефесский не называет его мучеником, между тем как в том же месте он прямо называет других мучениками, напр. Поликарпа, Фразея. Так как Евсевий (IV, 26) говорит об апологии к императору Марку Аврелию, как о последнем сочинении Мелитона, а она, по всей вероятности,

написана в 170 или 171 год, то можно предполагать, что Мелитон умер немного после этого времени.

Если обстоятельства жизни св. Мелитона весьма мало известны, зато по крайней мере знаем, что его литературные труды были многочисленны и обнимали разнообразные предметы богословского знания и церковной жизни. Доказательством сего служит перечень его сочинений, «дошедших до сведения» Евсевия. По словам церковного историка, «Мелитон написал две книги о пасхе, также книги об образе жизни и пророках, о церкви, слово о воскресном дне, о природе человека, о его создании, о подчинении чувств вере, сверх того – о душе и теле, об уме, о бане (крещения), об истине, о вере и рождении Христа, о пророчестве, о страннолюбии, и ключ; также книги о дьяволе, об откровении Иоанна, о воплощенном Боге, и наконец небольшое сочинение к Антонину.» (IV, 26). Далее Евсевий упоминает об «Извлечениях» из Свящ. Писания, в шести книгах, в предисловии к которым предлагается список признанных всеми книг Ветхого Завета. К сожалению, из столь богатого сокровища, сохранились до нас почти только названия³⁷², да небольшие отрывки некоторых сочинений Мелитона, приводимые у Евсевия: именно несколько строк из предисловия к сочинению о пасхе, посвятительные слова к некоему Онисиму пред «извлечениями» с каталогом ветхозаветных книг, и наконец более значительные три выписки из апологии Мелитона, представленной, как выше сказано, импер. Марку Аврелию около 170 г. Приводим эти отрывки из апологии.

«Ныне – чего никогда еще не бывало – подвергается гонению род людей благочестивых, преследуемый злыми указами по Азии. Бесстыдные доносчики и охотники поживиться чужим имуществом, находя себе повод в таких распоряжениях, явно разбойничают, днем и ночью грабят людей ни в чём невиновных». (Потом, говорит Евсевий, спустя немного Мелитон продолжает). «И, если это делается по твоему повелению, – пусть делается в порядке. Царь справедливый никогда не захочет чего-либо несправедливого; и мы охотно принимаем участь такой смерти. Только одну просьбу приносим тебе, чтобы

ты сам наперед узнал людей, которые поступают с таким упрямством³⁷³, и потом справедливо рассудил, достойны ли они смерти и какого-либо наказания или сохранения жизни и спокойствия. Если же это определение и новое распоряжение, которое неприлично было бы даже в отношении враждебных варваров, вышли не от тебя, то мы еще более просим не предоставлять нас такому явному грабительству. Наша философия³⁷⁴ первоначально процвела среди варваров³⁷⁵, потом в могущественное владычество предка твоего Августа встретила с подвластными тебе народами и явилась добрым предзнаменованием для твоего царства. Ибо с тех пор римская держава возвеличилась и прославилась; и ты сделался вожденным преемником престола и будешь владеть им вместе с сыном³⁷⁶, если будешь охранять ту философию, которая возрастала вместе с империей и началась с Августом, и которую предки твои чтили наравне с другими религиями. А что наше учение расцвело вместе с благополучным началом империи, именно к её добру, важнейшим доказательством служит то, что с владычества Августа не случилось ничего худого, напротив, согласно общему желанию, всё было счастливо и славно. Из всех императоров только Нерон и Домициан по внушениям некоторых зложелательных людей старались оклеветать наше учение: и от них-то ложная клевета на нас распространилась к последующим поколениям по неразумному обыкновению верить молве. Но их неведение исправили твои благочестивые предки, много раз письменно порицая тех, которые относительно христиан осмеливались затевать что-либо новое. Из них дед твой Адриан писал как другим, так и проконсулу Азии Фундану³⁷⁷; а твой отец, когда уже и ты разделял с ним правление, писал различным городам, и между прочим лариссянам, солунянам, афинянам и всем эллинам, чтобы относительно нас они не предпринимали ничего нового. Что же касается до тебя, то мы еще более убеждены, что, питая одинаковые с ними или даже более человеколюбивые и разумные мысли о христианах, ты сделаешь всё, о чём мы тебя просим».

Таковы данные, доставляемые нам Евсевием относительно Мелитона и его творений. Кроме того, в Хронике Пасхальной сохранился следующий отрывок из апологии Мелитона: «Мы не служим камням бесчувственным, но поклоняемся единому Богу, который прежде всего и выше всего, и Христу, истинному Богу, Слову предвечному.» Анастасий Синаит (в VII в.) приводит два отрывка – один из книг Мелитона о воплощении Христа, в котором ясно говорится об истинном человечестве и истинном Божестве Спасителя, другой из слова на «страдание» Христа, состоящий в следующем изречении: «Бог пострадал от руки Израиля» (Hodeg. с. 12, 13). В «катенах» или сборниках из св. отцов находим четыре небольших отрывка из необозначенного сочинения Мелитона, в которых представляется принесение Исаака в жертву Авраамом как прообраз крестной смерти Христовой. Все эти отрывки из сочинений, неизвестных Евсевию, не представляют достаточных ручательств происхождения их от Мелитона. То же должно сказать и о латинском переводе упоминаемого у Евсевия «Ключа», недавно изданном по нескольким рукописям бенедиктинцем Питра (Specil. Solesm), который представляет объяснительный словарь фигуральных выражений, встречающихся в Библии: в нём встречаются объяснения, указывающие на латинское происхождение этого «ключа»³⁷⁸.

В 1855 году ученый Куртон издал найденную им в числе других сирских манускриптов британского музея «Речь Мелитона философа к императору Антонину» с пятью небольшими отрывками из других сочинений Мелитона³⁷⁹. Автор этой речи начинает мыслью о том, как трудно человеку возвратиться на путь истины после долговременного заблуждения; однако – говорит он – это возможно. Напрасно оправдывают свое заблуждение тем, что его разделяют многие: оно от этого не меньше. А что может быть бессмысленнее служения тварям вместо единого истинного Бога, Которым всё существует, Который вечен и непременяем? Еще менее извинительно заблуждение после того, как слово истины слышится по всей земле. Показав нелепость идолопоклонства и почитания богов, которые, по его мнению, суть обоготворенные люди, писатель

на возражение: почему же Бог не сотворил человека так, чтоб он служение Ему предпочитал служению тварям? отвечает, что Бог даровал человеку разум и свободу, чтобы он различал вещи и избирал добро, и окруженный отовсюду божиими благодеяниями возвышался до понятия об истинном Боге чрез рассмотрение видимой природы и особенно своей души, которая представляет подобие Божие. Затем писатель опровергает другие основания, которыми язычники оправдывали свою привязанность к религии отцов. Он показывает, что царь не обязан следовать мнению толпы и более всякого другого должен исправлять заблуждение своих подданных для своего собственного блага и блага государства. Говорят: мы держимся религии отцов. Но позволительно же обогащаться или приобретать образование тем, которые имеют родителей бедных или необразованных; у слепых или хромых бывают же дети зрячие и ходящие. — Апология заключается увещанием к Марку Аврелию вместе с его детьми познать Бога Истинного, чтобы стяжать блага вечные, обещанные Им читателям Его.

Таково главное содержание новооткрытого сочинения Мелитона. Нельзя считать его за ту апологию, о которой упоминает Евсевий или за отрывок из неё, как полагал Ренан (*Specil. Solesm.*), потому что новооткрытая апология начинается и оканчивается так, что не заставляет предполагать чего-либо предшествующего или последующего, а вместе с сим не заключает в себе приводимых Евсевием слов из Мелитоновой апологии и не представляет промежутка, в котором они могли бы быть помещены. Куртон на основании Хроники Пасхальной, которая в двух местах — под 164–165 годом и еще под 169 г. упоминает об апологии Мелитона к импер. Антонину, полагает, что Мелитон в промежуток пяти лет написал две апологии к этому императору, об одной из которых знал и упомянул Евсевий, а другая сохранилась в сирском манускрипте: в последней встречаются слова, несколько соответствующие вышеприведенному месту из Пасхальной Хроники. Но Хроника Пасхальная, как не довольно обработанный сборник из разных писателей, может быть в разных местах говорила об одной и той

же апологии. Притом резкость некоторых выражений³⁸⁰ в сирской апологии не позволяет допустить, чтобы Мелитон написал её для представления или, как говорится в надписи сирского манускрипта, для произнесения пред императором с таким характером, как Марк Аврелий. Посему держась строго Евсевия и не отвергая авторитета такого памятника, как сирский манускрипт VII века, мы полагаем, что Мелитон *подал одну* апологию импер. Антонину Марку с целью испросить снисхождение к гонимым последователям Христа, и допущенный к особе императора имел словесное объяснение с ним о сущности христианской веры и её отличии от языческих верований и богопочтения. То, что было сказано в устной беседе, Мелитон изложил письменно в более свободной и резкой форме, не имея в виду представлять свое сочинение императору. Впрочем признавая сирскую апологию произведением Мелитона, мы не должны забывать особенность сирских переводов: в них, как видно из текста посланий Игнатия Богоносца и Евсевиева сочинения – Θεοφάνεια³⁸¹ допускались некоторые изменения – чрез сокращение или распространение подлинника.

Речь Мелитона философа, которую держал он перед императором Антонином, чтобы научить его познанию Бога и показать ему путь истины

И он начал говорить так: Нелегко обратить скоро на правый путь такого человека, который долгое время прежде находился в заблуждении. Однако ж это возможно. Ибо если человек хотя немного отвращается от заблуждения, свидетельство истины становится удобоприемлемо для него. Как с рассеянием мрака, тотчас проясняется небо, так бывает и с человеком, если он обращается к Богу: скоро снимается с его лица облако заблуждения, которое препятствовало правильному его зрению. Заблуждение же, как страсть и как сон, долгое время владеет теми, которые ему подверглись. Но истина пользуется словом, как жалом, и поражает тех, которые спят, и пробуждает их, и они пробужденные, видя истину, приобретают разумение, слышат и различают то, что есть, от того, чего нет. Ибо есть люди, которые грех называют правдою, и действительно думают, что это правда, когда видят, что не одни они заблуждаются, а вместе с ними и многие люди. Но я говорю: не хорошо это извинение, что один человек заблуждается со многими; ибо если один сам по себе безрассуден, то велико безрассудство его: во сколько же раз больше безрассудство, если безразсудствуют многие? А неразумие, о котором я говорю, состоит в том, что человек оставляет то, что поистине есть, и служит тому, чего по истине нет. Но есть нечто по истине, и это называется Богом; Он по истине есть, и все существует чрез Его силу. Он не есть сотворенное существо, не получил начала во времени; но Он от вечности, и существует во веки веков. Он не изменяется, тогда как все изменяется. Никакое зрение не может видеть Его, никакой разум понять Его, никакое слово – объяснить Его. Любящие же его называют Его Отцом и Богом истины. Посему если человек оставляя свет говорит, что есть иной Бог, то смысл его слов тот, что он одну из тварей называет богом. Ибо если человек огонь называет богом, то это не бог, потому что огонь, и

если он называет воду богом, то это – не бог, потому что вода; и если эту землю, по которой мы ходим, это небо, которое мы видим, если солнце, луну, или одну из этих звезд, которые не останавливаясь совершают предписанное им течение и движутся не по собственной воле, и если золото или серебро человек называет богом; то все это не вещи ли, которыми мы пользуемся, как хотим? И если это дерево, которое мы сжигаем, и если эти камни, (которые мы сокрушаем) (кто-нибудь называет богом); то могут ли они быть богами, когда они служат для употребления людям? Не тяжко ли же согрешают те, которые в словах своих смешивают великого Бога с этими вещами, которые существуют только по Его повелению? Однако ж я говорю, что, когда человек не слышит, и не различает, и не знает, что Господь – превыше всех этих тварей, он, может быть, не заслуживает осуждения, потому что никто не осуждает слепого, если он идет непрямо. Таким же образом люди, ища Бога, натыкались на камни и дерево, а богатые между ними натыкались на золото и серебро, и чрез это отдалялись от того, чего искали. Но теперь, когда по всей земле слышится голос возвещающий, что есть Бог истинный, и каждому человеку дано око, чтобы видеть, теперь не имеют извинения те, которые и хотели бы, но стыдятся из-за того, что многие разделяют их заблуждения, обратиться на правый путь. Ибо кто стыдится жить, того необходимость заставляет умереть. Посему я советую им, открыть глаза свои – и видеть. Свет дан для всех нас без зависти, чтобы мы чрез него видели. Если же и по восшествии света, человек замыкает глаза свои, чтобы не видеть, то его путь ведет к гибели. Ибо, зачем человеку стыдиться тех, которые с ним заблуждаются? Скорее – он должен убеждать других, чтобы последовали ему; и если они не убедятся, пусть спасает душу свою от среды их. Есть люди, которые не могут возвыситься над землею, своею матерью, и потому делают себе и богов из земли, своей матери; осуждены таковые судом истины, потому-то они неизменяемое Имя прилагают к вещам изменяющимся, и не страшатся называть богами то, что сделано руками человека, и дерзают делать изображения Бога, Которого они не видели.

Но я говорю, что говорила и Сивилла об них³⁸², именно, что они поклоняются изображениям умерших царей. И это легко видеть: потому что вот и теперь они поклоняются изображениям цезарей и почитают их больше, нежели богов древнейших. Ибо от этих древнейших богов идут подати и разные сборы цезарю, как такому, который больше их; потому и умерщвляются те, которые презирают идолов и чрез то уменьшают доход цезаря³⁸³. Ибо определено, сколько почитатели дают для сокровищниц других цезарей в различных местах, сколько дают они мехов, наполненных морскою водою³⁸⁴! И такова злоба мира, злоба тех, которые обожают и боятся того, что лишено чувств и многие из тех, которые понимают дело, не только сами поклоняются из-за выгод, для суетной славы, или ради господства над многими, но побуждают и других, людей неразумных, обожать то, что лишено чувств. Но я хочу по своему разумению написать и объяснить, каким образом и по каким причинам стали делать изображения царей и тиранов, и как потом сравнивали их с богами. Жители Аргоса сделали статуи Геркулеса, потому что он был сын их города, отличался храбростью, и своею силой убивал вредных животных, а еще больше потому, что аргосцы боялись его, так как он насильствовал и у многих отнял жен; а он был похотлив, так же сильно, как и друг его, персианин Суради³⁸⁵. Опять актийцы³⁸⁶ обожали царя Диониса, потому что, они первые развели виноградник в своей стране³⁸⁷. Египтяне обожали еврея Иосифа, который называется Сераписом, потому что он снабжал их хлебом в голодные годы. Афиняне обожали Афину дочь Зевса, царя острова Крита, потому что она основала замок Афинский, и там поставила царем Эриктипа³⁸⁸, своего сына, который родился от ее прелюбодеяния с кузнецом Ифестом, сыном жены ее отца. Она также была в постоянном общении с Геркулесом, потому что он был братом ее по отцу; ибо Зевс царь любил Алкимену, жену Электриона аргосского, и от прелюбодеяния с нею имел сына Геркулеса. Финикияне обожали женщину Бальти³⁸⁹, царицу кипрскую; потому, что она любила Фамма, сына Куфара, царя финикийского, оставила свое царство, и поселилась в Гевале, крепости финикийской, и

вместе подчинила всех обитателей Кипра царю Куфару. Но так как она прежде Фамма любила Ареса, с которым и совершила прелюбодеяние и была застигнута Ифестом ее супругом, восплавленным ревностью, то он умертвил Фамма на горе Ливане, когда он был на охоте за дикими кабанами. С этого времени Балти оставалась в Гевале, и умерла в городе Афике, на том месте, где погребен был Фамм. Эламтяне почитали Ну³⁹⁰, дочь царя Эламского. Когда неприятели увели ее в плен, отец ее сделал ее статую и посвятил храм в Сузане, крепости Эламской. Сирияне почитали Афи, гадибитянку, которая посылала искусную в врачевании дочь Велета, чтоб она исцелила Сими, дочь царя сирийского Гадада; а когда некоторое время спустя, сам Гадад заболел проказой, Афи просила еврея Елисса, чтоб он пришел и исцелил царя³⁹¹. Месопотамляне также почитали Куфби, еврейку, которая освободила от врагов одного вельможу эдесского Вакру³⁹². Писать ли мне о Нево³⁹³, который почитается в Мабуге? Все жрецы мабугские знают, что это изображение фракийского мага Орфея. А Адран есть изображение персидского мага Зерадушта. Эти два мага произвели волхование при одном источнике, который находился в роще Мабугской, и в котором обитал нечистый дух, причинявший вред и останавливавший каждого мимо проходившего человека, по всей стране, где ныне лежит крепость мабугская. Эти маги сообразно с тайнами своей магии повелели Сими, дочери Гадада, чтоб она почерпнула из моря воды и влила ее в источник, дабы более не являлся нечистый дух, и не причинял никакого вреда. Таким же образом и прочие люди делали статуи своих царей и почитали их, о чем более не хочу писать. Но ты существо разумное, свободное и знающее истину, размысли об этом сам с собою и когда тебя захотят облечь в женские одежды³⁹⁴, вспомни, что ты муж; верь Тому, Кто воистину есть Бог, открой пред Ним сердце твое, вверься Ему, и Он даст тебе вечную жизнь бессмертных; ибо все содержится в руках Его. Другие же предметы почитай тем, что они суть, изображения, как изображения, статуи – как статуи, и не поставляй какой-нибудь сотворенной вещи на место Несозданного. Бог же, вечно живущий, входит в душу твою, ибо

душа твоя есть Его образ, так, как и она невидима, неосязаема, не имеет вида и своею волею движет все тело. И так знай, что если ты почитаешь Неизменяемого, то и ты, так как Он вечен, когда оставишь видимое и преходящее, будешь вечно предстоять пред Ним, исполненный жизни и знания; и дела твои будут тебе богатством не умаляющимся, сокровищем неоскудевающим. Но знай, что венец твоих добрых дел есть познание Бога и служение Ему. И знай, что Он от тебя ничего не требует, ни в чем не нуждается.

Кто же этот Бог? Тот, Кто Сам есть истина, и Слово Коего есть истина. Но что есть истина? То, что не создано, не сотворено, не образовано, т. е. бытие, которое не имеет начала и называется истиною. Итак, если человек поклоняется чему-либо, сделанному руками, то он почитает не Истину, и также не Слово истины. Я сказал бы еще многое об этом предмете, но стыжусь за тех, которые не понимают, что сами они выше, чем дела рук их, которые не замечают, как они дают золото художникам, дабы они сделали им бога, дают серебро для украшения его, и переносят свое богатство с одного места на другое и обожают его! Какое преступление больше того, когда человек обожает свое богатство, и оставляет Того, Кто дает ему богатство, ругается над человеком и обожает изображение его, убивает животное и почитает образ его? Должно согласиться, что они почитают художественное изображение подобных себе людей. Ибо они не почитают веществ, когда они лежат в куче, а почитают тогда, как художник сделает из них идола. Они не почитают самого золота или серебра; но, если они будут обработаны художниками, они почитают их, теряя здравый смысл. Что же прибавилось к твоему золоту, что ты теперь поклоняешься ему? Если (ты поклоняешься ему) за то, что оно сделалось подобно крылатому животному, то почему ты не поклоняешься этому самому животному? Если за то, что оно уподобилось хищному зверю, то вот – этот самый зверь пред тобою. Если тебе нравится художественное произведение, то пусть же тебе понравится дивное творение Бога, все создавшего. И по Его образцу работают художники, – стараются сделать так, как создано Богом, но не достигают сходства.

Но, может быть, ты скажешь: почему Бог не устроил так, чтоб я почитал Его, а не статую? Говоря таким образом, ты хочешь быть простым орудием, а не живым человеком; Бог же сотворил тебя так, как Ему было угодно, и дал тебе разум и свободу. Он поставил пред тобою множество вещей, чтобы ты обсуждал все и выбирал благое. Он поставил пред тобою небо и на нем звезды; Он поставил пред тобою солнце и луну, которые ежедневно обтекают небо; Он поставил пред тобою множество вод, и ограничил их словом Своим! Он поставил пред тобою великую землю, которая покоится и стоит пред тобою в одинаковом виде; и дабы ты не подумал, что она стоит своею собственною силою, Он потрясает ее, когда хочет; Он поставил пред тобою облака, которые по его повелению, испускают воду с высоты, и насыщают землю, дабы ты познавал из сего, что Тот, Кто производит это, больше всего существующего, и дабы ты постигал благость Того, Кто дал тебе разум, способный рассуждать о всем этом. Посему я советую тебе познать самого себя, и ты познаешь Бога. Познай, как в тебе есть то, что называется душою, как чрез нее око видит, ухо слышит, уста говорят, движется все тело. И когда Богу угодно отделить душу твою от тела, то оно падает и разрушается. И так из того, что в тебе есть, но невидимо, познай каким образом Бог по собственной воле управляет всем миром как бы телом, так что если Ему угодно будет отнять свою силу, то мир как тело, упадет и разрушится.

Но зачем создан этот мир, и зачем разрушается? зачем тело, почему оно разрушается, почему оно существует? ты не узнаешь, если не поднимешь головы своей от сна, в который ты погрузился; если не откроешь очей твоих и не увидишь, что Один есть Бог и Господь всего, и не будешь служить Ему от всего сердца твоего. Тогда Он даст тебе познать волю Его. А кто далек от познания живого Бога, тот мертв и погребен в своем теле. Посему ты пресмыкаешься пред демонами и привидениями на земле, и устремляешь напрасные просьбы к тем, которые ничего не могут дать. Но ты возвысься над теми, которые лежат на земле и целуют камни, и свою пищу предают на пожирание огню, и одежды свои жертвуют истуканам, и сами

имея чувства служат тому, что лишено чувств. Простирай свои непреходящие прошения к непреходящему Богу за свою душу, которая не уничтожается, и откроется тогда твоя свобода; об ней подумай и благодари Бога, Который одарил тебя разумом и свободой, чтобы ты мог поступать, как сам хочешь. Он поставил пред тобою все вещи, и открыл тебе, что, если ты последуешь злу, то будешь осужден чрез самые злые дела, а если последуешь добру, то получишь от Него многие блага вместе с вечною жизнью бессмертных.

Итак, ничто не препятствует тебе, как свободному, переменить твой худой образ жизни, искать и обрести Того, Кто есть Господь всего, и служить Ему всем сердцем твоим; ибо Он независтно сообщает познание о Себе тем, которые ищут познать Его.

Прежде всего позаботься не обольщать самого себя. Ибо если ты называешь богом то, что не есть Бог, то ты сам обольщаешь себя и грешишь пред Богом истины. Несмысленный! Ужели то – Бог, что покупается? Ужели то Бог, что нуждается потребности? Ужели то – Бог, что должно быть стрегомо? Как же ты, покупаешь его, как раба, и почитаешь, как господа? Как же ты просишь у него подаяния, как у Бога, и сам подаешь ему, как нищему? Как надеешься на него, что он даст тебе победу на войне? Ведь, если враги одолеют тебя, то они и его низвергнут.

Может быть, какой-нибудь царь скажет: «я не могу делать то, что считаю справедливым, потому что я – царь, и должен исполнять волю большинства». Кто говорит таким образом, то по истине заслуживает смеха. Ибо почему царь не должен быть вождем на пути ко всему доброму, и убеждать подвластный ему народ – ходить в чистоте и познать Бога во истине? От чего ему являть в себе пример всякого доброго дела для своих подданных, когда это так прилично ему? А это самое гнусное дело, если царь сам поступая дурно, судит и осуждает людей преступных. Но я полагаю, что царство тогда только может управляться мирно, когда царь знает Бога истины, и боится неправедно поступить с своими подданными, и когда он во всем поступает справедливо, как человек, понимающий, что

предстоит отдать отчет пред Богом; когда и подданные боятся пред Богом поступать несправедливо в отношении к своему царю, и также боятся поступать несправедливо друг с другом. Чрез это познание Бога и чрез этот страх пред Ним может быть удалено из царства всякое зло. Ибо когда царь не делает несправедливости с подданными, а подданные не поступают несправедливо в отношении к царю и друг к другу, тогда очевидное дело, вся страна наслаждается миром. И там совершается много добра, потому, что между ними всеми славится имя Божие. И какое добро предпочтительнее того, если царь освобождает подвластный ему народ от заблуждения и этим добрым делом благоугождает Богу? Ибо из заблуждения проистекают всякие бедствия. Главнейшее же заблуждение то, когда человек не знает Бога, и вместо Бога, почитает нечто такое, что не есть Бог. Но есть люди, которые говорят: «в честь Бога мы делаем идола», и почитают именно образ Бога сокровенного, – они не знают, что Бог на всяком месте, что Он никогда не находится в отсутствии, и ничего не делается, чего бы Он не ведал. А ты, жалкий человек, которому Бог присутствует в тебе, вне тебя и над тобою, идешь и покупаешь себе из дома художника дерево, которое обрезано и обработано в поругание Бога; приносишь жертву этому истукану, и не знаешь, что тебя видит око Всевидящее, и что тебя осуждает Слово истины, и говорит тебе: как невидимый Бог может быть вырезан? а ты делаешь собственное свое подобие, и поклоняешься ему. Так как дерево обрезано, ты и не замечаешь, что это – дерево, или что это камень, и что золото ценится по весу. И зачем ты взвешиваешь его? Значит, ты любишь золото, а не Бога; и не стыдишься, если оно убыло, требовать от художника того, что он украл; – имеешь глаза, но не видишь, имеешь сердце, но не разумеешь. Зачем ты валяешься на земле, и молишься вещам, которые бесчувственны? Страшишься Того, Кто колеблет землю, покрывает небо, воздымает море, переставляет горы, Кто все может уподобить огню, все истребить. И если ты не можешь оправдаться, то не прибавляй еще к своим грехам и если ты не можешь познать Бога, то, по крайней мере, веруй, что Он есть.

Опять есть люди, которые говорят: «мы почитаем то, что нам, завещали отцы». Почему же стараются сделаться богатыми те, которым отцы оставили бедность; и те, которых не научили отцы, стараются научиться и узнать то, чего не знали их отцы? И почему сыновья слепых видят, а хромых ходят? Не хорошо для человека, если он следует предкам, которые дурно жили; но хорошо, если мы уклоняемся от этого пути, дабы избежать того, что постигло предков. Посему расследуй: если отец твой поступал хорошо, то следуй ему и ты; а если он жил дурно, то ты живи хорошо, и пусть дети твои подражают тебе. И сокрушайся об отце твоём, что он жил дурно; твоя скорбь может помочь ему. Сыновьям же своим скажи так: есть Бог, Отец всего, существо безначальное и несозданное, все содержащее в своей воле. Он создал светила, дабы твари видели друг друга, а сам сокрылся в своем могуществе от всех своих тварей; ибо твари изменяющейся невозможно видеть Неизменного. Те же, которые склоняются к убеждению и достигают до состояния неизменяемости, видят Бога, сколько это возможно для них; они также могут избежать истребления, когда потоп огненный, устремится на весь мир. Был некогда потоп бурный³⁹⁵, когда северный вихрь развеял назначенных на то людей, и остались только праведные во свидетельство истины. Опять в другое время, был потоп водный, и погибли все люди и животные во множестве воды, и сохранились праведные в деревянном ковчеге, по повелению Божию. Таким же образом в последнее время, будет потоп огненный, и сгорит земля с горами ее, сгорят люди вместе с идолами, которых они сделали, и со статуями, которым они поклонялись, и сгорит море с островами его, но праведные сохранятся от гнева, как сохранились праведные в ковчеге от вод потопа. И тогда восстенают те, которые не знали Бога и делали себе идолов, когда они увидят, что и идолы их погибают вместе с ними, и ничто не может помочь им.

Но если ты, цезарь Антонин, научишься сему, и если узнают это с тобою и дети твои, то приобретешь им наследие вечности, которое не преходит, и спасешь душу свою и души сынов своих от участи, которая ожидает всю землю на суде истины и правды. Если ты познаешь Бога здесь, то Он познает тебя там;

и если здесь ты Его презришь, то Он не поставит тебя между теми, которые знают и прославляют Его. Этого довольно для твоего величества; а может быть, и слишком довольно, если угодно.

Минуций Феликс и его сочинение «Октавий»

О Минуции Феликсе и его сочинение «Октавий»

Ряд христианских писателей-апологетов II века заканчивается Минуцием Феликсом, который хотя по языку, на котором писал, принадлежит к Церкви латинской, но по направлению и приемам защищения христианства ближе примыкает к апологетам греческим. Притом деятельность Минуция Феликса, по всей вероятности, относится также ко времени императоров Антонина Пия или Марка Аврелия, и его разговор между христианином и язычником, известный под именем «Октавия» появился ранее защитительного слова (Apologeticum) Тертуллиана, изданного около 197–199 г.³⁹⁶

Марк Минуций Феликс жил во второй половине II века и в начале III. Неизвестно в точности, Италия или Африка была его родиной; но верно то, что он, будучи еще язычником, переселился в Рим и здесь занимал видное место между адвокатами (Иерон. Catal. с. 58; Лактан. Instit. V, I). Об его уме, ораторском даровании, многосторонней учености и ревности к христианской Вере, в которую перешел уже в зрелых летах из язычества, свидетельствует сохранившееся до нас его сочинение «Октавия». Это сочинение написано в форме Цицероновских разговоров и представляет собой воспроизведение беседы об язычестве и христианстве, происходившей между друзьями Минуция – Цецилием язычником и Октавием христианином, по имени которого назван и самый разговор.

В начале сочинения (гл. 1–4) Минуций Феликс рассказывает об обстоятельстве, послужившем поводом к разговору. Однажды, по прибытии Октавия из провинции в Рим, Минуций отправился с ним для прогулки в Остию, ближайший к Риму приморский городок; их сопровождал и Цецилий. На пути Октавий с удивлением заметил, что Цецилий по языческому обыкновению сделал приветствие статуе Сераписа, мимо которой они проходили, и упрекнул Минуция в небрежении об обращении столь близкого друга от языческого заблуждения к истинной вере. Оскорбленный замечанием Октавия, Цецилий,

молча и в печальном расположении духа, продолжал путь с своими друзьями, но потом с спокойною уверенностью предложил Октавию основательно исследовать во взаимной беседе религиозный вопрос, разделивший христиан и язычников. Вызов был принят: спорящие для большего удобства сели и предложили Минуцию Феликсу быть посредником и судьей в споре. Содержание последовавшей беседы Минуций и изложил в своем сочинении.

Речь начал Цецилий. Отправляясь от скептического положения, что человеческое познание недостоверно, он сперва порицает притязание христиан – людей по большей части необразованных – брать на себя решение высших вопросов человеческого духа о Боге, о провидении, о происхождении и существовании мира. В виду же религиозной потребности человека он требует держаться религии, завещанной предками, – как древней, ознаменованной различными благодеяниями богов, за приверженность к которым Рим получил всемирное владычество; и затем представляет целый ряд доводов против христианства (6–13). Он обвиняет исповедников христианской религии в том, что они принадлежат к самому низшему, невежественному и грубому классу народа, говорит, что предметы их богопочтения отвратительны, обряды бесчеловечны и безнравственны, учение их о Боге едином, о кончине мира и о воскресении тел нелепо, и наконец самая жизнь их, чуждая удовольствий язычества, исполненная бедствий и гонений, обличает тщету их верований и надежд. За речью Цецилия, после кратких замечаний Минуция о строгом внимании к внутренней силе доводов (14–15), идет речь Октавия в защиту христианства, где он обстоятельно опровергает обвинения против него и показывает полную несостоятельность язычества (16–38). В конце этой беседы Цецилий с радостью объявил себя побежденным³⁹⁷ неотразимою истиною и одушевлением речи Октавия и просит его продолжить поучительные собеседования в следующий день. Друзья в общей радости возвратились домой (39–40).

Были ли изложены дальнейшие разговоры друзей о религии – неизвестно. Иероним упоминает об известном в его время под

именем Минуция Феликса сочинении «О судьбе или против астрологов», и Минуций в гл. 36 устами Октавия «обещает рассуждать в другом месте о судьбе обстоятельнее», но это сочинение, которое, впрочем, Иероним не признавал подлинным, не дошло до нас.

Сочинение Минуция Феликса заслуживает особенного внимания не столько положительным раскрытием содержания и внутренней силы христианской истины, сколько тем, что в последовательном и живом изложении представляет все, что говорили с одной стороны образованные язычники II века против христианской Веры и в защиту языческой религии, а с другой образованные между христианами – в отпор обвинениям и доводам язычников³⁹⁸.

«Октавий» Марка Минуция Феликса

Когда я предаюсь размышлению и вспоминаю об Октавие – этом добром и верном моем друге, я испытываю такое наслаждение и прихожу в такое состояние, что, кажется, сам возвращаюсь в прошедшее, а не в памяти только вызываю представление о минувших, прожитых временах. Образ его тем сильнее запечатлелся в сердце и во всех моих чувствах, чем дальше стал от моих глаз. И не напрасно: разлука с таким превосходным, благочестивым человеком оставила во мне безмерное сожаление. Он и сам любил меня так горячо, что как в наших забавах, так и в важных делах его желания были согласны с моими. Можно было подумать, что в нас обоих была одна душа. Он был поверенный в моих увлечениях, товарищ в заблуждениях, и наконец, когда я с рассеянием мрака перешел из тьмы неведения к свету мудрости и истины, Октавий в этом деле не только не отстал от меня, но что еще похвальнее – опередил. Итак, когда я в своем воспоминании переношусь ко времени нашей совокупной дружной жизни, то прежде всего останавливает на себе мое внимание та беседа, которую Октавий вел однажды с Цецилием, зараженным суеверием язычества, и которая убедительностью своею обратила его к истинной религии.

Для свидания со мною, а также и по собственным делам Октавий прибыл в Рим; он оставил свой дом, жену и детей – детей, которые находились еще в невинном младенческом возрасте, когда они начинают только произносить полуслова, и их запинаящийся лепет имеет столько прелести. Как велика моя радость при встрече с Октавием – этого нельзя выразить словами, тем более, что ее усиливала самая неожиданность прибытия моего друга. Спустя два дня, которые мы провели во взаимном излиянии дружеских чувств и в рассказах друг о друге всего, что случилось с нами во время нашей разлуки, мы сговорились отправиться в Остию, – одну прекрасную местность, где я пользовался морскими купаньями, приятными и благотворными для поправления моего расстроенного

здоровья. После трудов по судебным занятиям наступила для меня свобода в пору собирания винограда: в это время осень с приятною прохладой сменяла жаркое лето. Итак, на рассвете мы отправились гулять по морскому берегу, чтобы подышать свежим, столь укрепляющим тело воздухом и насладиться удовольствием – ходить по мягкому песку, оставляющему на себе след шагов. С нами был Цецилий; на пути он, заметив статую Сераписа, по языческому обыкновению, поднес свою руку к губам и напечатлел на пальцах поцелуй.

Тогда Октавий сказал: не хорошо, брат Марк, человека, который дома и вне дома находится с тобой неразлучно, оставлять во мраке народного неведения, и допускать, что в такой прекрасный день он преклоняется пред камнями, которые только обделаны в статуи, облиты благовониями и украшены венками: ты знаешь, что такое заблуждение Цецилия относится как к его, так не менее и к твоему стыду. Между тем, как таким образом Октавий говорил мне, мы прошли город и вышли на открытый морской берег. Легкие волны, забежавшие на песчаные края берега, как будто углаживали их для прогулки; море, всегда волнующееся, даже и во время безветрия, всплескивало на землю если не седыми, пенистыми волнами, то легкими, колеблющимися струями; нас необыкновенно восхищала игра волн, когда мы стояли на самой окраине воды: они, то приближаясь к нам, как бы ласкали наши ноги, то, убегая, без следа скрывались в море. Таким образом, мы тихо шли по краю немного извилистого берега, сокращая путь занимательными рассказами. Октавий говорил нам о своем плавании по морю. Когда мы среди разговора прошли довольно большое пространство, то тою же дорогою отправились в обратный путь. Достигнув того места, где находились вытянутые на берег небольшие суда, висевшие на бревнах, мы увидели мальчиков, которые, задорясь друг перед другом, бросали на море камешки. Эта игра состоит в том, что берут на берегу небольшой, кругловатый, вылощенный волнами камень; взявши этот камень между пальцами наклоняются, сколько можно ниже, почти до земли, и бросают его над поверхностью воды; камень или скользит и катится по воде, когда он слегка бросается, или

же он рассекает сильные волны, погружается и опять поднимается, если ему дан сильный толчок. Победа остается за тем из играющих, чей камень пролетает большое пространство и чаще выскакивает.

Октавий и я забавлялись таким зрелищем, но Цецилий совершенно не обратил внимания на игры мальчиков, не смеялся при виде этого состязания: молчаливый, смущенный, в стороне от нас, он показывал на лице своем какой-то печальный вид. – Что это значит? – спросил я его. – Отчего, Цецилий, я не узнаю твоей веселости? Где эта ясность, которая сияла в твоих глазах даже среди самых серьезных дел? – Цецилий отвечал: меня сильно беспокоят и колят слова Октавия, которыми он упрекнул тебя в нерадении, а чрез это непрямо, но тем сильнее обвинил меня в невежестве. Я не хочу на этом остановиться: я требую у Октавия объяснения дела. Если он согласится вступить со мною в спор, то узнает, что гораздо легче спорить в кругу товарищеском, нежели рассуждать о предмете так, как рассуждают философы. Сядем на каменном валу, охраняющем купальни и вдающемся в море, здесь можем и отдохнуть от пути и свободнее вести спор. – Мы сели, как было сказано; мне предложили занять место между Октавием и Цецилием не ради уважения или порядка, или почета, ибо дружба всегда принимает и почитает всех наравне, но, чтобы я как посредник был близко к тому и другому, удобно слышал слова и разделял спорящих. Тогда Цецилий начал говорить таким образом.

Хотя, брат Марк, у тебя не остается никакого сомнения относительно предмета, о котором мы спорим, так как ты тщательно исследовал тот и другой род жизни и, осудив один, одобрил другой; но теперь ты должен верно держать весы правосудия и не склоняться по пристрастию на одну сторону, чтобы твое решение не было делом твоих личных чувств, а было основано на доводах спорящих. Итак, если ты будешь присутствовать при нашем споре как будто человек совершенно новый и чуждый той и другой стороне, то легко будет доказать, что здесь, в делах человеческих, все сомнительно, неизвестно, неверно и только более вероятно, нежели истинно. Не удивительно, что некоторые, не желая трудиться над открытием

истины, скорее соглашаются с каким-нибудь мнением, нежели стараются о тщательном его исследовании. Тем более достойно негодования или соболезнования то, что некоторые, необразованные, невежды, чуждые понятия о самых простых искусствах, осмеливаются рассуждать о сущности вещей и Божестве, о чем в продолжение стольких веков спорят между собою философы различных школ. В самом деле, ограниченности человеческого ума так далеко до познания Бога, что ему недоступно ни то, что находится над ними на небе, ни то, что заключено в глубоких недрах земли; ему не дано это знать и постигать, и даже нечестиво пытаться проникать в эти тайны. По справедливости, мы могли бы считаться довольно счастливыми, довольно благоразумными, если бы следуя древнему изречению мудреца, больше занимались познанием самих себя. Но если, предаваясь бессмысленному и напрасному труду, мы заходим гораздо далее, чем сколько позволяет нам наша ограниченность; если поверженные на землю, переносимся в своих дерзких порывах на самое небо, к самым звездам, то, по крайней мере, к этому заблуждению не станем придумывать еще пустых и страшных призраков. Все произошло из первоначальных элементов, существовавших в недрах природы: какой же тут творец Бог? Все части вселенной образовались, расположились одна подле другой и устроились от их случайного столкновения: какой же тут устроитель Бог? Огонь зажег звезды; образовал небо из своего вещества, утвердил землю посредством тяжести, привлек в море жидкости: к чему же религия, этот страх пред божеством, это суеверие? Человек и всякое животное, которое рождается, питается и дышит, суть не иное что, как произвольное соединение элементов, на которые как человек, так и животное опять разрешаются, разлагаются и, наконец, исчезают: таким образом, все опять приходит к своему источнику, возвращается к своим началам без всякого художника, без распорядителя, без творца. Соединение элементов огня производит то, что различные светила всегда сияют над землею; вследствие того, что из земли поднимаются испарения, являются облака; от сгущения сих последних происходят тучи; от падения этих туч

идет дождь, дует ветер, падает град, от столкновения различных туч происходит гром, удары, и блеск молнии. Эти молнии падают во всяком месте, ударяются в горы, в деревья; без разбора поражают храмы и дома, убивают порочных людей, не щадя часто и благочестивых. Что сказать об этих разнообразных неожиданных явлениях, которые без порядка, без разбора разрушают течение всего существующего? Во время кораблекрушения одинакова судьба добрых и злых без всякого разбора заслуг тех и других. В пожарах одинаково погибают невинные и преступные. Когда свирепствует в воздухе какая-нибудь губительная зараза, все умирают без разбора. Среди неистовств войны лучшие люди погибают скорее других. Во время мира порок идет рядом с добродетелью и даже бывает в почете; так что во многих случаях не знаешь, гнушаться ли пороками худых людей или завидовать их счастью. Если бы миром управляли провидение божественное и воля какого-нибудь божества, то никогда бы Фаларис и Дионисий не удостоились бы царства, Рутилий и Камилл не были бы наказаны ссылкой, и Сократ принужден умереть от яда. Вот покрытые плодами деревья, вот созревший хлеб, спелый виноград повреждаются дождем, побиваются градом. Или истина сокрыта во мраке неизвестности, или же, что всего вероятнее, всем управляет без всяких законов непостоянный своенравный случай.

Когда, таким образом, повсюду встречаешь или решительный случай, или таинственную природу, то не лучше ли всего и почтеннее следовать урокам предков; как залогам истины, держаться преданной религии, почитать богов, которых родители внушили бояться прежде, чем мы ближе узнали их? Не следует нам рассуждать о богах, а должно верить предкам, которые в век еще простой и близкий к началу мира, удостоились иметь этих богов благодетелями или царями. Мы видим, что во всех государствах, провинциях, городах народы имеют свои отдельные священные обряды, и почитают своих местных богов, напр., элевзинцы Цереру, фригийцы Цибелу, эпидавряне Эскулапа, халдеи Бела, сирийцы Астарту, тавряне Диану, галлы Меркурия, римляне – всех этих богов. Власть и

могущество римлян обнимает весь мир, простирается за пределы океана, далее путей солнечных, – за то, что они даже на войне показывают свою религиозность, укрепляют города построением храмов, учреждением непорочных дев, предоставлением жрецам многих почестей; даже осажденные и заключенные в одном Капитолии, они чтут разгневанных богов, которых иной оставил бы давно в пренебрежении; безоружные, но вооруженные только благочестием, они проходят сквозь войска галлов, изумленных их необыкновенной смелостью; в упоении победы, в стенах вражеских они преклоняются пред побежденными божествами, ищут повсюду чужестранных богов и делают их своими, строят жертвенники даже неизвестным божествам. Таким образом, перенося к себе религиозные культы всех народов, Рим заслужил быть царем мира. Отсюда религиозный строй, который непрерывно сохранялся и с продолжением веков не умалялся, но возрастал, ибо святость обрядов и священных учреждений тем более возвышается, чем они древнее.

Впрочем, я не боюсь признаться, что, если и ошибаюсь, я предпочитаю мое заблуждение вашему. Не напрасно наши предки с таким тщанием наблюдали предсказания авгуров, обращались к гаданиям по внутренностям животных, воздвигали храмы, устроили жертвенники. Посмотри в исторические книги: и ты узнаешь, как они совершали священные обряды всех религий, чтобы возблагодарить богов за их милость, или отвратить угрожающий божеский гнев или умиловить гнев, уже постигший своею яростью и казнями. Слова мои подтверждают – мать богов Идея³⁹⁹, которая по прибытии своем в Италию засвидетельствовала целомудрие одной римской женщины и освободила город от страха неприятелей; а также статуи, поставленные в честь двух братьев, на берегу озера, как они явились, когда на дымящихся и покрытых пеной конях возвестили о победе над Персеем в тот самый день, в который была одержана победа. Свидетельствуюсь учреждением игр в честь разгневанного Юпитера, явившегося во сне одному человеку из плебеев; свидетельствуюсь известным самоотвержением Дециев и

Курция, бросившегося на своем коне в отверстие глубокой пропасти. А наши презираемые гадания даже чаще, чем мы хотели, засвидетельствовали присутствие богов. От того-то имя реки Аллии⁴⁰⁰ так несчастно; предприятие Клавдия и Юния против карфагенцев было не столько сражением, сколько решительным поражением. Тразименское озеро обагрилось кровью римлян потому, что Фламиний презрел гадания авгуров. Красс за насмешки над фуриями, заслужив их гнев, заставил нас выручать наши знамена у парфян. Не стану говорить о многочисленных событиях времен отдаленных, опущу также и песни поэтов о рождении богов, их милостях и благодеяниях, пройду молчанием и предсказания оракулов, чтобы не показалась вам древность слишком баснословною. Обрати внимание на храмы и капища, которые служат вместе и украшением, и ограждением Рима. Они священны более тем, что в них присутствуют боги туземные или чужестранные, нежели тем, что они богаты драгоценными украшениями и дарами. Оттого близкие к Богу вдохновенные прорицатели и предсказывают будущее, предупреждают об опасностях, подают исцеление больным; надежду удрученным скорбью, помощь бедным, утешение несчастным, облегчение трудящимся. Даже во время покоя ночного мы видим, слышим, узнаем богов, которых днем нечестиво отвергаем и ложно призываем в клятвах.

Итак, хотя природа и происхождение богов неизвестны нам, однако, все народы согласно и твердо уверены в их существовании, так что я не могу выносить такой дерзости, нечестивого безрассудства тех людей, которые стали бы отвергать или разрушать религию столь древнюю, столь полезную и спасительную. Пусть Феодор Киренский, или живший прежде его Диагор Мелийский, которому древность дала прозвание безбожника, не признавая никаких богов, пытались разрушить всякое благоговение, всякий страх, на котором зиждется человеческое общество; однако те философские системы, которые следуют этому нечестивому учению, никогда не будут пользоваться славой и уважением. Протагор Авдеритянин более дерзко, чем нечестиво

рассуждавший о богах, был афинянами выгнан из их пределов, а сочинения его были ими публично преданы сожжению. И не должно ли глубоко сожалеть, – я надеюсь, что вы позволите мне в порыве негодования говорить с большею свободой, – не следует ли сожалеть о том, что дерзко восстают против богов люди жалкой, запрещенной, презренной секты, которые набирают в свое нечестивое общество последователей из самой грязи народной, из легковверных женщин, заблуждающихся по легкомыслию своего пола, люди, которые в ночных собраниях со своими торжественными постами и бесчеловечными яствами⁴⁰¹ сходятся не для священных обрядов, но для скверностей. Это – люди скрывающиеся, бегающие света, немые в обществе, говорливые в своих убежищах! Они презирают храмы, как гробницы богов, отвергают богов, насмеваются над священными обрядами; милосердуют о бедных, если возможно, – сами полунагие пренебрегают почестями и багрянцами жрецов. Удивительная глупость, невероятная дерзость! Они презирают мучения, которые пред их глазами, а боятся неизвестного и будущего; они не страшатся смерти, но боятся умереть после смерти. Так обольщает их обманчивая надежда вновь ожить и заглушает в них всякий страх.

Так как нечестие разливается скорее при помощи все более усиливающегося с каждым днем развращения нравов, то ужасные святилища этого нечестивого общества умножаются и наполняются по всему миру. Надо его совсем искоренить, уничтожить. Эти люди узнают друг друга по особенным тайным знакам и питают друг к другу любовь, не будучи даже между собою знакомы; везде между ними образуется какая-то как бы любовная связь, они называют друг друга без разбора братьями и сестрами для того, чтоб обыкновенное любодеевание чрез посредство священного имени сделать кровосмешением: так хвалится пороками их пустое и бессмысленное суеверие. Если бы не было в этом правды, то проницательная молва не приписывала бы им столь многих и отвратительных злодеяний. Слыхано, что они, не знаю по какому нелепому убеждению, почитают голову самого низкого животного, голову осла⁴⁰²:

религия достойная тех нравов, из которых она произошла! Другие говорят, что эти люди почитают... своего предстоятеля и священника⁴⁰³, и благоговейт как бы пред действительным своим родителем. Не знаю, может быть все это ложно, но подозрение очень оправдывается их тайными, ночными священнослужениями. Говорят также, что они почитают человека, наказанного за злодеяние страшным наказанием, и бесславное древо креста: значит, они имеют алтари приличные злодеям и разбойникам, и почитают то, чего сами заслуживают. То, что говорят об обряде принятия новых членов в их общество, известно всем и не менее ужасно. Говорят, что посвящаемому в их общество предлагается младенец, который, чтоб обмануть неосторожных покрыт мукою: и тот обманутый видом муки, по приглашению сделать будто невинные удары, наносит глубокие раны, которые умерщвляют младенца, и тогда, – о, нечестие! присутствующие с жадностью пьют его кровь и разделяют между собою его члены. Вот какую жертвою скрепляется их союз друг с другом, и сознание такого злодеяния обязывает их к взаимному молчанию. Такие священнодействия ужаснее всяких поруганий святынь. А их вечера известны; об этом говорят все, об этом свидетельствует речь нашего Циртинского оратора⁴⁰⁴. В день солнца они собираются для общей со всеми детьми, сестрами, матерями, без различия пола и возраста. Когда после различных яств пир разгорится и вино воспламенит в них жар любострастия, то собаке, привязанной к подсвечнику, бросают кусок мяса на расстоянии большем, чем длина веревки, которою она привязана: собака, рванувшись и сделав прыжок, роняет и гасит светильник⁴⁰⁵... Таким образом все они, если не самым делом, то в совести делаются кровосмесниками, потому что все участвуют желанием своим в том, что может случиться в действии того или другого.

О многом я умалчиваю; потому что очень довольно уже и сказанного, а истинность всего или, по крайней мере, большей части этого доказывается самою таинственностью этой развратной религии. В самом деле, для чего же они всячески стараются скрывать и делать тайною для других то, что они

почитают, когда похвальные дела совершаются обыкновенно открыто, и скрываются только дела преступные? Почему они не имеют никаких храмов, никаких жертвенников, ни общепринятых изображений? Почему они не осмеливаются открыто говорить и свободно делать свои собрания если не потому, что то, что они почитают и так тщательно скрывают, достойно наказания или постыдное? Да и откуда, что такое и где этот Бог, единый, одинокий, пустынный, которого не знают ни один свободный народ, ни одно государство, или, по крайней мере, римская набожность? Только один несчастный народ иудейский почитал единого Бога, но и то открыто, – имея храмы, жертвенники, священные обряды и жертвоприношения, впрочем, и этот Бог не имел никакой силы и могущества так, что был вместе с своим народом покорен римлянами. А какие диковины, какие странности выдумывают христиане! Они говорят, что их Бог, Которого они не могут ни видеть, ни другим показать, тщательно следит за нравами всех людей, делами, словами и даже тайными помышлениями каждого человека, всюду проникает и везде присутствует: таким образом они представляют его постоянно беспокойным, озабоченным и бесстыдно любопытным, ибо он присутствует при всяких делах, находится во всяких местах, и оттого, занятый всем миром, не может обнимать его частей или, развлеченный частями, обращать внимание на целое. Но это еще не все: христиане угрожают земле и всему миру с его светилами сожжением, предсказывают его разрушение, как будто вечный порядок природы, установленный божескими законами может прекратиться, связь всех элементов и состав неба разрушиться, и громадный мир, так крепко сплоченный, ниспровергнуться...

Не довольствуясь этим нелепым мнением, они прибавляют и другие старушечьи басни: говорят, что после смерти опять возродятся к жизни из пепла и праха: и с непонятною уверенностью принимают эту ложь; подумаешь, что они уже в самом деле воскресли. Двойное зло, двойное безумие! Небу и звездам, которые мы оставляем в таком же виде, в каком их находим, они предвещают уничтожение, себе же – людям умершим, разрушившимся, которые как рождаются, так и

умирают, обещают вечное существование. По этой-то причине они гнушаются костров для сожигания мертвых и осуждают такой обычай погребения; как будто тело, если не будет предано огню, чрез несколько лет не разложится в земле само собою; и не все ли равно звери ли разорвут тело, или море поглотит его, в земле ли сгниет оно, или сделается жертвою огня? Всякое погребение для тел, если они чувствуют, есть мучение, а если не чувствуют, то самая скорость истребления их полезна. Вследствие такого заблуждения, они себе одним как добрым обещают блаженную и вечную жизнь по смерти, а прочим, как нечестивым, вечное мучение. Многие мог бы я прибавить к этому, если бы не спешил окончить мою речь. Нечестивцы они сами, – об этом я уже говорил и больше не стану. Но если бы даже я признал их праведниками, то по мнению большинства, судьба делает человека или добрым, или порочным; в этом и вы согласитесь со мною. Ибо действия человеческие, которые другие относят к судьбе, вы приписываете Богу; так последователями вашего учения делаются не все люди произвольно, но только избранные Богом; следовательно, вы делаете из Бога несправедливого судью, Который наказывает в людях дело жребия, а не воли. Однако, я желал бы знать, без тела или с телом и с каким – новым или прежним воскреснет каждый из вас? Без тела? Но без него, сколько я знаю, нет ума, ни души, нет жизни. С прежним телом? Но оно давно разрушилось в земле. С новым телом? В таком случае рождается новый человек, а не прежний восстанавливается. Но вот уже прошло столько времени, протекли бесчисленные века, а ни один из умерших не возвратился из преисподней, даже наподобие Протезелая хотя бы на несколько часов, только для того, чтобы дать нам убедительный пример воскресения. Все это не иное что, как вымыслы расстроенного ума, нелепые мечты, облеченные лживыми поэтами в прелестные стихи; а вы легковверные не постыдились приписать вашему Богу.

Вы не пользуетесь опытом настоящего, чтобы убедиться в обманчивости своих напрасных надежд; подумайте, несчастные, пока еще живете, о том, что может ожидать вас по смерти. Большая часть из вас, притом лучшая, как вы говорите, терпит

бедность, страдает от холода и голода, обременена тяжким трудом, и вот Бог допускает это или будто не замечает: Он не хочет или же не может помочь вам; значит, он слаб или несправедлив. Не чувствуешь ли ты, мечтающий о будущей жизни после смерти, своего положения, когда тебя угнетают бедствия, жжет лихорадка, терзает какая-нибудь скорбь? Не чувствуешь ли тогда своей бренности? Несчастный, все обличает тебя невольно в твоей слабости, и ты не признаешься. Но оставим говорить об общих бедствиях. Вот пред вами угрозы, пытки, казни и кресты, приготовленные уже не для того, чтобы вы им поклонялись, а для вашего распятия, огни, о которых вы пророчите и которых вместе боитесь: где же Тот Бог, Который не оказывает помощи живым, а помогает умершим возвратиться к жизни? И не без вашего ли Бога римляне достигли власти и господства над всем миром и над вами Самими? Вы же, между прочим, удрученные заботами и беспокойством, чуждаетесь даже благопристойных удовольствий, не посещаете зрелищ, не присутствуете на праздниках наших, не участвуете в общественных пиршествах, гнушаетесь священных игр, жертвенных яств и вина. Так вы отвергаете наших богов и вместе боитесь их. Вы не украшаете своих голов цветами, не умащаете тела благовониями, – вы бережете умащения для погребения мертвых, – вы даже не украшаете венками гробниц: всегда бледные и запуганные, достойные жалости, впрочем, со стороны наших богов. Несчастные, вы и здесь не живете и там не воскреснете. Но если в вас есть хоть несколько здравого смысла и благоразумия, перестаньте исследовать тайны и законы вселенной, оставьте небесные сферы; довольно для вас, людей грубых, невежественных, необразованных, и того, что находится под вашими ногами; кто не имеет способности понимать земное, человеческое, тому тем более не должно исследовать божеское.

Если же у вас есть страсть к философствованию, то пусть каждый подражает, сколько можно, Сократу первому из мудрецов. Когда этому мужу предлагали вопросы о небесном, то он обыкновенно отвечал так: «что выше нас, то не касается

нас»⁴⁰⁶. По справедливости, оракул засвидетельствовал превосходную мудрость Сократа, и Сократ сам чувствовал, что если он превознесен пред всеми, то не потому, чтоб он знал все, а потому что познал, что не знает ничего. Итак, в признании неведения заключается величайшая мудрость. Отсюда и получило свое начало умеренное сомнение Архезилая, Карнеада и очень многих академиков относительно высших вопросов. Такой образ философствования безопасен для неученых и славен для ученых. Что же осторожность Симонида Милетского не достойна ли нашего удивления и подражания? Когда тиран Гиерон спрашивал этого философа, что и как он думает о богах, то Симонид сперва потребовал у него день на размышление, по прошествии дня он выпросил два дня, потом еще два дня; когда же, наконец, Гиерон хотел узнать причину, такой медленности; Симонид сказал, что чем далее он предавался размышлению, тем темнее становилась для него истина. И, по моему мнению, должно оставлять все сомнительное так, как оно есть; и, после того как столько и такие великие люди остаются в сомнении, не должно дерзко и безрассудно бросаться с своим мнением в другую сторону, чтобы не ввести нелепых басен или не уничтожить всякой религии.

Так говорил Цецилий, и улыбаясь, – потому что вылившаяся из его речь охладила жар его негодования – присовокупил: что на мои слова осмелится сказать Октавий из поколения Плавта⁴⁰⁷, первый из хлебопек⁴⁰⁸ и последний из философов? – погоди торжествовать, сказал я ему, над Октавием. Не должно тебе ликовать своим красноречием прежде, нежели скажет свою речь и тот и другой из спорящих, тем более что ваш спор идет не о славе, а об истине. Твоя речь живая и разнообразная весьма понравилась мне, но меня занимают другие соображения не о настоящем именно споре, но вообще об образе рассуждения, ибо от таланта спорящих, от их красноречия часто изменяется положение самой очевидной истины. Это случается, как известно, вследствие легкомыслия слушающих, которые красотой слов отвлекаются от разбора самого дела и без рассуждения соглашаются со всем

сказанным: они не могут отличить ложь от истины, не зная, что и в невероятном бывает истина, и в вероятном находится ложь. Чем чаще приходится им верить словам других, тем легче они поддаются влиянию ловких людей: так они постоянно обманываются по своему безрассудству. Вместо того, чтоб обвинять в этом слабость своего суждения, они жалуются на то, что все неверно, и осуждая все, готовы скорее все отвергнуть, чем рассуждать о предметах спорных. Итак, нам нужно остерегаться, чтобы не питать ненависти ко всем рассуждениям, как бывает со многими простыми людьми, которые доходят до отвращения и ненависти ко всем людям, Люди слишком доверчивые попадают в ловушку тем, которые им кажутся хорошими людьми, потом узнав такую ошибку, они становятся подозрительными ко всем, и боятся даже, как худых людей, тех, кого могли бы считать хорошими людьми. Так как во всяком спорном деле встречаются два обстоятельства: с одной стороны, истина по большей части бывает темна, а с другой удивительная тонкость речи при обилии слов принимает вид основательного доказательства, то мы будем внимательны и, по возможности, тщательно взвесим то и другое для того, чтобы хотя и похвалить искусство, но избрать, одобрить и принять только истину.

Ты, сказал мне Цецилий, не исполняешь долга справедливого судьи. Мне очень обидно, что при начале важного спора ты подрываешь силу моей речи, между тем как Октавий готовится только говорить. – Если он может, отвечал я, пусть обдумывает ее; но замечания, за которые меня упрекает, я предложил для общей пользы, если не ошибаюсь, – для того, чтобы по тщательном испытании произнести приговор, основываясь не на красоте речи, но на твердости самого дела. Но не следует долее развлекать внимание твоею жалобой, а нужно в совершенном молчании выслушать ответ нашего Октавия, который уже с нетерпением ждет своей очереди.

Я буду говорить, начал Октавий, сколько мне позволят силы; ты же должен соединиться со мной для того, чтобы правдивыми словами, как чистою водою смыть черные пятна поруганий на нас. Я не скрою, что еще с самого начала была

мне заметна неопределенность и шаткость в мнениях любезного Цецилия, так, что трудно решить затмилась ли твоя ученость, или она пошатнулась вследствие заблуждения. То он говорил, что верит в богов, то выражал сомнение о них, так, что неопределенность его положения не дает твердой опоры для моего ответа. Я не верю, и не хочу думать, чтобы мой Цецилий позволил себе это с лукавым намерением: простота его характера не мирится с такою хитростью. Что же как незнающий истинной дороги останавливается в недоумении там, где одна дорога разветляется на многие, и не решается ни признать все верными, ни выбрать какую-нибудь одну, так не имеющий твердого суждения об истине развлекается и колеблется в своих мыслях, когда в нем посеяно сомнение. И несколько не удивительно, что Цецилий часто впадает в противоречия, и колеблется между мнениями противоположными одно другому. Чтобы этого более не было, я постараюсь его убедить и опровергнуть все его слова, как ни многообразны они. Как скоро будет утверждена и доказана одна истина, то не будет места сомнению и колебаниям относительно прочих. Мой брат высказал, что ему противно, возмутительно и больно то, что неученые бедные, неискусные (христиане) берутся рассуждать о вещах небесных; но он должен бы подумать, что все люди, без различия возраста, пола и состояния, созданы разумными и способными понимать, и что они не получили мудрость, как дар счастья, но носят ее в себе, как дар природы; что даже мудрецы или те, которые сделались известными, как изобретатели искусств, прежде чем приобрели себе славное имя своим талантом, считались людьми необразованными, неучеными, полунагими; что богатые, привязанные к своим сокровищам, привыкли больше смотреть на свое золото, чем на небо, а наши в своей бедности нашли истинное познание и научили других. Отсюда видно, что умственные дарования не достаются по богатству, не приобретаются чрез прилежание, а рождаются вместе с происхождением самого духа. Посему нет ничего возмутительного или прискорбного в том, что каждый занимается исследованием вещей божественных, образует свои мнения и высказывает их, так как дело состоит не в достоинстве

исследующих, а в истине исследования. Далее чем безыскусственнее речь, тем яснее доказательство, потому что оно не подкрашено блестящим красноречием и прелестью слова, но представлено в своей естественной форме по руководству истины.

Я вовсе не думаю противоречить Цецилию, который прежде всего старался показать, что человек должен познать себя и исследовать – что он такое, откуда и почему произошел: сложился ли из элементов, или произошел от сцепления атомов, или всего лучше – он сотворен, образован и получил душу от Бога? Но мы не можем исследовать и познать человека, не исследуя всей совокупности предметов, потому что все так связано и находится в таком единстве и сцеплении, что если мы тщательно не исследуем божественной природы, то не поймем человеческой, точно так же как не можешь быть хорошим деятелем на гражданском поприще, если вполне не узнаешь этого общего всем гражданства мира. Притом же, главным образом, мы отличаемся от животных тем, что они, наклоненные и обращенные к земле, не способны видеть ничего другого кроме пищи; между тем как мы, имея лицо обращенное вперед, и взор устремленный на небо, и будучи одарены способностью говорить и умом, посредством которого мы познаем Бога, чувствуем Его и подражаем Ему, – мы не должны, не можем не знать небесной красоты, так поражающей наши глаза и все чувства. Искать на земле того, что должно находить на высоте небесной, это самое оскорбительное святотатство. Те люди, которые думают, что весь этот благоустроенный мир не божественным разумом создан, а составился из известных частей, соединившихся между собою без всякой цели – те не имеют мне кажется, ни разума, ни мысли, ни даже глаз. В самом деле, если только поднимешь взоры на небо и рассмотришь то, что под ним и на нем, то может ли быть что-нибудь яснее и достовернее той истины, что есть некоторое Существо превосходнейшего разума, которое проникает, движет, сохраняет и направляет всю природу. Посмотри на самое небо. Как широко оно раскинулось! Какое быстрое движение совершается там! Посмотри на него ночью, когда оно

испещрено звездами, или днем, когда оно сияет яркими лучами солнца, и ты узнаешь, в каком удивительном, божественном равновесии держит его Верховный Управитель. Обрати внимание на то, как от движения солнца нисходит год, и как луна, то прибывая, то убывая, измеряет месяцы. Но предоставим астрономам подробнее сказать о звездах, как они управляют движениями мореплавателей или определяют время сеяния и жатвы: все это не только не могло произойти, образоваться и прийти в порядок без Верховного Художника, без совершеннейшего Разума, но даже не может быть воспринято, исследовано и постигнуто без величайшего усилия и деятельности разума. Что я скажу о столь правильно совершающихся переменах года и плодов? Не указывают ли нам на своего Виновника весна с своими цветами, лето с своими жатвами, осень с спелыми и приятными плодами и зима, изобилующая оливами? Легко расстроился бы такой порядок, если бы не поддерживался высшим Разумом. А какая предусмотрительность видна в том, что даны нам весна и осень с своей средней температурой, чтобы зима не томила нас только своим холодом, и лето не палило своим жаром, и что незаметны и нечувствительны переходы из одного времени года в другое! Обрати свое внимание на море – оно ограничивается законом берега! Посмотри, как все растения получают свою жизнь из внутренности земли. Посмотри на вечно волнующийся океан, на эти всегда струящиеся источники, на эти реки, никогда не останавливающиеся в своем течении. Что сказать об этих правильно расположенных возвышениях гор, об извилинах холмов, об обширном протяжении равнин? Что сказать о разнообразии защиты животных друг против друга? Одни из них вооружены рогами, другие снабжены острыми зубами, третьи защищены копытами, четвертые имеют острое жало, одни укрываются скоростью своего бега, другие быстротою полета! Особенно же в красоте нашего образа открывается, что Бог есть художник: прямое положение, взор устремленный кверху, глаза, помещенные высоко как бы на сторожевой башне и все прочие чувства, расположенные как бы в укреплении.

Но не будем останавливаться на частностях; вообще должно сказать, что в человеческом составе нет ни одного члена, который не удовлетворял бы какой-либо нужде и не служил бы к украшению, и, что всего удивительнее, при общем у всех нас виде, каждый имеет некоторые отличительные черты. Таким образом, все мы и похожи друг на друга, и вместе отличаемся один от другого. Что же сказать об образе рождения, о любви к чадородию? Не вложено ли это Богом? Груды женщины с приближением времени рождения наполняются молоком, и как младенец в утробе созревает по мере накопления молока! Бог печется не о целом только, но и о частях. Например, Британия имеет недостаток в солнце, но зато согревается теплотою моря, окружившего ее со всех сторон; река Нил умеряет сухость Египта; Евфрат удобряет почву Месопотамии: Инд, говорят, увлажняет и делает плодотворными страны Востока. Когда ты при входе в какой-нибудь дом видишь повсюду вкус, порядок, красоту, то конечно подумаешь, что им управляет хозяин, и что он гораздо превосходнее, чем все эти блага; подумай же, что и в доме этого мира, когда смотришь на небо и на землю, и находишь в них промышление, порядок и закон – есть Господь и Отец всего, Который прекраснее самых звезд и частей всего мира. А когда нельзя сомневаться в Провидении, ты должен же исследовать, управляется ли небесное царство властью одного или произволом многих. И этот вопрос не трудно уяснить, когда размыслишь о земных царствах, которые суть образы небесного. Где царствование многих соправителей начиналось верностью и кончилось без кровопролития? Не говорю о персах, по ржанию коней, гадающих о власти и опускаю баснословный рассказ о братьях фиванцах; весьма известна история о двух близнецах, споривших о том, кому из них владеть хижинкой и пастухами; всем также известны войны между зятем и тестем; удел столь обширной власти был слишком мал для двоих. Далее, посмотри: один царь у пчел, один вожатый у овец, один предводитель у стада. Ужели же ты думаешь, что на небе разделена верховная власть и раздроблено полномочие этого истинного и божественного господства? Очевидно, что Бог, Отец

всех вещей, не имеет ни начала ни конца; всему давая начало, Он Сам вечен; Он был прежде мира, Сам будучи для Себя миром. Он несущее вызвал к бытию Своим Словом, привел в порядок Своим разумом, совершил Своею силой. Его нельзя видеть, Он слишком величествен; Его нельзя осязать, Он слишком тонок; Его нельзя измерить, Он выше чувств, бесконечен, неизмерим и во всем Своем величии известен только Самому Себе; наше же сердце слишком тесно для такого познания, и потому мы тогда только Его оцениваем достойно, когда называем Его неоцененным. Я скажу, как я думаю: кто мнит познать величие Божие, тот умаляет Его, а кто не хочет умалять Его, тот не знает Его. И не ищи другого имени для Бога: Бог – Его имя. Тогда нужны слова, когда надо множество богов разграничить отдельными для каждого из них собственными именами. А для Бога Единого имя Бог – выражает все. Если я назову Его отцом, ты будешь представлять Его земным; если назову царем, ты вообразишь Его плотским; если назову господином, ты будешь о Нем думать, как о смертном. Но откинь в сторону все прибавления имен и увидишь Его славу. И не на моей ли стороне всеобщее согласие? Я слышу, как народ простирая руки к Небу, никакого другого имени не употребляет, кроме «Бога», говорит: «велик Бог, Бог истинен, если Богу угодно». Что это – естественная речь народа или слово верующего христианина? И те, которые хотят иметь верховным владыкою Юпитера, заблуждаются только касательно имени, но они согласны с нами о единстве власти. Поэты также прославляют «единого Отца богов и людей» и говорят, что «такова душа у смертных, какую создал ее Отец всего».

Что может быть яснее и справедливее слов Мантуанского поэта Марона, который говорит, что изначально разум приводит в движение, и дух животворит небо и землю, и остальные части мира; отсюда произошел человеческий род, все породы скота и все прочие животные. Потом в другом месте он этот разум и дух называет Богом. Вот собственные его слова: Бог проникает всюду на земле, в море и в глубине небесной. От Него получают бытие и люди, и животные, от Него огонь и дождь». Не так же ли точно и мы называем Бога Умом, Разумом, Духом?

Пересмотрим, если угодно, учения философов, и мы увидим, что все они, хотя в различных словах, но на самом деле выражают одну и ту же мысль. Я опущу тех простых и древних мужей, которые за свои изречения заслужили название мудрецов. Начну с Фалеса Милетского, который первый из всех начал рассуждать о вещах небесных. Он считал воду началом вещей, а Бога тем разумом, который образовал из воды все существующее. Мысль о воде и духе слишком глубокая и возвышенная, чтобы могла быть изобретена человеком, – она предана от Бога. Видишь, как мысль этого древнейшего философа совершенно согласна с нами. Далее Анаксимен и после Диоген Аполонийский Бога считали воздухом бесконечным и неизмеримым. И мнение этих философов о божестве похоже на наше. Анаксагор представляет Бога бесконечным Умом. По Пифагору Бог, есть дух, разлитый во всей природе, от которого получает жизнь все животные. Известно, что Ксенофан считал Бога бесконечным, имеющим разум, а Антисфен говорил, что, хотя много народных богов, но, собственно, главный Бог один. Спевзипп признавал Бога одушевляющею силою, которая управляет всем миром. Что же Демокрит? Хотя он первый изобрел учение об атомах, однако, и он, не называет ли Богом природу, посылающую образы предметов, и ум, их восприимлющий? Стратон также называет природу Богом; и Эпикур, который представлял богов праздными, или вовсе не признавал их бытие, поставляет, однако, выше всего природу. Аристотель, хотя говорил различно, однако, всегда держался мнения о единой власти; ибо он называл Бога, то разумом, то миром, или же подчинял мир Богу. Гераклит Понтийский также приписывал Богу высший разум. Феофраст, Зенон, Хризипп и Клеанф, хотя расходились между собою в мнениях, однако единогласно признают единство Провидения. Клеанф называл божество то умом, то духом, то эфиром, то разумом. Наставник его Зенон говорит, что начало всего есть естественный и божественный закон, называемый то эфиром, то разумом. И когда он говорит, что Юнона есть воздух, Юпитер – небо, Нептун – море, Вулкан – огонь, и прочих богов подобным образом возводит к элементам,

то обличает и сильно подрывает общее заблуждение. Точно также почти Хризипп считал Богом, то разумную природу, то мир, то неизбежную судьбу; он подражал Зенону, и в физиологическом изъяснении песней Гесиода, Гомера и Орфея. У Диогена Вавилонского мы находим целую систему для изъяснения рождения Юпитера, происхождения Минервы и прочих, – и выходит, что это – имена вещей, а не богов. Ученик Сократа Ксенофонт говорил, что образ бытия истинного Бога для нас недоступен и что посему не должно стараться его познать. Аристон Хиосский учил, что Бог непостижим. Оба они чувствовали величие Божие в самом отчаянии понять Его. Платон гораздо яснее и по содержанию, и по выражению изложил свое учение о божестве, и его можно было бы принять за небесное, если бы только оно не было омрачено примесью народных убеждений. Так в Тимее Платон говорит, что Бог по самому Своему имени есть отец всего мира, творец души, создатель неба и земли; что Его трудно познать по Его необъятному и беспредельному могуществу, и если познаешь Его, невозможно то высказать публично. Это учение весьма сходно с нашим; ибо и мы признаем Бога, и называем Его отцом всего и никогда не говорим о Нем публично, разве только когда нас спрашивают о Нем.

Я изложил мнения почти всех философов, которых лучшая слава в том, что они хотя, различными именами указывали единого Бога, так что иной подумает, что или нынешние христиане философы, или философы были уже тогда христианами. Если же мир управляется провидением и ведется волею единого Бога, то нам не должно впадать в общее заблуждение, и следовать невежеству древних, увлеченных своими баснями, ибо оно опровергнуто мнениями их же собственных философов, которым принадлежит авторитет и древности и разумности. Наши предки были так легковжны, что безрассудно верили разным странным выдумкам, каковы – Сцилла с многими телами, Химера в различных формах, Гидра, возрождающаяся от нанесенных ран, Центавры – смесь человека с лошадью; вообще, что угодно было выдумать молве, то наши предки охотно слушали. Что же сказать о нелепых

баснях – о превращениях людей в птиц и зверей, в деревья и цветы: если б это было когда-нибудь, то случилось бы и теперь, а так как это не может быть, то значит, никогда и не было. Подобную же неразборчивость, легковерие и невежественную простоту наши предки оказали и в принятии богов: они воздавали благоговейное почтение своим царям, желали видеть их в изображениях, старались увековечить их память посредством статуй; и что было принято ради утешения, стало потом предметом священным. Наконец, прежде нежели открылись сообщения между странами земного шара, и народы стали заимствовать друг у друга обычаи и религиозные обряды, каждый народ почитал своего основателя или знаменитого военачальника, или целомудренную царицу, ставшую выше своего пола, или изобретателя какого-нибудь искусства, как достойного доброй памяти гражданина. Таким образом они и воздавали награду почившим, и подавали пример своим потомкам.

Читай сочинения историков или мудрецов, и ты согласишься в этом со мною. Эвemer показывает, что все божества суть люди обоготворенные за свои добродетели или благодеяния и рассказывает о времени их рождения, их отечестве, их гробницах, по разным землям, например, Юпитере Критском, Аполлоне Дельфийском Изиде Фаросской и Церере Элевзинской. Продик говорил, что были возводимы в богов люди, которые во время своих странствований принесли людям пользу своими открытиями. Мнение Продика разделяет и Персей, который называет одними и теми же именами и открытые произведения земли и самих открывателей их, как это показывает изречение комика: Венера вянет без Вакха и Цереры. Александр Великий, Македонский, в знаменитом письме к своей матери писал, что один жрец, устрешенный его могуществом, открыл ему тайну, что боги не что иное, как люди, и что Вулкан был первый из обоготворенных людей, а после него того же удостоилось поколение Юпитера. Обрати свое внимание на систр⁴⁰⁹ Изиды, превратившейся в ласточку; посмотри на могилу Озириса или Сераписа, члены которого были разбросаны; рассмотри, наконец, священные места,

жертвоприношения и мистерии, и ты найдешь тут трагические развязки, смерть, погребения, рыдания и скорбь несчастных богов. Лишившись сына Изиды предается скорби, плачет о нем, ищет его вместе с обстриженными жрецами своими и Кинокефалом⁴¹⁰, и несчастные ее читатели также бьют себя в грудь и разделяют скорбь неутешной матери; но как скоро нашли младенца, Изиды радуется, жрецы восторгаются, и виновник находки Кинокефал торжествует; таким образом они каждый год теряют то, что находят, и находят то, что теряют. Не смешно ли оплакивать то, что обожаем, обожать то, что оплакиваем? Этот культ, бывший некогда у египтян, ныне находится и у римлян. Так Церера, с зажженными факелами, со змеем, горестная и расстроенная, ищет там и сям свою дочь, Прозерпину, похищенную внезапно и обещенную: – вот и Элевзинские таинства. А каковы священные торжества в честь Юпитера? Коза – его кормилица, и он младенец похищается от жадного отца для того, чтобы он не пожрал его; корибанты производят шум кимвалами для того, чтобы отец не слышал крика младенца. А когда Цибела Диндимская, стыдно говорить, не могла склонить к прелюбодеянию с ней своего несчастного любимца, потому что была не красива и стала стара как мать многих богов, то оскостила его, чтобы сделать бога евнуха. Вот почему галлы⁴¹¹ и евнухи чтут ее искажением своего тела. Но это уже скорее мучения, а не священные обряды. Что же сказать о формах и внешнем виде ваших богов? Не выражается ли в них безобразие и отвратительность ваших богов? Вулкан – бог хромой и немощный; Аполлон столько веков безбородый; Эскулап с огромной бородой, несмотря на то, что сын юного Аполлона, Нептун с глазами светло-зелеными, Минерва с голубыми, Юнона с бычачьими глазами; Меркурий с крылатыми ногами, Пан с копытами, Сатурн с кандалами на ногах; Янус с двумя лицами как бы для того, чтобы ходить задом, Диана высоко подпоясанная охотница, Диана Ефесская имеет огромные груди, а Диана Тривия три головы и много рук. Далее, сам Юпитер ваш представляется то безбородым, то имеющим бороду, – называемый Аммон, имеет рога. Капитолийский – носит молнии, Юпитер Лациар – обагрён кровью, а к Юпитеру

Феретрию нельзя подойти. Не буду говорить о множестве Юпитеров: столько чудовищ Юпитера, столько его имен. Эригона повешена на петле, как Дева между звездами, Касторы для того, чтобы жить, попеременно умирают; Эскулап, для того чтобы явиться богом, убивается громом, Геркулес сожигается этейскими огнями, чтобы не быть более человеком.

Вот басни и заблуждения, которые наследовали мы от невежественных отцов; и что всего тяжелее, они составляют предмет наших занятий, нашего изучения, особенно же песнопений поэтов, которые весьма много повредили истине своим авторитетом. И потому справедливо Платон знаменитого Гомера, прославленного и увенчанного, исключил из республики, которую он изобразил в своем сочинении. Ибо этот преимущественно поэт при описании троянской войны хотя и для забавы, вмешал ваших богов в события и дела человеческие. Он разделил их на две спорящие стороны, ранил Венеру, связал, ранил и обратил в бегство Марса; рассказал о том, как Юпитер был освобожден Бриареем, чтобы его не связали другие боги; как он оплакал кровавыми слезами сына Сарпедона, которого никак не мог избавить от смерти, и как воспламенившись любовью сильнее, чем с другими любодейцами, предался сладострастию с женою Юноною. Здесь Геркулес убирает навоз, а Аполлон пасет скот Адмета; Нептун занимается построением стен Лаомедона и, несчастный строитель – не получает награды за свои труды; там на наковальне куется молния Юпитера вместе с оружием Энея, между тем, как молния существовала задолго еще до рождения Юпитера в Крите, и пламени настоящей молнии не мог сделать ни один циклоп, и ее не мог не страшиться и сам Юпитер. Что же сказать об изобличенном прелюбодеянии Марса и Венеры, или об освященном на небе постыдном сладострастии Юпитера с Ганимедом? Все это передано для того, чтобы некоторым образом оправдать пороки человеческие. Такие и тому подобные выдумки и увлекательные басни развращают умы мальчиков, которые возрастают под впечатлениями таких рассказов и сохраняют их до самых зрелых лет, и несчастные состареваются в своих заблуждениях, не достигая истины,

которая доступна только ищущим ее. Сатурна, родоначальника этих богов все писатели древности, как греческие, так и римские, выдают за человека. Это знают Непот и Кассий в своей истории, об этом говорят Талл и Диодор. Известно, что Сатурн, убежав из Крита от преследования своего разгневанного сына, прибыл в Италию и, принятый тут гостеприимным Янусом, будучи родом грек и образован, он научил здесь грубых и невежественных людей многому, наприим., искусству писать, делать монету и употреблять разные инструменты. Он назвал страну, давшую ему убежище, Лациум (Latium) потому, что он безопасно скрылся в ней (latuit), а городу дал название Сатурнии по своему имени, равно как и Янус назвал город Яникул, чтобы оставить о себе память в потомстве. Итак, Сатурн как обыкновенный человек убежал, как человек скрывался; он отец человека, и сам также родился от человека. Он был выдан за сына неба и земли, потому что в Италии не знали его родителей, так и в настоящее время мы называем упавшими с неба людей, которых встречаем неожиданно, и называем сынами земли людей неизвестных и незнатных. Сын Сатурна Юпитер, по удалении своего отца, сделался царем в Крите; здесь он и умер, и оставил после себя детей; и теперь еще можно видеть пещеру Юпитера и его гробницу, и его человеческая природа изобличается самими священнодействиями в честь его.

Бесполезно останавливаться на каждом из других богов в частности и говорить о всем ряде их поколения, ибо доказанная смертность их родоначальников перешла по порядку преемства к потомкам; но вы еще возводите в богов людей после их смерти. Так Ромул – бог по клятвопреступлению Прокула, и Юба, по желанию мавров, также бог, равно как и другие цари, которые обоготворены не потому, чтобы они были признаваемы богами, но в уважение заслуг их царствования. Им дают, против их воли, название богов; они желают оставаться людьми; боятся и не хотят быть богами, хотя и находятся в старческом возрасте. Боги не могут быть ни из умерших, ибо Бог не может умереть, ни из родившихся, потому что все, что рождается умирает; а существо божественное не имеет ни начала, ни

конца своего бытия. Далее, если боги когда-нибудь родились, то почему они теперь не рождаются? Потому ли, что Юпитер состарился, Юнона стала неплодной, и Минерва поседела, не родивши? Или не потому ли прекратилось это рождение, что ныне не дают никакой веры подобным выдумкам? Впрочем, если боги и могли рождаться, но не могли бы умирать; в таком случае богов было бы больше, чем рожденных людей, и небо и воздух не вмещали бы их, и земля не могла бы их носить. Таким образом ясно, что они были люди, о которых мы знаем, что они родились и умерли. Итак, будет ли кто-нибудь смущаться, видя, что народ публично молится и поклоняется священным изображениям этих богов, когда ум людей необразованных пленяется изящностью форм, сообщенных им искусством, обольщается блеском золота, сиянием серебра и белизною слоновой кости? И если бы кто-нибудь подумал, с какими истязаниями, какими инструментами обделывается всякий идол, то покраснел бы от стыда, что он боится вещества, которое обделывал художник, чтобы сделать бога. Бог деревянный – из какого-нибудь отрубка или кола обрубается, вытесывается, выстрагивается; а серебряный или золотой бог чаще всего делается из какого-нибудь нечистого сосуда, как было у египетского царя, выковывается кузнечными молотами и получает свою форму на наковальне; а каменный высекается, обтесывается и делается гладким руками грязного работника; такой бог не чувствует низости своего происхождения точно так же, как не чувствует почестей, воздаваемых ему вашим поклонением. Если камень или дерево, или серебро не составляют бога, то, когда же он делается им? Вот его отливают, обделывают, и высекают; это еще не бог; его спаивают свинцом, устраивают и воздвигают, и это еще не бог; вот его украшают, воздают ему почтение и молятся, – и он наконец, становится богом, когда уже человек захотел и посвятил его.

И как ваших богов ценят по своему естественному инстинкту бессловесные животные? Мыши, ласточки, коршуны знают, что боги ваши не чувствуют; они гложут их, садятся на них и, если не прогоняете, устраивают себе гнезда в самых устах

вашего бога. Пауки ткнут на лице их свою паутину и с самой головы протягивают свои нити, вы же их обтираете, моете, скоблите: так заботитесь и вместе боитесь тех, кого вы сами делаете. Никому из вас не приходило на мысль, что прежде нужно познать Бога, а потом почитать Его; вы спешите безрассудно следовать примеру своих предков; вы хотите скорее соглашаться с ложными мнениями других, нежели верить себе, вы ничего не знаете о том, чего боитесь: вот от чего в серебре и золоте освящено корыстолюбие, бездушные статуи, благодаря своей форме, стали священными; вот отчего произошло римское суеверие. Если рассмотреть обряды этого богопочтения, то сколько найдем мы смешного, сколько достойного жалости. Жрецы ваши некоторые ходят нагими в жестокий холод, а другие надевши одни шапки носят на себе древние щиты, режут себе кожу прося милостыню, и ходят с богами по деревням. В одни капища можно входить однажды в год, а другие совсем запрещено видеть. Одно капище для мужчины, другое для женщины; при некоторых церемониях присутствие раба – ужасное преступление; на одни статуи возлагает венки женщина одномужняя, на других – бывшая за несколькими мужьями, и с большим старанием изыскивают такую, которая могла бы насчитать у себя больше прелюбодеяний. Но это еще не все. Иной делает возлияния своею собственною кровью и умоляет бога ранами, которые наносит самому себе. Не лучше ли бы ему быть совершенным нечестивцем, чем религиозным в таком роде? А тот, кто решился оскотить себя, не оскорбляет ли Бога, Которого думает, таким образом, умиловить? Ибо если бы Богу были угодны скопцы, Он Сам создал бы их. Кто не понимает, что эти люди больные, не имеющие здравого рассудка, находятся в гибельном заблуждении и доставляют себе опору во множестве увлеченных заблуждением? Ибо обыкновенная защита заблуждения – во множестве заблуждающихся.

Но ведь религия римлян, говоришь ты, положила основание их могуществу, увеличила, и утвердила власть римского народа, что он обязан своим величием не столько личной храбрости, сколько своему благочестию и религии? Да, пресловутая

римская справедливость видна с самых первых времен основания государства. Не преступление ли соединило римлян, не неистовая ли жестокость дала им силу? Сначала Рим служил убежищем для всяких людей; туда стекались разбойники, злодеи, изменники, прелюбодеи, убийцы; и сам Ромул, их царь и правитель, совершил братоубийство, чтобы превзойти в злодеянии свой народ. Вот первые начатки благочестивого государства. Тотчас после сего Рим нагло похитил и обесчестил дочерей, из которых многие были уже обручены, и некоторых замужних женщин и потом затеял войну с их родителями, а своими тестями и пролил кровь своих родственников. Что может быть безнравственнее, бесчестнее наглее такой злодейской дерзости? Затем, общим делом Ромула и последующих царей и вождей было соседей сгонять с их земли, разрушать окрестные города с храмами и алтарями, притеснять пленных, укрепляться посредством обид других и злодеяний своих. Все, что теперь римляне имеют, чем владеют и пользуются, – все это добыча их дерзости, все храмы их воздвигнуты из награбленного имущества, посредством разрушения городов, ограбления богов и умерщвления священников. Смешно то, что римляне принимают религию побежденных народов и после победы поклоняются пленным богам, потому что воздавать божеские почести тому, что захватил на войне, значит совершать святотатство, а не оказывать благоговение пред божеством. У римлян сколько победных торжеств, столько дел нечестивых, сколько взято трофеев у народов, столько сделано ограблений у богов. Итак, римляне сильны не потому, что религиозны, но потому, что безнаказанно совершили святотатства. Они не могли иметь на войне своими покровителями тех богов, против которых поднимали оружие, и которым поклонялись уже по достижении своей цели, т. е. после победы. И что могли сделать для римлян те боги, которые были бессильны защитить против их оружия своих попечителей? Боги же собственно – римские хорошо известны, – Ромул, Пик, Тиберин, Конс, Пилюмн и Полюмн. Таций изобрел Клоацину и стал ее обожать, Гостилий – Павора и Паллора; кроме сего не знаю кто-то обоготворил лихорадку (febris). Вот покровители Рима – суеверие, болезни и

несчастья; между болезнями римлян и в числе богов, конечно, можно еще поместить распутных женщин: Акку Лаврентию и Флору. Эти-то боги, должно быть, помогли римлянам распространить свое государство и победить богов, которые почитались другими народами. Нельзя же предположить, чтоб им помогли против этих народов Марс Фракийский, Юпитер Критский, Юнона Аргосская или Самосская, или Карфагенская, Диана Таврическая, мать богов Цибела, наконец египетские скорее чудовища, а не божества. Разве, быть может, они нашли у римлян более чистых дев, более благочестивых жрецов? Но не были ли наказаны очень многие девы, как за страшное преступление, за любодеяние, которое они совершали с мужчинами, конечно, без ведома Весты, а другие избегали наказания благодаря не большой чистоте своей, но более счастливому распутству? Где же как не в храмах и капищах, жрецы устроят прелюбодеяния, торгуют честью женщин, придумывают любодеяния? Гораздо чаще в жилищах жрецов, чем в самых распутных домах, совершаются самые неистовые дела сладострастия. Между тем ассирияне, мидяне, персы, даже греки и египтяне прежде римлян по устройению Божию, долго владели царствами, не имея первосвященников, ни жрецов Цереры или Марса, ни весталок, ни авгуров, ни цыплят в клетке, которых бы аппетит или отвращение к пище управляли судьбами государства.

Теперь я перехожу к римским гаданиям и предсказаниям, которые ты так тщательно собрал и которых пренебрежение сопровождалось гибельными последствиями, а наблюдение – благополучными. По-твоему, Клавдий Фламинский и Юний потому потеряли свои войска, что не рассудили дождаться обычного топтания цыплят ногами. А Регул? Не наблюдал ли он авгурий, и, однако, взят был в плен? Точно также, Минцип хотя и уважил религиозный обычай попал во власть врага. Павел Эмилий при Каннах потерпел ужасное поражение, несмотря на то, что цыплята предвещали успех. Цезарь пренебрег гаданиями, которые воспрещали ему отправиться в Африку прежде зимы, однако, он легко переплыл и победил. Что же сказать мне об оракулах? Амфиарай предсказал, что будет

после его смерти, а не знал, что жена изменит ему за ожерелье. Слепой Тирезий предсказывал будущее, а не видал настоящего. Энний сочинил насчет Пирра ответы Аполлона Пифийского, между тем как Аполлон давно уже перестал говорить стихи, и этот оракул ловкий и двусмысленный прекратил свое дело с тех пор как люди стали менее легковверны и более образованны. Демосфен, зная поддельность ответов Пифии, жаловался, что она держит сторону Филиппа. Но, скажешь ты, эти гадания или оракулы иногда сбывались на деле. Я мог бы на это отвечать, что между множеством ложных предсказаний какое-нибудь из них могло случайно попасть на истину; но я обращаюсь к самому источнику лжи и заблуждения из которого произошел весь этот мрак, попытаюсь глубже проникнуть в него и яснее показать его. Есть лживые нечистые духи, ниспавшие с небесной чистоты в тину земных страстей. Эти духи лишились чистоты своей природы, осквернив себя пороками, и для утешения себя в несчастьи – сами уже погибшие не перестают губить других, сами поврежденные стараются распространить гибельное заблуждение, и отчужденные от Бога усиливаются всех удалить от Бога, вводя между людьми ложные религии. Что эти духи суть демоны, это знают поэты, это говорят философы, это признавал и Сократ, который принимался за дела или откладывал их по внушению присутствовавшего при нем демона. Чародеи не только знают демонов, но и при помощи их совершают все свои проделки, похожие на чудо: по их внушению и влиянию, они производят свои чары, заставляют видеть то, чего на самом деле нет или наоборот не видеть того, что есть. Первый из таких магов по словам и делам своим Сосфен⁴¹² с подобающим благоговением говорит об истинном Боге, признает ангелов, служителей и вестников истинного Бога, и представляет их присутствующими пред Его престолом в таком страхе, что они трепещут от мановения, от взгляда Господа. Тот же маг говорит о демонах земных, блуждающих туда и сюда, враждебных человечеству. Платон, который почитал трудным делом найти Бога, без труда говорит об ангелах и демонах и пытался в своем разговоре «Пир» определить природу демонов: он думает, что она есть нечто

среднее между существом смертным и бессмертным, т. е. между телом и духом, и состоит из соединения земной тяжести с небесною эфирностью и что от нее происходит в нас любовь, образуется в сердцах человеческих, возбуждает чувства, волнует наши желания и возжигает жар страстей.

Итак, эти нечистые духи, демоны, о которых знали маги, философы и сам Платон, скрываются в статуях и идолах, которые по их внушению приобретают такое уважение, как будто в них присутствовало божество; они вдохновляют прорицателей, обитают в капищах, действуют на внутренности животных, руководят полетом птиц, управляют жребиями, произносят смешанные с ложью прорицания. Они обманываются и обманывают то не зная истины, то, когда знают, не открывая ее, чтобы не погубить себя. Они – то отвращают людей от неба к земле, и от Бога к веществу, возмущают человеческую жизнь, причиняют всем беспокойства, вселяясь тайно в тела людей, как духи тонкие, производят болезни, наводят страх на умы, искривляют члены, чтобы принудить людей почитать их, за то, что будто они, насытившись кровью жертв и запахом их мяса, исцелили тех, кому перестали вредить. Они-то суть и те неистовствующие, которых вы видите на улицах, те прорицатели, которые вне храма так кружатся на земле, так волнуются, безумствуют. В них одинаково подстрекательство демона, различны только предметы неистовства. От них происходит то, о чем ты немного прежде говорил: Юпитер, требующий во сне игр в свою честь, Касторы, являющиеся на конях, лодка, следующая за поясом матроны. И большая часть из вас знает, что сами демоны признаются в этом всякий раз, когда мы изгоняем их из тел заклинательными словами и жаром наших молитв. Сатурн, Серапис и Юпитер и прочие обожаемые вами демоны, удручаемые скорбью, высказывают, что такое они, даже в присутствии некоторых из вас, и не осмеливаются солгать для прикрытия своего бесславия. Поверьте этим свидетелям, которые истину говорят вам о себе, что они демоны: заклиняемые именем единого истинного Бога, они приходят в сильный трепет, и или тотчас оставляют тела одержимых ими или постепенно удаляются,

смотря по вере страждущего или по желанию исцеляющего. Они страшатся приближения христиан, хотя издали нападают на них посредством вас в собраниях ваших. Они, овладевая умами невежественных людей и действуя на них страхом, стараются втайне возбудить против нас ненависть, ибо естественно ненавидеть тех, кого боимся, и сколько можно, вредить тем, кого страшимся. Так демоны овладевают умами и покоряют сердца людей и заставляют их ненавидеть нас прежде, нежели люди узнают нас. Это для того, чтобы они, узнавши нас, не стали нам подражать или, по крайней мере, не перестали нас гнать.

Как несправедливо вы поступаете, когда произносите суд о том, чего не знаете и не исследовали: поверьте нашему раскаянию, потому что мы и сами так делали, когда будучи прежде ослеплены и ничего не видя, одинаково с вами думали, будто христиане поклоняются чудовищам, едят мясо младенцев и в своих собраниях предаются разврату; мы не понимали, что все это басни, пущенные демонами, никогда неисследованные, ничем недоказанные, что столько времени не находилось человека, который бы заявил об этом, хотя бы и мог рассчитывать не только на прощение за свое преступление, но и награду за свое открытие; и такова невинность христиан, что они не стыдятся и не краснеют, когда их за то осуждают, но жалеют только о том, что раньше не были такими. Какие-нибудь святотатцы, кровосмесники, даже отцеубийцы находили в нас защитников и покровителей; а относительно христиан, мы не думали вовсе выслушивать их; иногда же, когда у нас появлялась к ним жалость, мы еще сильнее мучили их, чтобы пытками принудить их отказаться от своего исповедания, и избавить их от смерти, и в отношении к ним мы действовали так не для того, чтобы добиться истины, но, чтобы принудить ко лжи. И если кто-нибудь послабее, побежденный болью и мучениями пыток, отрекался от своего христианства, то мы делали к нему благосклонными, как будто, отказавшись от имени христианина, он этим отречением заглаждал все свои проступки. Не видите ли, что мы думали и делали то же самое, что теперь думаете и делаете вы? Между тем, если бы разум, а

не внушение демонов, руководил нашими суждениями, то надлежало бы принуждать христиан не отречься от своего имени, но признаться в распутстве, в безнравственных обрядах, в умерщвлении младенцев. Такие-то басни демоны нашептывают в уши невежественных людей, чтобы поселить в них к нам страх и отвращение. И это неудивительно: так как человеческая молва, которая всегда питается выдумками, истощается как скоро обнаружится истина, то демоны всячески стараются выдумывать и распространять ложные слухи? Здесь и источник той молвы, о которой ты говорил, будто христиане воздают божескую честь ослиной голове. Кто же столько глуп, что станет почитать такую вещь. Кто же так бессмыслен, чтобы верить этому почитанию? Разве вы, которые почитаете целых ослов в стойлах с вашею богинею Епоною; которые так благочестиво пожираете ослов вместе с Изидой; которые закалаете и почитаете головы волов и баранов, которые, наконец, ставите в храмах богов, представляющих смесь человека с козлом, с лицом льва и собаки? Не обожаете ли вы вместе с египтянами и быка Аписа? И вы не отвергаете и их священнодействий в честь змей, крокодилов и других зверей, рыб и птиц, из которых если кого-либо убьет кто, наказывается смертью. Те же египтяне, а также многие из вас столько же боятся Изиды, сколько и остроты луковиц, столько же страшатся Сераписа, сколько неприличных звуков, выходящих из тела человека. Далее изобретатель другой нелепой басни⁴¹³... старается только взнести на нас то, что бывает у них. Это более идет к бесстыдству тех людей, у которых всякий пол совершает любодеяния всеми членами своего тела; где полное распутство носит название светскости; где завидуют вольности распутных женщин, где сладострастие доходит до отвратительной гадости⁴¹⁴, где у людей язык скверен даже тогда, когда они молчат, где появляется уже скука от разврата прежде чем стыд. О, ужас! люди развратные совершают такие дела, которых не может вынести самый нежный возраст, к которым не может быть принуждено самое тяжкое рабство.

О таких и тому подобных бесстыдных делах, нам не позволено слушать, и многие считают низким даже защищаться

по их поводу. А вы выдумаете на людей чистых и целомудренных то, чему мы и не верили бы, если бы вы сами не представляли тому примеров. Что же касается до того, что вы упрекаете нас в обожании преступного человека и его креста, то вы очень далеки от истины, когда думаете, чтобы преступник заслужил или простой человек мог почитаться Богом. Поистине, тот достоин сожаления, кто все свои надежды возлагает на смертного человека, потому что со смертью его прекращается и вся помощь с его стороны. Египтяне же в самом деле выбирают себе человека, которому воздают Божеские почести, ему одному молятся, к нему обращаются за советом, в честь его закаляют жертвы, и он, будучи для других богом, для себя самого невольно есть человек. Ибо он не может обмануть свою совесть, хотя обманывает других. Низкое ласкательство не ограничивается тем, чтобы воздавать почтение царям и владыкам, как великим и избранным людям, что совершенно прилично, но дает им имена богов, между тем как для доблестного мужа честь составляет истинную награду, а для доброго любовь – самую приятную дань. Призывают этих людей как богов, преклоняются пред их статуями, возносят молитвы их гению, т. е. демону, и считают более безопасным делать ложную клятву именем Юпитера, нежели своего царя. Мы не почитаем крестов и не желаем их⁴¹⁵. Вы, может быть, имея деревянных богов почитаете и деревянные кресты, как составные части ваших божеств. Но самые знамена ваши и разные знаки военные что иное, как не позлащенные и украшенные кресты? Ваши победные трофеи имеют вид не только креста, но и распятого человека. Естественное подобие креста мы находим в корабле, когда он несется, распустивши паруса или подходит к берегу с простертыми веслами. Точно также ярем, когда его подвяжете, похож на крест; и человек, когда он, распростерши руки, чистым умом возносит молитву к Богу, представляет образ креста. Итак, изображение креста находится и в природе, и в вашей религии.

Желал бы я встретиться с тем, кто говорит или думает, что у нас христиан принятие в наше общество совершается посредством умерщвления младенца и его кровью. Неужели ты

можешь поверить, чтобы столь нежное молодое тело подвергалось ужасным ранам, чтобы кто-нибудь решился умертвить столь недавнее существо, которое едва может назваться человеком, пролить его кровь и пить? Этому никто не может поверить, кроме разве того, кто сам может осмелиться это сделать. Вы, я знаю, бросаете новорожденных детей на съедение зверям и птицам, или же предаете несчастной смерти посредством удушения. Некоторые женщины у вас приняв лекарства, еще во чреве своем уничтожают зародыш будущего человека и делаются детоубийцами прежде рождения дитяти. И к таким действиям располагают вас уроки ваших богов; ибо Сатурн не бросил, но пожрал своих детей. Посему в некоторых странах Африки родители приносят ему в жертву своих младенцев, ласками и поцелуями стараясь прекратить их плач, чтобы жертва закалалась без плача. У жителей Тавриды близ Понта и у египетского царя Бузириса существовал обычай приносить в жертву гостей, а галлы приносили Меркурию человеческие и не человеческие жертвы. Римляне ради жертвы живыми зарывали в землю мужчину и женщину из греков и мужчину с женщиною из галлов; и теперь еще они почитают Юпитера Ляциара человекоубийством и, что вполне прилично сыну Сатурна, он насыщается кровью человека нечестивого и злодея. Я думаю, что у этого бога научился Катилина заключать кровью договор с своими сообщниками, Беллона требовал для возливания на ее жертвенник крови человеческой; другие научились врачевать падучую болезнь кровью человека, т. е. большим злом. Не менее сих виновны и те, которые употребляют в пищу животных, которые на арене обрызгались человеческою кровью или насытились человеческим мясом. Что же касается нас, нам не позволено и видеть человекоубийства, ни даже слышать о них; а пролить человеческую кровь мы так боимся, что воздерживаемся даже от крови животных, употребляемых нами в пищу.

И эта басня о безнравственных пиршествах наших есть также изобретение демонов, пущенное в ход для того, чтобы славу нашего целомудрия запятнать позором отвратительного бесчестия и чрез то отдалить от нас людей, прежде чем они

могли их исследовать истину. Об этом и твой Фронтон говорит не как свидетель, утверждающий то что видел, но как оратор, бросивший укоризну. Скорее – это появилось у вас язычников. У персов смешение с матерью считается делом дозволенным, у египтян и афинян законом допущено супружество с сестрами. Ваши истории и трагедии, которые вы читаете и слушаете с удовольствием, богаты примерами кровосмешения, и боги, которых вы почитаете, также кровосмесники, соединявшиеся с своими матерями, дочерями и сестрами. И не удивительно, что у вас часто открывается кровосмешение и всегда допускается. Несчастные, вы даже по неведению можете впасть в это преступление, потому что бросаетесь на всякую женщину, повсюду сеете детей своих, и рожденных дома часто бросаете, рассчитывая на чужое сострадание; необходимо вам по незнанию напасть на вашу кровь, на тех, которые от вас родились. Таким образом вы сами кровосмесники сплетаете на нас эту басню, вопреки свидетельству вашей совести. А у нас целомудрие не только в лице, но и в уме; мы охотно пребываем в узах брака, но только с одною женщиною, для того, чтобы иметь детей, и для сего имеем только одну жену или же не имеем ни одной. Собrania наши отличаются не только целомудрием, но и трезвенностью; на них мы не предаемся пресыщению яствами, не услаждаем пира вином; самую веселость мы умеряем строгостью, целомудренною речью и еще более целомудренными движениями тела. Очень многие отличаются всегдашним девством своего неоскверненного тела, и этим не тщеславятся; наконец, мы так далеки от кровосмешения, что некоторые стыдятся даже законного совокупления. Хотя и отвергаем ваши почести и пурпуровые одежды, однако же, не состоим из низшей черни; нельзя считать нас заговорщиками, потому только, что мы все имеем в виду одну добродетель, и в своих собраниях ведем себя также тихо, как каждый порознь; наконец, нельзя выдавать нас за охотников болот в тайных местах, когда вы стыдитесь или боитесь слушать нас публично. Если число наше со дня на день все возрастает, это не обличает нас в заблуждении; но служит в нашу похвалу: прекрасный образ жизни заставляет каждого

быть ему верным навсегда и привлекает посторонних. Наконец мы узнаем друг друга не по знакам телесным, как вы думаете, но по невинности и скромности; мы питаем между собою взаимную любовь, что для вас прискорбно, – потому что ненавидеть не научились, а называем друг друга братьями, что для вас ненавистно, – как дети одного Отца Бога, как сообщники веры, как сонаследники упования. Вы же не знаете друг друга; питаете взаимную ненависть и не признаете себя братьями, разве только когда затеваете отцеубийство.

Думаете ли вы, что мы скрываем предмет нашего богочтения, если не имеем ни храмов, ни жертвенников? Какое изображение Бога я сделаю, когда сам человек правильно рассматриваемый, есть образ Божий? Какой храм Ему построю, когда весь этот мир, созданный Его могуществом, не может вместить Его? И если я человек люблю жить просторно, то как заключу в одном небольшом здании столь великое Существо? Не лучше ли содержать его в нашем уме, святить Его в глубине нашего сердца? Стану ли я приносить Господу жертвы и дары, которые Он произвел для моей же пользы, чтобы подвергать Ему Его собственный дар? Это было бы неблагодарно, напротив угодная Ему жертва доброе сердце, чистый ум и незапамятная совесть. Посему, кто чтит невинность, тот молится Господу; кто уважает правду, тот приносит жертву Богу; кто удерживается от обмана, тот умилоствует Бога; кто избавляет ближнего от опасности, тот закаляет самую лучшую жертву. Таковы наши жертвы, таковы святилища Богу; у нас тот благочестивее, кто справедливее. Но – говоришь ты – Бога, Которого чтим, мы не можем ни видеть, ни показать другим; да, мы потому и веруем в Бога, что не видим Его, но можем Его чувствовать сердцем. Ибо, во всех делах Его, во всех явлениях мира мы усматриваем присущую силу Его, которая проявляется и в раскатах грома, и в блеске молнии и ясной тишине неба. Не удивляйся, что ты не видишь Бога. Все приходит в движение и сотрясение от ветра и его веяний, но ветер и веяние не видны для глаз. Мы не можем видеть даже солнца, которое для всех служит причиною видения: его лучи заставляют глаза закрываться и притупляют взор зрителя, и если ты подольше посмотришь на

него, то совсем потеряешь зрение. Как же ты можешь видеть Самого Творца солнца, источник света, когда ты отворачиваешься от блеска солнца, прячешься от его огненных лучей? Ты хочешь плотскими глазами видеть Бога, когда не можешь собственную твою душу, чрез которую живешь и говоришь, ни видеть, ни осязать!.. Но ты говоришь – Бог не знает действий человеческих и, находится небе, не может не обнимать всех, ни знать каждого порознь. Ошибаешься, человек, и говоришь ложь! Каким образом Бог далек от нас, когда все небесное и земное, и все находящееся за пределами этого видимого мира, все известно Богу, все полно Его присутствия? Он повсюду и не только близок к нам, но и находится внутри нас. Обрати внимание опять на солнце, утвержденное на небе: оно разливает свои лучи по всем странам: всюду оно присутствует, всему дает себя чувствовать и никогда не изменяется его светлость. Не тем ли более Бог творец всего и всевидец, от Которого ничто не может быть тайно, находится во тьме, находится и в помышлениях наших, которые суть как бы тьма. Мы не только все делаем пред очами Бога, но, так сказать, и живем с Ним.

Мы вовсе не думаем хвалиться нашею многочисленностью: нам кажется, что нас много, но для Бога нас слишком немного. Мы различаем племена и народы, но для Бога весь этот мир есть один дом. Цари о всем в своем именно царстве знают чрез своих министров; Бог не имеет нужды в этих посредниках; мы живем не только пред Его очами, но и в Его недре. Ты говоришь, что иудеям нимало не помогло то, что они почитали единого Бога и Ему с величайшим усердием воздвигали храмы и жертвенники. Но великое заблуждение, если ты, забыв или не зная прошедших событий, остановишься только на последующих. Когда иудеи чисто и благоговейно чтили нашего Бога, Который есть Бог всех, когда они повиновались Его спасительным повелениям, тогда из малого народа они сделались бесчисленным, из бедного богатым, из рабов царями; тогда немногочисленные, безоружные, они по повелению Божию и при содействии стихий погубили многочисленное войско, которое преследовало их в бегстве. Прочитай их Писания, или

если тебе более нравятся римские писатели, то обойди древних и обрати внимание на сочинения Иосифа Флавия или Антонина Юлиана об иудеях: ты узнаешь, что такой участи они заслужили своим нечестием и что с ними ничего не случилось, что не было бы им предсказано наперед, если они будут упорствовать в нечестии. Ты узнаешь, что они оставили Бога прежде, чем были Им оставлены; и что не вместе с Богом своим они были побеждены, как ты говоришь неприлично, но Богом были преданы врагам.

Относительно сгорания, если вы не верите или с трудом верите, чтобы внезапно сошел огонь с неба, то вы разделяете народное заблуждение. Кто из философов сомневается, кто не знает, что все рожденное умирает и все получившее начало имеет конец; что и небо со всем, что на нем находится, должно разрушиться, так как получило начало? Стоики всегда утверждали, что весь этот мир, лишившись влаги, истребится посредством огня; точно также и эпикурейцы думают о воспламенении элементов и разрушении мира. Платон говорит, что части мира разрушаются попеременно то от наводнения, то от воспламенения, и, хотя он признавал мир вечным и неразрушимым, однако, прибавляет, что его может разрушить только Бог, Создатель его. И нисколько не удивительно, если эта громада будет разрушена Тем, Кем она устроена. Ты видишь, что философы рассуждали также, как говорим и мы: но не мы подражаем им, а они заимствовали некоторую тень истины из божественных предсказаний пророков. Так, славнейшие из философов, прежде всего Пифагор и особенно Платон, передали вам в неполном и поврежденном виде учение о продолжении жизни после смерти. Ибо, по их мнению, одни души, по разрушении тела, продолжают существовать вечно, и неоднократно переходят в другие новые тела. К большему искажению истины, они утверждают, что души людей по смерти переходят в тела скотов, птиц, зверей, – мнение более приличное шуту забавляющему, нежели мыслящему философу. Впрочем, для моей цели довольно того, что и относительно этого предмета ваши философы некоторым образом согласны с нами. В самом деле, кто же столько глуп и бессмыслен, что

осмелится говорить, что Бог, Который мог первоначально создать человека, не может потом воссоздать его? что человек не существует по смерти как не существовал до рождения? Если он мог произойти из ничего, то может опять восстать из ничтожества. Далее гораздо труднее дать бытие тому, что не существовало, нежели возобновить то, что уже получило его. Думаешь ли ты, что исчезает и для Бога что-нибудь, как скоро скрывается от слабых очей наших? Всякое тело – обращается ли оно в пыль или влагу, в пепел или пар, исчезает для нас, но Бог сохраняет его элементы. Мы вовсе не боимся, как вы думаете, какого-либо вреда от сожигания покойников, но держимся древнего и лучшего обыкновения зарывать умерших в землю. Посмотри также на то, как вся природа, к нашему утешению, внушает мысль о будущем, воскресении. Солнце заходит и вновь появляется; звезды скрываются и опять возвращаются; цветы увядают и расцветают; деревья после зимы снова распускаются; семена не возродятся, если прежде не сгниют; так и тело на время, как деревья за зиму, скрывает жизненную силу под обманчивым видом мертвенности. К чему это нетерпеливое желание, чтобы оно ожило, когда еще зима в полной силе? Нам также нужно дожидаться весны нашего тела. Я знаю, что очень многие, сознавая, что они заслужили, не столько убеждены в том, что уничтожается после смерти, сколько желают этого; потому что им приятнее совершенно уничтожиться, чем воскреснуть для мучений. Их заблуждение возрастает и от их собственной распущенности в жизни и от долготерпения со стороны Бога; но чем более Он медлит своим судом, тем строже суд.

Впрочем, ваши ученые в сочинениях и поэты в стихах своих говорят об огненном потоке и пламенном болоте Стикса, которые предназначены для вечного мучения людей, так как они знают об этом по указаниям демонов и изречениям пророков. Вот почему у них сам царь Юпитер благоговейно клянется пылающими берегами и мрачною пропастью; ибо он предчувствует мучения, которые ожидают его вместе с его читателями, и боится. Этим мучениям нет никакого предела и никакой меры. Там разумный огонь сожигает и возобновляет

члены тела, истощает и питает их; подобно тому, как блеск молнии касается тела, но не убивает, как огни Везувия и Этны и всех земных вулканов горят, никогда не угасая; так и огонь, назначенный для наказания, поддерживается не тем, чтоб истреблял сожигаемых им, но питается неистощимыми мучениями человеческих тел. Никто, кроме разве нечестивца, не сомневается, что незнающие Бога заслуживают такого наказания за свою нечестивую и порочную жизнь, потому что не знать Отца и Владыку всего есть не меньшее преступление, как и оскорблять Его. Хотя незнание Бога влечет за собою наказание, а знание Его служит к получению прощения, однако, если нас христиан сравнить с вами, то хотя некоторые из нас по жизни своей и ниже нашего учения, все-таки мы окажемся гораздо лучше вас. Ибо вы запрещаете прелюбодеяние, но совершаете его, а мы знаем только своих жен: вы наказываете за содеянные преступления, а у нас и помышлять о них грех; вы боитесь сторонних свидетелей, а мы даже одной своей совести, без которой не можем быть. Наконец, тюрьмы переполнены вашими, а христианина там нет ни одного, кроме судимого за свою религию или же вероотступника.

Пусть никто не ищет в судьбе утешения или оправдания себе. Чтобы ни делала судьба, у человека душа свободна и в нем судится его действие, а не внешнее положение. И что иное судьба как не определение Божие о каждом из нас? Бог предвидит будущее и сообразно с свойствами и заслугами каждого из людей определяет и судьбы их. Таким образом, Он наказывает не по такому, или другому рождению, а по свойству нравственных расположений. Но довольно теперь говорить о судьбе; в другое время мы займемся рассуждением об этом с большею полнотою и подробностью. А что мы по большей части слышем бедными – это не позор для нас, а слава, потому что душа как расслабляется от роскоши, так укрепляется от умеренности. Да и как может быть беден тот, кто не имеет недостатка, не жаждет чужого, кто богат в Боге? Скорее беден тот, кто, имея многое, домогается еще большего. Я скажу, как думаю: никто не может быть так беден, как он родился. Птицы живут без всякого наследства от родителей, и каждый день

доставляет им пищу, однако, они сотворены для нас. Мы владеем всем, коль скоро ничего не желаем. Как путешественнику тем удобнее идти, чем меньше он имеет с собою груза, так точно на этом жизненном пути блаженнее человек, который облегчает себя посредством бедности и не задыхается от тяжести богатств. Если бы мы считали их полезными, то просили бы их у Бога, и Он, без сомнения, мог бы нам дать сколько-нибудь, потому что все принадлежит Ему. Мы лучше хотим презирать богатство, нежели владеть им; мы более стремимся к невинности сердца, более желаем терпения, более стараемся быть добрыми, нежели расточительными. А что мы чувствуем недостатки тела, и терпим их, – это не наказание, а принадлежность нашего воинствования. Ибо мужество укрепляется немощами, и несчастье бывает часто школою добродетели. Наконец, силы душевные и телесные расслабляются, если не упражняются в подвиге; и все ваши храбрые мужи, которых вы ставите в образец, претерпели много бедствий, прежде чем достигли славы. Посему не думайте, чтобы Бог не был силен помочь нам или оставил нас, ибо Он управляет всем и любит Своих; но Он подвергает каждого несчастью для испытания; Он смотрит на его нравственное расположение в опасностях и следит до последнего вздоха за волею человека, зная, что у Него ничто не может погибнуть. Таким образом, мы испытываемся несчастьями, как золото огнем.

Какое прекрасное зрелище для Бога, когда христианин борется с скорбью, когда он твердо стоит против угроз, пыток и казней, когда он смеется над страхом смерти и не боится палача; когда он сохраняет свою свободу пред царями и владыками и преклоняется только пред Богом, Которому он принадлежит; когда он, как торжествующий победитель, смеется даже над тем, кто приговорил его к казни! Ибо тот победитель, кто достиг чего домогался. Какой воин в глазах полководца не будет смело идти на встречу опасности? Никто не получает награды, если не будет испытан и признан ее достойным; и, однако, полководец не дает, чего не в силах дать, – он не может продлить его жизнь, а может только воздать честь воинскому

мужеству. Но воин Божий не оставлен среди страдания, не гибнет среди смерти, и христианин может только казаться несчастным, но не быть таким. Вы сами возносите до небес героев несчастья, например, Муция Сцеволу, который, промахнувшись убить царя, непременно погиб бы среди неприятелей, если бы не сжег на огне правой руки. А сколько из наших христиан претерпели без малейшего стога сожжение не руки только, но всего тела, между тем как, если бы захотели, могли бы избавиться от страданий? Я сопоставлю своих мужчин с Муцием, или Аквилием, или Регулом; но у нас не только мужчины, даже отроки и женщины наши, вооружившись терпением в страданиях, презирают ваши кресты, пытки, зверей и все ужасы казней. И вы не понимаете несчастные, что никто не захотел бы без причины подвергать себя казни, никто не мог бы без божественной помощи вынести такие мучения. Но, может быть, вас обольщает то, что, и не зная Бога, многие изобилуют богатствами, пользуются почестями, обладают могуществом? Несчастные!! Они возвышаются для того, чтобы глубже пасть: это жертвы, которые откармливаются для заклания, украшаются цветами для умерщвления. Некоторые из вас достигают вершины власти и могущества для того только, чтобы злоупотреблять данною им властью и удовлетворять своим прихотливым страстям. Да и может ли быть счастье без знания Бога, когда подобно сну, это счастье улетает прежде чем его схватят. Царь ли Ты? сам столько же боишься, сколько тебя боятся, и, хотя тебя окружает большая свита, – ты одинок в опасности. Богат ли ты? опасно полагаться на фортуна; большие запасы для краткого пути жизни составляют не подспорье, но тяжелое бремя. Ты хвалишься тем, что ходишь в пурпуровой одежде и пред тобой носят пуки прутьев с секирою? Но нелепое заблуждение, бессмысленное почитание своего достоинства – блистать багрянцею и быть грязным душою. Ты славишься своею знатностью, хвалишься доблестями своих родителей? Но все мы родимся равными, одна добродетель только отличает нас. Итак, мы, которые ценим себя только по невинности и добрым нравам. справедливо гнушаемся худых удовольствий, удаляемся от ваших торжеств и зрелищ: мы

знаем их суеверное происхождение и осуждаем их гибельные приманки. Кто не ужаснется, видя до какой степени доходит безумство народа на играх курульских? В битвах гладиаторов не преподаются ли уроки человекоубийства? На театрах ваших такое же неистовство, такое же возмутительное безобразие: то актер рассказывает или представляет любоддеяния, то комедиант, представляя, постыдную любовь, возбуждает ее и в ваших сердцах. Тот же комедиант бесславит ваших богов, изображая их прелюбоддеяния, их вздохи, их вражды, или выражая своими минами и жестами печаль, вызывает у вас слезы. Таким образом вы поощряете действительное убийство на арене, а потом проливаете слезы при виде мнимого убийства на театре.

Что касается до того, что мы не едим жертвенного мяса и не вкушаем жертвенного вина, это не есть выражение нашего страха, а доказательство нашей свободы. В самом деле всякое произведение природы как ненарушимый дар Божий, не оскверняется никаким употреблением, но мы воздерживаемся от ваших жертв, чтобы кто не подумал, будто мы уступаем демонам, которым они были принесены, или стыдимся нашей религии. Кто может подумать, что мы пренебрегаем цветами, которыми дарит нас весна, когда мы скрываем розы и лилии и все другие цветы приятного цвета и запаха? Их мы раскидываем перед собою для благоухания, из них сплетаем венки себе на шею. А что мы не кладем этих венков на свои головы, то извините нас: мы имеем обыкновение нюхать запах хороших цветов обонянием, а не верхушкою головы и волосами. Мы не кладем венков и на умерших; я даже удивляюсь вам, зачем вы сожигаете умершего, если он чувствует; если же не чувствует, зачем украшаете венками. Цветы блаженному вовсе не нужны, а несчастному не доставят радости. Мы совершаем погребение с тою простотою, какая видна и в нашей жизни. Мы не кладем на покойника венков, которые скоро увядают, но надеемся получить от Самого Бога венцы из цветов неувядающих. Скромно, с упованием на милосердие Божие мы живем надеждою будущего блаженства, по вере в величие Божие, открываемое в настоящей жизни. Таким образом мы и

воскреснем для блаженства и теперь живем счастливые созерцанием будущего. Пусть Сократ, афинский говорун, громко признается, что он ничего не знает, хотя и хвалятся внушением самого живого демона; пусть Аркезилай, Карнеад, Пиррон и все множество академиков предаются сомнению; пусть Симонид все отсрочивает время для решения данного ему вопроса. Мы презираем гордость философов, которые, как мы знаем, были люди развращенные, прелюбодеи, тиранны, которые так красноречиво говорили против пороков, которыми сами были заражены. Мы представляем мудрость не во внешнем виде, а в душе нашей; мы не говорим возвышенно, но живем так; мы хвалимся тем, что достигли того, чего те философы со всем усилием искали и не могли найти. Зачем нам быть неблагодарными? Чего нам желать более, когда в наше время открылось познание истинного Бога? Будем пользоваться нашим благом, будем держаться правила истины; да прекратится суеверие, да посрамится нечестие, да торжествует истинная религия!

Когда Октавий кончил свою речь, мы с Цецилием несколько времени в молчаливом удивлении смотрели на него. Что касается собственно меня, то я был сильно изумлен искусством, с каким он изложил доказательства, примеры и свидетельства на истины, которые легче чувствовать, нежели высказывать, – отразил врагов теми же стрелами философов, которыми они сами вооружаются, и представил истину не только удобопонятною, но и благоприятною.

В то время как я в молчании передумывал это с самим собою, Цецилий воскликнул: я от всего сердца поздравляю Октавия, а также и себя самого, и не дожидаясь решения нашего судьи. Мы оба победили; и я по справедливости приписываю себе победу; ибо Октавий победил меня, а я одержал победу над заблуждением. Что касается до сущности вопроса, то я исповедую Провидение, покоряюсь Богу и признаю чистоту религиозного общества, которое отныне будет и моим. Остается еще несколько недоумений, не противоречащих истине, но которые нужно разъяснить для полного вразумления моего. Но об них удобнее будет

поговорить на свободе завтра, а теперь солнце уже склоняется на запад.

А я – сказал я в свою очередь – даже более всех вас радуюсь тому, что Октавий одержал победу, потому что он избавил меня от неприятной необходимости произносить приговор. И я не в силах воздать достойной хвалы его речи. Свидетельство человека и при том одного человека недостаточно. Самая лучшая награда ему от Бога, Который вдохновил его слово и даровал ему силу к победе.

После сего радостные и веселые мы отправились в путь; Цецилий радовался тому, что уверовал, Октавий – что разрушил его заблуждения; а я обращению Цецилия и победе Октавия.

Св. Аристид и его сочинения

Предисловие к апологии Св. Аристиды

История открытия апологии

Об Аристиде до конца прошлого века было известно лишь по произведениям Евсевия и Иеронима. В *Хронике* (под годом по Р.Х. 125, с. 199 Helm) Иеронима читаем: «Кодрат, ученик апостолов, и Аристид Афинский, наш [*т. е.* христианский] философ, представили Адриану книги, сочиненные в защиту христианской религии, и легат Серен Граний [Серенний Граниан], муж исключительно благородный, послал императору сочинение (*litteras*) со словами о несправедливости проливать кровь (*sanguinem concedi*) неповинных людей и преследовать по суду не совершивших преступления за одно только имя и учение (*sectae*). Адриан, побужденный ими [апологиями и письмом], написал Минуцию Фундану, проконсулу Азии, не осуждать христиан без предмета обвинения. Экземпляр этого послания (*epistulae*) уцелел до наших дней (*usque ad nostram memoriam durat*)»⁴¹⁶. В ЦИ (IV, 3, 3) Евсевий говорит подробнее о Кодрате (приводя несколько строк из сочинения последнего) и упоминает об Аристиде: «И Аристид, подвижник нашего благочестия (*της καθ ημας οριωμενος ευσεβεις*), подобно Кодрату, оставил апологию [христианской] веры, поднеся [ее] Адриану. Это сочинение и доныне сохраняется у многих». Иероним пишет об Аристиде также в книге *О знаменитых мужах* 20: «Аристид, весьма красноречивый афинский философ и под прежней одеждой (*habitu*) ученик Христов, подал императору Адриану, в одно время с Кодратом, книгу (*volumen*), содержащую в себе основание (*rationem*) нашей веры (*dogmatis*), т. е. апологию, в защиту христиан, которая, существуя и до сего дня, свидетельствует, по мнению ученых (*apud philologos*), о его даровитости (*ingenii*)»⁴¹⁷, – и в *Письме к Магну*: «Аристид философ, муж красноречивейший, тому же императору [Адриану] поднес апологию за христиан в связи с философскими мнениями (*contextum philosophorum sententus*), каковой впоследствии подражал Иустин, будучи и сам философом...»⁴¹⁸. В римских мартирологах (IX в.), где Аристид

причислен к лику святых (память 31 августа), никаких новых достоверных сведений не сообщается⁴¹⁹.

Казалось, что ни у одного из древних авторов не сохранилось ни строчки из этой самой ранней (наряду с сочинением Кодрата) апологии, канувшей в Лету.

Но вот в 1878 г. венецианские мекхитаристы опубликовали начало утерянного произведения, уцелевшее в армянском переводе, а в 1889 г. английский ученый Рендель Гаррис, во время посещения монастыря св. Екатерины на Синае, в сирийском манускрипте VII в. монастырской библиотеки между творениями св. Нила Синайского и Плутарха открыл перевод полного текста апологии. Готовясь выступить в печати, он дал прочитать корректуру своему коллеге А. Робинзону, специалисту в области агиографии. Тот в своих поисках случайно наткнулся на латинский перевод повести о Варлааме и Иоасафе и вдруг с изумлением обнаружил чрезвычайное сходство с только что прочитанным сочинением Аристиды. Оказалось, что составитель повести, которым считали св. Иоанна Дамаскина, вложил в уста сановника Нахора, одного из персонажей жития, немного сократив, искомую апологию (*ВуИ* XXVII). Таким образом, считавшееся утерянным произведение было в числе наиболее распространенных и читаемых в средние века благодаря необычайной популярности «Сказания о Варлааме и Иоасафе».

Соотношение разных редакций между собой

Текст, обнаруженный в трех редакциях, ставил перед учеными серьезные проблемы. Насколько можно доверять сирийскому (S), армянскому (A) и греческому (G) вариантам? Высказывались разные мнения, но, не имея под собой твердой почвы, оставались гипотезами, пока в 1920-х гг. не были открыты два греческих папируса, сохранившие относительно большие фрагменты апологии. Сравнение их с вышеупомянутыми текстами позволило прийти к следующим выводам.

S сохраняет в целом композицию апологии, очень редко прибегая к дополнениям, вызванным часто стремлением пояснить оригинал, и в двух местах сильно сокращает его. A, независимая от S, является более вольным переложением, не

чуждым разнородным вставкам и многословности. G значительно сокращает исходный текст, изменяя иногда порядок частей и приноравливая изредка его к контексту повести (хотя прослеживается явная тенденция сохранять в целости лексику оригинала), и в общем избегает дополнений.

Сказанное не снимает, конечно, всех текстологических трудностей, но позволяет уловить некий общий принцип: S лучше передает последовательность и смысл, G – лексику отдельных фраз и слов. Остальное предоставляем проницательности читателей (подробнее см. в работах *Alpignano*).

Дата написания апологии

По Евсевию, Иерониму и А, апология обращена к Адриану и могла, следовательно, быть поданной ему во время его проезда через Афины в сентябре 124(5) или 128(9) г., но надписание S упоминает также Антонина Пия. Расхождение Евсевия и А с одной стороны, и S – с другой, породило долгие дискуссии и не позволяет в итоге точно датировать сочинение. По одной гипотезе, апология была написана для Адриана, но автор не успел (или не смог) вручить ее адресату, и по смерти последнего отдал ее его преемнику (либо подал ее вторично). В любом случае крайними датами (учитывая знакомство с ней Иустина, если верить Иерониму) следует полагать, скорее всего, интервал между 124 и 140 г.⁴²⁰; по CPG – произведение составлено ок. 143 г.; по Grant'у, 38–9, сирийский текст указывает скорее на царствование Антонина Пия (обвинения христиан в инцестах – см. 17, 2), но в то же время относительно благоприятная картина иудаизма (14, 2) заставляет относить написание апологии значительно ранее 132 г.⁴²¹

Особенности содержания и стиля апологии

Аристид, составляя апологию, придерживался определенного плана, исходя из оригинального и не встречающегося более ни у одного писателя деления человечества на четыре рода – варваров, греков, иудеев и христиан, положив в основу религиозные и национальные признаки сразу, не различая их⁴²². Расположение союзов «и» в S заставляет предполагать наличие двух основных групп:

политеистов (варвары и греки) и монотеистов (иудеи и христиане); среди первых выделяются поклонники низших форм жизни (стихий), т.е. варвары-идолопоклонники, и высших (человека), т.е. греки-антропоморфиты, причем переходной ступенью между ними (или просто смешанной) служат зооморфиты-египтяне, специально в классификации не выделенные, как относящиеся к варварам. Каждая из четырех групп имеет свою «генеалогию». Повествование ведется постепенно и планомерно, по мере приближения к истине, поэтому собственно о христианах подробнее говорится в конце апологии. Стиль и язык сочинения простой, даже утомительно однообразный, не чуждый, как замечает Alrigiano, дидактики и рассчитанный на легкое запоминание и усвоение, без всяких риторических украшений. Терминология не выдает пристрастия автора ни к одной философской школе: лексика стоического, аристотелевского, средне-платонического и даже гностического направлений выделяется с равной легкостью на общем фоне христианского словаря.

Богословское содержание апологии

Для канона Священного Писания апология не дает почти ничего, зато определенный интерес она представляет для истории символических текстов. В гл. 2, 6–8, повествуя о роде христиан, автор использует *regula fidei*, имевшее хождение уже в то время.

Попытка О'Ceallaigh'a, исходя из Г «с неба сошедший... от Святой Девы рожденный... плоть приял» в сочетании с «домостроительством» и упоминанием о Св. Духе, реконструировать символ наподобие Константинопольского 360 г., делая при этом вывод о христианской интерполяции якобы древней иудейской апологии (в соответствии со своей теорией), – явно натянута в угоду «оригинальности» концепции. Алпиджьяно правильно возражает, что аналогичные выражения не обязательно были взяты из «символа», поскольку были общими для литературы той эпохи, ср. Ин.3:13; 6:33; 8:41 и т.д.; Еф.4: 9–10; Игн. Ант.: Смирн. 1, 1 и Еф. 7, 12; Лк.1:35 и Иппол. Апост. пред. 21 (слова о Св. Духе в греч. и арм. текстах амбивалентны, хотя скорее всего относятся не к

«исповеданию», а к «нисхождению»); наконец, в тексте II в. *Epistola apostolorum* 3 (дошло в эфиопском переводе), все эти выражения встречаются вместе. Слово «икономия» имеется у Игн. Ант. Еф. 18, 2 и 20, 1 (несколько раз в НЗ).

Гораздо правдоподобнее реконструкция Гарриса (и ее ретроверсия на греческий Гарнака), базирующаяся на формулах, близких по времени к Аристиду: «Веруем во Единого Бога Вседержителя / Творца неба и земли [Alpigiано предпочитает чтение G “Создателя и Творца всяческих”] / и в Иисуса Христа, Его Сына /... / рожденного от Марии [Alp. замечает, что у Аристида имя Богоматери не названо, а аргументация Гарриса неубедительна] Девы /... / Он был распят (или другое похожее слово) иудеями / умер и был погребен / в третий день воскрес, возшел на небеса /... / паки грядет судить»⁴²³.

В апологии упоминается об ангелах; прощении всех грехов при обращении в христианство (видимо, подразумевается таинство крещения); святости и непорочности младенцев, умерших вскоре после рождения; о горькой участи христиан, скончавшихся без покаяния во грехах; о молитве христиан, просящих единое на потребу, за язычников об отвращении последних от их заблуждений; о будущем суде и воздаянии⁴²⁴.

С этической стороны обращает на себя внимание упоминание о посте с целью экономии средств для раздачи их нуждающимся.

Источники текста и переводы

Греческий

а) Повесть о Варлааме и Иоасафе

До издания Гарриса Цотенбергом было пересмотрено более 60 рукописей повести о Варлааме и Иоасафе (*ВuИ*); английские и немецкие издатели апологии привлекли еще ряд манускриптов, Алпиджьяно добавила новые, но в целом, по *Dölger*'у 1953, насчитывается как минимум 140 рукописей. После смерти Kotter'а, ученого монаха-издателя творений св. Иоанна Дамаскина, не успевшего довершить свой труд, надежда на то, что найдется смельчак, который отважится подготовить критическое издание повести с полным учетом рукописной

традиции, увы, небольшая. Однако для самой апологии это, может быть, и не столь важно, ибо расхождения, как правило, незначительны и *G* является все же обработкой, а не оригиналом.

Считаем нужным сказать тут несколько слов о происхождении повести и ее славянских редакциях.

Повесть о Варлааме и Иоасафе – одно из самых распространенных произведений мировой литературы. По мнению одних ученых, оно создано в Индии на основе легендарного жизнеописания Будды, других – в Центральной Азии. Против буддийского происхождения повести возражали А.И. Кирпичников и (в наше время) Б. И. Кузнецов (подробнее у Лебедевой, 27). К VIII в. повесть была переведена с пехлевийского на арабский язык⁴²⁵, а с него на грузинский⁴²⁶. С грузинского в конце X – начале XI в. в Иверском монастыре на Афоне Евфимий Святогорец⁴²⁷ перевел ее на греческий, обработав и дополнив, в том числе, и нашей апологией. В таком виде в многочисленных переложениях с греческого «житие» стало настолько популярным и любимым, что его герои Варлаам и Иоасаф вошли даже в церковные святцы⁴²⁸.

Известны три древнеславянских извода: древнерусский перевод сделан в Киевской Руси не позже середины XII в., полная редакция которого сохранилась только в пяти списках XVI в. (критическое издание И. Н. Лебедевой, 1985); сербский перевод афонского происхождения выполнен в XIII – начале XIV в. (концом XIV в. датируется русский список этого извода: ГПБ, Соф. собр. № 1365; ср. три издания XVII в. по этому изводу); среднеболгарский извод в первой половине XIV в. составил старец Иоанн в лавре св. Афанасия на Афоне, исправив сербский перевод по греческому оригиналу (издан по рукописи 1629 г. факсимильно в серии ОЛДП в 1887 г.). Все они не имеют для установления греческого текста почти никакого значения, учитывая, что до нас дошли сами греческие рукописи XI века.

Наш перевод выполнен по изданию Alrigiano, по нему же в основном составлены и комментарии (с многочисленными уточнениями и дополнениями), с использованием в отдельных местах пояснений Geffcken'a и Крестникова.

б) Папирусы

Найденные в 1920-х гг. подлинные греческие фрагменты (IV в.) оригинального текста апологии Аристиды переведены по изданию *Alpighiano* (с привлечением статьи 1986 г.).

Сирийский

Сирийский текст был издан *Harris'ом* и более не переиздавался. Мы перепечатаем русский перевод *И. Крестникова*, выполненный непосредственно с сирийского, почти без изменений и стилистической правки. В нескольких случаях буквальный вариант из примечания мы переместили в сам текст. Русский перевод был сверен нами с английским (*Harris'a*), немецким (по изданию *Geffcken'a*) и итальянским (*Alpighiano*) переводами. Крестников ориентировался более на немецкий перевод, Алпиджяно – на английский; в итальянском тексте встречаются досадные пропуски по недосмотру. В тех случаях, когда все три иностранных издания единодушны против Крестникова, мы вносили соответствующие изменения в русский текст, указывая авторский вариант в примечании; при остальных расхождениях, более спорных, мы оставляли русский перевод без изменений, но обязательно оговаривая эти расхождения. Примечания, начинающиеся со слова «букв.», принадлежат Крестникову, прочие – нам. Разбивка на главы и параграфы по Алпиджяно, с указанием в квадратных скобках иного деления, принятого в прежних изданиях.

Армянский

Перевод с армянского выполнен В. А. Арутюновой-Фиданян по изданию мекхитаристов (венец. кодекс 981 г.) 1878 г. и сверен нами со следующими бывшими доступными нам переводами:

а) русскими – *Эмина* (P1) с армянского и *Крестникова* (P2) с немецкого перевода *Himpele'я* (последний был рецензирован по просьбе Геннеке архидиаконом Карапетом из Эчмядзина, см. у *Крестникова*, 39);

б) латинскими (Л) – мекхитаристов (Л1) и в изд. Питры (Л2);

в) итальянским (И) о. Григория Петровича (Армянский Папский колледж в Риме) в изд. *Alpighiano*, 185–8.

Вторая армянская рукопись (XI в., Эчмядзин) была опубликована только в английском переводе (А) Конибира у

Harris'a, 30–3. Она учтена нами по коллажи Крестникова и Алпиджяно. Очевидно, что за исключением одного-двух случаев, расхождения вызваны не разночтением, а иной интерпретацией.

В результате сверки обнаружилось, что латинскому переводу мехитаристов, не всегда точному, следуют в основном Эмин и Петрович; перевод Мартэна – Питры гораздо менее надежен, чем мехитаристов, но иногда вернее передает оригинал. Наиболее близким к подлиннику является немецкий перевод Гимпеля; русское переложение его верно передает смысл, не всегда сохраняя обороты речи оригинала. Таким образом, русскому читателю предлагается максимально точный (в пределах литературных норм) и надежный перевод.

Литература

I. Издания и переводы

CPG I, 1062/1–3/

A. Армянский текст

Издания

*⁴²⁹*Sancti Aristidis philosophi Atheniensis Sermones duos... Venetiis*, 1878. Текст на с. 4–13 с параллельным лат. переводом, переизданным у Кулаковского (см. ниже), 14–7, *Harris'a* и *Vona'*. Арм. текст воспроизведен в кн.;

**Pitra I. B. Analecta Sacra. T. IV. P.*, 1883, 6–8; новый лат. перевод Мартэна на с. 282–4.

Переводы

нем.: см. у *Крестникова*, 8;

франц.: см. там же, 9;

англ. (по второй, неизданной арм. рукописи): в изд. **Harris'a*, 30–3;

итал.: в изд. **Alpigiano*, 185–8;

русс.: 1) с нем. *Himpel'я* у **С. Остроумова*, Разбор сведений Евсевия Кесарийского... М., 1886, 22–6; и по Гимпелю же у **Крестникова*, 2–28 Приложения; 2) с арм.: *Эмин Н.[О.] Отрывок из «Апологии» Аристида, христианского апологета. – *ПО, 1879, т. 3, окт., 347–52 (введение по Doulcet, перев. на с. 350–2 с примеч.) и отд. оттиск, переиздан без изменений в кн.: [Он же.] *Переводы и статьи Н. О. Эмина по духовной

армянской литературе (за 1859–1882 гг.): апокрифы, жития, слова и др. М., 1897 (Этнографич. фонд имени Н. О. Эмина при Лазаревском Ин-те Вост. языков, вып. III), 249–55.

В. Сирийский текст

*The Apology of Aristides on Behalf of the Christians from a Syriac Manuscript... ed. *J.R. Harris*, with an Appendix... by *J.A. Robinson*. – Texts and Studies, I. Cambridge, 1891. Издание сопровождается англ. перев. с сир. и арм., и греч. текстом. О нем. переводах с сир. см. у *Крестникова*, 12. Прочие переводы указаны ниже, в разделе D.

С. Греческий текст

1) Повесть о Варлааме и Иоасафе

Издания

Editio princeps: *Boissonade J. F.* Anecdota Graeca IV. P., 1832, p. 1 sq.= *PG 96, 860–1246. Воспроизведен также в кн.:

S. John Damascene, Barlaam and Joasaph, edd. *G. R. Woodward, H. Mattingly* (Loeb Classical Library). L., 1907, ²1914, переизд. в ⁶1967 г. с предисл. *D. M. Lang*, репринт *1983.

текст *BuI* XXVII см. в специальных изданиях апологии (ниже).

Переводы

англ.: в Loeb'овской серии;

итал.: *Ronchey S., Cesaretti P.* Vita bizantina di Barlaam e Joasaph. Milano, 1980;

русск.: 1) *Сказание о жизни преп. и богон. отцев наших Варлаама и Иоасафа, составленное св. Иоанном Дамаскиным. Перев. с греч. по древним пергаментным рукописям, хранящимся на святой Афонской горе. Изд. 2-ое Афонского русского Пантелеймонова монастыря. Серг. Посад, 1910. Несмотря на подзаголовок, перевод часто вольный и неточный, с пропусками; в апологии многие места прямо изменены по сир. и арм. текстам (по переводу Крестникова) без всяких оговорок. Это издание является переработкой книги: Сказание о жизни святых отцев наших Варлаама и Иоасафа, приписываемое св. Иоанну Дамаскину. Перевел и издал иеромонах Антоний. Одесса, 1888 (апология на с. 154–68), – переизданной Пантелеймоновым монастырем в 1894 г. Книги, выпущенные в

Киеве в 1842 г. и в Москве в 1864 г. (указаны в справочнике Kern'a, 38), нам не удалось увидеть (в РГБ имеется популярное изложение жития: М., 1863, шифр А¹²⁶/₂₉₀). У Лебедевой, 48 со ссылкой на разные источники упоминается об общедоступных и сокращенных, по-видимому, изданиях Повести в Москве в XIX веке в переводе с древнерусского, а также о какой-то переработке около 1890 г. Некое издание 1911 г. характеризуется М. Н. Сперанским как «старообрядческое» (Лебедева, 48 и 102); 2) Т. В. Половой с греч. в кн.: *Памятники византийской литературы IV–IX веков. М., 1968, 305–8 (Попова даже не подозревала, что переводит «Апологию» Аристида [до гл. 12], как это следует из умолчания в предисловии и из датировки *ВиИ*, а также из примечаний на с. 350 – критика у Лебедевой, 28); 3) И. Н. Лебедевой с древнерусского перевода в кн.: *Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, 215–25 (параллельно с древнерусским текстом).

слав.: древнерусский извод: *Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. /Подг. текста, иссл. и комм. И. Н. Лебедевой. Л., 1985; повесть вошла также в Великие Чети и Минеи свт. Макария: *Великие Минеи Чети. {С. 285} Вып. 9, ч. 1. Ноябрь, дни 16–22. Тетрадь III. М., 1914, стлб. 2704–891. Апология на стлб. **вѡл – вѡлз.**

В предисловии редакция Четий Миней характеризуется как сокращенная версия старшего извода, совпадающего с РГ, с некоторыми вставками, однако аскетического характера. Подробнее см. у Лебедевой, 89–102.

Есть также некритическое отдельное издание жития, осуществленное Московской старообрядческой книгопечатней по Великим Четиям Минеям: Макарий, митр. Житие преп. о.н. Варлаама пустынника и Иоасафа царевича Великия Индии. М., 1893, 130 с. (текст на церковнославянском, апология на л. **мѣ** об. – **мѣз**).

сербский извод: издан в Кутейне в 1637 г. на белорусском языке, в 1680 г. в Москве Симеоном Полоцким, в 1689 г. в Киеве в составе Миней св. Димитрия Ростовского;

среднеболгарский извод: *Житие и жизнь преп. отец наших Варлаама пустынника и Иоасафа царевича Индийского. Творение преп. о.н. Иоанна Дамаскина (Об-во любителей древней письменности, № 88). Спб., 1887 (факсим. по лиц. рук. собр. П. П. Вяземского).

2. Папирусы

а) P. Оху. 1778

*The Oxyrynchus Papyri. Part XV. Ed. by Grenfell B. P., Hunt A.S. L., 1922. № 1778, p. 1–6.

б) P. Lit. Lond. 223

Milne H. J. M. A New fragment of the Apology of Aristides. – JThS 25, 1923/4, 73–7.

Оба папируса сверены по фотографиям и переизданы в статье:

*Alpignano (Carlotta). L'Apologia di Aristide e la tradizione papiracea. – Civiltà classica e cristiana 7, 1986, 333–57.

D. Издания и переводы, учитывающие все редакции текста

*Покровский А. Философ Аристид и его недавно открытая апология (Историко-критический очерк). Серг. Посад, 1898 (отд. оттиск из БВ 1898, № 4 и 6). Перев. с нем. по Raabe, ненадежный, часто комбинированный с другими вариантами.

*Крестников И. Христианский апологет II-го века, афинский философ Аристид и его новооткрытые сочинения. Опыт историко-критического исследования [дисс.]. Казань, 1904. В Приложении перев. с нем. арм. версии, пер. с сир. и греч. текст. Некоторые тезисы Крестникова в связи с открытием папирусов и установлением происхождения повести устарели.

Picard R. L'Apologie d'Aristide. P., 1892.

Raabe R. Die Apologie des Aristides aus dem Syrischen übersetzt. – TU 9.1. Leipz., 1892.

Seeberg R. Die Apologie des Aristides. – In: Zahn Th. Forschungen zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons, 5. Erlangen, 1893, 159–414.

Hennecke E. Die Apologie des Aristides. Rezension und Rekonstruktion des Textes. – TU 4.3. Leipz., 1893.

*Geffcken J. Zwei griechische Apologeten. Leipz., 1907. Текст реконструированный, но обширнейшие комментарии.

Vona C. L'Apologia di Aristide. – Lateranum, n.s. 16, 1950.

**Alpigiano C.* Aristide di Atene. Apologia (Bibl. Patristica, 10). Firenze: Nardini, 1988.

II. Специальные исследования

Литературу конца XIX в. см. у *Крестникова*, 13, более позднюю у *Quasten'a*, 194–5.

**Кулаковский Ю.* Вновь открытая апология христианства II века. – [Киевские] Университетские известия, 1892, № 4, с. 81–98 (пагин. 4-я) и отд. оттиск, 17 с. Рецензия на изд. Гарриса, приложен лат. перевод мекхитаристов.

**Гинцбург Д.* [Рец. на изд. Гарриса с филологич. замечаниями, исправл. и дополн.] – Записки Восточного отделения Русского Археологического общества, т. VIII (1894), вып. III–IV, с. 379–84.

**Лебедева И. Н.* Повесть о Варлааме и Иоасафе. – В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. XI – первая половина XIV в. Л., 1987, с. 349–52 (там же литература).

Alfonsi L. La teologia della storia nell'Apologia di Aristide. – Augustinianum 16, 1976, 37–40.

Carena M. La critica della mitologia pagana negli apologeti del II secolo. – Didaskaleion, n.s. 1, 1923, 23–55.

Carrara P. I pagani di fronte al cristianesimo. Testimonianze dei secc. I e II. Firenze, 1984 (Bibl. Patristica, 2).

D'Ales A. L'Apologie d'Aristide et le roman de Barlaam et Josaphat. – Revue des questions historiques 100, 1924, 354–9.

Dölger F. Der griechische Barlaam-Roman, ein Werk des Heil. Johannes von Damaskos. Ettal, 1953 (Studia Patr. et Byzantina). Вопреки очевидности защищает авторство св. Иоанна Дамаскина.

Fermi M. L'apologia di Aristide e la lettera a Diogneto. – Ricerche religiose 1, 1925, 541–5.

Friedrich Ph. Studien zum Lehrbegriff des frühchristlichen Apologeten Marcianus Aristides aus Athen. – Zeitschrift für katholische Theologie 43, 1919, 31–77.

Haase F. Der Adressat der Aristides Apologie. – Theologische Quartalschrift, 1917–18, 422–9.

Harris (Helen B.). The newly recovered Apology of Aristides, its doctrine and ethics. With extracts from the translation by prof. J. Rendel Harris. L., 1893. 114 p.

Harris J. R. Celsus and Aristides. – Bulletin of the John Rylands Library 6, 1921–22, 163–75 и отдельно (Aberdeen, 1921).

Hengel M. Ebrei, greci e barbari. Aspetti dell'ellenizzazione del giudaismo in epoca precristiana. Brescia, 1981.

Hunger W. Die Apologie des Aristides, eine Konversionsschrift. – Scholastik 20/24. Freib., 1949, 390–400.

Lazzati G. Ellenismo e cristianesimo. Il primo capitolo dell'Apologia di Aristide. – La Scuola Cattolica 66, 1938, 35–51.

Modona Neppi A. L'apologia di Aristide ed il nuovo frammento di Ossirinco. – Bilychnis 19, 1922, 317–27.

O'Ceallaigh G. C. «Marcianus» Aristides, on the worship of God. – Harvard Theological Review 51, 1958, 227–54.

Österle H. J. Textkritische Bemerkungen zur Apologie des Aristides von Athen. – Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft 130, 1980, 15–23.

Ogara F. Aristidis et epistolae ad Diognetum cum Theophilo Antiocheno cognatio. – Gregorianum 25, 1944, 74–102.

Wolff R. L. The Apology of Aristides. A Re-examination. – Harvard Theological Review 30, 1937, 233–47.

Аналитическая структура апологии

Вступление

Устроение мира свидетельствует о Едином Боге (1, 1–3).

Свойства Бога (1, 4–6).

Деление людей по их понятиям о боге (2, 1)

Четыре рода людей (2, 2). Родословия:

варваров (2, 3),

греков (2, 4),

иудеев (2, 5),

христиан (2, 6). Краткое изложение учения христиан (2, 7–

8).

Заключение о четырех родах людей (2, 9).

[Вставка с полем (?) (2, 10)]

Подробное рассмотрение каждой из групп

Варвары (гл. 3–7)

Определение предмета поклонения варваров: идолы и стихии (3, 2–4).

Доказательства абсурдности поклонения стихиям (4, 1):

небу (4, 2) (G) [четыре стихии] [макрокосм: стихии и звезды]

земле (4, 3)

воде (5, 1–2)

огню (5, 3)

ветру [воздуху] (5, 4–5)

солнцу (6, 1–2)

луне (6–3) (G)

и человеку как микрокосму, состоящему из четырех стихий, души и духа (7, 1) и потому подверженному душевным (7, 2) и физическим (7, 3) изменениям.

Заключение про варваров (7, 4).

Греки. Часть первая (гл. 8–11): [опровержение рассказов поэтов о «богах»].

Определение предмета почитания греков: боги по образу людей (8, 2).

Доказательства абсурдности такого «богопочтения»:

В общем: аморальность и прочие пороки их «богов» (8, [2–5]). Последствия для людей (8, [6]).

По отдельности (гл. 9–11, 6).

Заключение (11, 7).

[Отступление ad hoc]: **Египтяне** (гл. 12)

Определение предмета поклонения их: к перечисленным выше (гл. 3–11) добавляются животные и растения (12, 1).

Конкретное рассмотрение их «богов»:

[Они такие же, как у греков] (12, 2–5),

плюс животные и растения (12, 6–7).

Их несостоятельность (12, 8).

Вывод о религии египтян (12, 9–10).

Возвращение к грекам. Часть вторая (гл. 13): [опровержение философское].

Аргументация: «боги» – всего лишь идолы (13, 1). Если же последние – только символические изображения Единого Бога

(13, 2; ср. 1, 1–3), то и тогда борьба их «богов» друг с другом прямо противоположна Единой Божественной природе; к тому же Божество не требует языческих жертв (13, 3–6). «Боги» эллинов осуждаются самими же греческими законами (13, 7).

Общий вывод про греков: ни при буквальном, ни при поэтическом, ни при аллегорическом толковании их «боги» не могут быть предметом подлинного культа.

Иудеи (гл. 14)

Христиане (гл. 15–16)

Заключение (гл. 17)

Условные обозначения

{ } Текст, опускаемый издателями.

Конъектуральное чтение (с многоточием – предполагаемая лакуна).

() Равноправный (или букв.) вариант перевода.

[] Пояснения переводчика (с многоточием – сокращение) или альтернативный (очень редко) перевод.

† † Испорченное или непонятное место.

Звездочки * отсылают к Комментариям.

Буквенные сокращения раскрыты выше; обозначение рукописей *BuI* см. у *Alpignano*.

Комментаторы и издатели: *Alp(igiano)*, *Крест(ников)*.

Букв. – примечание *Крестникова*.

Переводы: англ. = *Harris*; итал. = *Alpignano*; нем. = у *Geffcken'a*.

Шрифтовые выделения

Выделение Фрагмент, имеющийся лишь в одном из текстов.

Выделение Слова или фразы, отличающиеся в разных текстах (или измененные по сравнению с папирусами либо реконструируемым вариантом).

Выделение Как правило, согласное чтение двух текстов против одного, реже – совпадение двух текстов.

Апология Св. Аристида

Перевод с древнесирийского

Далее⁴³⁰. Апология, которую держал⁴³¹ Аристид философ пред⁴³² царем Адрианом в защиту⁴³³ почитания Бога⁴³⁴.

Автократоре⁴³⁵ Цезарь Тит Адриан Антонин⁴³⁶, августейшие и милостивые⁴³⁷, от Маркиана Аристида, философа из Афин*.

I.

(1) Я, царь, по милости* Божией вступил в этот мир, и когда я созерцал небо и землю, и моря, и увидел солнце и прочее устройство⁴³⁸, то я удивился красоте** мира. (2) И я понял, что [этот] мир и все, что в нем, силою другого* приводится в движение, и уразумел, что Тот, Кто движет все это⁴³⁹, есть Бог, *Который во всем присутствует и от всего скрыт*⁴⁴⁰. А известно, что то, что движет, сильнее движимого**. Доискиваться же о Нем, этом Двигателе всего, каков Он – так как мне кажется, что Он в Своем существе непостижим – и рассуждать о крепости Его правления, как будто я постиг его [правление] в совершенстве, для меня бесполезно, потому что человек не в состоянии вполне постигнуть его [правление]****. (3) Я говорю *только* об этом Двигателе мира, что Он – Бог над всем, Который все

Перевод с древнегреческого [ВиИ XXVII]

I.

(1) Я, царь, по промыслу Божьему пришел в [этот] мир и, узрев небо, землю, море, солнце, луну и прочее, удивился их благоустроенности (την διακοσμησιν toutων)**. (2) Увидев же мир и все, что в нем, движимое поневоле (κατα αναγκην), понял, что движущим и **удерживающим** [началом] является Бог, ибо все движущее сильнее движимого и **удерживающее** – **удерживаемого*****. (3) Итак, я говорю, что Он является Богом, составившим все и

Перевод с древнеармянского

Самодержцу кесарю Адриану Аристид, философ афинский

I.

(1) Я, о царь, созданный промыслом Божьим, вступил в этот⁴⁴¹ мир и, увидев небеса и землю и море, солнце и луну и звезды и все сотворенное, *изумленный*, удивился устройству этой вечности⁴⁴². (2) и, осознав, понял, что этот мир и все, что в нем [есть], *управляется и движется необходимостью* и силой. А создатель и правитель всего [сущего] – Бог; ибо тот, кто управляет, сильнее того, что управляется и приводится в

движение. Мне представляется, однако, что изучить Того, Кто является *попечителем* [всего] и всем управляет, – недостижимо и очень трудно; [пытаться] достоверно исследовать Того, Кто необъясним и неизречен, – бесполезно. Ибо природа Его *бесконечна, неисповедима* и непостижима⁴⁴³ для всех тварей. (3) Но одно следует знать, что Тот, Кто промыслом Своим управляет

Перевод с древнесирийского

создал ради человека*. И мне кажется, что надлежит каждому бояться Бога и не притеснять людей.

(4)* Скажу еще⁴⁴⁴, что Бог не рожден, не сотворен, неизменяемое Существо⁴⁴⁵, без начала и конца, бессмертен, совершен и непостижим^{***}. «Совершен» же, как я сказал, значит то, что в Нем нет недостатка и Он ни в чем не нуждается, но всё нуждается в Нем⁴⁴⁶. А что Он, как я сказал, без начала, значит то, что все, имеющее начало, имеет и конец, а что имеет конец, то разрушимо.

(5) У Него нет имени*, ибо все, что имеет имя, принадлежит к твари⁴⁴⁷.

У Него нет ни образа^{***}, ни также состава членов^{****}, ибо тот, кто этим владеет, принадлежит к тварному⁴⁴⁸.

Он ни мужского, ни женского пола^{*****}.

Небо^{*****} не ограничивает* Его, но небо и все видимое и невидимое Им ограничивается*.

[6] У Него нет противника, ибо никого нет могущественнее Его.

В Нем нет ни гнева, ни ярости**, и, однако нет ничего, что могло бы противостоять Ему.

Заблуждение и забвение не [нет] в Его природе, ибо Он – совершенная мудрость и ведение⁴⁴⁹ и чрез Него все существует⁴⁵⁰, что есть⁴⁵¹.

Он не требует ни жертвы, ни возлияния и ничего из видимого⁴⁵². Ни от кого ничего Он не требует, но все живущие нуждаются в Нем^{453***}.

Перевод с древнеармянского

всеми тварями, Тот есть *Господь* и Бог и *Творец* всего, Который по *благодати Своей* создал все видимое и даровал

нашему роду человеческому.

И надлежит поэтому только Его почитать и славить как Единого Бога и любить друг друга, как и себя самого.

(4) Но одно только следует знать о Боге, что он никем не создан и не создал Себя Сам и что он никем не объемлется, но

Перевод с древнегреческого
удерживающим,

(4) безначальным и вечным, бессмертным и [ни в чем] не нуждающимся, (5) превысшим всех страстей и умалений: гнева, забвения, неведения и прочего, Им же и составлено все. [6] Он не нуждается ни в жертве, ни в **возлиянии** или чём-либо из всего **видимого**, но все нуждаются в Нем.

Перевод с древнеармянского

Сам объемлет все. Образ, возникший из Себя Самого^{454**} и бессмертная мудрость, Он – безначален и бесконечен, вечен и бессмертен. Он совершенен и самодостаточен⁴⁵⁵. И ни в чем не нуждается. Сам Он не нуждается ни в ком, но всем нуждающимся *подает* и [всякую нужду] восполняет.

Сам Он безначален, ибо всякий, кто имеет начало, имеет и конец. (5) Сам Он не имеет имени, ибо каждый, кто имеет имя, создан и сотворен другим.

Ему не присущи ни *цвета***, ни формы, поскольку тот, в ком это обретается, подлжит мере и ограничению.

В этой [Его] природе нет ни мужского, ни женского [начала], поскольку тот, в ком есть это, оказывается под влиянием **страсти**.

Он не помещается под небесами, ибо Он выше небес. И небеса не так велики, как Он, ибо небеса и все созданное Им объемлется.

[6] Ему никто не соперник и не противник. Если бы кто-то оказался [Его]⁴⁵⁶ соперником, то, по-видимому, [тот] был бы равен Ему.

Он неподвижен, неизмерим и неизречен⁴⁵⁷, ибо нет места, откуда и куда Он мог бы двигаться. И, неизмеримый, Он ни с какой стороны не ограничен и не замкнут, ибо Сам Он [Тот],

Который заполняет все. И Он выше всего видимого и невидимого.*

У Него нет ни гнева, ни злобы, ибо нет в Нем ослепления, но Он совершенно и вполне разумен, и поэтому Он различными чудесами и всеми благами утвердил⁴⁵⁸ **созданное** [Им].

У Него нет ни в чем⁴⁵⁹ нужды, ни в хвалах, ни в жертвоприношениях, ни в дарах. И Ему не нужно ничего из того, что есть в **видимых** творениях, ибо Он исполняет и удовлетворяет нужды всех. [Он,] не нуждающийся [ни в чем], прославляется ежечасно⁴⁶⁰.

Перевод с древнесирийского

II.

(1) Итак, после того как⁴⁶¹ мы сказали Вам о Боге, насколько нашему разуму возможно говорить о Нем, перейдем теперь к человеческому роду⁴⁶² и посмотрим⁴⁶³, кто из них держится высказанной нами истины о Боге⁴⁶⁴ и кто заблуждается относительно нее.

(2) Известно Вам, царь, что существует четыре рода* людей в этом мире: варвары и греки, иудеи и христиане.

(3) Варвары ведут начало своей религии⁴⁶⁵ от Кроноса и Реи* и от прочих своих богов,

(4) греки же от Геленоса [Эллина], о котором говорится, что он происходит от Диоса [Зевса]^{466*}. От Геленоса произошли Эол и Ксуфос [Ксуф], прочая же Эллада^{467*} – от Инахоса [Инаха] и Форонея** и, наконец, от Даная египтянина и Кадма и Диониса.

(5) Иудеи же ведут начало своего рода от Авраама⁴⁶⁸, родившего Исаака, от которого произошел Иаков, родивший двенадцать сыновей, которые из Сирии переселились в Египет, и там они названы своим законодателем родом еврейским*, напоследок же они стали именоваться иудеями.

Перевод с древнеармянского

II.

(1) Ныне даровано мне Богом мудро говорить о Нем. Я сказал [о Нем] столько, сколько мог, но я не смог постичь в полной мере неисповедимость Его величия. Но только с верою прославляя, поклоняюсь [Ему].

Ныне перейдем к племенам человеческими посмотрим, какие из них приняли **вышеизложенные** истины, а какие заблуждаются.

Перевод с древнегреческого

II.

(1) Сказав *это* о Боге настолько, насколько я мог вместить слова о Нем, перейдем теперь к человеческому роду, дабы увидеть, кто из них причастен истине, а кто – заблуждению.

(2) Ибо ясно *нам*, царь, что существуют в этом мире три рода* людей, а именно: поклонники ваших так называемых богов, иудеи и христиане; в свою очередь почитающие многих богов делятся на три рода: халдеев, эллинов и египтян. *Они-то и стали зачинателями и учителями для прочих язычников (народов) в служении и поклонении многоименным богам.*

(3) ...

(4) ...

(5)⁴⁶⁹ [...] Ибо они, будучи потомками Авраама, Исаака и Иакова, переселились в Египет, а оттуда *вывел их Бог рукою крепкою и мышцею высокою*⁴⁷⁰ *чрез Моисея, законодателя их, и чудесами многими и знаменами дал познать им Свою силу* [...]

Перевод с древнеармянского

(2) Ибо известны⁴⁷¹ нам, о, царь, четыре племени рода человеческого, которые суть: одни варвары, другие греки, и третьи – иудеи, и *есть те, которые являются христианами.*

(3) *Язычники* и варвары ведут свой род от Бэла, Хроноса и Эрры и от многих других своих богов.

(4) А греки, по-видимому, считают свой род от Зевса, *который именуется Диосом*, от Хелена и Ксютоса, и затем от Элласа, Инака и Форонеоса, и также, наконец, от Даная египтянина и Кадмоса сидонянина и Дионисия *фиванца****.

(5) А евреи возводят свой род к Аврааму и к сыну Авраама, *которого называют Исааком*, и сыну Исаака Иакову и к двенадцати сыновьям Иакова, которые вышли из Ассирии в Египет, и поэтому⁴⁷² были названы своим законодателем народом евреев. А придя в землю обетованную, они наименовались⁴⁷³ народом иудеев.

Перевод с древнесирийского

(6) Христиане же ведут начало своей *религии* от Иисуса **Мессии**. Он именуется Сыном Всевышнего Бога⁴⁷⁴, и [о Нем] *говорится, что Бог* снисшел с неба и от еврейской Девы⁴⁷⁵ принял и облекся плотью⁴⁷⁶, и вселился в дочь человеческую Сын Божий*.

(7) Это можно узнать⁴⁷⁷ из Евангелия, которое в недавнее время перед этим было проповедуемо среди них⁴⁷⁸; из него также и Вы, если прочитаете его, познаете *силу, сущую*⁴⁷⁹ в нем.

(8) Итак, этот Иисус произошел из рода евреев. Он имел двенадцать учеников для довершения своего домостроительства^{480*}. Он был пронзен иудеями и умер, и погребен, и [как] передают они [апостолы], **через три дня воскрес**⁴⁸¹ и вознесся на небо⁴⁸². И затем эти двенадцать учеников разошлись по известным странам мира⁴⁸³ и проповедовали о Его величии с полным смирением и кротостью. И посему также те, которые ныне веруют в эту проповедь, именуются христианами, *каковые общеизвестны*.

(9) Итак, существует четыре рода людей, как я выше сказал: варвары и греки, иудеи и христиане⁴⁸⁴.

(10) {Богу служит ветер, и ангелам – огонь, демонам же – вода, и людям – земля*.}

Перевод с древнеармянского

(6) А христиане ведут свой род от Господа Иисуса Христа. Сам Он – Сын Бога Всевышнего, явленный сошедшим с неба⁴⁸⁵ **Святым Духом**⁴⁸⁶, **родившийся** от еврейской Девы. Сын Божий плоть Свою воспринял от Девы и явился в человеческом естестве. (7?) Он [Тот], Который в евангельские Свои блага уловил весь мир животворной Своей проповедью.

(7) ...?.

Перевод с древнегреческого

(6)⁴⁸⁷ Христиане ведут свой род от Господа Иисуса Христа. Сей же, Сыном Бога Всевышнего исповедуемый [,] в **Духе Святом** с неба снисшедший ради спасения людей⁴⁸⁸ и от Святой Девы **родившийся**[,] бессеменно и нетленно плоть

восприял и явился людям, дабы отозвать их от заблуждения многобожия.

(7) О славном {букв, славе) Его пришествии ты можешь узнать, *царь*, если доведется тебе, из так называемого у них [христиан] Евангельского Священного Писания.

(8) Он Имел двенадцать учеников и, исполнив дивное Свое домостроительство⁴⁸⁹, добровольно вкусил** крестную⁴⁹⁰ смерть по великой икономии⁴⁹¹. **Через три дня** Он ожил и взошел на небеса. Те [ученики], после Восшествия [Вознесения] Его на небеса, отправились в области вселенной и **научили** Его величию, {как и нашу страну обошел один из них, проповедуя истинное учение}⁴⁹². Отсюда те, которые еще служат праведному их проповеданию {букв. справедливости их проповеди), зовутся христианами⁴⁹³.

(9)

Перевод с древнеармянского

(8) Он был [Тем], Который по плоти родился от⁴⁹⁴ Богородицы Девы Мариам из еврейского народа. Он избрал двенадцать учеников и просветил весь мир Своей светоносной домостроительной истиной. Он был распят, пригвожден евреями и, **воскреснув** из мертвых, вознесся на небо. Он послал учеников по всему миру и **поучал** всех чудесами, [исполненными] божественного величия и **великой мудрости**. Их проповедь до сих пор плодотворно процветает и зовет мир к просвещению.

(9) Вот четыре племени, которые мы представили перед тобою, о, *царь*: варвары, греки, иудеи и христиане.

[10] {А божественному свойственно духовное, ангелам – огонь, демонам – вода, и роду человеческому – земля.}

Перевод с древнесирийского

III.

(1) Итак, *начнем с варваров и по порядку перейдем к прочим народам* и посмотрим⁴⁹⁵, кто из них имеет истинное [понятие] о Боге⁴⁹⁶ и кто из них заблуждается⁴⁹⁷.

(2) Варвары, так как не знали Бога, то заблуждались относительно стихий и стали служить творениям вместо Творца их⁴⁹⁸, и потому сделали изображения (идолы) и поставили их в

храмах. И вот они поклоняются им, охраняя их с большим старанием, чтобы их боги не были похищены **демонами**⁴⁹⁹. И не поняли [варвары], что все, что охраняет, больше того, что охраняется, и тот, кто творит, больше того, что создается. Итак, если боги их бессильны для спасения самих себя, то как они могут дать спасение людям***? Следовательно, в большом заблуждении находились [варвары], когда поклонялись мертвым идолам, которые бесполезны [для них] ****.

(3) И следует удивляться, царь, их философам, что они также заблуждались и называли богами изображения, которые сделаны для почитания стихий, и не поняли мудрецы, что и эти стихии разрушимы и тленны. Ибо если малая часть из стихий разрушается и уничтожается, то и целое разлагается и уничтожается*. Если же эти стихии **разрушаются и уничтожаются**, и подчиняются [одна] другой, которая крепче в сравнении с ними, и они по своей природе не боги, то каким образом изображения, которые сделаны для почитания их, считают богами?

(4) Итак, это – великое заблуждение, которое их философы распространили чрез своих последователей.

IV.

(1) Обратимся теперь, царь, к самим стихиям, чтобы показать, что они не боги, но преходящее и изменяющееся творение *наподобие человека**. Бог же непреходящ и неизменяем, и невидим, но Сам Он все видит, изменяет и превращает.

(2) [Ср. 6, 3 звезды!]

Перевод с древнегреческого

III.

(1) Посмотрим теперь, кто из них причастен истине и кто – заблуждению.

(2) Халдеи, не зная Бога, заблудились, последовав за стихиями и начав почитать тварь вместо Сотворившего их. Сделав некие образы стихий, они называли их изображением неба, земли, моря, солнца, луны и остальных стихий или светил* и, заключив в храмах, поклоняются им, называя богами**, и охраняют надежно, чтобы они не были украдены

ворами, не понимая, что все охраняющее больше охраняемого и создающий более создаваемого. Ведь если их боги не в состоянии [позаботиться] о своем спасении, как смогут они даровать спасение другим? Следовательно, глубоко заблуждаются халдеи, почитая мертвые и бесполезные изваяния.

(3) И я прихожу в изумление, царь, как их так называемые философы *совершенно* не понимали, что и сами стихии тленны. А раз стихии *тленны* и подчинены по **необходимости** [природным законам], *как они могут быть богами?* Если же стихии не боги – как статуи, сделанные в их честь, являются богами?

(4) ...

IV.

(1) Итак, царь, перейдем к самим стихиям, дабы доказать о них, что не суть боги, но тленны и изменяемы, произведены из небытия⁵⁰⁰ *по повелению истинного Бога, Который* нетленен, неизменяем и невидим, но Сам все видит, изменяет и превращает, *как хочет. Что же мне сказать о стихиях?*

(2) Считающие небо богом** заблуждаются. Ибо мы видим, как оно обращается и по необходимости [физическим законам] движется, состоя из многих [элементов], почему и называется «космосом», так как [слово] «космос» [означает] «устройство» некоего художника***, а «устроенное» имеет начало и конец. Небо со своими светилами движется по необходимости [физическим законам], ибо звезды, в [определенном] порядке и на [установленном] расстоянии перемещаясь от [одного] знака [зодиака, созвездия] к [другому] знаку, – одни заходят, другие восходят, свершая путь согласно временам [года], определяя лето и зиму, как установлено им Богом, и не преступают своих границ по непреложному закону (ἀνάγκη) природы вместе с небесным миром {космосом}. Отсюда явствует, что небо не бог, но произведение (ἔργον, вещь, творение) Бога.

Перевод с древнесирийского

(3) [2] Итак, те, которые считают землю за бога, без сомнения, заблуждаются, потому что ее раскапывают, и *засаживают, и роют*⁵⁰¹; *ибо она принимает нечистоты людей*

и диких и домашних животных и иногда бывает бесполезна. Ведь если она перегорает, то делается мертвою, потому что из черепков не произрастает ничего. И опять, если скопляется на ней вода, то она повреждается вместе со своими плодами. И вот она попирается людьми и скотом и принимает нечистую кровь умерщвленных! И ее раскапывают и наполняют мертвыми, и становится она складочным местом трупов.

[3] Но [ведь] это невозможно, чтобы святая и величественная⁵⁰² и блаженная и непреходящая природа^{503*} воспринимала что-либо из этого⁵⁰⁴!

И отсюда ясно для нас, что земля не бог, но создание Божие.

V.

(1) И точно так же заблуждались, далее, те, которые считали воду за бога⁵⁰⁵, ибо вода создана для пользования человека и многообразным образом подчиняется ему. Ибо она изменяется, и принимает нечистоты, и портится⁵⁰⁶, и утрачивает свою природу, и когда кипятят ее с разного рода предметами, то она принимает не принадлежащие ей цвета, и от холода замерзает, и смешивается, и соединяется⁵⁰⁷ с нечистотами людей и животных и с кровью умерщвленных.*

(2) И благодаря⁵⁰⁸ мастеру течет и направляется по узкому каналу против своего желания и поступает в сады и другие места для того, чтобы собрать и удалить испражнения людей и смыть всякого рода нечистоту и удовлетворить потребности людей в ней.

Посему невозможно, чтобы вода была богом, но она есть создание Божие и часть мира.*

(3) Не менее также заблуждались и те, которые признавали огонь за бога, ибо и он создан для пользования людей и многообразным образом им подчиняется для приготовления пищи и разного рода драгоценностей⁵⁰⁹ и прочих вещей, которые Вашему Величеству известны, в то же время его различным способом гасят и прекращают.*

Перевод с древнегреческого

(3) Считающие же землю богиней [также] заблуждаются, ибо мы видим, что она посрамляется господствующими над*

ней людьми: ее копают, месят и приводят в негодность. Если ее иссушить, то она становится мертвой, поскольку из черепка ничего не произрастает. Но если ее чересчур увлажнить, то гибнет и она, и ее плоды. Она попирается людьми и *прочими* живыми существами (животными, ζῴων), оскверняется кровью убиваемых, разрывается, наполняется и становится хранилищем мертвых тел.

[3] Раз это так, невозможно, чтобы земля была богиней, но [она является] производением Бога *для пользования людей*.

V.

(1) Считающие же воду богом [также] заблуждаются, ибо и она создана для пользования людей, господствующих над ней, оскверняется, портится и изменяется ими; ее кипятят и изменяют [цвет] красками, она застывает от холода, марается кровью и (2?) употребляется для мытья всего нечистого.

(2) Посему вода не может быть богом, но [является] производением Бога.

(3) Считающие же огонь богом заблуждаются, так как [и] огонь создан для пользования людей, **господствующих над ним**. Его переносят с места на место для варки и жарки всякого рода мяса, а еще для [сожжения] мертвых тел. Он многообразно гибнет, гасимый людьми. *Посему невозможно огню быть богом, но [он является] производением Бога.*

(Продолжение ВиИ) (Р. Оху. 1778)

(4) Считающие же дуновение ветров богом дуновение ветров заблуждаются, ибо нам ясно, что оно богиней заблуждаются, служит другому: иногда усиливается, а ибо ясно, что оно иногда утихает, стало быть, кем-то служит другому принуждается ...

(Продолжение ВиИ)

и уготовано Богом ради людей: для направления кораблей, доставления хлеба и прочих их нужд; оно усиливается или утихает

Перевод с древнесирийского

(4) И *опять те*, которые думают о дуновении ветра, что это бог, тоже заблуждаются. Ибо для нас ясно, что ветры находятся в подчинении у другого, так как их *дуновение* то **усиливается**,

*то ослабевает и утихает по приказанию Того, Кто господствует над ними. Ибо они созданы богом ради человека для того, чтобы способствовать произрастанию деревьев и плодов и семян⁵¹⁰ и двигать на море корабли, которые перевозят людям предметы **необходимости**⁵¹¹ оттуда, где они находятся, туда, где их нет, и снабжают [ими] страны света.*

*(5) И оно [дуновение], то усиливаясь, то ослабевая, приносит в одном месте пользу, в другом вред, по приказанию Того, Кто руководит им. И также люди при посредстве известных приспособлений (орудий) могут уловить его и заключить, дабы извлечь себе желаемую от него пользу. И у него [дуновения] нет никакой власти над собой. Поэтому нельзя **именовать** ветры богами, но это – творение Божие.*

VI.

(1) Точно так же заблуждались те, которые считали солнце за бога, ибо мы видим, что оно по принуждению другого движется, и вращается, и совершает свой путь, и проходит от ступени к ступени, **ежедневно восходит и заходит**⁵¹² для того, чтобы согревать зародыши растений и деревьев и чрез воздух, который растворяется им [солнцем], возбуждать к росту всю зелень, находящуюся на земле⁵¹³. (2) И оно вместе с остальными звездами подлежит счислению в своем движении⁵¹⁴. И хотя оно – одно по своей природе, [однако же] соединяет (смешивает) себя со многими частями, соответственно пользе и потребности людей, и не по своей воле, но по воле Того, Кто управляет им. И вследствие этого невозможно, чтобы солнце было богом, но [оно] творение Божие.*

(3) И точно так же луна и звезды. [Ср. G 4, 2 !]*

VII.

*(1) Те же, которые думали о **древних людях***, что [некоторые] из них были боги, весьма заблуждались. Человек состоит, как ты и сам знаешь, царь, из четырех элементов и из души и духа**, почему и именуется миром, и не существует без одной из этих частей. Он имеет начало и конец, рождается и разлагается. Бог же, как я сказал, не имеет*

ничего из этого в Своей природе. Он не сотворен и не преходящ.

Перевод с древнегреческого
но повелению Божьему. Посему не следует считать дуновение ветров богиней, но [необходимо полагать] произведением Божиим.

(5)⁵¹⁵ ...

VI.

(1) Считающие же солнце богом [равно] заблуждаются. Ибо мы видим, как оно согласно необходимости, движется, и обращается, и переходит

(Продолжение ВиИ)

(Р. Оху. 1778)

От знака к знаку, заходя и восходя, согревая растения, прозябающие на потребу людей, (2) имея к тому же [одинаковую] участь вместе прочими звездами, будучи много меньше неба, затмеваясь в свете и не обладая никакой самостоятельностью. Посему не следует считать солнцем богом, но произведением Божиим

от знака к знаку, ежедневно перемещаясь, заходя и восходя, согревая прозябающие растения на потребу людей, (2) †когда† и имеет [одинаковую] участь вместе с прочими звездами, будучи много меньше неба, {растет и умалывается,} испытывает затмения, не обладая никакой самостоятельностью. Посему не следует считать солнце богом ...

(Продолжение ВиИ)

(3) Считающие же луну **богиней** [тоже] заблуждаются, потому что мы видим, что она движется по необходимости и обращается, переходя от знака к знаку, заходя и восходя на потребу людей, и, будучи меньше солнца, вращается и умалывается, испытывая затмения⁵¹⁷. Посему не следует считать луну богиней, но произведением Божиим.

VII.

(1) Считающие же человека богом [одинаково] заблуждаются, поскольку мы видим, что он зачинается⁵¹⁶ по необходимости [закону природы], вскармливается и стареет независимо

Перевод с древнесирийского

(2) *И посему не следует нам почитать человека богом по природе⁵¹⁷. Его, когда он ожидает радости, посещает⁵¹⁸ горе, и вместо смеха – плач.*

(3) Он гневлив, и ревнив, и завистлив, и переменчив⁵¹⁹, **и с другими недостатками⁵²⁰**. И многообразно он погибает от стихий, *а также и от животных.*

(4) *Итак, царь, нам понятно теперь заблуждение варваров, которые вследствие того, что не обрели истинного Бога, удалились от истины и предалися пожеланиям⁵²¹ своего ума, воздавая служение тленным стихиям и мертвым идолам, и по причине своего заблуждения они не знали, каков истинный Бог.*

VIII.

(1) Перейдем теперь *также* к грекам и посмотрим⁵²², какое мнение об истинном Боге имеют они.

(2) Греки, хотя⁵²³ мудрее варваров, но заблуждались более, чем варвары, так как они ввели многих рожденных⁵²⁴ богов и одних из них считали мужчинами, других – женщинами. А некоторые из богов их слывут даже за прелюбодеев, и убийц, и бродяг⁵²⁵, и завистников⁵²⁶, и ревнивых⁵²⁷, и гневливых, и свирепых, и отцеубийц, и воров, и хищников*. [3] *И одни из них, по их словам, были увечные и хромые, другие чародеи, иные безумствовали, другие играли на цитрах, иные бродили по горам, некоторые⁵²⁸ умирали, иных поражала молния, других даже поработали люди, иные обращались в бегство, иных обворовывали⁵²⁹ люди**, а некоторые даже плакали и рыдали от людей, иные, по их словам, спускались в ад [Аид], другие пронзались⁵³⁰.* [4] **Некоторые превращались в образ животных, чтобы совратить в прелюбодейяние род смертных женщин, а иные опозорили себя мужеложством. Некоторые, по их словам, вступали в связь с своими матерями и сестрами и дочерьми.**

Передают также они о своих богах, что они [боги] прелюбодействовали с дочерьми человеческими и что от них произошел род, который также был смертен. И о некоторых [богинях]

Перевод с древнегреческого

от его воли. (2) То он радуется, то печалится, нуждаясь в пище, питье и одежде. (3) [Мы видим,] что он гневается, завидует, вожделеет и раскаивается, терпит многие убытки, многообразно гибнет от стихий, животных и надлежащей ему смерти. Следовательно, невозможно человеку быть богом, но – произведением Божиим.

(4) Итак, сильно заблуждаются халдеи, следуя за своими вожделениями, ибо почитают тленные стихии, мертвые изваяния и не понимая их обожествляют.

VIII.

(1) Перейдем теперь к эллинам, дабы рассмотреть, что именно (ἄρα) думают они о Боге.

(2) Греки, считающие себя мудрыми⁵³¹, оказались гораздо глупее халдеев⁵³³, допуская существование многих богов – одних мужского пола, других – женского, *творцов всяких страстей и всяческих беззаконий*, ⁵³²каковых сами [эллины] полагали прелюбодеями и убийцами, гневливыми, завидующими и раздражительными, отцеубийцами и братоубийцами, ворами и хищниками, хромыми и увечными, чародеями и безумцами; и некоторых из них – скончавшимися, других – пораженными молнией и находящимися в рабстве у людей, беглецами, страдающими⁵³³, горящими и превращаемыми (превращающимися) в животных из-за своих лукавых и постыдных поступков⁵³⁴.

(3) Посему эллины, царь, допустили смешные, глупые и нечестивые утверждения, называя несуществующих богов согласно

Перевод с древнесирийского

*говорят они, что они спорили о красоте⁵³⁴ и обращались⁵³⁵ к мнению людей***.*

(3) [5] Итак, царь, нечестивое и смешное, и глупое привнесли греки [в понятие] о своих богах⁵³⁶ и о самих себе, потому что именovali богами такого рода существа, которые – не боги. [6] И отсюда у людей* был предлог⁵³⁷ нарушать брак, распутствовать, воровать и творить все дурное, гнусное и мерзкое. (4) Ведь если те, которые именуются их богами,

проделывают все то, что выше описано, то тем более будут делать это люди, *которые верят в них, творящих это*. (5) И вот вследствие этого нечестивого заблуждения у людей происходили непрерывные войны, и великий голод, и жестокий⁵³⁸ плен, и лишение всего.

И вот они страдают, и все это постигает их только по этой причине. И претерпевая это, они не понимают своим умом, что происходит это с ними вследствие их заблуждения.

IX.

(1)* Перейдем теперь к повествованию о богах, чтобы дать точное подтверждение всему вышесказанному.

(2) Прежде всего греки вводят бога Кроноса (*это в переводе значит Кэван*)⁵³⁹, и поклонники его приносят ему в жертву своих детей, а некоторые сожигают их еще живыми.

(3) О нем они рассказывают, что он взял себе в жены Рею и произвел от нее многих сыновей; *от нее произвел также Диоса (который именуется Зевсом)*⁵⁴¹. Затем он сделался безумным и из боязни пророчества, ему изреченного, начал пожирать своих детей. (4) [Но] Зевса у него похитили, и он не заметил этого. Наконец, Зевс связал его, отрезал у него половые органы и бросил их в море, отчего, как рассказывается в мифе, произошла (родилась) Афродита (*которая именуется Эстерой*)⁵⁴¹, Кроноса же, связав, бросил в мрак.

(5) Таким образом, царь, весьма ошибочное и смешное представление составили греки⁵⁴⁰ о главе своих богов, потому что рассказывали о нем все это. Невозможно, чтобы Бога связывали или оскотпляли. Иначе он был бы очень жалок.

(6) И после Кроноса они вводят другого бога, Зевса, и рассказывают о нем, что он овладел верховной властью и стал царем над всеми богами. (7) И, по их словам, он превращался в животных и многое другое⁵⁴¹, чтобы совращать в прелюбодеяние смертных женщин, и от них явились у него дети.

Так, передают они, он некогда превращался в быка из-за любви своей к Европе и Пасифае, и затем превращался в вид золота из-за любви к Данае, и в лебедя – по любви к Леде, и в

Перевод с древнегреческого

своим лукавым вожделениям, дабы, имея их пособниками во зле, прелюбодействовать, похищать, убивать и творить всякие кошмары. (4) Ибо если боги их сотворили таковое, как им самим не совершить того же? (5) От этой-то привычки заблуждения пришлось людям терпеть постоянные войны, убийства и горький плен.

IX.

(1) Но, если мы в [нашей] речи пожелаем перейти к их богам по *отдельности*, ты узришь большую нелепость: (2) прежде всех вводят они бога Кроноса и тому приносят в жертву своих чад, (3) кто имел от Реи многих сыновей и пожирал в помешательстве собственных детей. (4) Говорят, что Зевс отсек у него необходимый [детородный] член и швырнул в море, отчего и родилась, как повествует миф, Афродита, собственного же отца Зевс, связав, бросил в Тартар.

(5) Видишь заблуждение и непотребство, которое они возводят на своего бога? Возможно ли, чтобы бог был связан и оскотлен? *О безумие! Кто из имевших разум сказал бы это?*

(6) Вторым принимается Зевс, который, говорят они, воцарился над их богами (7) и превращается в животных, чтобы прелюбодействовать со смертными женщинами. По их представлениям, он преобразился в быка для Европы, в золото для Данаи, в лебедя для Леды, в сатира для Антиопы, в молнию для Семелы. От них родилось затем много детей: Дионис, Зет, Амфион, Геракл, Аполлон, Артемида, Персей, Кастор, Елена, Полидевк, Минос, Радамант, Сарпедон и девять дочерей, называемых Музами. *Таким же образом приводят потом [миф] о Ганимеде.*

Перевод с древнесирийского

мужчину по любви к Антиопе, и в молнию из-за любви к †Селене†; и произвел от них много детей. *Ибо, говорят они, от Антиопы он произвел Цетоса [Зета] и Амфиона, и от †Селены† Диониса, от Алкмены Геракла, и от Лето Аполлона и Артемиду, и от Данаи Персея, и от Леды Кастора, и Полидевка, и Елену, и †Палюда†. И от Мнемосины он произвел девять дочерей, которых он назвал Музами, и от Европы –*

Миной [Миноса], Радаманта и Сарпедона. Напоследок же из-за любви к пастуху Ганимеду он обратился в орла.

(8) От этих повествований, царь, происходило много зла среди людей того времени, так как они подражали **своим богам** и прелюбодействовали, и оскверняли себя с своими матерями и сестрами, и мужеложествовали, **а некоторые из них осмеливались умерщвлять даже своих родителей**. Ибо если тот, кто именуется верховнейшим и царем над богами их, творит это, то не тем ли более будут подражать ему его поклонники?

(9) И это величайшее безумие, что греки распространяли своими рассказами о нем, ибо невозможно, чтобы Бог совращал в прелюбодеяние, или сам прелюбодействовал, или мужеложествовал, или умерщвлял своих родителей (своего отца). В противном случае он много хуже пагубного демона.

Х.

(1) И далее вводят они другого бога, Гефеста, и рассказывают о нем, что он хромым и носит на голове шлем*, а в руке держит клещи и молоток** и занимается кузнечным ремеслом, чтобы снискивать этим себе необходимое пропитание⁵⁴².

(2) Неужели этот бог весьма нуждается?

Немыслимо, чтобы Бог был нуждающимся или хромым. В противном случае он был бы весьма немощным*.

(3) Затем они вводят еще иного бога и называют его Гермесом и рассказывают, что он вор⁵⁴³ и корыстолюбив и жаден до выгод, и чародей, и калека⁵⁴⁴ и борец, и толкователь слов (герменевт)*.

(4) Но невозможно, чтобы Бог был чародеем, или корыстолюбивым, или калекой, или жадным до того, что не его, или борцом. В противном случае он бесполезен.

(5) После этого они вводят другого бога, Асклепия, и рассказывают о нем, что он врач, приготовляет лекарства и пластырь для того, чтобы удовлетворить своей потребности в пропитании.

Неужели этот бог нуждается?

Под конец его поразил Зевс молнией⁵⁴⁵ из-за Тиндара Лакедемонянина, и *таким образом* он умер.

(6) Итак, если Асклепий был богом и, пораженный молнией, не мог помочь самому себе, то как он может помочь другим?

Невозможно, чтобы Божественная природа нуждалась или была поражается молниеносным ударом.

(7) И снова вводят они иного бога и называют его Аресом и рассказывают о нем, что он воинственен, ревнив, и жаден до

Перевод с древнегреческого

(8) Вот, царь, и пришлось людям подражать всему этому, став прелюбодеями, муженеистовцами и **свершителями других ужасных дел наподобие их бога.**

(9) Как же прелюбодей, мужеложник* или отцеубийца **может** быть богом?

Х.

(1) Наряду с этим представляют богом и какого-то Гефеста, притом хромого, держащего молот и клещи** и куящего ради пропитания.

(2) Неужели он нуждается?

Невозможно, чтобы бог был хромым и нуждался *в людях*.

(3) Затем измышляют богом Гермеса, страстного вора, корыстолюбца, увечного⁵⁴⁶ мага и толкователя слов [герменевта].

(4) Невозможно, чтобы Бог был **таковым**.

(5) Выдумывают, что богом был Асклепий, нуждающийся врач, изготовлявший лекарственные составы и мази (пластыри) ради пропитания, который был поражен впоследствии молнией Зевсом из-за Тиндарея, сына* Лакедемона, и умер.

(6) Если Асклепий, будучи богом {и} пораженный молнией, не смог помочь себе, как он поможет другим?

(7) Называют богом Ареса, воинственного и завистливого, страстного [охотника] до стад и прочих [благ]; наконец, прелюбодействовав с Афродитой, он был связан мальчиком Эротом и Гефестом.

Перевод с древнесирийского

овец и чужих⁵⁴⁷ вещей*, и *приобретает имущество посредством оружия*. Под конец, передают они, он

прелюбодействовал с Афродитой и был закован *маленьким мальчиком Эротом и Гефестом, мужем Афродиты.*

Невозможно, чтобы Бог был воином, или скованным, или прелюбодеем.

(8) *Далее говорят они о Дионисе, что это подлинно бог, который по ночам устраивает пиршества (праздники) и научает пьянству и похищает чужих жен. И под конец, рассказывают они, он сделался безумным, покинул своих служанок, и бежал в пустыню, и в своем неистовстве пожирал змей*, и в заключение был умерщвлен Титаном.*

Итак, если Дионис был богом и не в состоянии был помочь себе в то время, как был умерщвляем, то как же он может помогать другим?

(9) *Опять вводят они Геракла и говорят о нем, что это бог, который ненавидит беззаконие⁵⁴⁸, тиран, воин и каратель злодеев. И он, по их словам, под конец стал безумным, и умертвил своих детей, и бросился в огонь, и умер.*

Итак, если Геракл был богом и среди всех этих бедствий не мог спасти себя самого, то как же другие будут просить у него помощи?

Невозможно, чтобы Бог был пьяницей, или убийцей своих детей, или чтобы он погиб от огня.

XI.

(1) *И после этого они вводят другого бога и называют его Аполлоном и рассказывают о нем, что он ревнив* и непостоянен, и держит то лук и колчан, то кифару и палочку (плектр), и прорицает людям, дабы получить от них плату.*

Итак, неужели этот бог нуждается в плате?

Позорно, что все это встречается в Боге.

(2) *И затем они вводят богиню Артемиду, сестру Аполлона, и рассказывают, что она была охотницей, носила лук и стрелы, и блуждала по горам с собаками, и охотилась на оленей и кабанов.*

Позорно, что молодая девушка одна бродит по горам и охотится на зверей. Посему невозможно, чтобы Артемида была богиней.

(3) Далее они передают об Афродите, что это *подлинно* богиня, *которая то жила с богами их, то совращала мужчин в прелюбодеяние*; то был у нее любовником Арес, то Адонис (т.е. Таммуз)⁵⁴⁹. И некогда *подлинно* она, Афродита, рыдала и оплакивала смерть его, Таммуза. Они говорят, что она спускалась в Аид с тем, чтобы выкупить Адониса у Персефоны, дочери Аида⁵⁵⁰.

Перевод с древнегреческого

Каким же образом был богом *страстный* воитель и скованный прелюбодей?

(8) **Причисляют** к богам и Диониса, справляющего ночные празднества и учителя пьянства, увлекающего соседних жен, безумствующего, бегущего, а напоследок убитого титанами.

Если убитый Дионис не смог помочь себе, *но безумствовал, пьянствовал и убежал*, то как он может быть богом?

(9) И Геракл, говорят, пьянствовал, сошел с ума и убил собственных детей, затем погиб от огня, и *так* умер.

Как может бог быть пьяницей, детоубийцей или **сожженным**? И как поможет другим [тот], кто не смог помочь самому себе?

XI.

(1) Причисляют к богам завистника Аполлона, держащего то лук и колчан, то кифару и *†*трубочку⁵⁵¹† Г, прорицающего людям за мзду.

Неужели он нуждается?

Невозможно, чтобы бог был **нуждающимся, завистливым и кифаредом**.

(2) Вводят [в их число] и сестру его Артемиду-охотницу, носящую лук с колчаном и одиноко блуждающую* по горам с собаками, дабы поймать оленя или кабана.

Как будет богиней такая жена, охотница бродячая с собаками?

(3) Говорят, что *сама прелюбодейка* Афродита является богиней. Она **прелюбодействовала** то с Аресом, *то* с Анхизом, то с Адонисом, смерть которого оплакивает, разыскивая своего любовника; рассказывают, что она даже в Аид спускается выкупить Адониса у Персефоны.

Перевод с древнесирийского

Итак, если Афродита – богиня, но не могла оказать помощи своему любовнику при его смерти, то как же она могла помогать другим?

Неслыханное дело, чтобы Божественная природа доходила до плача и рыдания и прелюбодеяния.

(4) Опять говорят они о **Таммуце**, что он – бог и подлинно охотник и прелюбодей, и, говорят они, этот [бог] убит был ударом кабана и не мог оказать помощи **самому себе**. Но если он сам себе не мог помочь, то как же он **мог руководить**⁵⁵² **человеческим родом**? Невозможно, чтобы Бог был прелюбодеем или охотником, или умер насильственно.

(5) Далее они говорят о Рее, что она подлинно мать их богов, и рассказывают про нее, что некогда она имела любовником Аттиса* и увлекалась бренными мужчинами, под конец же она подняла плач и горевала о своем любовнике Аттисе.

Итак, если мать их богов не могла помочь своему любовнику и избавить его от смерти, то как она могла помогать другим?

Позорно, чтобы богиня рыдала и плакала и увлекалась бренными мужчинами.

(6) Далее вводят они Кору и говорят, что она богиня. Она была похищена Плутоном и не могла оказать помощи самой себе.

Итак, если она – богиня и не могла помочь самой себе, то как возможно, что она может помочь другим? Ибо бог, которого похищают, является очень слабым.

(7) Итак, царь, все это греки привнесли о своих богах, измыслили и рассказали о них. И отсюда у всех людей явился предлог совершать все нечестивое и безбожное. И вследствие этого осквернилась вся земля.

XII.

(1) А египтяне, будучи много хуже и неразумнее всех народов, [живущих⁵⁵³] на земле*, заблуждались более всех. Ибо они не довольствовались религией варваров и греков, но ввели также [некоторых] из природы животных и говорили о них, что

*это боги, и даже из гадов***, которые находятся на суше и в воде. И о растениях и траве *они говорили, что некоторые из них боги*. И они **погибали** в безумии и нечестии более, чем все народы земные.

(2) Ибо первоначально они почитали Изиду *и говорили, что это подлинно богиня*, у которой был супругом брат ее Озирис. Но когда Озирис был умерщвлен своим братом Тифоном, то Изида со своим сыном Ором убежала в Библос⁵⁵⁴, в Сирию, и

Перевод с древнегреческого

Видел ли ты, царь, большее безумие, чем это: богиней выставлать прелюбодейку, рыдающую и плачущую?

(4) Даже Адониса считают они богом-охотником, который погиб *насильственной смертью*, пораженный кабаном, не сумев помочь своей беде. Как же **сможет** позаботиться о людях прелюбодей, охотник и насильственно умерший?

(5) ...

(6) ...

(7) *Все это и много другого, гораздо более постыдного и скверного*, царь, возвели греки на своих богов, о чем ни говорить не положено, ни вообще вспоминать. Потому-то люди, беря пример с их богов, совершали всякое **беззаконие, непотребство** и нечестие, оскверняя землю и *воздух своими ужасными поступками*.

XII.

(1) А египтяне, будучи глупее их и неразумнее, хуже всех язычников заблуждались, так как не довольствовались предметами почитания **халдеев** и эллинов, но возвели в божества еще и *бессловесных* животных, земных и морских, растения и былия, и **осквернились** *всяким* безумием и непотребством хуже всех народов (язычников) на земле.

(2) Ведь первоначально почитали они Изиду, у которой был брат и муж Озирис, убитый своим братом Тифоном, почему и убегает Изида со своим сыном Гором в сирийский Библос (Библ), разыскивая Озириса и горько рыдая, пока не вырос Гор и не убил Тифона.

(3) Таким образом, ни Изида не была в состоянии помочь своему брату и мужу, (4) ни Озирис, гибнущий от Тифона, не

Перевод с древнесирийского

пребывала там до того времени, пока сын ее не стал большим. И он вступил в борьбу со своим дядей Тифоном и умертвил его. И тогда Изидида возвратилась обратно и бродила вместе с своим сыном Ором, разыскивала труп своего мужа Озириса и горько оплакивала его смерть.*

(3) И так, если Изидида – богиня и не могла помочь своему брату и мужу, то как возможно, чтобы она помогла другим? Невозможно, чтобы Божественная природа боялась, обращалась в бегство или оплакивала и сетовала. В противном случае она была бы очень жалкою.

(4) И об Озирисе они говорят, что он благодетельный бог, и был умерщвлен Тифоном, и не мог помочь самому себе. Ясно, что о Божестве нельзя сказать этого.

(5) И далее о его брате Тифоне они говорят, что это бог, который убил своего брата и сам был умерщвлен **сыном своего брата иневесткой** и не мог **помочь себе**. Что же за Бог тот, который не мог помочь самому себе?

(6) И так, египтяне, будучи неразумнее других народов, не довольствовались этими и им подобными богами, но приписывали **имена** богам также животным † и даже **неодушевленным предметам**⁵⁵⁵†.

(7) Ибо некоторые из них почитают барана, другие тельца и иные свинью, а *иные сома*, и иные крокодила, и сокола, и †рыбу†, и ибиса, и коршуна, и орла, и ворона. Одни почитают кошку, другие *рыбу шеббут*, иные собаку, иные змею, иные аспида, *другие льва*, иные чеснок, лук и терновник, и гепарда⁵⁵⁶, и прочее в **этом же роде***.

(8) И не понимают, несчастные, о всех этих [богах], что они – ничто, хотя ежедневно видят, что их боги пожираются и уничтожаются людьми и даже *своими товарищами**, и одни сгорают, другие **умирают**, иные сгнивают и превращаются в навоз (помет). И не могут понять, что они многообразно погибают.

(9) И так, египтяне не уразумели, что предметы подобного рода, которые не в состоянии спасти самих себя⁵⁵⁷, не боги. Ведь если они бессильны в своем

собственном спасении, то откуда же может быть у них сила для спасения их поклонников, чтобы им помочь?

(10) [13, 1] Итак, весьма заблуждались египтяне, – **более, чем все народы**, которые живут на поверхности земли.

XIII.

(1) [2]. Но следует удивляться, *царь, грекам*, как они, *стоявшие выше всех остальных народов по своему уму и нравам*, *впали в заблуждение относительно мертвых* идолов и бездушных изображений: ведь они видели, что их боги распиливаются их мастерами, обтесываются и окорачиваются, и разруба-

Перевод с древнегреческого

мог защитить самого себя, (5) ни Тифон-братоубийца, умертвляемый **Гором и Изидой**, не сумел избавиться от смерти.

(6) И вот их, *известных такого рода несчастьями*, несмысленные египтяне *сочли богами*, но не довольствуясь ими и остальными **предметами почитания язычников**, **причислили** к богам и бессловесных животных.

(7) Одни из них почитали овцу, другие – козла, некоторые тельца и свинью, иные – ворона, ястреба, коршуна и орла, те – крокодила, эти – кошку, собаку, *волка, обезьяну*, змею и аспида, иные лук, чеснок, терновник и прочие творения.

(8) И не понимают, бедняги, о всех них, что не имеют никакой силы. Видя своих богов, поедаемых другими людьми, сжигаемых, убиваемых и гниющих, (9) не поняли о них, что не суть боги.

(10) Итак, сильно заблуждались **египтяне, халдеи и эллины**, *вводя таких богов и делая их статуи*, *обоготворяя немых* и бесчувственных идолов.

XIII.

(1) И я удивляюсь, как, видя своих богов распиливаемыми ремесленниками, обтесываемыми, обрубаемыми, ветшающими от времени и разрушающимися, выплавляемыми – не подумали о них, что они не суть боги. Ибо когда они бессильны в своем собственном спасении как смогут промышлять о людях?

(2) ...

(3) Ибо нельзя видимых и не видящих называть богами, но должно почитать невидимого, всевидящего и все сотворившего Бога⁵⁵⁸.

Перевод с древнесирийского

ются, обжигаются, и отливаются в форму и принимают тот или другой вид. И так как они делаются ветхими и со временем истлевают, и расплавляются, и разбиваются, то как они не поняли, что это не боги? И если они бессильны для своего собственного спасения, то как они могут проявлять заботы о людях?

(2) [3]. Но также поэты и философы их* привнесли ложное представление о них, [когда говорили,] что это – боги, которые сделаны для почитания всемогущего Бога. И в своем заблуждении они хотели, чтобы они [боги] были подобными Богу, Которого никто никогда не видел⁵⁵⁹, кому Он подобен, и не мог видеть Его.

(3) [Alpigiāno переставляет сюда отрывок из § 6.]

Перевод с древнесирийского

(4) И притом они представляют Божество [так], как будто Оно испытывает нужду, так как говорят, что оно [божество] принимает жертвы (заклания) и требует жертв всесожжения и возлияния, и заклания людей, и храмов. Но Бог не нуждается и ничего из этого не ищет. Ясно, что люди заблуждались в том, что они измыслили.

(5) Но их поэты и философы привносят и говорят, что природа всех их богов едина; однако они не уразумели Бога, Господа нашего, Который, хотя един, но во всем присутствует. Следовательно, они заблуждались. Ибо если в человеческом теле, состоящем из множества частей⁵⁶⁰, ни один член не боится другого, но каждый [член] в нем, как в организованном теле⁵⁶¹⁵⁶², согласуется с другим, то также и Богу, Который един в Своей природе, приличествует одна Самой Себе равная сущность, так как Он согласуется в Своей природе и сущности и не боится Самого Себя.

[6] Итак, если природа богов едина, то **невозможно**⁵⁶³, чтобы один бог преследовал другого – убивал его и причинял ему зло. (6) Если же боги преследуются богами и пронзаются,

иные похищаются, иные поражаются молнией, то ясно, природа богов их не едина.

[7] И отсюда, царь, ясно, что они ошибочно думают о природе своих богов и сводят их к единой природе. Если теперь мы обыкновенно удивляемся богу, который видим, а сам не видит, то тем более достойно удивления, если кто-либо **верит** в единую **природу**, которая невидима и все видит. И далее, если приличествует взирать на произведение художника, то тем более подобает хвалить Творца художника⁵⁶⁴.

(7) [8] И еще. Когда греки вводили законы, то они не сознавали, что своими законами осуждали своих богов, потому что если их законы справедливы⁵⁶⁵, то, [следовательно] их боги были несправедливы; ведь они нарушали закон, так как убивали друг друга, занимались чародейством, прелюбодействовали, *похищали* и воровали, спали с мужчинами и совершали другие подобные деяния⁵⁶⁶. Если же боги их безупречны и (тем не менее) проделывали

Перевод с древнегреческого

(4) ...

(5) Но поэты их и философы – халдеев, эллинов и египтян – пожелав своими поэмами и сочинениями прославить своих богов, еще более раскрыли срамоту их и представили наготу всем. Ведь если человеческое тело, состоя из многих частей, не позволяет отбросить какой-либо из своих членов, но имеет неразрывное и согласное с собой единство всех их, – **как в божественной природе допустить раздор и столь великое разногласие?** Если бы была одна природа богов, не следовало богу преследовать, убивать и причинять зло богу. (6) Если же боги преследовали, **убивали**, похищали и поражали молнией богов, то не одна природа, а *различные воли [и притом] все зловерные, так что никто из них не является богом*. Следовательно, ясно, царь, что вся физиология о богах – заблуждение. (7) Но как не поняли эллинские мудрецы и ученые, что законодатели осуждаются собственными законами? Если законы справедливы, то совершенно несправедливы их боги, творящие беззакония, убийства друг друга, отравления,

прелюбодеяства, воровство и мужеложство. Если же они прекрасно поступали так, то несправедливы законы, составленные против богов. *Однако законы [греков] прекрасны и справедливы, хвалящие добро и запрещающие зло, тогда как дела их богов противозаконны. Следовательно, боги их преступники и все повинны смерти, а вводящие такого рода богов – нечестивцы.* (8) Ибо если истории о них мифические – *то они всего лишь рассказы; если физические [реальные] – то творившие это и страдавшие не суть боги; а если **аллегорические** – они ничто иное как мифы**. Итак, доказано, *царь, что все эти предметы почитания многобожников дела погибельного заблуждения. [...]*⁵⁶⁷

Перевод с древнесирийского

вали все это так, как они описывают, то [следовательно] несправедливы законы греков, так как они даны против воли (желания) богов их.

[9] *И в этом целый мир заблуждался.* (8) Ибо рассказы об их богах частью – мифические, **частью – физические, частью – песни и гимны.** *Но песни и гимны – пустые слова и [голый] звук. Что касается физических [повествований], то, если все происходило так, как он передают, – уже не боги творили подобное, страдали и терпели. И мифы – пустые слова, в которых совершенно нет никакой силы.*

XIV.

(1) Теперь, царь, перейдем к истории иудеев и посмотрим, какого мнения они о Боге.

(2) Иудеи говорят, что Бог – един, Творец всего и всемогущ, и что не подобает чтить что-либо иное, кроме сего единого Бога. И здесь они, кажется, подходят к **истине ближе** всех народов, потому что они молятся прежде всего Богу, а не Его творениям. (3) И они подражают Богу в своей любви к людям, ибо они жалеют бедных, освобождают пленных, погребают мертвых и творят другие, подобные этим, дела, которые угодны Богу, а также приятны людям, каковые [дела] они восприняли от своих предков. (4) Однако и они впали в заблуждение в отношении правильного понятия [о Боге]⁵⁶⁸. Они полагали своим умом, что служат Богу, но [судя]

по роду (характеру) их дел (действий), у них было служение ангелам*, а не Богу, ибо они наблюдали субботы и новомесечия, и опресноки, и великий день^{569**}, и пост, и обрезание, и чистоту в пище – чего они никогда вполне не соблюдали.

XV.

(1)* Но христиане, царь, так как они искали и домогались истины, нашли ее, и, как мы узнали из Писаний их, они много ближе к истине и правильному познанию, чем прочие народы. [2] Ибо они признают и **веруют в Бога**, Творца **неба и земли****, чрез Него все [состоит] и от Него все [исходит]⁵⁷⁰, Который подле Себя не имеет никакого иного бога. [3] От Него они имеют заповеди, которые они напечатлели в своем сердце⁵⁷¹ и которые они соблюдают в надежде и ожидании будущего века⁵⁷². (2) [4] Поэтому у них нет ни прелюбодеяния, ни разврата, они отказываются от лжесвидетельства, и не присваивают залога, и не домогаются того, что им не принадлежит; они почитают отца и мать и **оказывают добро своим** ближним, и если они бывают судьями, то судят по правде.

(3) [5] Они не поклоняются идолам⁵⁷³ с **человеческим видом**⁵⁷⁴.

Перевод с древнегреческого

XIV,

(1) Перейдем теперь, царь, и к иудеям, чтобы рассмотреть, что думают они о Боге. [...] ⁵⁷⁵.

(2) Они и ныне почитают Единого Бога Вседержителя, (3) ... (4) но без правильного знания, потому что отвергают Сына Божия и **уподобляются**⁵⁷⁶ язычникам, хотя и кажутся как-то приблизившимися к истине, от которой сами себя отдалили. Это об иудеях.

XV,

(1) [...] ⁵⁷⁷ И они обрели истину паче всех языков земли, так как знают Бога, Творца и **Создателя** **всяческих** в **Единородном Сыне** и **Духе Святом**, а другого бога кроме Него не почитают. Они имеют заповеди **Самого Господа Иисуса Христа**

начертанными в сердцах и хранят их, ожидая *воскресения мертвых и жизни* будущего века. (2) Они не прелюбодействуют, не блудят, не лжесвидетельствуют, не вожделеют чужого, чтут отца и мать, ближних любят, справедливо судят, (3) чего себе не желают, другому не делают, обижающих их призывают [утешают], делая своими друзьями,

Перевод с древнесирийского

Чего они не желают, чтобы другие им делали, того не делают никому⁵⁷⁸. *Яств идоложертвенных они не вкушают, ибо они – чисты*,⁵⁷⁹; и тех, которые их притесняют, они увещевают и делают их своими друзьями, и врагам своим благодетельствуют.

(4) [6] ***Их жены чисты, царь, равно как девы*** [,] и дочери их непорочны. ***У них мужчины*** воздерживаются от всякой незаконной связи и от всякой нечистоты в надежде будущего *воздаяния*⁵⁸⁰ в ином веке.

Если некоторые из них имеют рабов и служанок⁵⁸¹ или детей, то увещевают их *из любви к ним*⁵⁸² сделаться христианами. И если они становятся таковыми, то они называют их без различия братьями⁵⁸³.

(5) [7] Они не **поклоняются** чужим богам⁵⁸⁴ и проводят жизнь в полном **смирении и кротости**. Ложь у них отсутствует. Они любят друг друга, не отвращаются от вдовицы⁵⁸⁵, сироту⁵⁸⁶ **спасают от того, кто учиняет над ней насилие**. Тот, кто имеет, дает охотно⁵⁸⁷ тому, кто не имеет. И если они встречают чужестранца⁵⁸⁸, то вводят его в свое жилище и приветствуют его, как настоящего брата, ибо не именуют себя братьями по плоти, но по духу и по Богу.

(6) [8] А если кто-либо из бедных у них отходит из мира, и кто-нибудь из них увидит его, то *принимает на себя*, по силе возможности, *заботу* о его погребении. И если они услышат, что кто-либо из них находится в плену или терпит притеснения ради имени **их Мессии, то они принимают на себя все его необходимые расходы**, и если возможно освободить его [из плена], то освобождают его.

(7) [9] И если кто-либо среди них беден или **нуждается**, а они не имеют никаких лишних жизненных припасов, то

постятся два или три дня, **чтобы удовлетворить
нуждающихся в**

Перевод с древнегреческого

(P. Lit. Lond. 223)

(Продолжение ВиИ)

убеждая и врагам [врагов] делать Врагам спешат
добро, (4) и жены их чисты, как благодетельствовать, ...
девы, и чреву они некротки и милостивы, ... от
подчиняются; мужчины их всякого незаконного общения
воздерживаются от всякого и от всякой нечистоты
общения и нечистоты воздерживаются, ...

(Продолжение P. Lit. Lond. 223)

*тем более и жены их подобным образом воздерживаются,
ибо имеют перед собой великую надежду в будущем. Но если
имеют рабов, служанок или детей, то и их убеждают стать
христианами, дабы иметь благосклонных, и когда они сделаются
таковыми, называют их братьями без различия.*

(5) Чужим богам они не поклоняются, **кротки, тихи,
скромны** и нелживы; друг друга любят,

(Продолжение P. Lit. Lond. 223) (ВиИ)

вдову не презирают, сироту вдову не презирают, сироту не
(со)храняют; имущий безобижают; имущий без неприязни
неприязни дает неимущему; (щедро) дает неимущему; если
если Увидят странников, подувидят странника, под кровлю
свою кровлю вводят и вводят и радуются ему как
радуются ему как истинному истинному брату, так как зовут друг
брату, так как зовут друг друга братьями не по плоти, а по
друга братьями не по плоти, душе, будучи готовыми души свои
а по душе. положить за Христа, ...

(Продолжение P. Lit. Lond. 223)

(6) Если увидят скончавшегося бедняка, вскладчину, не
скупясь, кто сколько может, хоронят. Если услышат об
осужденных или заключенных, ради имени Христа
приговоренных, вскладчину посылают им то, в чем они
нуждаются, и, если возможно, освобождают.

(7) Если же кто-то раб или бедняк, постятся дня два или три
и то, что собирались отложить на себя, посылают им, † *сами*

полагая радость [в том], что призвали к радости [других] †⁵⁸⁹.

Перевод с древнесирийского
необходимой пище.

(8) Заповеди своего **Мессии** они соблюдают с **великим усердием**, живут праведно и благоразумно⁵⁹⁰, как повелел им Господь Бог их.

[10] *Каждое утро* и всякий час⁵⁹¹ они хвалят и славят Бога за Его благодеяния к ним и благодарят Его в пище и питии.

(9) [11] И если праведник из них отходит из мира, то они радуются и благодарят Бога, провожают его *тело*, как будто бы он переходил из одного места в другое. И если у кого из них рождается дитя, то они славят Бога; а если случится, что оно умрет в детстве, то они еще более прославляют Бога за то, что оно прожило в мире без грехов. Если же, с *другого стороны*, они видят, что кто-нибудь из них умирает в своем нечестии и во грехах, то они *горько оплакивают* его и сожалеют о нем, как о таком, который должен подлежать осуждению.

(10) [12] Вот, царь, предписание закона христиан и их образ жизни.

XVI.

(1) Как люди, знающие Бога, они просят Его [только] о том, что *Ему прилично подавать, а им принимать*. И так они **завершают время своего жития**. И так как они сознают благодеяния Божии по отношению к ним, *то именно ради них продолжает существовать красота в мире*⁵⁹².

(2) И они поистине принадлежат к тем, которые нашли истину, *потому что они искали и стремились к ней; и из того, что мы узнали, мы убедились, что они одни близки к познанию истины*.

(3) [2] О добрых же делах, которые они творит, они не провозглашают во всеуслышание толпы, но заботятся о том, чтобы никто их не замечал⁵⁹³. И они скрывают свои подаяния подобно тому, кто находит сокровище и скрывает его⁵⁹⁴. Они стараются быть праведниками, надеясь увидеть своего Мессию и принять от Него с великим прославлением данные им обетования.

(4) [3] *Об их учении и заповедях, царь, и о превосходстве их служения, и об ожидании [ими] награды себе⁵⁹⁵ сообразно с делами каждого из них, которую они ожидают в иной жизни, ты*

Перевод с древнегреческого

(Продолж P. Lit. Lond. 223)

(Продолжение ВиИ)

(8) И заповеди Божии неуклонно соблюдают, живя свято и праведно, как повелел им Господь Бог, благодарят Его утром и ежечасно (всякий час) за всякую пищу, питье и прочие блага. Поскольку заповеди Его неуклонно соблюдают, живя свято и праведно, как повелел им Господь Бог, благодаря Его ежечасно за всякую пищу, питье и прочие блага, ...

(Продолжение P. Lit. Lond. 223)

(9) А если умрет кто из них благочестивый, радуются, благодарят и молятся о нем, и провожают как отправляющегося в путь. Когда же родится у них дитя, благодарят Бога, но, если уйдет [из жизни] младенцем, еще больше благодарят, что отошел безгрешным. Если умрет кто, имея грехи, скорбят, что отправляется для наказания.

(10) Вот каково, царь, их учение.

XVI.

(1) В чем они нуждаются⁵⁹⁶ от Бога, просят⁵⁹⁹ у Него и так пересекают мир сей вплоть до времени кончины. Они благодарны Ему, что Бог подчинил им все служебные вещи (πάντα δοῦλα) и что ради них⁵⁹⁷ устроено все творение.

(2) Итак, подлинно они обрели **истину**. ...

(Здесь кончается папирус P. Lit. Lond. 223; последнее слово восстанавливается по **S** и **G**. Далее ВиИ.)

(2) Итак, подлинно сей есть путь* **истины**, который руководит идущими по нему к вечному царствию, обещанному Христом в будущей жизни.

(3) ... (4) ... (5) ...

Перевод с древнесирийского

можешь узнать из их Писаний. (5) [4] Для нас достаточно, что мы вкратце сообщили Вашему Величеству о поведении (обычаях) и истине христиан, ибо поистине велико и дивно их

учение для того, кто пожелает исследовать и понять его, и поистине это новый народ и есть нечто божественное в нем⁵⁹⁸.

(6) [5] Итак, возьмите их Писания и прочитайте их⁵⁹⁹ и вы найдете⁶⁰⁰, что я не от себя привнес это и не в качестве их защитника высказал это; но так как я прочитал это в их Писаниях, то твердо уверовал в это, а также и в будущее. И поэтому я счел необходимым **возвестить истину** тем, которые имеют склонность к ней и ожидают будущего века.

(7) [6] Для меня несомненно, что⁶⁰¹ по молитвам христиан существует мир. Прочие же народы заблуждаются и **вводят в заблуждение других**, повергаясь пред стихиями мира, так как умственный взор⁶⁰² их не желает возвыситься над стихиями, и они ходят ощупью, как бы во тьме, потому что не желают знать истины, и, как пьяные*, они шатаются, толкают друг друга и падают⁶⁰³.

XVII.

(1) Доселе я высказал, царь, так как изречения об остальном находятся, как я выше сказал, в других Писаниях их, – [изречения,] которые трудно высказать и даже повторить, но которые не только переданы на словах, но также на самом деле совершились.

(2) Но греки, царь, оскверняющие себя мужеложством, связью с матерями, сестрами и дочерьми, обращают все, достойное осмеяния в их нечистоте, против христиан.

[3] Христиане же праведны и благочестивы, истина – пред их взором, их дух терпелив. (3) И посему, сознавая заблуждение их и подвергаясь насмешкам со стороны их, они [христиане] терпеливо переносят их и даже более – они сожалеют о них, как о людях, которым недостает разума, и за них возносят молитвы, дабы отвратились они от своих заблуждений.

(4) Но если случается, что кто-либо из них обращается, то он стыдится пред христианами тех дел, которые творил. И он славит Бога, говоря: в неведении я делал это⁶⁰⁴. И он очищает свое сердце, и его грехи прощаются ему, ибо он

делал их в неведении в то прежнее время, когда осмеивал и поносил истинное разумение христиан.

(5) Поистине блажен род христиан пред всеми людьми, которые живут на земле.

Перевод с древнегреческого

(6) И дабы узнать, царь, что не от себя я говорю это, прикинув к Писаниям христиан, ты найдешь, что **я не говорю ничего кроме истины**. {Прекрасно уразумел сын твой и справедливо был научен служить Живому Богу, чтобы спастись в грядущем веке⁶⁰⁵}. Ибо велико и **дивно то, что говорят и делают христиане⁶⁰⁶**, потому что произносят не человеческие слова, но Божию.

(7) Прочие язычники заблуждаются и обманывают самих себя, так как шествуя во мраке, словно пьяные, опрокидывают друг друга.

XVII

(1) Доселе [здесь кончается] моя речь к тебе, царь, внушенная моему уму истиной.

(2) ... (3) ... (4) ... (5) ...

(6) Посему пусть **прекратят безумные твои мудрецы** празднословить против Господа, ибо полезно вам почитать Бога Творца (7) и внимать Его нетленным Глаголам, дабы вам, избежавшим суда и наказания, оказаться наследниками непреходящей жизни.

Перевод с древнесирийского

(6) Итак, **да замолкнут теперь языки тех, которые говорят суетное о христианах и злословят их, и пусть скажут [о них], наконец⁶⁰⁷, истину**. Ведь для них много полезнее поклоняться **истинному Богу**, нежели одному звуку без смысла.

[7] **И поистине божественно то, что изречено устами христиан⁶⁰⁸**, и их учение – врата к свету*.

(7) [8] **Итак, пусть приблизятся все, не ведущие Бога⁶⁰⁹**, и восприимут непреходящие слова, которые суть искони и от вечности. Они могут избежать страшного суда, который чрез Иисуса, Мессию, придет⁶¹⁰ на весь род человеческий.

Конец апологии философа Аристида.⁶¹¹

Комментарии
Надписание
См. Предисловие
Глава 1

1. ***А** и **Г** сохранили первоначальный вариант. Утверждение о Божественном предведении, важное равно как для эллинистического иудаизма, так и для христиан, было одним из аргументов в борьбе против политеизма и стоического фатализма. Ср. **Иуст. Диал.** 1, 3 сл.; **Татиан** 2; **Афинаг. Прош.** 8, 4; 22, 1; 25, 2.

** $\delta\acute{\iota}\alpha\kappa\omicron\sigma\mu\eta\sigma\iota\varsigma$ указывает на порядок, объединяющий отдельные элементы (стихии) и устрояющий из них «космос» (т.е. «красоту»). Помимо стоиков [**Диог. Лаэрт.** 7, 70. 137 = SVF II, fr. 526, p. 168⁹; **Stob.** I, 17, 3; 20, 1E; 21, 5; **СекстЭмп. Против учен.** 9, 75, рус. перев. т. 1, с. 257; **Марк Авр.** IX, 1, 10; XII, 5, 6 (p. 77²⁴⁻³ и 10814 Dalfen); **Пс.-Аристот. О мире** 2, 391 B¹¹], встречается у **Платона** (**Тим.** 24 C¹), **Аристотеля** (**Метаф.** I, 5, 986 A³) и пифагорейцев (**Stob.** I, 49, 65²¹). Целый ряд следующих положений (Бог как движущий миром и др.) также имеется у стоиков (см. у **Geffcken'a**, 33, 36).

2. *Здесь и далее часто употребляется выражение $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}\ \alpha\nu\acute{\alpha}\gamma\kappa\eta\nu$, обозначающее нерушимость физических (естественных) законов, установленных Богом, ср. **Пс.-Аристот. О мире** 7, 401 B⁸: «Думаю, что и “необходимостью» (ананкой) зовется не что иное, как сей [т.е. бог], как если бы он был недвижимым существом».

Ср. **Аристот. Метаф. IV, 5, 1010 B³⁷ – 1011 A¹.

***Ср. **Филарх** у **Athen.** 15, 48²⁵ Kaibel; **Меф. Пат. Воскр.** II, 10, 2 (GCS, p. 352¹²); **Пир** VIII, 14, 213 (GCS, p. 101¹⁶ в $\delta\acute{\iota}\alpha\kappa\rho\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ в астроном, контексте); похоже у **Иуст. 1 Ал.** 20, 5.

****Понимание этого места вызывает трудности. Приводим англ. перевод **Harris'a** и итал. **Alpignano** по интерпретации проф. **Guirau**: And that I should investigate concerning this Mover of all, as to how He exists – for this is evident for me, for He is incomprehensible in His nature – and that I should dispute... it is not profitable for me; for no one is able perfectly to comprehend it.

E ho cercato di investigare su di Lui che tutto muove, come Egli sia, e questo mi appare: Egli non é comprensibile nella sua natura, e che io indaghi sulla realta del suo governo cosi da comprenderla del tutto non mi giova poich  nessuno   capace di comprenderla completamente.

Что же касается самой идеи, ср. Плат. **Тим. 28С; Иуст. 2 Ап. 10, 6; Афинаг. Прош. 6; Мин. Фел. 19, 14** (наст. изд., с. 246); **Терт. Апол. 46, 9; Клим. Алекс. Увещ. I, 6, 68, 1** (р. 51^{28–30} St.), **Стром. V, 12, 78. 1** (р. 377^{25–7} St.); 14, 92, 3 (р. 386^{25–6} St.); **Ориг. ПЦ 7, 42** (слова Цельса. рус. пер. с. 320 *Ранович*); **Альбин, Учебн. 27, 1** (в рус. пер. аллюзия не отмечена), и др. Эта цитата, включенная в древние сборники, была столь распространенной и часто встречающейся у христианских авторов, что попала даже в изречения мудрецов на Золотых вратах Благовещенского собора Московского Кремля.

3. *Мысль, что творение существует ради человека, была распространенной, ср. **Филон, Prov. 2, 84; Прор. Сивилл**, фр. 3, 12–4; **Пс.-Клим. Ном. III, 36, 1; Дуогн. 10, 2; Иуст.: 1 Ап. 13, 2; Диал. 5. 41; Татиан 4; Феоф. Авт. 1, 4. 6; Цельс у Ориг. ПЦ 4, 79. 99; ср. Цицер. О прир. бог. 2, 61 (154).**

4. *Весь этот и следующий § следует «отрицательному» богословскому методу, типичному для разных философских школ: среднего платонизма и Плотина, Филона, иудео-христианства и гностицизма. Подробно у *Geffcken'a*, 36–40. Ср. *Спасский*, 3–4, 28.

Ср. **Прор. Сивилл, фр. 1, 17; **Ирин. ПЕ I, 29, 2** (о барбелитах: de Ennoia et de Logo Autogenen emissum dicunt); **Дидим, Trin. II, 1, 1⁵; в Прор. Сивилл 3, 12 αὐτοφυής...**

***По предположению *Raabe*, 64, греч. оригинал ἀκατάληπτος, впервые о Боге у **Филона** (*Post. Cain. 15. 169; Somn. 1, 67; Mut. nom. 10. 15; Quod Deus imm. 62* οὐδε τιτῶ ντῶ καταληπτός), который мог следовать ВЗ или «Пармениду», хотя, как термин слово использовалось и стоиками. Ср.: **КеризмаПетра** (**Клим. Алекс. Стром. VI, 5, 39, 3; Феоф. Авт. 1, 3; Афинаг. Прош. 10; Ирин. ПЕ I, 2, 1** (incom-prehensibilem = ἀκατάληπτον, гностики о «праотце»). У **Мин. Фел. 18, 8**: «Во всем Своем величии Он (Бог) известен только Самому Себе».

5. *Ветхозаветная концепция, но само слово введено Филоном (*Somn.* 1, 67 ἀκατονομιάστου). Ср. Иуст. 1 Ап. 63, 1; Татиан 4; Ирин. *ПЕ* 11, 13, 4; Цельс у Ориг. *ПЦ* 6, 65; 7, 42, а также Иуст.: 1 Ап. 61, 11; 2 Ап. 6, 2; **Клим. Алекс. Стром.** V, 13, 83, 1; 12: 81, 6; 82, 1; Мин. Фел. 18, 10.

***Hennecke* считает, что чтение **Α** оригинально. Ср. Ориг. *ПЦ* 6, 64; *Corp. Herm.* 13, 6 τὸ ἀχρώματον; *Alp.* склоняется к обратному.

***Ср. Плат. *Парм.* 137D; Альбин, *Учебн.* 10, 4. 7; *Пролегом.* плат. фил. 2 (9. 12, рус. пер. с. 484–5, 488); **Апулей**, *De Plat.* 1, 190. 204; **Макс.** Тир. 17, 1; **Филон**, *Mut. nom.* 7; **Иуст. Диал.** 4; Ориг. *ПЦ* 6, 64; *Corp. Herm.* 4, 9; 13, 6; **Клим. Алекс. Стром.** I, 23, 163, 6; V, 3, 16, 4; 6, 36, 3; 12, 81, 5–6.

*****Alp.* считает возможным удержать чтение **Σ** за оригинальное. Ср. Плат.: *Парм.* 138A; *Пир* 211A; **Альбин**, *Учебн.* 10, 7; **Филон**, *Leg. all.* 1, 1. 27; **Клим. Алекс. Стром.** V, 12, 81, 6.

*****Ср. **Иппол. Филос.** X, 33, 3; **Лакт. Бож. наст.** I, 8, 3 сл.; **Авг. Град. Бож.** 4, 27.

*****Ср. **Ерм. Зап.** 1,1; **Клим. Алекс. Стром.** VII, 5, 28, 1; 30, 1; V, 6, 36, 3; **Ориг. ПЦ** 7, 34.

[6] **Alp.* склоняется вместе с *Geffcken*'ом считать **Α** подлинным, ибо несмотря на некоторую склонность **Α** к пояснениям, полностью весь отрывок не мог быть дополненным. Ср. **Филон**, *Conf. ling.* 136 и 138.

**Ср. Диогн. 8 («незлюбив»); Пакт. Бож. наст. II, 17, 2–5 (SC 337, р. 204; рус. пер. с. 170; автор выступает против мнения, что Бог никогда не гневается); V, 20, 9–10 (SC 204, р. 242; рус. пер. с. 395–6) и др.

***«Жертвы» – ср. **Ис 1**, И. Мысль о самодостаточности Бога и необходимости Его характерна как для греческих философских школ, опровергавших антропоморфизм, так и для иудаизма. Ср. также Иуст.: 1 Ап. 10.3; **Диал.** 22; Татиан 4; **Афинаг. Прош.** 29.

Глава 2

2 *О расхождении **Σ**, **Α** и **Γ** см. выше, ссылка 422.

3 *Аристид причисляет греческих богов к разряду варварских, следуя, во-первых, своей классификации (см. предыдущ. §), где объединены с одной стороны греки и варвары как политеисты, с другой – иудеи и христиане как монотеисты; во-вторых, обычному у греков отождествлению своих богов с восточносемитскими, особенно в эллинистическую эпоху синкретических религий. Так, Кроноса они *приравнивали* *ассиро-вавилонскому* *верховному* *богу* *Илу-Ассуру* или просто Ассуру (**Diod. Sic.** II, 30, 1), иногда Бэлу (Евс. *Praep. ev.* IX, 17, 9, р. 504³ Mras), связывая его почитание с культом Реи (ср. **Плут.** *Об Из. и Оз.* 12, 355D). Этим объясняется разъяснение **А** «Бэла».

4 *Эллин обычно назывался сыном Девкалиона, но по варианту мифа – Зевса (**Аполлод.** I, 7, 2, 6, рус. пер. с. 11). Оба варианта соединяет **Клим. Алекс.** (*Стром.* VI, 15, 130, 3, р. 497^{28–9} St.): «от Эллина, [сына] Зевса, [сына же] Девкалиона [только] номинально (κατ' ἐπικλήσιν)...»

Ср. **Татиан 39; **Клим. Алекс. Стром.** VI, 15, 130.

***По одним преданиям, Кадм был финикиец (сидонянин), Дионис же мог быть назван Фиванцем по матери своей Семеле, родом из Фив. Дионис упоминается далее, 10, 8, но присутствие его в числе родоначальников греков непонятно. *Seeberg* считает это ошибкой греч. переписчика, повторившего слово «Даная».

5 *Это объяснение происхождения наименования «евреи» неясно. Этимологически слово связано с потомком **Сима** (**Быт.** 10:21–24; ср. **Феоф. Авт.** 3, 24) или означает «по ту сторону». Эмин предположил, что здесь кроется намек на «пришедший из-за Евфрата; из страны Ebher, находящейся за Евфратом» (примеч. 12), но *А/р.* возражает на это, что слово никак не связано с Египтом и Моисеем и уже Авраам назван «евреем» в **Быт.** 14:13. Однако нам кажется, что **А** относит сказанное не только к Моисею, но и намекает на Авраама, поскольку Моисей (если мы правильно понимаем мысль Аристида) только расширил употребление слова. Тогда предлог имеет не пространственное (как в **S**), а причинное (как в **A**) значение. По наиболее распространенному толкованию, имя «евреи» было дано «туземцами Ханаана племени Авраамову, как перекочевавшему к ним с той стороны (курсив мой. – А.

Д.) Евфрата» (Штейнберг, 338; эта же этимология указана и в Брюссельском издании русской Библии). Конечно, некоторая несогласованность текста Аристиде с Библией остается из-за неясности предлога, но в **A** она меньше, чем в **S**. В целом, вряд ли можно считать вместе с *Alp.* чтение **S** и **A** подозрительным. Намек на эту этимологию встречается веком позже у **Оригена** (*Увещ. к муч.* 33, рус. пер. с. 202 с примеч.*).

6 *Здесь, вероятно, Аристид пользуется одним из древних «правил веры». В греч. версии бесспорны следы позднейшей обработки; аналогичные выражения встречаются и в других местах повести.

8 ***G** относит это слово не к ученикам, а к смерти Христа. *Alp.*, в отличие от прочих издателей, считает **G** первоначальным и видит здесь лишь ошибочную пунктуацию **S**, сопоставляя *Ин* 19, 30; *Деян.* 2:23; *Игн. Ант. Еф.* 20, 1.

По справедливому замечанию *Seeberg'a*, оба слова внесены автором повести (ср. PG 96, 913 D³⁻⁴ дословно; 1029B τῷ προσλήματι 1048 A¹³ досл.). Чтение **S первоначально; слово 'tdqr Пешитта переводит ἐκκεντέω, а также πατάσσω (*Деян.* 12:7); в оригинале было, м. б., προσηύχοντι (как в *Деян.* 2:3).

[10] *Загадочная фраза, имевшаяся уже в греч. оригинале (ср. **S**, **A**). См. *Крест.*, 90–4 и *Alp.*, 142. Скорее всего, она попала сюда из маргиналии в конце гл. 5, а характер ее, по мнению ученых, выдает иудео-раввинистическое происхождение, хотя *Geffcken* пытался найти ее неоплатонические корни.

Глава 3

2 **Alp.*, следом за *Geffcken'ом*, считает эту фразу оригинальной. Последний замечает, что полемика с идолопоклонниками обычно начиналась с указания на поклонение стихиям, а потом уже переходили собственно к идолам (*Иер* 10, 2 сл.; *Прем* 13; *Филон*, *Decal.* 44. 66; *Пс.-Мелит.* PG 5, 1226 AB; 1229 AB; *Афан. Противязычн.* 9).

**По всей вероятности эти слова также подлинны, ср. далее, 3, 3 и *Диогн.* 2, 5.

***Ср. *Кипр. Деметр.* 14 (рус. пер. ХЧ, с. 258–9; *Твор.*, т. 2, с. 239); *Лакт. Бож. наст.* V, 20, 4 (SC 204, р. 240; рус. пер. с.

395); **Евс. *Praep. ev.*** VI, 2, 2; **ВуИ**, PG 96, 944 В¹⁰⁻¹²: «Если не могут сами себя охранять и сами себе помочь, как другим будут они стражами и спасителями?». Впоследствии – общее место «житий-мученичеств», ср., напр., ***Passio Philippi***, р. 546F: Quis rogo ab his speret auxilium, qui se nec possunt servare nee facere?

****Мотив охранения – ср. **Иуст. 1 Ап. 9, 5**; **Афан. *Против язычн.*** 13, 30; бесполезности – **Прем.13:16–9; 14:1–5; Ис.44:16–7; Лакт. *Бож. наст.*** II, 4, 6 (SC 337, р. 56; рус. пер. с. 114). Подробно у *Geffcken`a* (с. XX–XXIV, 50 сл.).

3 *Чтение **S** исходно, ср. **Филон, *Prov.*** 1, 13 (*Oeuvres*, vol. 35, р. 138): «Разрушение частиц какой-либо части и даже малейшей части этой частицы, если вызвано самой природой и существом тела, тем самым предуказывает на будущее разрушение всего тела».

Глава 4

1 ***Geffcken**, приводя ряд параллелей, считает, что **S** изменяет текст на основании **Рим.1:23** и что **G**, подготавливая противопоставление Божественной природы и четырех элементов, первоначально. *Alp.*, напротив, с некоторой оговоркой предпочитает **S**. Это же выражение встречается у автора романа и в других местах (PG 93, 905. 1157).

2 *Мнение ученых о подлинности этого параграфа в **G** разделились: за высказались *Неппеске*, *Geffcken* и *Alp.*, против – *Seeberg* и *Крестников*. Нам кажутся убедительными аргументы в пользу **G**: 1) **S** опускает абзац механически из-за одинаковых начал, 2) **G** стремится сокращать текст, и вряд ли в задачу автора повести входило подчеркнуть значение неба для халдеев, 3) стиль и выражения полностью соответствуют манере Аристиды, 4) наконец, издатели не заметили сходства в одном слове «звезды» **G** 4, 2 и **S** 6, 3.

В ассиро-вавилонской религии небо пользовалось особым почитанием; у хурритов оно было верховным божеством (ср. *Мифы народов мира*, т. 2, «Хурритская мифология», и т. 1, «Ан»); о культе неба у персов свидетельствует **Геродот (1, 131), **Страбон** (XV, 3, 13, рус. пер. с. 680), **Ориген** (*ПЦ* 5, 41.4, рус. пер. *Ранович*, 302). В целом об обожествлении неба язычниками пишут **Пс.-Мелитон** (PG 5, 1226A) и **Афан.** (*Против язычн.* 9).

***Ср. **Татиан** 19.

З *Здесь и далее все необходимые мифологические комментарии и литературу русский читатель найдет в упомянутой энциклопедии *Мифы народов мира* и в *Мифологическом словаре* (хорошие указатели).

О земле и проч. как творении Бога ср. **Феоф. Авт.** 1, 4. «Попирается» -- ср. **Филон, Prov.** 1, 15; **Пс.-Мелит.**, PG 5, 1229C; **Клим. Алекс. Увещ.** IV, 56, 6; **Авг. Град. Бож.** 4, 12. «Богиня» (здесь и далее в аналогичных случаях, где определяемое сущ. по-гречески ж. р.) вместо «бог», «божество» (как в **S**) – выражение автора повести (ср. далее папирус 1778) либо неточное прочтение им рукописного титла θν. Правда, в классическом языке «богиня» может выражаться не только словом θεά, но и θεός (ή), и какой род предполагал сам Аристид, неизвестно (в составном сказуемом артикль не употребляется). Славянский переводчик выпутался следующим образом: «Мнящеи же землю есть богъ ли богынѣ» (с. 218 в изд. *Лебедевой*, еще ниже – «воду бога»), – следовательно, перед ним был греч. текст *ВуИ* с чтением θεόν, а не θεάν, хотя в издании *Alpighiano* такого варианта нет.

По *Alp.*, **S, возможно, оригинально: ср. **Плут. Об Из. и Оз.** 20: «...о блаженной и нетленной природе, по которой более всего познается божество» (358E, р. 19¹⁶⁻⁷); то же самое выражение букв. у **Клим. Алекс. Стром.** V, 13, 83, 1 (р. 381¹⁶⁻⁷ Stählin; Friichtel в дополнениях к коммент. указывает только на термин «блаженная природа» о боге у Эпикура); ср. **Филон, Opif. mundi** 146; **Цицер. О прир. бог.** 1, 34 (96) («блаженной и вечной» в рус. пер., с. 91). Аналогичные эпитеты применительно к богу ср. у стоиков (Плут. *Stoic*, rep. 38. р. 1051 sq.: θεόν.. νοούμεν. νοούμεν ζῶον μακάριον καὶ ἄφθαρτον... – *Geffcken*, 37). Выражение встречается довольно часто у позднейших авторов (ср. **Вас. Вел. Шестодн.** 1, 2⁴⁴: ἡ μακαρία φύσις, рус. пер. М., 1845, с. 5⁴: «Сие блаженное Естество»).

Глава 5

1 *Ср. **Цицер. О прир. бог.** 2, 60 (152); **Афан. Противязычн.** 24. Далее, по всей видимости, **G** сокращает текст.

2 *Ср. **Феоф. Авт.** 2, 5.

3 *Огонь почитался основным элементом и божеством также и в греч. досократовской натурфилософии, как, впрочем, и остальные элементы в зависимости от того или иного философского направления.

4 *В шумеро-аккадском пантеоне – бог Энлиль. Ср. почитание ветра и огня у финикийцев – **Евс. Ргаер. ev.** 1, 10, 10–1 (р. 45^{10–3} Mras). У греков – сыновья Эола.

Глава 6

1 *Ср. **Терт. Апол.** 16, 8; **Платон, Тим.** 41 А – С и **Филон, Спес. leg.** 1, 13–7, цитируемые у **Евс. Ргаер. ev.** XIII, 18, 9–15 (р. 242¹⁷ – 244¹² Mras); **1 Клим.** 20, 1–8; **Афинаг. Прош.** 6, 2; **Ориг. ПЦ** 5, 10; 6, 10; **Афан. Против язычн.** 27, 22 сл.; **Евс. Dem. ev.** 1П, 3, 13–5 (остальные места у *Vona*, 84).

3 *Некоторые ученые и издатели (*Seeberg, Raabe, Крестников*) считали греч. отрывок добавлением автора повести; в папирусе этот отрывок не сохранился, но оставшаяся фраза в **S** и схожесть рассуждений о солнце и луне заставляет предполагать намеренное сокращение в **S** утомительно-однообразных повторений. *Ап.* справедливо замечает, что в предыдущий § о солнце в папирусе по ошибке попали слова, относящиеся к луне (касательно ее роста и ущерба), сравнивая терминологию с **Пс.-Арист. О мире** 6, 399 А⁷ и **Филоном, Спес. leg.** 1, 178; 2, 57. Поэтому отрывок о луне в **G** следует признать подлинным.

Глава 7

1 *Все издатели согласно считают **G** первоначальным; вариант **S** следует эвгемеристическому толкованию язычества, ср. **Прем** 14, 15–21; **Афинаг. Прош.** 26, 28–30; **Феоф. Авт.** 1, 9; и др. Трудно сказать, думал ли здесь Аристид конкретно об обожествлении императора; он мог иметь в виду еще и апофеоз Антиноя Адрианом (ср. **Иуст. 1 Ап.** 29; **Татиан** 10, 2; **Афан. Противязычн.** 9, 38 сл.).

**В сир. тексте различаются душа («нойша», ср. евр. «нефеш») и дух («руха», ср. евр. «руах»). Таким образом, Аристид формально кажется трихотомистом, хотя обратное заключение можно было бы вывести из 12, 6 (о трудностях

понимания и перевода указ, места см. в подстрочном примечании ad loc.). *А/р.* в переводе почему-то опускает (пропускает?) эти два слова. Что касается в целом мнения о четырех элементах, составляющих человека, являющегося микрокосмом, то оно было всеобщим в ту эпоху, ср. **Филон**, *Opif. mundi* 146; **Афинаг. Воскр.** 3, 2; **Клим. Алекс. Увещ.** I, 5, 3; **Мин. Фел.** 5, 8; **Масгр. Сомм.** II, 12, 11. 13–5, p. 132^{15–6. 29} sq. Willis; предыдущие философы: **Цицер. О прир. бог.** 3, 13 (30) сл.; **Аристот. Физ.** VIII, 2, 252 В²⁶; и др.

Глава 8

2 *Многочисленные параллельные места, изобличающие «мораль» греческих богов, собраны у *Vona*, 87 сл.; ср. особ. **Татиан** 8; **Афинаг. Прош.** 21; **Феоф. Авт.** 1, 9 и 3, 3. 5–8.

****А/р.** понимает иначе: иные похищаются людьми (è furone rapiti uomini). Фраза отсутствует в **Г**, подлинность ее (по *А/р.*) вызывает дискуссии, хотя она нам представляется вполне уместной.

*****Весь §** ср. с **Цицер. О прир. бог.** 1, 16 (42); **Лукиан, Совет богов** 7–8. О суде Париса ср. **Лукиан, Разг. богов** 20; **Терт. Апол.** 15, 2.

3 *Мысль, что языческая религия ведет к аморальности, встречается уже в Рим.1:18–32; что люди берут пример с поступков богов – **Иуст. 2 Ап. 12**; **Лакт. Бож. наст.** V, 10, 15–8; **Авг. Град. Бож.** кн. 2; кн. 3, 3 и др.

Глава 9

1 *Необходимые пояснения в области греч. мифологии, помимо указанных энциклопедий, и обширную литературу читатель может почерпнуть из книги *Грейвса*. Специальные комментарии у *Geffcken'a* (60–1, 65 сл.), *Raabe* (77–80) и *Vona* (90 сл.).

Приводим здесь параллельные места с другими апологетами (выборочно), могущие оказаться небесполезными.

Параллельные места греческой мифологии

Кронос (9, 2–5): **Татиан** 8; **Афинаг. Прош.** 20–2; **Феоф. Авт.** 2, 5.

Зевс (9, 6–9): **Татиан** 8. 21.9; **Афинаг. Прош.** 20. 30; **Феоф. Авт.** 1, 10; **Мин. Фел.** 21; **Иуст.: 1 Ап. 21; 2 Ап. 12; Пс.-Иуст.:**

Речь к Элл. 2. 4; *Увещ. к Элл.* 2; *Терт. К языч.* 2, 13; *Афан. Против язычн.* 10–2. 16. 26. *Эпизод с Ганимедом*: *Татиан* 10. 34; *Иуст. 1 Ап.* 1, 25; *Пс.-Иуст. Речь к Элл.* 2; *Мин. Фел.* 22 (23, 7); *Firm. Mat.* 12, 2; *Афан. Против язычн.* И; *Григ. Бог. Прот. Юл.* 1, 122 (рус. пер. т. 1, репр. 1994, с. 121).

Гефест (10, 1–2): *Татиан* 8; *Мин. Фел.* 21; *Пс.-Иуст. Речь к Элл.* 3; *Афан. Против язычн.* 12.

Гермес (10, 3 4): *Афинаг. Прош.* 20 (кадуцей); *Иуст. 1 Ап.* 21; *Мин. Фел.* 21 (22, 4).

Асклепий (10, 5–6): *Татиан* 8. 21; *Афинаг. Прош.* 29; *Иуст. 1 Ап* 21–2 54; *Терт. К языч.* 2, 14.

Арес (10, 7–8): *Афинаг. Прош.* 21; *Феоф. Авт.* 1, 9; *Клим. Алекс. Увещ.* IV, 59, 1; *Пс.-Иуст.: О единовласт.* 6; *Речь к Элл.* 3; *Мин. Фел.* 23, 7; *Афан. Против язычн.* 12. 26.

Дионис (10, 8): *Татиан* 8; *Афинаг. Прош.* 28; *Феоф. Авт.* 1, 9' *Иуст 1 Ап.* 21; *Пс.-Иуст.: Речь к Элл.* 2; *О единовласт.* 6.

Геракл (10, 9): *Татиан* 1. 21.7; *Афинаг. Прош.* 29; *Мин. Фел.* 21 (22 7); *Феоф. Авт.* 1, 9. 13; *Иуст. 1 Ап.* 21, 2; *Пс.-Иуст.: Речь к Элл* 3; *О единовласт.* 3; *Терт. К языч.* 2, 10.4, ср. 1, Ю; *Афан. Против язычн.* 12; *Арноб.* 1, 41; *Муч. Аполл.* 22.

Аполлон (11, 1): *Татиан* 8. 19. 21; *Афинаг. Прош.* 21.8; *Феоф. Авт* 1 9; *Мин. Фел.* 22; *Пс.-Иуст. Речь к Элл.* 2.

Артемиде (11, 2): *Татиан* 8. 29; *Феоф. Авт.* 1, 9; *Мин. фел.* 21 (22, 5).

Афродита (11, 3): *Татиан* 8. 34; *Афинаг. Прош.* 21; *Мин. Фел.* 22' *Пс-Иуст.: Речь к Элл.* 2; *О единовласт.* 6; *Афан. Против язычн* 12. 26.

Адонис (11, 3–4): *Феоф. Авт.* 1, 9; *Иуст. 1 Ап.* 25.

Рея (11, 5): *Татиан* 8. 10; *Афинаг. Прош.* 22; *Афан. Против язычн.* 26.

Аттис (11, 5): *Иуст. 1 Ап.* 27, 4; *Татиан* 8; *Феоф. Авт.* 3, 8; *Мин. Фел* 21 (22, 4); *Терт. К языч.* 2, 7. 29; *Лакт. Бож. наст.* I, 21, 16 (SC 326, р. 214; рус. пер. с. 83); *Афан. Против язычн.* 26; *Пруденц Гимн. муч.* 10, 1061–90 (описание культа Великой Матери, рус пер. Вир 1888, № 20, с. 549–50); *Авг. Град. Бож.* 7, 25.8.

Кора (11, 6): Татиан 9; Афинаг. *Прош.* 20; Пс.-Иуст. *Речь к Элл.* 2

Эти параллельные места (а мы привели далеко не все!) ставят перед исследователями проблемы, связанные с т.н. «сборниками свидетельств» (аналогичные примеры с подборками цитат из Священного Писания см. в комментариях к проповеди Мелитона «О Пасхе»), причем вместо текстологических расхождений принимается во внимание порядок перечисления мифологических персонажей и т.п. Ср. уже у **Иосифа Флавия**, *Прот. Апиона* 2, 34 (242–9) (новый перев. 1994 182–3). Не желая загромождать комментарии, отсылаем читателя к Геффкену и другим указанным выше авторам.

7 *Скорее всего, появление этого странного слова (персонажа так именуемого нет не только среди потомков Зевса и Леды, – из которых осталась неназванной одна Клитемнестра, хотя, говоря «более строго» от Зевса родилась лишь Елена, – но и во всей греческой мифологии) следует связывать с искажением повторенного по ошибке переписчика упомянутого перед этим Полидевка.

9 *ἀνδροβάτης, сущ. зафиксировано еще только у Гесихия s.v. παιδοπίπας (Hesych. t. III, p. 255² Schmidt). Глагол ἀνδροβατέω, по-видимому, производный от этого сущ., встречается в *Ant. Pal.* 5, 208 (Мелеагр 48) и в *Иуст. 2 Ап.* 12, 5; сущ. ἀνδροβασία – у **Епиф Панарий** 27, 4 (Vol. I (GCS), p. 305¹⁶ Holl; PG 41, 369A) (*Liddell Scott; Lampe*; проверено по TLG).

Глава 10

1 *Ср. **Арноб.** 6, 12; Евс. *Praep. ev.* III, 11, 23.

**πυρόλαβον – һарах; засвидетельствовано только πυρολαβίς, -ίδος (forfex).

2 *«Хромой» Пс.-Иуст. *Речь к Элл.* 3; **Феоф. Авт.** 3, 3; **Клим. Алекс. Увещ.** II, 29, 5; и т.д. «Немощный» – Мин. Фел. 23, 5 (Vulcanus claudus deus et debilis).

3 *«Борец» («атлет») – ср. **Горац. Оды** I, 10, 1–4; **Арноб.** 3, 23; «герменевт» – ср. *Иуст. 1 Ап.* 21, 2; **Клим. Алекс. Стром.** VI, 15, 132, 1 (p. 498^{19–21} St. и сноска на Кир. Алекс.); **Арноб.** 3, 32 (рус. пер. с. 163 с примеч. 1).

5 *Правилен вариант **S**. Лакедемоном называлась Спарта, царем которой был Тиндарей. Ошибка вполне понятная, если допустить, что апологию Аристиды обрабатывал Евфимий Святогорец – грузин, а не грек по происхождению и образованию, не знавший в подробностях классическую топонимику и мифологию.

7 *Неправильный перевод ἐτέρων τινῶν.

8 *Следов традиции, повествующей о Дионисе-пожирателе змей, не осталось. Может быть, намек на какие-нибудь вакхические или сабазийские мистерии, ср. **Арноб.** 5, 19. 21; **Клим. Алекс. Увещ.** II, 16, 2. Змеи были атрибутом Диониса с самого его рождения; ручных змей носили с собой менады (ср. **Еврип. Вакх.** 99–104 и **Плут. Жизнеоп. Алекс.** 2).

Глава 11

1 *Этот эпитет употребляет **Клим. Алекс.** (**Увещ.** II, 32, 4), говоря об Аполлоне и Дафне.

2 *ῥέμβεσθαι. У LXX (где слово ῥεμβάζ и однокоренные встречаются впервые в греч. языке) и позднейших христианских (в т. ч. Иустина) и классических авторов слово «блуждать» получило отрицательную коннотацию (ср. рус. «блудить») (см. у **Корсунского**, 259), что хорошо объясняет с филологической точки зрения заключительную сентенцию этого § в сирийском тексте. Что Диана – прелюбодейка, прямо утверждал **Амвр. О девст.** III, 2, 6 (рус. пер. с. 52–3).

5 *Ср. **Иуст. 1 Ап.** 27; **Татиан** 8; **Афинаг. Прош.** 26; и др.

Глава 12

1 *Верования египтян были классическим объектом всякого рода насмешек со стороны античных авторов, ср. напр. 15-ю сатиру **Ювенала** или **Иосиф Флав. Прот. Апиона** 2, 7(86). 13(139). Как замечает *А/р.*, Аристид опровергает здесь египетскую религию, как бы уклоняясь в сторону от плана сочинения, с целью еще более подчеркнуть неразумие греков (ниже, гл. 13), заблуждавшихся ничуть не менее египтян (ср. **Цицер. О прир. бог.** 3, 15(39) 16(40); **Клим. Алекс. Увещ.** II, 39, 6). Автор повести, изменив классификацию Аристиды, придал ей более логической стройности, сообразуясь к тому же с характером романа (см. в Предисловии).

****S**, возможно, сохранило оригинальное чтение. Ср. Рим 1, 22 сл.; **Феоф. Авт.** 1, 10; **Прор. Сивилл** 3, 28; **Афан. Против язычн.** 9.

2 *По **Плутарху (Об Из. и Оз.** 15), гроб с телом Озириса был прибит волнами к Библосу. Греч. текст лексически схож с произведением Плутарха. Возможно, **S** является переработкой **G**, либо, если **S** верно передает Аристиде, апологет не заботился о мифологической точности, заостряя внимание только на фактах смерти и т.п. «богов», хотя миф об Изиде был широко известен – ср. **Афинаг. Прош.** 22; **Мин. Фел.** 21.3; **Лактан. Epit.** 23.

7 *Подробный комментарий у *Geffcken'a*, 75–6. Расхождения **S** и **G** могут зависеть от пропусков копиистов или намеренных сокращений автора повести. Особые «проблемы» возникают с рыбами, о которых в **G** вообще не упоминается. «Сома»: о почитании отдельных видов рыб свидетельствует **Геродот** (2, 72), **Плутарх (Об Из. и Оз.** 7), **Клим. Алекс. Увещ.** II, 39, 5; и др. «Рыбу» (πῡν'): *Harris* предложил конъектуру *uwn'*, «голубь», так как упоминание о рыбе (причем не о какой-то отдельной разновидности!) в ряду птиц (между соколом и ибисом) кажется странным. Однако, если чтение **S** в целом верно, не видно, чтобы Аристид придерживался какого-то определенного порядка, ср. далее между кошкой и собакой – рыба «шеббут» (šibbut), лат. *piscis sporulus* – камбала, торбет. Странно также выглядит леопард после перечисляемых растений. По предположению *Alp.*, это объясняется механическим пропуском слова переписчиком после «льва» и добавлением его в конце перечня, когда ошибка была обнаружена, что наблюдается в рукописях довольно часто. По *Geffcken'у*, 76, Аристид – единственный классический автор, упоминающий о пантере (леопарде) в сонме египетских богов. Ученый замечает, что πάρδαλις назывался вид рыбы, водившейся в Красном море (Элиан, *De nat. anim.* 11, 24), но такое объяснение свидетельствует более об остроумии комментатора. Гепард почитался египтянами в образе богини Мафдет. «Терновник»: по *Geffcken'у*, *mimosa nilotica* Linné – если и не божество, то по крайней мере священное растение.

Аналогичные места см. также у **Афинаг. Прош.** 1, 1; **Феоф. Авт.** 1, 10, 1; **Мин. Фел.** 28, 8; **Муч. Аполл.** 17 и 21.

Заметим, что поздняя античность знала и другое отношение к египетской религии, оставляя в стороне ее тотемистически-зооморфный характер и полагая акцент на символично-аллегорическом толковании животных – см. **Плут. Об Из. и Оз.**, гл. 44 и его же **Заст. бес.** IV, 5, 2 (670 BC, p. 143–4 и рус. перев., с. 76–7 и примеч. 72–82 на с. 434–5).

8 *G: ὑπὸ ἐτέρων ἀνθρώπων. Robinson справедливо замечает, что **S** предполагает чтение ἐταίρων (друзьями, товарищами), но мысль **G** (боги одних народов съедаются другими людьми) равным образом возможна (ср. **Плут. Об Из. и Оз.** 72, 380 AB, p. 70 sq.; **Ювен.** 15, 35 сл.; **Керигма Петра у Клим. Алекс. Стром.** VI, 5, 40, 2, p. 452' ' St.; **Афан. Против язычн.** 23, 74).

Глава 13

2 *Ср. Афинаг. Прош. 7, 2; **Мин. Фел.** 22.

4 *О человеческих жертвоприношениях ср. **Афинаг. Прош.** 26; **Татиан** 29; **Феоф. Авт.** 3, 8 (там же параллели); **Терт. Апол.** 9; **Клим. Алекс. Увещ.** Ш, 42, 3; **Ориг. ПЦ** 5, 27; **Евс. Слово Конст.** 13, 6 8; **Лакт. Бож. наст.** I, 21, 1–19 (SC 326, p. 208–16; рус. пер. с. 83).

****Ср. Варн.** 2, 4–5. 16; **Диогн.** 3, 3–4; **Иуст. 1 Ап.** 10.3; **Афинаг. Прош.** 13; **Татиан** 4, 3.

8 *A/p. отдает предпочтение греч. тексту, см. длинный комментарий к этому месту, поясняющий терминологию, на с. 177–9. Слово φυσικός понималось учеными по-разному. Одни (Seeberg, Крестников и др.) прилагали его к стоической лексике (**Крест.**, 144–5), другие (W. den Boer) связывали с противопоставлением «аллегии» для обозначения «буквального» смысла, относящегося ко знанию «истинной природы богов». Ср. также **Татиан** 21, 6 и **Терт. К языч.** 2, 1.

Глава 14

4 *Ср. Керигма Петра (Клим. Алекс. Стром. VI, 5, 41, 2, p. 452⁹ St. = **Ориг. Сомт. In.** 13, 104). Об особом почитании имен ангелов иудейской сектой ессеев упоминает в **Иудейской войне** (II, 8, 7) **Иосиф Флавий** (рус. пер. изд. 1991 г., с. 153),

хотя «от хранения имен ангелов в тайне переход к культу ангелов не так близок» (Поснов М.Э. Гностицизм II века и победа Христ. Церкви над ним. Киев, 1917, 161). Параллель с Кол 2, 18 (θρησκεία τῶν αγγέλων) спорна, поскольку последнее слово может быть не Gen. obiectivus, а Gen. subject. (Поснов, ibid. 162).

**Имеется в виду «День очищения», Йом Киппур (Лев 23, 27).

Глава 15

1 *Эту и след. гл. ср. с **Диогн.** 5–6.

Скорее всего, первоначально **G (ср. **Феоф. Авт.** 1, 4; 2, 10. 34, 3, 9; **Иуст.: 1 Ап.** 8, 2; 13, 1; **Диал.** 56, 10; **Афинаг. Прощ.** 10, 5; **Пост, апост.** VII, 41, 4). **S**, возможно, ввело выражение из древнего «Иерусалимского символа» (*Denzinger – Schonmetzer*, № 41, р. 30, ср. символ у Епифания – № 42, р. 31), ибо в IV –V вв. в восточных символах это выражение еще отсутствовало (Alp., 27 и 181); следующие же слова, напротив, интерполированы в **G** автором повести.

Глава 16

2 *Путь истины (**G**) – очевидная редакция автора повести в духе классического противопоставления «двух путей» (ср. *Дидахэ*).

7 *Параллельные места у *Geffcken'a*, 95.

Глава 17

[7] *Ср. **Иуст. Диал.** 7, 3; «врата жизни» в **Прор. Сивилл** 2, 150.

Приложение

Spuria

Вместе с апологией мекхитаристы издали по другой рукописи древнюю проповедь, принадлежащую, если верить надписанию, Аристиду. Несколько позднее Conybeare обнаружил эту же гомилию вместе с подлинным сочинением философа (т.е. первыми двумя главами Апологии) в одной рукописи (Эчмядзинской). Большинство ученых оспаривает авторство проповеди. В защиту высказались Zahn и *Крестников* (с допущением ряда вставок в духе позднейшего богословия). Аналогично обстоит дело и с коротеньким отрывком,

опубликованным Питрой – Мартэном по парижской рукописи (арм. 85). Вопрос о подлинности остается открытым за неимением каких-либо других данных⁶¹². Прочих фрагментов под именем Аристиды до нас не дошло⁶¹³. Помещаем оба отрывка в переводе с древнеармянского В. А. Арутюновой-Фиданян (издания указаны ниже). Переводы на русский с языка оригинала публикуются впервые.

Литература

Гомилия

CPG I, 1065

Армянский текст опубликован в венецианском издании мехитаристов (см. выше, библиография к Апологии), с. 14–23 с параллельным латинским переводом, переиздан у Pitr'u – Martin'a с новой латинской версией.

Русские переводы: 1) Барсов Н. Из новооткрытых памятников первобытной христианской проповеди. Св. Аристиды, афинского философа, слово о благоразумном разбойнике. – ХЧ, 1887, ч. 1 (март – апрель), с. 399–401 (предисл.), 402–5 (перевод с лат. по Мартэну); 2) И. *Крестникова* с нем. по *Himpel'ю* (с указанием вариантов переводов мехитаристов и Мартэна) в его соч., с. 84–8 Приложения. О самой гомилии см. также у *Крестникова*, с. 201–13.

Эчмядзинская рукопись остается неизданной.

Письмо ко всем философам

CPG I, 1066

См. изд. *Pitr'ы Martin'a*, с. 11 и лат. перевод на с. 286; рус. пер. с лат. у *Крестникова* на с. 88 Приложения, ср. с. 214–5 его исследования. Греч, ретроверсия в изд. *Harris'a*, 34.

[Речь] Аристиды, афинского философа, о воззвании разбойника и об ответе Распятого

1. (1) Как изумляет меня воззвание разбойника и ответ ему Распятого⁶¹⁴! (2) Ныне не пройди мимо этой таинственной речи, о вдумчивый слушатель, ибо имеет она чудеснейшую силу таинства. (3) Проповедник нашего Евангелия говорит, что Сам Распятый, находясь на кресте, не только был привязан, подобно прочим смертным, но и пригвожден во исполнение предвидения пророков. (4) Множество богоубийц иудеев находилось вокруг. Смерть была вооружена, ибо воин с копьем стоял близ креста. Горькая желчь была приготовлена для вкушения, элементы природы смешались, день принял темный облик ночи. Разорвана завеса храма. Одежда Распятого поделена, о его хитоне брошен жребий. Воинство бесплотных уstraшено, и одновременно содрогнулось от ужаса природное существо верхних и нижних, (5) предсказания пророков исполнились.

2. (1) Но что Распятый? Все, – говорит Он, свершилось в свой срок⁶¹⁵. (2) И вот здесь-то этот мудрый разбойник оказался даже еще более благоразумным и поспешно [обратился] к спасительному гласу. (3) Ибо, хотя руки его были заведены за спину и связаны, а также и ноги были прикреплены к дереву, но он движением своего языка свой [жизненный] путь и мольбу свою завершил. Он воззвал к имени Его, выявив веру, которая таилась в глубине [его] сердца: «Помяни меня, Господи, в царстве Твоем»⁶¹⁶. (4) И вот что сказал Распятый: «Сегодня ты будешь со Мною в раю»⁶¹⁷.

3. (1) О чудесная и страшная тайна! Ибо, еще висая на кресте, он таким образом быстро отправился в путь, чтобы попасть в рай. Однако, избирая своим спутником этого разбойника, Он [Христос] вводит его в рай, а другого [разбойника] – нет. (2) И теперь почему же так случилось? Не похитил ли благоразумный разбойник у [другого] разбойника рай с помощью владыки рая, т.е. находящийся на правой стороне [отнял рай] у находящегося на левой? Боже упаси. Но посредством немногословной речи, сказав: «Господи, помяни

меня в царствии Твоем»⁶¹⁸, – он таким образом получил исполнение желаний скорее, чем попросил. [Он] сказал: «Сегодня ты войдешь со Мной в рай»⁶¹⁹. (3) И, следовательно, совершенно ясно, что похитить [рай] невозможно, ибо туда не могут дотянуться персты грабителей.

4. (1) Но воистину он признал Того, Кто на кресте, Богом истинным, и таким образом из-за провозглашения [своей] веры он был взят в рай, но не похитил рай у Господа.

(2) Остерегись, о [ты], исповедующий человека⁶²⁰, ибо Распятый не может быть простым человеком, делимым и бранным. Ибо обыкновенному человеку, чья природа смертна, невозможно даровать бессмертие другому, также смертному по природе. Достоверно ли и возможно ли, чтобы тот, чья природа тленна, кто по рождению и природе тварен, мог даровать другому равному ему, чья природа также тленна и осквернена, даровать тленному – нетленность?

(3) И есть ли среди людей [тот], кто мог открыть рай, который Господь замкнул перед перворожденным человеком и повелел Херувиму с огненным мечом оградить вход в рай⁶²¹?

5. (1) Итак, каким образом уверуешь ты [в] отверзшего тебе рай Иисуса распятого, если ты смотришь на истинное воплощение Эммануила⁶²² иудейскими ослепленными очами?

(2) Для тебя высочайший – простой человек. И вот Христос – простой человек, распятый, отверзший рай и превзошедший затворившего [рай] Господа! Оказываются ли они противниками друг другу? (3) И не заслуживают ли смеха и осмеивающего песнопения или скорее плача эти вздорные рассказы и ложное учение?

(4) Но мы исповедуем Господа истинного распятым по плоти и поклоняемся Ему как владыке рая, открывающему его.

6. (1) И так глас Распятого имеет также и другую видимую пользу, и очевидное действие. (2) Ибо этот глас всегда животворящий, который услышал разбойник, Тот же Распятый, еще до того, как был распят, обратил к Лазарю во время великого чуда в присутствии иудеев, убийц Господа, которые ревели: «Ты обыкновенный человек, а делаешь себя Богом»⁶²³. Но является сила веры, и тебя убеждает божественный глас,

который говорит сестре умершего: «Если уверуешь, узришь славу Бога»⁶²⁴. (3) Таким же образом Он говорит и слепому от рождения: «Ты уверуй в Сына Божьего, ибо [Тот], Кто говорит с тобой, Он и есть»⁶²⁵. И тот, подобно нашему разбойнику, преклонился, возгласив: «Верую, – сказал он, – Господи»⁶²⁶. И вследствие этого он не только удостоился созерцания, но и узрел Творца света – Бога, от Бога – Слово⁶²⁷. (4) Такую награду за обращение имеет глас, исповедующий истинную веру в Господа Иисуса Христа.

7. (1) Итак, я молю вас, возлюбленные христиане, учиться вере у разбойника [распятого] одесную и быть согласными с ним.

(2) Осудите распятого слева и его единомышленников. И также оплачьте его из-за его неверия. Ибо он, отрекшись от гласа Распятого, отлучил себя. Он не имеет пристойного и прекрасного жилища с двумя первыми⁶²⁸, но он уклонился влево и остался там.

(3) И так и узришь, насколько жалок грех неверия. Ибо дела обоих разбойников находятся перед тобой, так как они всегда упоминаются и читаются в священных книгах,

(4) которые, представляя столь очевидные доказательства, убедительными и справедливыми мыслями тебя приводят к познанию истины, что Распятый есть Бог и Сын Божий. Ему слава.

Из письма Аристиды философа ко всем философам

Всевозможные страдания истинно претерпев в Своем теле, которое Он воспринял по воле Отца и Святого Духа от еврейской Девы, святой Марии, и соединил [в Себе] несказанным и нераздельным единством.

Мученичество Св. Иустина Философа

Предисловие к Мученичеству Святого Иустина Философа

1

В современной науке принято выделять три основных типа агиографической литературы: акты (деяния, *acta*) – редкие документальные свидетельства, протоколы допросов, хранившиеся обычно в архивах (самый ранний известный памятник – мученичество св. Иустина философа); мученичества (*martyria*, *passiones*) – записи очевидцев или сделанные вскоре после кончины святых (к этому роду принадлежат, например, мученичество св. Поликарпа Смирнского и акты-апология Аполлония); и, наконец, жития (*vitae*) – самая многочисленная группа позднейших произведений, часто легендарных, подчиняющихся особым законам данного вида литературы, определившегося даже как самостоятельный жанр.

Из сказанного видно особое место мученичества Иустина как самой древней подлинной¹ документальной записи и ее историческое и литературное значение. Для истории литературы сохранившиеся рукописи представляют к тому же редкую возможность проследить постепенное становление «художественной» редакции и сравнить имеющиеся версии между собой².

Первая редакция (α), наиболее скупая и сдержанная, свидетельствует о намерении верно записать допрос, не прибавляя ничего лишнего и даже, быть может, сокращая стенограмму. Слово «бичевать» в ней передано латинским корнем (ср. *Du Cange*, vol. 1, col. 1701), что отражает лексику судопроизводства (в β заменено греческим эквивалентом). Акты очевидно являются переводом латинского протокола, к которому после прекращения (или, что вероятнее, в период затишья) гонений на христиан было добавлено вступление (заключение могло быть сделано непосредственно при переводе). Все имена товарищей Иустина греческие, кроме одного (латинское имя Ливериан часто давалось вольноотпущенникам); двое из них были выходцами из Малой.

Редакция α сохранилась в Парижской рукописи: Paris. 1470 (890 г.).

Вторая редакция (β) представляет собой новый этап по сравнению с первой в сторону эмоциональной и догматической конкретизации, хотя некоторые детали, отсутствующие в α, могут восходить к самой стенограмме. Рукописи⁶²⁹: Кембриджская (Cant. Add. 4489, VIII в. = C), Ватиканская (Vat. 1667, X в. = V; Vat. 655 XVI в. – ее апограф) и Святогробская Иерусалимская (Hier. S. Sep. 6, IX–X в. = H).

Третья обработка (γ) была сделана для т.н. «царской» минеи⁴. В ней наиболее чувствуется влияние риторики. В заглавии неправильно стоит имя Валериан, зато дана правильная форма родительного падежа Παίονος (вм. Παίωνος или Πέωνος⁵). Что касается содержания, то переложение не слишком вольное, но в первой главе и первой половине второй до вопроса Рустика⁶³⁰ о месте собрания, оно «очень далеко отступает по изложению от подлинных актов и дополняет их 1) прямым хронологическим указанием⁶ на царствование Антонина, 2) характеристикой Рустика и 3) следующей характеристикой семи мучеников: «Не одна была родина у святых, ибо они происходили из разных мест, но благодать Духа соединила их и склонила мыслить братски (ἀδελφά φρονεῖν) и иметь единую главу Христа»⁷. Редакция γ сохранилась в рукописях: Святогробской Иерусалимской (Hier. S. Sep. 17, ок. XI в. = H) и Ватиканской (Vat. 1991, XIII в. = V).

Наш перевод всех трех редакций сделан по изданиям *Lazzati* и *Musurillo*⁶³¹, с уточнениями для β по *Gebhardt*'у (см. также Вѣл. ел. пат. и PG 6, 1565–72), для γ – по *Latyšev*'у, с сохранением нескольких других вариантов чтений, предпочтенных *Lazzati*. В основу перевода варианта β положен текст в ХЧ, сверенный, исправленный и дополненный по указанным изданиям. Другие русские переводы – лишь более (*Жития святых*) или менее (ВЧ) точные переложения, близкие подчас к вольному пересказу. Редакции α и γ ранее не переводились на русский язык. Об остальных изданиях мученичества св. Иустина см. у *Lazzati* и Halkin'a (в ВНГ), литература у *Musurillo*, р. LXIV, п. 11 и Xpr/orov.

Специально следует остановиться на вопросе, давно решенном западной наукой, но остающемся актуальным для Русской и Греческой Православных Церквей. В ежегодно издаваемом Московской Патриархией месяцеслове (в составе «Православного церковного календаря») под первым июня (по ст. ст.) читаем: «[Память] мчч. Иустина Философа и *другого Иустина* (выделено мной. – А.Д.) и с ними (! – А.Д.) Харитона, Евелписта, Иеракса, Пеона и Валериана (166 [г.])». То же и в греческих минеях и синаксаре⁸, хотя в греческой энциклопедии о другом Иустине не упоминается⁹, а в русской науке уже архиеп. Филарет Гумилевский (Учение, т. 1, с. 61, примеч. б по *Ruinart'y*) и архим. Сергей¹⁰ указывали на необоснованность выделения двух Иустинов. Поэтому задержимся на этом подробнее и постараемся проследить сам постепенный процесс раздвоения и установить его причину.

Анализ текста мученичества, а также богослужебных песнопений (служебная минея под 1 июня) не дает никаких оснований для различия Иустина Философа от другого Иустина, скорее наоборот: в обеих ранних редакциях (α и β) мученичества говорится об Иустине, старавшемся узнать всякие учения, а β даже уточняет в другом месте (обращение Рустика): «Ты, так называемый ученый». То же и в каноне мученикам, древность которого ввиду его безыскусственности (отсутствие акростихов и других литературных приемов, свойственных изощренной византийской образованности) не вызывает сомнений. Как было уже давно установлено ученым-болландистом в июньском томе AS¹¹, ответственность за появление второго Иустина несет автор синаксаря, а затем и автор элогиев (похвальных надписей) двум Иустинам, предпосланных канону. Заметим, что в отличие от канона эти элогии настолько сложны и вычурны, что не только ставили в тупик многих переводчиков¹², но даже стали непонятны и самим грекам, которые в результате присоединили к мученикам еще и Иуста вследствие непонятой игры слов¹³.

В древнейших греческих месяцесловах¹⁴ и студийском уставе¹⁵ фигурирует еще только один Иустин, но в

иерусалимском уставе, месяцеслове императора Василия и позднейших различаются уже два Иустина¹⁶. В печатных славянских прологах – только Иустин с дружиной, но в рукописных – оба¹⁷. В распоряжении болландистов был специально привезенный из Руси и переведенный для них месяцеслов, в котором значились два Иустина. Святитель Димитрий Ростовский, составляя жития святых, к сожалению, не имел в своем распоряжении первых 19 дней июня латинских AS, хотя они уже были изданы¹⁸. Со времени составления Четиих-Миней святителем Димитрием в практике Русской Церкви окончательно утвердилась неправильная традиция.

Что побудило авторов синаксаря и элогиев выделить еще одного Иустина? Разгадка кроется в «Церковной истории» Евсевия, который, не будучи знакомым с актами мученичества и не зная ничего толком о кончине Иустина, сделал предположение о смерти его, исходя из сочинений самого философа и Татиана.

«Одним из главных побуждений, но которым акты Иустина не пользовались значением в науке, было то, что они не подтверждались свидетельством Евсевия, который сообщал совсем другое о мученической смерти Иустина, чем акты Иустина, вследствие чего, отдавая предпочтение свидетельству Евсевия, ученые низко ставили известия актов. Но в последнее время, в особенности благодаря критическим работам немецкого ученого Адольфа Гарнака, оказалось, что известия Евсевия по данному вопросу не заслуживают внимания, а известия актов весьма ценны. По суждению Гарнака⁶³², «Евсевий об обстоятельствах мученической кончины Иустина ничего не знал и хотел скрыть свое незнание под покровом искусственных соображений». В сущности, вот все, что знал Евсевий (IV, 16) о кончине Иустина. Он знал, что Иустин был в оппозиции с некоторым циническим философом Кресцентом, знал, что этот философ, по словам Иустина, строил ковы против него, так что Иустин ожидал себе всяких неприятностей от Кресцента (это Евсевий знал из II Апол. Иустина, гл. 3). Но чем кончились враждебные отношения Кресцента к Иустину, Евсевий совсем не знал. Принимая во внимание дошедшее до

него из церковных писателей⁶³³ известие, что Иустин скончался мученически, он заключал, что наверное циник Кресцент был виновником смерти Иустина. Требовались исторические доказательства, но доказательств налицо у него не было. Ввиду этого Евсевий, провозгласив свою догадку о смерти Иустина по проискам Кресцента как действительный факт, в доказательство своего утверждения приводит такое свидетельство, которое ничего не подтверждает. Именно в несколько искаженном (умышленно) виде он приводит свидетельство Татиана, ученика Иустинова, что «Кресцент, боясь сам смерти, старался подвергнуть ей, как великому злу, Иустина»⁶³⁴. Но удалось ли это Кресценту, Татиан не говорит, а между тем Евсевий, опираясь на слова Татиана, смело говорит: «Иустин окончил жизнь вследствие козней Кресцента, об этом свидетельствует Татиан»...(...) Принимал ли какое-либо участие вышеназванный Кресцент в обстоятельствах последних дней жизни Иустина – остается неизвестным.»¹⁹

Дальнейшее развитие легенды⁶³⁵ предположительно прослежено Даниелем Папebroхом: слова φιλοσόφου Κρίσκεντος τὴν ἐπιβουλήν αὐτῷ [scil. Ἰουστίνῳ] καττύσαντος; **Евсевия** (ЦИ IV, 16, 1, в латинском переводе еще сильнее) приобрели в «Александрийской летописи» такой вид: Κρίσκεντος αὐτόν ὑποβάλλοντος (см. июньский том AS, p. 17), откуда уже недалеко и до яда. Понятно, что составителя синаксаря смущали как разногласие этой легенды с подлинными актами, так и отсутствие в последних каких-либо подробных сведений о философе (что, на самом деле, как раз свидетельствует об их точности). Эти же соображения побудили болландиста Halloix издать житие Иустина, составленное на основании собственных сочинений философа, присоединив сюда и легенду об отравлении (хотя совершенно непонятно, как кончина может в таком случае считаться мученической). Так же поступили и при составлении славяно-русской редакции Четьих-Миней. В других современных славянских изданиях житий святых упоминается только один Иустин, но все-таки с недоумением относительно его смерти: «Принял мученическую смерть: согласно одним – от

отравы, тайно поднесенной ему Кресцентом, по другим – был обезглавлен мечом»²⁰.

Что касается дня памяти Иустина, то ранее она совершалась католиками вместе с греками 1 июня (а не 12, как помечено во «Всеобщем мартирологе» Кастеллана, которому следовал, по-видимому, и архиеп. Сергей – см. II, 205), но Узуард (IX в.) и Ноткер поместили память Иустина философа-мученика под 13 апреля (см. PL 123, 931 AB), следуя, скорее всего, чисто хронологическим соображениям и согласуя их с показаниями Евсевия (по которому Иустин пострадал вместе с пергамскими мучениками – *ЦИ* IV, 15–16), позднейшие же латинские издатели, сомневаясь, тот ли это Иустин философ, что продолжал почитаться греками 1 июня, и принимая во внимание уже сложившуюся к тому времени у греков после составления элогиев традицию раздвоения, в свою очередь раздвоили Иустина на философа, житие которого специально составил Halloix (под 13 апреля), и на мученика (под 1 июня). Историческую правду восстановили независимо друг от друга Папebroх и Рюинар, однако память св. Иустина у католиков так и осталась 13 апреля.

Таким образом, в западной науке дискуссия относительно двух Иустинов была окончательно закрыта уже в XIX веке²¹ (если не ранее), и в современных курсах патрологии и справочных изданиях о ней даже не упоминается.

3

Проанализировав вкратце литературную и историческую роль «Мученичества св. Иустина», скажем в заключение и о его богословском значении, а именно, его месте в истории догматики (символические тексты).

С этой точки зрения жития святых только начали, и притом сравнительно недавно, изучаться западной наукой. Ученых останавливает, во-первых, как правило плохая сохранность текстов (несколько различных редакций – здесь вполне обычная ситуация), во-вторых, возможность позднейших интерполяций. Однако и тут есть свои критерии, о которых говорить нужно специально.

Мученичество Иустина имеет на этом фоне серьезные преимущества. Надежной гарантией сохранности текста служит кратчайшая (хотя и по всей видимости неполная) редакция α . Правда, греческий текст нельзя с уверенностью назвать оригинальным, но надо полагать, что латинские протоколы довольно точно передавали языковые особенности допроса. К тому же не исключается наличие и неофициальных стенографических записей непосредственно на греческом. Наконец, акты предоставляют уникальнейший случай сравнить исповедание веры Иустина, запечатленное его кровью, с сохранившимися сочинениями философа и внести определенные поправки в реконструируемый обычно на их основании символический текст. Эта работа уже проделана *Наттан'ом*, и нам остается изложить его анализ (с некоторыми дополнениями и поправками)⁶³⁶.

«Мы чтим ($\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu$, ср. **Дуал.** 10, 3 об образе жизни; 12, 3 о почитании иудеями субботы) Бога христиан Сер.: **1 Ап.** 12, 9; **2 Ап.** 2, 16; **Дуал.** 35, 2; 64, 1 – об имени христиан)...» Множ. число (мы) объясняется тем, что Иустин говорит от лица либо своих товарищей, либо христианских общин, что придает некоторое отличие этому исповеданию от крещального символа.

«...Которого одного почитаем ($\eta\gamma\omicron\upsilon\acute{\omicron}\mu\epsilon\theta\alpha$) изначальным Создателем ($\acute{\epsilon}\xi\ \alpha\rho\chi\acute{\eta}\varsigma\ \delta\eta\mu\iota\omicron\upsilon\rho\upsilon\acute{\omicron}\nu$) этих [вещей и] сотворения всего мира...» Исповедание строится на двух членах – веры в Бога-Создателя и Христа-Спасителя, восходя в этом к ап. Павлу. Особое подчеркивание единого Бога объясняется политеизмом префекта, перед которым держит защиту Иустин, а сама формулировка соответствует восточным исповеданиям (Евсевий Кесарийский, Кирилл Иерусалимский, Епифаний Кипрский и Никео-Цареградский символ, тексты у *Hahn'a*, р. 131–5, 160–5) и у **Тертуллиана** (**Прещ.** 13; *Virg.* 1; и др. – *Hahn*, р. 9–11). Иустин не называет здесь Бога ни Отцом (см. **1 Ап.** 65, 3), ни Вседержителем (**Дуал.** 16, 4; 38, 2; 83, 4; 96, 3; 139, 4; 142, 2 – и нигде в Апологиях), ни Владыкой ($\delta\epsilon\sigma\tau\acute{\omicron}\tau\eta\varsigma$) – возможно потому, что префект не понял бы всей значимости этих слов. Вместо этого Иустин называет Бога-Отца

«Демииургом» (по отношению к Отцу – **1 Ап.** 8, 2; 13, 1; 63, И; **2 Ап.** 10, 6 и нигде в *Диал.*, в этом же значении, т.е. творения всего мира, Иустин часто употребляет термин «Творец» – **1 Ап.** 20, 2; 26, 5; 58, 1; 67, 2; *Диал.* 7, 3; 16, 4; 34, 8; 35, 5; 38, 2 и т.д., однако этого слова нет в редакции α, см. об этом ниже), что подчеркивает вселенскую роль Бога как Творца. Добавим от себя, что префект, сам будучи стоиком, конечно, прекрасно знал античную философскую терминологию, в которую термин «демиург» прочно вошел с **Платона** (присовокуплявшего к этому слову, только гораздо реже, и такие названия, как «творец» – *Тимей*28С, и «отец» – *Политик* 273В, *Тимей* 28С). Некоторые особенности цитирования «Тимея» у **Иуст.** **2 Ап.** 10, 6 (близость к Альбину) и распространенность слова «демиург» у апологетов (**Афинаг.** *Прош.* 6; **Терт.** *Апол.* 46, 9; и др.) заставляют предполагать, что Иустин пользовался какой-нибудь антологией (подробнее у *Daniélou* II, 104–5). Вообще это слово⁶³⁷ было одним из ключевых в философско-религиозных учениях второй половины II века. О демиурге как о «втором» божестве учили **Нумений** (*Лосев*, ИАЭ VI, 132–3)⁶³⁸, гностики (см., напр., *письмо Птолемея к Флоре*), похожие концепции у халдеев и в герметических текстах (*Лосев*, там же, VIII, 219 и 227). Таким образом, утверждение Иустина об *Одном Боге-Демииурге* было первостепенной важности.

Слов «Творца ... видимой и невидимой (твари)», имеющих в редакции β, в α нет. По мнению *Hamman'a*, речь идет об очевидной интерполяции, ибо хотя слово «Творец» и употребляется Иустином в его сочинениях, см. выше, а само словосочетание восходит к *Кол.1:16*, в целом это выражение появляется в символе лишь с IV века, да оно и не кажется в исповедании Иустина необходимым.

Сделаем небольшое отступление. Что могло бы быть здесь вместо «Творца видимых и невидимых»? Пример этому находим в других мученичествах (*Муч. Аполлония*, 2 греч.; *Acta Cypriani*, 1; и т.д.): «Сотворившего небо и землю, и море, и все, что в них». Архаичная формулировка, которой хорошо соответствуют акты *Пиония* (*Mart. Pionii* 8 и др.), но она не находится ни в одном из известных ни западных, ни восточных

символов веры, в то время как в ВЗ она встречается и в канонических, и второканонических книгах [Исх.20:11; Пс.145: 6 (LXX); Неем.9:6 (2Ездр.19:6 LXX); Иудифь.9:12]. В НЗ – Деян.4:24; 14:15; 17:24 и Откр.5,13; 10:6; 14:7⁶³⁹. Эта формулировка, связывающая Св. Писание с актами мученичества, очень редка, но имеется у **Ириней**, **ПЕ** 1, 10, 1; II, 1, 1; III, 4, 2; 12, 5.

Вернемся к «Мученичеству Иустина». Второй член, вводимый союзом «и», звучит так: «...и Отрока Божия Иисуса Христа, о Котором предсказано было пророками, что Он придет к роду человеческому глашатаем спасения и наставником добрых учений».

Как и в восточных исповеданиях, слову «Господь», «Господин» (ср. **Дуал.** 32, 3; 33, 2; 34, 2; 61, 1 и др.) Иустин придает мессианское значение (ср. **Дуал.** 33, 3 и др.). Правда, это слово есть только в редакции β (и только в одной лишь рукописи V, так что не исключена интерполяция). Более удивляет надежное чтение «Отрок» (παῖς). Это архаичное выражение Иустин не употребляет ни в одном из своих сочинений, хотя оно и не было ему неизвестно, ибо в **Дуал.** 88, 1 есть παῖδιόν среди мессианских названий Христа согласно **Ис.53**. *Natman* с некоторым колебанием переводит не «Отрок», а «служитель», хотя далее в «Мученичестве» читаем: «...Которого я только что назвал Сыном Божиим». О значении слова «Отрок» см. литературу, указанную ниже, и сноска 660.

Пророческие предвозвещения о Мессии – типично Иустиновская тема, разрабатываемая как в Апологиях, так и в Диалоге (напр. **Дуал.** 78, 6; 84, 2; 91, 4 и т.д.). Она, помещая Воплощение в историческое и вселенское измерение, часто используется в апологетической литературе, встречается и в исповеданиях веры (ср. **1 Ап.** 31, 1; **Ирин.** **ПЕ** IV, 11, 1; 20, 4. 5).

Иустин называет Христа «глашатаем спасения и наставником добрых учений» (σωτηρίας κήρυξ καὶ διδάσκαλος καλῶν μαθημάτων). Если слово «наставник, учитель» (διδάσκαλος) постоянно встречается у Иустина применительно ко Христу (**1 Ап.** 12, 9; 13, 3; 21, 1; 32, 2; **2 Ап.** 8, 5), то «глашатай» (κήρυξ) спасения – здесь единственный случай. По-видимому,

этим подчеркивается мессианская роль Христа (ср. Лк.4:18–9), о которой апостолы проповедовали народам.

Исповедание Иустина заканчивается развернутым утверждением Сыновства и Божества Христа, без называния Его Единородным (у Иустина только один раз – **Диал.** 105, 1). О Св. Духе не упоминается.

На основании изложенного *Hamman* делает два вывода: один, частный, относящийся только к «Мученичеству Иустина», и другой, более общий, с привлечением других текстов.

Первый вывод таков: «Таким образом, исповедание Иустина вдохновляется древними выражениями, м. б. используемыми еще в литургии и двучленных символах веры. В развитии пророческой и мессианской аргументации он, кажется, придерживается скорее «правила веры» и его формулировок, чем крещального символа, с которым не надо его отождествлять, как мы это увидим далее» (р. 103).

Второй вывод (р. 105) касается наличия в древней церкви разных символических текстов. Лексические отличия, по мнению *Hamman'a*, позволяют утверждать, что в некоторых мученичествах мы имеем дело не с крещальным символом, в котором не перечисляются творения Бога, а с т. н. «правилом веры» (*regula fidei*). Основное отличие этого правила от крещального символа состоит 1) в отсылке к Св. Писанию и подчеркивании его значения, 2) в роли, придаваемой апостольской керигме.

Все сказанное, как мы надеемся, позволит читателю увидеть, сколь много богатого, неожиданного и все еще мало исследованного материала могут дать самым разным ученым драгоценные для каждого христианина мученические акты первохристианских времен.

Примечание

Одно время ученые сомневались в подлинности актов, которые затем были единодушно признаны и ныне не оспариваются абсолютным большинством ученых. См. ниже и примеч. 19. В последнее время *Bisbee* предпринял попытку опровергнуть твердо установившееся и принятое во всех авторитетных патрологиях (Барденхэвера, Квастена, Альтанера,

Христу и т.д.), как и знаменитым болландистом Дёлёй (Delehayе), мнение, что акты Иустина являются копией с acta proconsularia (или, как их еще называют, commentarii, официальные записи). Содержание проведенного им формального (но не в чистом виде, а с привлечением иной методологии) анализа и вытекающие отсюда, по мнению ученого, выводы сводятся к следующему.

Delehayе при разграничении официальных документов и литературных обработок взял в качестве образца судебного протокола два мученичества 314 и 320 гг., проверяя их по двум папирусам 2 и 3 вв. Однако новейшие исследования показали, что протокольная форма довольно сильно разнится на протяжении 2 – начала 4 веков и, следовательно, сравнение таких актов друг с другом может привести к неправильным результатам. Besbee попробовал выяснить, соответствуют ли версии α и β Мученичества Иустина и расхождения между ними – композиции и словесным формулировкам записей писцов, дошедших в папирусах второго века, и так ответил на поставленный вопрос. В Актах Иустина мы имеем дело, вопреки общепринятому мнению, с двумя независимыми *обработками* α и β (зависимость α от β исключена, β от α – допустима в принципе, но маловероятна) не позднее середины – конца третьего века (а не начала четвертого), причем версия α характеризуется тенденцией к сокращению, а β – к расширению копии с подлинной записи. То, что получить копию с официальных актов было возможно (при этом переписчики могли опускать материалы, не относящиеся к делу заинтересованного в копии лица), доказывают подобного рода папирусные денежные расписки, хотя в свое время скептик Geffcken (*Die Stenographie in den Akten der Märtyrer. – Archiv für Stenographie* 57, 1906, S. 81, указано у *Bisbee*, p. 137, n. 23) и пытался отрицать использование стенографических записей в мученических актах (насколько легко было получить такую копию – совсем другой вопрос, не имеющий особого значения, тем более что помимо официальной копии делались и частные, а некоторые процессы могли даже быть обнародованы; ср. по этому поводу *Bisbee*, p. 137–8).

Все эти заключения Bisbee (и именно в той лишь мере, где они основаны на формальных, а не исторических или гипотетических доводах) кажутся нам естественными, и мы пришли, вместе с *Musurillo*, в общем, к таким же выводам еще до того, как нам стала доступна (в последний момент перед окончательным макетированием книги) статья американского исследователя. Однако в определении объема и степени интерполяции (мы говорили бы охотнее об обработке) мы резко расходимся с Bisbee, считая его выводы (удобное авторское резюме, которых, хотя и более категоричное, чем в основном тексте, читатель найдет на с. 157 разбираемой статьи) гиперкритичными. Изложим здесь вкратце наши основные (принципиальные и частные) возражения.

Во-первых, ход расследования в деле Иустина должен был существенно отличаться от обычных судебных разбирательств. Присутствие истца (собственно, доносчика, *delator'a*) на основании неизвестного нам эдикта становилось необязательным в силу самого предмета обвинения (подробнее см. наше предисловие к актам Аполлония). Тем самым из трех лиц в судебном процессе оставались лишь два, а надобность в резюмировании предмета тяжбы, характеристики истца и т.п. могла отпадать. Если и привлекать с некоторой (но не абсолютной, по нашему мнению) долей вероятности папирусы второго века для аналогии с процессами против христиан, то следовало бы отобрать только те, которые касаются *cognitiones extraordinariae* в области *maiestas*, *illicita collegia* и т.п. (ср. *Bisbee*, 136), к каковым и причисляет дело Иустина сам Бисби, однако ниоткуда не видно, что им были использованы именно такого рода папирусы. Во-вторых, Бисби отвергает (с. 139) без достаточной аргументации мнение *Lazzati* 1956, 29 (ср. его же статью 1953 г., с. 489), что копия (или обработка) с актов Иустина была сделана христианами с литургическими целями, однако нам кажется это бесспорным. Достаточно сравнить приписки, пусть даже и позднейшие, в актах Поликарпа, Иустина и Аполлония, чтобы убедиться в обратном. К тому же было бы чрезвычайно странным методологическим и психологическим приемом навязывать ранним христианам

какие-то отвлеченные архивно-документальные или канцелярско-бюрократические задачи. Из сказанного вытекает, что минимальная обработка копий с актов не только была возможна, но и предполагалась изначально с той целью, чтобы литургическое чтение актов отображало одновременно горнюю икону вечности, а не переносило бы литургисающих непосредственно в дольную атмосферу судебного заседания («консулата таких-то, числа такого-то» и т.п.). Поэтому, счастливо избегая односторонности Delehaue, Бисби впадает в другую крайность – сравнения хронологически сопоставимых документов без скидки на законы литературного жанра.

Кроме этих теоретических соображений, выскажем и некоторые конкретные замечания, касающиеся рассматриваемой статьи. При анализе вступительной части Актов Бисби считает (с. 138), что дата 1 июня, зафиксированная в эпилоге версии γ , не перемещена туда из начала подлинного протокола, но является исторической фикцией, на том основании, что традиционный день памяти Иустина расходуется у греков и маронитов (1 июня), римлян (13 апреля) и коптов (31 марта и 11 августа). Мы признаём, что последняя редакция γ не имела перед собой подлинных актов, а является переработкой второй версии, однако это еще ничего не говорит о том, что в церковной традиции не сохранилась истинная дата мученичества, фигурировавшая некогда в копии протокола допроса. Обратим внимание читателей на позднейшую приписку во второй редакции по Ватиканской рукописи, в которой легко могла произойти замена «июня» на «июль» ввиду временной и палеографической близости слов (конечно, мы ожидали бы «календы июлня», но «первое» число остается, однако, без изменений, потому что в июле иды приходились на 15, а не 13 число). Кроме того, Бисби не учитывает, что дата 13 апреля появилась у римлян позднее, первоначально же они отмечали память Иустина *одновременно с греками* (см. наше дальнейшее изложение). Чтобы не затягивать чрезмерно это примечание, ограничимся только еще одним замечанием. В вопросе о подлинности *credo* Иустина Бисби занимает весьма странную позицию. Он признает исповедание веры интерполированным

(с. 157, но гораздо осторожней на с. 150) на том основании, что 1) в формуле веры встречаются выражения, не употребленные Иустином в дошедших до нас сочинениях; 2) она, якобы, может быть литературной вставкой Татиана или кого-либо из учеников Иустина для создания литературного произведения, наподобие «Федона» Платона, для увековечивания своего «Сократа» (с. 139) и запечатления его *ultima verba*, согласных с образом убеждений философа, предпочитающего, словно стоик, умереть, нежели «скомпрометировать» собственную философию или религию; 3) при этом Бисби приходится допустить (с. 148 и др.) еще одну редакцию третьего века для объяснения «неиустиновских» слов в *credo* (с постоянными оговорками, тем не менее, что очень многие выражения в точности соответствуют известным нам из сочинений Иустина). Искусственность нагроможденных подобным образом доводов (отнюдь не «формальных», вопреки названию статьи!), надемся, сама собой очевидна.

В заключение сформулируем наше собственное видение проблемы. По нашему убеждению, в подавляющей части (а отнюдь не в каких-то «порциях») обе редакции α и β Актов подлинны и зависят от протокола допроса, восстанавливаемого, быть может, и не полностью, но с абсолютной уверенностью там, где обе редакции совпадают друг с другом.

Этот анализ уже проделан *Lazzati* и *Bisbee*, и здесь не место для его подробного изложения. Однако не следует, в отличие от *Lazzati*, преувеличивать значение α , ибо соотношение между α и β неясное, и не обязательно, что α хронологически раньше (ср. *Musurillo*, р. XVIII, XIX). К тому же некоторые детали β , отсутствующие в α , явно не могли быть интерполированными. Об этом уже шла речь в предыдущем примечании.

По-видимому, остальные товарищи Иустина также были вольноотпущенниками. Хотя редакция α не дает к такому предположению никакого основания, а β – только для Эвелписта, все же можно провести статистико-социологический

анализ имен мучеников, воспользовавшись капитальным трудом Solin'a.

Харито – женское греческое имя, зафиксированное в Риме только нашим «Мученичеством», потому неясно, была ли она рожденной свободной или нет (I, 451);

Эвелпист – у Solin'a в разделе «рабы и вольноотпущенники» со ссылкой на текст редакции β («раб Кесаря»). Однако даже если придерживаться только версии α, то на 1 свободного с этим именем приходится: 24 неясно, 3 возможно вольноотпущенники, 14 рабов и вольноотпущенников, 2 сына вольноотпущенников (всего 44) (I, 60);

Иерак – в разделе «рабов и вольноотпущенников»: всего имя встречается 21 раз, из них 8 неясно, 12 рабов и вольноотпущенников, 1 странник (II, 1049);

Пеон – имя, как и Харито, встречающееся среди римских имен только в «Мученичестве», однако Solin не колеблясь пишет: «раб», – исходя, по-видимому, из его корневого значения «бить» (I, 591);

Харитон – у Solin'a в разделе «неясно» (I, 452). Всего: 1 свободнорожденный, 58 неясно, 2 возможно вольноотпущенника, 40 рабов и вольноотпущенников, итого зафиксировано 101 имя. Учитывая приведенные Solin'ом статистические данные и статус прочих товарищей Иустина, с большой вероятностью можно и это имя поместить среди «рабов и вольноотпущенников».

Таким образом, считая еще Ливериана, латинское имя которого говорит само за себя, и на основании указаний Solin'a приходим к выводу, что среди шести мучеников, пострадавших вместе с Иустином, пятеро были вольноотпущенниками или рабами, в то время как про женщину Харито нельзя сказать ничего определенного. Косвенным доказательством нашего вывода мог бы, на первый взгляд, служить термин ред. а flagellare, поскольку бичевание кнутом (flagellum), а не палкой (fustigatio), применялось обычно к рабам (см. Бартошек, 62 s. v. castigatio); с другой стороны, это слово имеется уже в Евангелии о наказании Иисуса, а в исключительных случаях (преступления

против величества или обвинение в безбожии) эта мера могла применяться даже к римским гражданам.

Получившей свое название от молитв за императора, которыми заключались все жития, предназначенные, по-видимому, для чтения за царскими богослужениями. Подробнее см. у *Латышева* 1915. Рукопись датируется Латышевым к. X–XI в. Комментарии: Barnes, 515–6.

Последняя форма, следуя нормам византийского произношения, делает орфографически непонятной игру слов в элогии (о котором ниже) Παίων (имя) – παίων (причастие от глагола «бить»). Здесь же заметим, что неправильная форма Валериан (образовавшаяся как типичная метатеза от Ливериан под воздействием названного имени) сохранилась и ныне в Русской Церкви. Относительно других имен нужно упомянуть, что согласно с правилами передачи греческих слов следует транскрибировать не Иеракс, а Иерак (по родительному падежу), не Харйта (Χάρις, ιτος), а Харито (Χαρίτω). Правильно передает эти имена *Лопарев*.

Неверным: царствование Антонина Пия, к которому были обращены апологии Иустина, приходилось на 138–161 гг., в то время как пострадал св. Иустин в правление Марка Аврелия (в 165 г. по мнению большинства ученых на основании *Chr. Pasc.* p. 482 (Bonn) – см. Musurillo, p. XVIII, или в 167 г.). Правда, Антонином мог быть назван здесь и сам Марк Аврелий, как это встречается в памятниках после 7 марта 161 г., т.е. смерти Антонина Пия (Musurillo, p. 55, п. 13)

Латышев 1914, 157–8.

Μηνναῖον τοῦ Ἰουνίου: «μνήμη τοῦ Ἁγίου Μάρτυρος Ἰουστίνου τοῦ Φιλοσόφου, καί ἑτέρου Ἰουστίνου καί τῶν σὺν αὐτῷ ...». См. также: Ὁ Μέγας Συναξαριστής VI, σ. 11–2.

Θρησκευτική καί ἠθική εὐκυκλοπαιδεία, т. 6, Ἀθ. 1965, σ. 973 в статье об Иустине Философе: «ἀπετμήθη τὴν κεφαλὴν μετὰ ομάδος ἐξ μαθητῶν του». Ср.: «Без сомнения, мнение J. Bolland'a, что апологетом, коварно убитым самим Кресцентом, был один Иустин, а мучеником Иустином, к которому относится содержание [актов], – другой (основываясь на **Евс. ЦИ** IV, 16, 7 сл.), не выдерживает критики» (Χρήστου, 499).

Архиеп. *Сергий* II, 164: «Тот же Иустин философ, но с дружиною»; с. 205. «Впрочем различие двух Иустинов мучеников началось не позднее X века. Они различаются в месяцеслове Василия и некоторых других позднейших памятниках».

Знаменитый болландист Даниель Папebroх (*Daniel Papenbrochius*), отдавший все унаследованное от отца состояние и свое зрение собиранию и изданию рукописей житий святых, аргументированно доказал несостоятельность доводов другого болландиста (P.Halloix), защищавшего тезис о двух Иустинах в апрельском томе AS (t. II, P.,³1866, col. 118 et. al.). Эти доказательства кажутся нам не подлежащими никаким возражениям. Однако некоторые ценные частные наблюдения и сведения Halloix были использованы нами.

Например, в первом элогии, похоже, только Halloix правильно передал смысл последней третьей строки Прώτῃ 'Ιουνίου 'Ιουστίνον ἐλλεβορίζει: purgat Justinum Juni lux prima beatum – ибо смерть Иустина доставила, как надо подразумевать, спасение и очищение его душе, так как напиток hellebor'a (чемерицы, употреблявшейся в качестве слабительного) был эффективным средством против яда (другие варианты переводов ср. PG 6, 158–9, где перепечатано предисловие Марана; в современной греческой минее другое чтение: πρώτη 'Ιουνίου 'Ιουστίνε ἐλλεβορίζῃ).

Во втором элогии каждая строфа посвящена одному святому (точнее, имени), причем почти все эти имена обыгрываются (не исключено, что игра слов имеется уже в ответе Эвелииста в 4, 3: Εύέλπιτος – ἐλπίδος).). Для этой цели в первой строфе автор использовал аналогию (скорее всего, этимологически оправданную) между греческим словом 'Ιοοαχτοϋ и латинским justus (справедливый, праведный):

οὕτω τεμείν 'Ιούστον (надо читать со строчной буквы = justum [virum], см. июньский том AS, p. 16–7) εφθῇ το ξίφος,
καί τήν κεφαλὴν ἥν κλινῶν 'Ιουστίνος...
(Еще не успел меч усечь праведного [мужа],
И Иустин клонил голову,
[Как уже] божественный Харитон и дева Харито... и т.д.)

Ясно, что эта игра слов была непонятна переписчикам, не знавшим латыни, и уже в XIV в. (Хлудовский пролог 1370 г., см. архиеп. *Сергий* II, 164), если не ранее, выделяется мученик *Иуст*. Поскольку же у греков синаксарь был в разных сборниках, а печатные минеи на весь год вышли в 13 книгах лишь в 80-х-90-х годах XIX в. (Великий Синаксарь Константина Дукакиса, см. архиеп. *Сергий* I, 275–6), то этот мнимый Иуст. вошел в греческий синаксарь (но не в служебную минею) как уже имеющий за собой многовековую «традицию».

Архиеп. *Сергий* I, 432, 438, 488 и др.

Там же, 454.

Там же, 454, 577 и др.

Там же, 577 и др. Четы-Минеи митр. Макария за июнь не изданы, но по описанию в них также числятся два Иустина (Иосиф. Подробное оглавление Великих Четиих Миней..., стлб. 204 и 208, л. 9 и 29 Успенского списка: память св. Иустина философа; св. мчч. Иустина, Иуста, Харита и Вельвиста, Иеракса, Пеона и Велириана).

Архиеп. *Сергий* I, 272–3, где приведена аргументация.

Лебедев, 97–9. Возражения Гарнаку см. у *Остроумова*, который всячески пытался защитить достоверность сведений Евсевия. Однако разбирая, не всегда убедительно, частности, *Остроумов* опускает (ср. беглое упоминание на с. 90), быть может, самую важную подмену Евсевия – приписывание Татиану свидетельства о смерти Иустина от козней Кресцента. Что касается другого раннего мученичества – св. Поликарпа Смирнского, – то Евсевий не знал его даты, как доказывал В. В. Болотов.

Жития на светите, 273.

Ср. архиеп. *Сергий* II, 205.

Литература

1. Издания текстов

Gebhardt, Oscar von. Acta Martyrum selecta. Ausgewählte Martyreracten und andere Urkunden aus der Verfolgungszeit der christlichen Kirche. Leipz., 1902, 18–21.

Latysev V. Menologii anonymi byzantini quae supersunt. Petropoli, 1912, t. 2, 1–4.

Lazzati G. Gli atti di S. Giustino Martire. – «Aevum» anno XXVII fasc. 6 (1953), 473–97 (тексты на с. 490–7).

Βιβλιοθήκη Ἑλλήνων Πατέρων καί ἐκκλησιαστικῶν συγγραφέων, т. 4 (Αθ., 1955), σ. 233–5.

⁶⁴⁰*D. Ruiz Bueno, Acta de los Martires: Biblioteca de Autores Cristianos, 75. Madrid, 1968, 302–16 (паралл. греч. и испан. текст со с. 316).

Musurillo, Herbert. The Acts of the Christian Martyrs: Introd., Texts and Translations. Oxf.: Clarendon Press, 1972, 42–61.

Варианты а, р и у: греч. текст и паралл. англ, перевод.

Halkin Fr. Bibliotheca hagiographica graeca. Brux., '1957 (Subsidia hagiographica 8a), p. 50 (2-я пагин), № 972z – 974e; Idem. Novum Auctarium Bibliothecae hagiographicae graecae. Brux., 1984 (Subsidia hagiographica 65), p. 123, № 972z – 974.

2. Русские переводы

Мученичество святых Иустина, Харитона, Харита [так!], Евелписта, Иеракса, Пеона и Ливериана, пострадавших в Риме. – ХЧ 1841, ч. 2, 465–71.

Точный перев. с греч. по изд. Bibl. veter. patr., t. 1, p. 711–6, ed. Galland. Venet., 1765.

Допрос и кончина св. мученика Иустина философа. – ВЧ XX, 1856/57, № 8, 75–7.

Вольный пер. с лат. по изд. AS, 1 Jun.

Геттэ В. История Церкви... Т. 1. СПб., 1872, 436–7.

Сократ, перевод с франц. перевода греч. текста по Рюинару.

Фаррар Ф.В. Жизнь и труды свв. отцов и учителей Церкви. Перев. с англ. А.П. Лопухина. СПб., '1891, с. 80–81 (т. 1–2. Пг., ²1902–3).

Перев. с англ, в извлечениях.

Страдание святого мученика Иустина и дружины его. – Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 10. М., 1908 (и репринты), 17–21.

Под 1 июня; перевод отредактированный.

*Житие и страдание св. мученика Иустина Философа. М., 1909 (Флавиан I, с. 288, № 3926^б).

3. Богослужбные тексты, месяцесловы, мартирологи и синаксари

Минея [служебная]. Июнь. Ч. 1. Изд. Моск. Патр. 1986, с. 1–13.

Среди мучеников в редакционном послесловии на с. 12 упомянут Иуст.

Православный церковный календарь. 1994. Изд. Моск. Патр. С. 29.

Μηναῖον τοῦ Ἰουνίου. Ἀθήναι, б.г.

Два Иустина, но в синаксарной заметке Иуст не упоминается – а. 7, 10.

Ὁ Μέγας Συναξαριστής της ορθοδόξου εκκλησίας. Ἀθήναι, 1980, τόμος ΣΤ'. Martyrolog. *Usuardi*. – In: PL, t. 123 (P., 1852), col. 931 AB (13 апреля, критическая заметка издат.), t. 124 (июнь, где Иустин отсутствует).

Сергий, архиеп. (на титуле 1 изд. архим.) Владимирский. Полный месяцеслов Востока. Т. 1–2. Владимир, 1901 (репринт: М., 1997).

Христианство. Энцикл. словарь. Т. 3. М., 1995, 632 (различаются «Иустин Римский*» и «Иустин Философ») и 726 (у католиков правильно – только один Иустин).

4. Исследования

Papebrochius, Daniel. [Praefatio.] – In: AS, P., ³1867 (¹1695). Junii t. I, p. 16 sqq. (там же впервые изданные по-гречески акты, текст (3)).

Лебедев Л.П. Эпоха гонений на христиан... Спб., ³1904 (репринт: М., 1994), 97–9 (М., ¹1885).

Остроумов С. Разбор сведений Евсевия Кесарийского... М., 1886, 89–95, 121–38.

Лопарев Х.М. [Библиография, заметка на изд. *Cavalieri, Studi e testi*. Roma, 1902, вып. 8 и 9.] Византийский временник 12 (1906), 240–1.

Латышев В.В. Св. мученик Иустин и дружина его. – Сообщения Императ. Правосл. Палестинского Общества, т. 25 (1914). Вып. 2, 157–8.

Он же. Византийская царская минея. Пг., 1915 (Записки Ак. наук. Серия 8, т. XII, № 7).

*Freudenberger R. Die Acta Justinii als historisches Dokument. – In: Humanitas-Christianitas: Walter v. Loewenich zum 65. Geburtstag, ed. K.Beyschlag et al. Witten: Luther, 1968, p. 24–31.

Hamman A. La confession de foi dans les premiers Actes des Martyrs. – In: Epektasis offert au cardinal Jean Dauvillier. P., 1972, 99–105.

Williams H. Justin Glimpsed as Martyr among His Roman Contemporaries. – In: The Context of Contemporary Theology: Essays in Honour of Paul Lehmann, ed. Alexander J.McKelway and E.David Willis. Atlanta: John Knox, 1974, p. (?)

Παναγ. Κ. Χρήστου. 'Ελληνική πατρολογία. Τόμος Β'. Περίοδος διωγμών. (Χριστιανική γραμματολογία, 2). Θεσσ., 1978, σ. 499–501, 510–1.

*Malherbe A.J. Justin and Crescens. – In: Christian Teaching: Studies in Honour of LeMoine Lewis, ed. E.Ferguson. Abilene TX: Abilene Christian University Bookstore, 1981, 312–27.

Bisbee G.A. The Acts of Justin: A Form-Critical Study. – Second Century 3, 1983, 129–57.

Прочую литературу см. в сносках и примечаниях.

Addenda

Издания текста

Atti e passioni dei martiri / Introduzione di A.A.R. Bastiaensen. Testo critico e commento a cura di A.A.R. Bastiaensen, A.Hilhorst, G.A.A. Kortekaas, A.P. Orbán, M.M. van Assendelft. Traduzioni di G.Chiarini, G.A.A. Kortekaas, G.Lanata, S.Ronchey. Fondazione Lorenzo Valla: Arnoldo Mondadori editore, ²1990 (¹1987) (Scrittori greci e latini).

Издание текста с параллельным итал. переводом 12 мученичеств, содержательным введением (IX–XL), общей (XLIII–XLIX) и специальной (перед каждым текстом) библиографией, комментариями (371–597), указ, библейских мест. «Мученичество Иустина»: библ. на с. 49–50, текст (только ред. α; помимо прочих, учтены издания: P.Franchi de Cavalieri, Note agiografiche [Studi e Testi 33]. Citta del Vaticano 1920; G.Lazzati, Gli sviluppi..., 119–27; G.Lanata, Gli atti..., 117–24) и перевод 52–7, коммент. 391–6.

Исследования

(нами не использованы)

Pizzolato L.F. Cristianesimo e mondo in tre «passiones» dell'età degli Antonini. – StPatr 23, 1976, 501–9.

Prete S. «Confessioni Trinitarie» in alcuni Atti di martiri del sec. II (Giustino, Apollonio, Policarpo). – Augustinianum 13, 1973, 469–82.

Для понимания гл. 2 (§ 5) актов важны также работы:

Brothers J.T. The interpretation of παῖς θεοῦ in Justin Martyr's Dialogue with Trypho. – StPatr 9 [TU 94]. В., 1966, 127–38 [остальные исследования этого выражения в Библии и у раннехристианских авторов указаны: Bauer, 605].

Normann F. Christus Didaskalos. Die Vorstellung von Christus als Lehrer in der christlichen Literatur des ersten und zweiten Jahrhunderts. Munster, 1967 (Münsterische Beiträge zur Theologie 32).

Условные обозначения

Рукописи

Редакция α

P – Parisinus 1470

Редакция β

C – Cantabrigiensis 4489

V – Vaticanus 665

H – Hierosolymitanus 6

Редакция γ

V – Vaticanus 1991

H – Hierosolymitanus 17

Обозначения

+ добавляет

опускает

†† испорченное (непонятное) место

конъектуральные чтения или дополнения

[] дополнения при переводе для лучшего разумения текста

Шрифтовые выделения

(для редакций α и β)

Выделение Текст, отсутствующий в одной из двух версий

Выделение Текст, отличающийся в двух версиях

Издатели и комментаторы, чьи имена выделены в подстрочных примечаниях *курсивом*, указаны в конце книги в списке Цитированной литературы.

Редакция α

Мученичество святых Иустина, Харитона, Харито, Эвелписта, Иерака, Пеона, Ливериана и дружины их

1. (1) Во время незаконных повелений об идолопоклонстве упомянутые святые были схвачены и приведены к римскому префекту Рустику¹.

2. (1) Когда они были приведены, префект сказал² Иустину: «Какой образ жизни ты ведешь?» (2) Иустин сказал: «Безупречный и безукоризненный всем людям». (3) Префект Рустик сказал: «Каких учений ты придерживаешься?» Иустин сказал: «Я старался познать всякие учения, но пристал к истинным учениям христиан, хотя они и не нравятся лжемудрствующим». (4) Префект Рустик сказал: «Такие тебе нравятся учения?» Иустин

Редакция у

Мученичество святых Иустина, Харитона, Харито, Эвелписта, Иерака, Пеона и Валериана

1. (1) Когда Римской державой правил безбожный Антонин, префектом Рима был ненавистнейший⁶⁴¹ Рустик, человек ужасный и пагубный, исполненный всяческого нечестия. К нему, восседавшему на судейском кресле, подводят однажды⁶⁴² дружину скованных святых, числом семь (2) (ибо слуг сатаны больше всего заботило подвергнуть схваченных жестоким пыткам и таким образом предать их смерти чрез [усечение] мечом). Несмотря на то, что не одна родина была у святых, поскольку происходили они из разных мест, соединила их благодать Духа, склонившая их и мыслить братски и главу единую иметь – Христа. (3) Однако, приведенные⁶⁴³, как сказано, к седалищу безбожного начальника и допрошенные им, как звать их и откуда они и кого почитают, они, признав себя христианами, хотя⁶⁴⁴ и назвали ему [свои] имена⁶⁴⁵, говорили, что град у них один – Божий, вышний Иерусалим свободный⁶⁴⁶, которого художник и творец – Бог⁶⁴⁷, и сказали: «Что пользы тебе, повелитель, в именах наших городов дольних?»⁶⁴⁸

Редакция β

Мученичество святых мучеников Иустина, Харитона, Харито, ⁶⁵²Эвелписта, Иерака⁶⁴⁹, Пеона и Ливериана⁶⁵⁰

1. (1) Во время беззаконных поборников идолослужения издаваемы были по городам и весям нечестивые повеления против благочестивых христиан, чтобы принуждать их приносить жертвы (σπένδειν) суетным идолам. (2) Вследствие этого упомянутые святые мужи были схвачены и приведены к римскому префекту (ἐπαρχος) по имени Рустик.

2. (1) Когда они были приведены в судилище, префект Рустик сказал Иустину: «Сначала повинуйся богам и покорись царям⁶⁵¹». (2) Иустин сказал: «Безупречно и безукоризненно повиноваться [лишь] заповеданному Спасителем нашим Иисусом Христом». (3) Префект Рустик сказал: «Каких учений ты придерживаешься?» Иустин сказал: «Я старался познать всякие учения, но пристал к истинным учениям христиан, хотя они и не нравятся лжемудрствующим». (4) Префект Рустик сказал: «Такие тебе

Редакция γ

(4) Тот, объятый гневом, говорит: «Принеси жертву бессмертным богам, Иустин⁶⁵², исполняя царские предписания, и убеди так же поступить прилежно и этих вот, тобою обманутых, если не хочешь вместе с ними плохо кончить».

2. (1) «Предписания, префект, [одного лишь] Господа нашего⁶⁵³ Иисуса Христа необходимо исполнять, – сказал святой, – которые приводят людей к жизни нетленной. Повелений же твоего царя, ведущих к гибели и вечной смерти, и выслушивать не нужно». (2) Префект [спросил]: «Где только ты выискал, злонравный, такие учения?» Святой [ответил]: «Ознакомившись со многими [учениями], я обрёл эту истиннейшую и великую веру, на которой я стою и в которой умереть желаю ради Христа, (3) ибо Он –

Редакция α

сказал: «Да, потому что я с правильной верой следую им». (5) Префект Рустик сказал: «В чем состоит эта вера?» Иустин сказал: «В том, что мы чтим Бога христианского, Которого одного почитаем изначальным Создателем этих [вещей и] сотворения всего мира, и Отрока Божия Иисуса Христа, о

Котором предсказано было пророками, что Он придет к роду человеческому глашатаем спасения и наставником добрых учений. (6) Но я понимаю, что мало могу говорить о божестве Его, признавая, что [для этого нужна] некая пророческая сила, (7) потому что [пророками] предвозвещено о Том, Которого я только что назвал Сыном Божиим. Потому знай, что свыше проповедовали пророки о пришествии Его к людям».

3. (1) Префект Рустик сказал: «Где вы сходитесь?» Иустин сказал: «Где кто хочет и может. Или ты, видно, думаешь, что всем нам *можно* сходиться в одном и том же месте?» (2) Префект Рустик сказал: «Скажи, где вы сходитесь, или в какое место?» (3) Иустин сказал: «Я живу над †Миртинской баней†³ и во все это время, [как] я пришел в Рим во второй раз, я не знаю какого-либо другого места собрания, кроме тамошнего. И если кто желал прийти ко мне, я сообщал ему истинные учения». (4) Рустик сказал: «Итак, ты христианин?» Иустин ответил: «Да, я христианин».

Редакция γ

Творец неба и земли и всякой твари Создатель, Который⁶⁵⁴ и века сотворил и спасения нашего ради напоследок времен сошел и восприял плоть эту от пречистой Богородицы Марии, как и предвозвестил издревле хор пророков». (4) «Где вы собираетесь, – продолжал префект, – и совершаете обыкновенное богослужение и обучаетесь всему этому?» Святой [ответил]: «Не в одном месте все мы, христиане, собираемся, как ты считаешь, префект, ибо и Бог наш не ограничен местом, так как Он, будучи невидимым и бессмертным, наполняет небо и землю, и повсюду мы Ему поклоняемся и славим Его». (5) «Ты же где сходишься с этими учениками твоими?» – спросил начальник. «Здесь, – отвечал мученик, – повсюду в городе, где только ни застанет нас вечер; ибо вот уже второй раз, как я пришел в Рим с ними и учу этому моему слову истины».

Редакция β

нравятся учения, *несчастнейший!*» Иустин сказал: «Да, потому что я с правильной верой следую им».

(5) Префект Рустик сказал: «В чем состоит эта вера?» Иустин сказал: «В том, что мы чтим Бога христианского, Которого одного почитаем изначальным *Творцом* этого [мира]⁶⁵⁵ и Создателем всей твари, *видимой же и невидимой*, и Господа⁶⁵⁶ Иисуса Христа Отрока (παῖδα)⁶⁵⁷ Божия, о Котором предсказано было пророками, что Он придет к роду⁶⁵⁸ человеческому глашатаем спасения и наставником добрых учений⁶⁵⁹. (6) Но я, как человек, понимаю, что мало могу говорить о *бесконечном* божестве Его, признавая, что [для этого нужна] некая пророческая сила, (7) потому что [пророками] предвозвещено о Том, Которого я только что назвал Сыном (υἰόν) Божиим. Потому знай (ἴσθι)⁶⁶⁰, что свыше (άνωθεν)⁶⁶¹ проповедовали пророки о пришествии Его к людям».

3.

(1) Префект Рустик сказал: «Где вы сходитесь?» Иустин сказал: «Где кто хочет и может. Или ты, видно, думаешь, что мы все сходимся в одном и том же месте? *Нет, не так, ибо Бог христианский местом не ограничен*⁶⁶², но невидимо наполняет небо и землю, и верные поклоняются Ему и славят Его повсюду». (2) Префект Рустик сказал: «Скажи, где вы сходитесь, или в какое место *ты собираешь своих учеников?*» (3) Иустин сказал: «Я живу над баней некоего †Мартина [сына?] Тимиотина †⁶⁶³ и во все это время, [как] я пришел в Рим во второй раз, я не знаю какого-либо другого места собрания, кроме тамошнего. И если кто желал прийти ко мне, я сообщал ему истинные учения⁶⁶⁴». (4) Префект Рустик сказал: «Итак, в конце концов, ты христианин?» Иустин сказал: «Да, я христианин».

Редакция α

4. (1) Префект Рустик сказал Харитону: «Харитон, и ты христианин?» Харитон сказал: «Я христианин, велением Божиим». (2) Префект Рустик обратился к Харито: «А ты, Харито, что скажешь?» Харито сказала: «Я христианка, даром Божиим». (3) Префект Рустик сказал Эвелписту: «Ну а ты кто?» Эвелпист сказал: «И я христианин и причастен той же надежде». (4) Префект Рустик сказал Иераку: «Христианин?» Иерак сказал: «Да, я христианин, и поклоняюсь тому же Богу».

(5) Префект Рустик сказал: «Иустин сделал вас христианами?» Иерак сказал: «Я издавна был христианином». (6) Пеон, встав, сказал: «И я христианин». Рустик сказал: «Кто научил тебя?» Пеон сказал: «От родителей приняли». (7) Эвелпист сказал: «Я слушал с удовольствием учение Иустина, но сделался христианином от родителей». Рустик сказал: «Где твои родители?» Эвелпист сказал: «В Каппадокии». (8) Префект Рустик говорит Иераку: «Твои где родители?» Иерак сказал: «Они скончались, я же уже **достаточно**⁴ времени как удалился из Фригии». (9) Префект Рустик сказал Ливериану: «Неужели и ты христианин?» Ливериан ответил: «И я благочестивый христианин».

5. (1) Префект говорит Иустину: «Если ты после бичевания будешь обезглавлен, то уверен, что тебе предстоит взойти на

Редакция γ

3. (1) После того, как мученик произнес это, префект перевел взгляд на Харитона. «Неужто и ты, Харитон, – спрашивает, – христианин?» «Да, – отвечает святой, – и раб Христов». (2) Тогда тот говорит Харито: «Как ты, женщина, обманута этими⁶⁶⁵ учениями? Ты вызываешь отнюдь не хорошие подозрения». (3) «Не обманутая, – отвечает Харито начальнику, – напротив, раба⁶⁶⁶ Божия и христианка и сохраняю себя в чистоте силой Его и незапятнанной плотскими осквернениями». (4) Затем и у Эвелписта спрашивает префект: «А у тебя что за участь, несчастный?» Тот отвечает: «Я раб Кесарев, теперь же – Христов, милостью Которого обрел свободу». (5) Префект обратился к Иераку: «И тебя, Иерак, совратил⁶⁶⁷ Иустин?» Тот [отвечал]: «Христианином был (υεγεννημαι), христианином являюсь и христианином останусь». (6) На такой же вопрос и Пеон отвечал согласно с другими. Тогда начальник обратил свою речь к Валериану: «А ты что о себе

Редакция β

4. (1) Префект Рустик сказал Харитону: «Скажи (έτι είπέ), Харитон, и ты христианин?» Харитон сказал: «Я христианин, велением Божиим». (2) Префект Рустик обратился к (είπεν πρός) Харито: «Что ты скажешь, Харито?» Харито сказала: «Я

христианка⁶⁶⁸, даром Божиим». (3) Префект Рустик сказал Эвелписту: «А ты кто, *Эвелпист?*» Эвелпист, раб Кесарев, **ответил**: «И я христианин, *освобожденный Христом, и причастен той же надежде, милостью Христовой*». (4) Префект Рустик сказал Иераку: «И ты христианин?» Иерак сказал: «Да, я христианин, *ибо я поклоняюсь и чту того же Бога*». (5) Префект Рустик сказал: «Иустин сделал вас христианами?» Иерак сказал: «Я был христианином *и буду*». (6) Пеон же, встав (ἑστώς), сказал: «И я христианин». Префект Рустик сказал: «Кто научил тебя?» Пеон сказал: «Мы от родителей приняли *это доброе исповедание*». (7) Эвелпист сказал: «Я слушал с удовольствием учение Иустина, но сделался христианином *и я от родителей*». Префект Рустик сказал: «Где твои родители?» Эвелпист сказал: «В Каппадокии». (8) Префект Рустик говорит Иераку: «Твои где родители?» Он же **ответил**, говоря: «*Истинный отец наш – Христос, а мать – вера в Него; земные же мои родители скончались, и я, удалившись из Иконии Фригийской, пришел сюда*». (9) Префект Рустик сказал Ливериану: «А что ты скажешь? Ты христианин? Неужели и ты нечестуешь?» Ливериан сказал: «И я христианин, *ибо поклоняюсь и почитаю единого истинного Бога*⁶⁶⁹».

5. (1) Префект говорит Иустину: «*Слушай, ты, так называемый ученый (ὁ λεγόμενος λόγιος), и думающий. что знаешь*

Редакция γ

скажешь?» «Скажу, что я христианин, – ответил мученик, – и единомыслен с другими».

4, (1) Тогда, надолго онемев от отпора святых, начальник, снова обретя дар речи, обратился к Иустину: «Послушай, ты, так называемый ученый, и думающий, что знаешь истинные

Редакция α

небо?» (2) Иустин сказал: «Надеюсь, *благодаря терпению, если претерплю. Но знаю, что и проживших правильно ожидает благодать Божия вплоть до испепеления*». (3) Префект Рустик сказал: «Итак, ты полагаешь, что взойдешь?» Иустин сказал: «Не полагаю, но точно **убежден**». (4) Префект Рустик сказал: «Если не послушаетесь, то будете покараны». (5) Иустин сказал:

«Мы молимся, чтобы спастись, претерпев кару». (6) Префект Рустик объявил: «Не захотевшие принести жертвы богам, должны быть после флагелляции [φραγελλωθέντες от лат. flagellare, бичевать; ср. Мф.27:26] уведены согласно законам».

Редакция γ

учения! Если ты после бичевания будешь обезглавлен, то полагаешь в самом деле взойти на небо, как ты думаешь, и получить какое-нибудь приличное⁶⁷⁰ вознаграждение [за то], что учишь⁶⁷¹?» (2) Святой же [ответил]: «Не полагаю, но точно знаю и уверен». Тогда начальник, продолжая общий допрос, говорит: «Раз вы так это говорите, нечестивцы, поведем речь о предстоящем. (3) Принесите все вместе жертвы богам, дабы не погибнуть плохо. Ибо какой благоразумный человек захотел бы оставить этот сладчайший свет, предпочтя ему смерть?» (4) «А какой разумный человек, – возразил Иустин, – предпочел бы отпасть от благочестия к нечестию, от света к тьме, от Бога живого⁶⁷² к душегубцам демонам?» (5) «Если не принесете жертвы, – сказал начальник, – то в таком случае приступим к пыткам». (6) Святые [ответили]: «Об этом мы молимся, префект, и жаждем этого и стремимся к этому, и это даст нам великое дерзновение на страшном суде (βήματι) Христовом, на котором думаем получить каждый по делам своим. Итак, делай, что хочешь, ибо мы христиане, как [уже] много раз говорили, и не будем приносить жертв идолам»⁶⁷³.

5. (1) Тогда проклятый начальник приказывает подвергнуть их бичеванию, и⁶⁷⁴ бичевали их, пока не стало мясо слезать с них клочьями и кровь не обагрила ту землю. (2) Когда же он

Редакция β

истинные учения! Если ты после бичевания будешь обезглавлен, то уверен, что тебе предстоит взойти на небо?⁶⁷⁵» (2) Иустин сказал: «Надеюсь *наследить* его [неба] жилища⁶⁷⁶, если претерплю *это*. Но знаю, что и всех, проживших так, ожидает благодать Божия, вплоть до испепеления⁶⁷⁷ всего мира». (3) Префект Рустик сказал: «Итак, ты полагаешь, что взойдешь на небеса, дабы получить какое-нибудь *порядочное*⁶⁷⁸ вознаграждение?» Иустин сказал: «Не полагаю, но точно⁶⁷⁹ знаю и **уверен**». (4) Префект Рустик сказал:

«Вернемся наконец к предстоящему необходимому⁶⁸⁰ и неотложному делу. Итак, все вместе единодушно принесете жертвы богам». Иустин сказал: «Никто из здраво мыслящих не отпадает от благочестия к нечестию⁶⁸¹». (5) Префект Рустик сказал: «Если не послушаетесь, то безжалостно будете покараны». (6) Иустин сказал: «Мы молимся, дабы спастись, претерпев кару ради Господа нашего Христа⁶⁸², потому что это послужит нам во спасение и дерзновение на страшном и всемирном суде Владыки нашего и Спасителя». (7) Так же и другие мученики говорили: «Делай, что хочешь; ибо мы – христиане, и не будем приносить жертв идолам». (8) Префект Рустик объявил следующее (λέγων): «Не захотевшие принести жертвы богам и покориться повелению самодержца⁵, должны быть после **бичевания** уведены, дабы, согласно законам, претерпеть смертную казнь через обезглавливание».

Редакция γ

увидел, что мученики ничуть не уступают, выносит им приговор: «Приказываю, чтобы пренебрегшим царскими повелениями и не захотевшим принести жертвы богам были мечом отсечены головы

Редакция α

6. (1) Тогда святые мученики, славящие Бога, были отведены на обыкновенное место, кончив мученичество (μάρτύριον) в исповедании нашего Спасителя, Которому слава и держава со Отцем и Святым Духом ныне и во веки веков. Аминь.

Редакция β

6. (1) Тогда святые мученики, славящие Бога, были отведены на обыкновенное место и обезглавлены, кончив свое мученичество (μάρτυρίαν) в исповедании нашего⁶⁸³ Спасителя. (2) Некоторые же из верных, тайно взяв их тела, положили в приличном⁶⁸⁴ месте при содействии им благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Редакция γ

6.

(1) Тогда⁶⁸⁵ воины, взяв их и достигнув места мученичества, святые главы их усекают

(2) в первый день июня. Некоторые же мужи, старательно подобрав их честные тела, с честью похоронили их во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава ныне и присно и во веки веков. Аминь⁶⁸⁶.

Комментарии

В ранних протокольных записях, как замечает *Bisbee* (р. 144) со ссылкой на *Coles*, 39, использовалось *либо* имя, *либо* должность председательствующего, а самая ранняя документально засвидетельствованная *двойная* титулатура относится к 232 г. Таким образом, обратное утверждение Delehaue оказывается верным лишь для позднейших актов. Судья именуется в редакциях α и β следующим образом (*Bisbee*, 144):

	Редакция α	Редакция β
Префект (ὁ ἐπαρχος)	2	1
Рустик	4	1
Рустик префект	14	19

Таким образом, обе редакции независимо друг от друга почти механически выравнивают первоначальную формулировку в соответствии с более поздними нормами.

Согласно *Bisbee* (р. 145), глагол после имени лица отсутствовал в записях до 135 г.; в период между 135 и 234 гг. все прямые речи вводились глаголами «сказал» (εἶπεν для вопросов) и «ответил» (ἀπεκρίνατο), хотя немногие документы опускают глаголы; после 234 г. употребляются те же глаголы, но в сокращенном виде (εἶπ, ἀπεкр). Особо следует отметить, что писец, раз избрав слово «сказал» для ввода прямой речи (надо понимать, вместо чередования с «ответил»?), монотонно использовал дальше только этот глагол. Из таблицы, составленной *Bisbee* (р. 145) на основании семи актов (Мученичество Иустина учтено в трех редакциях), прекрасно видно, что этим требованиям (которые, впрочем, могли легко быть имитированными и позднее, ср. *Bisbee*, 145–6) соответствуют идеально лишь Акты Аполлония (26 раз; в нашем переводе апологии Аполлония, помещенном ниже, глагол опущен) и почти полностью Мученичество Игнатия (8 раз «сказал» и единожды «ответил») и Акты Иустина («сказал» 37

раз в ред. α и 38 в ред. β, «говорит» по 2 раза, «ответил» по 1 разу; «ответил, говоря» и «говорили» [последняя форма, явно относящаяся к интерполированному месту, не учтена в таблице Бисби] один раз в ред. β; «литературная» редакция γ добавляет 1 раз εἶπον, 4 раза εφη и 3 раза φησί, 7 раз вводит прямую речь без глаголов, а εἶπεν употребляет лишь четырежды!). В связи с особой значимостью этих вводных глаголов мы перевели обе редакции α и β Актов Иустина, насколько это было возможно, буквально, отказавшись от литературных синонимичных замен

Bisbee (p. 152) полагает, что место не обязательно считать испорченным, поскольку редакция β представляет *lectio difficilior* и тем самым предпочтительней там, где ред. α опускает малопонятный текст (или несущественную, по мнению переписчика, деталь).

Чтение α: ἀπό ἱκανοῦ χρόνου τῆς Φρυγίας ἀπεσπάσθην; чтение β: ἀπό Ἰκονίου τῆς Φρυγίας ἀποσπασθεῖς. *Freudenberger* (по изложению *Bisbee*, p. 154) считает чтение подозрительным из-за «аттикизма» (аттикизирующего оборота, *die attizistische Wendung*), а вариант β более сомнительным, нежели α, потому что Икония находилась, собственно, в Ликаонии, а не Фригии, хотя аналогичное словоупотребление засвидетельствовано, тем не менее, во фригийском языке (*in phrygischer Sprache bestätigt*). По мнению немецкого ученого, «Икония» – ошибка переписчика вместо ἱκανοῦ, нам же кажется, наоборот, что *lectio difficilior* β предпочтительней (добавление χρόνου к иконου и замена «ο» на «α» при выпадении второй йоты в Ἰκονίου более вероятны, чем пропуск χρόνου и сложная замена «α» на «ο» со вставкой «ι», ибо выражение иконου понятно и без уточнения χρόνου, в то время как поврежденное чтение иконου без пояснения совершенно невразумительно).

Bisbee не определяет тут своей позиции (солидаризуясь, по-видимому, с Фрейденбергером), однако делает любопытнейшие замечания (см. с. 154) по поводу предыдущей фразы в ответе Иерака («Истинный отец наш – Христос, а мать – вера в Него»), Бисби пишет, что, насколько ему известно, эта фраза в таком именно сочетании эпитетов является *haraх'ом* в христианской литературе. Согласно специальному исследованию *Plump'a*,

продолжает Бисби⁶⁸⁷, в патристической литературе более привычно выражение «Мать-Церковь», хотя вера названа Матерью у Поликарпа (Флп. 3, 2–3), в Пастыре Ермы (Вид. III, 8, 2–5), у Климента Александрийского, Иоанна Златоуста и Кирилла Александрийского. С другой стороны, ожидалось бы именование Отцом не Второй, а Первой ипостаси, но такое словосочетание встречается, помимо гностических текстов, в апокрифических «Деяниях Фомы», «Деяниях Матфея» и у Феодорита (точные ссылки у Bisbee, другие см. в нашем комментарии к стиху 58 «О Пасхе» Мелитона). По *Plump'y* (19, цит. у *Bisbee*, 154), Μήτηρ Πίστις предшествовало выражению Μήτηρ Εκκλησία. Bisbee заключает, что если ред. β и является интерполяцией, то ранней, но «гностический отзвук» (the Gnostic sound: выражение несколько опрометчивое в устах серьезного ученого, мы бы говорили просто о раннем богословии) ответа Иерака делает предположение об интерполяции маловероятным, поскольку в таком случае мы должны были бы столкнуться и в других местах актов со схожими тенденциями. Однако далее Бисби противоречит сам себе, отдавая предпочтение более краткой редакции на основании чисто формальных соображений (вводная формула прямой речи). Мы, в свою очередь, не придавая формальному методу такой силы и не желая смешивать его с историко-филологическим анализом, хотим быть более последовательными в рассуждениях и признать речь Иерака исконной в β и сокращенной в α.

На сей раз мы присоединяемся к выводу *Bisbee* (p. 155–6), что постановление Рустика интерполировано в β. Помимо того, что вставка несогласна с историческими реалиями (Луций Вер был соправителем Марка Аврелия вплоть до своей смерти в 169 г.), она не стыкуется с началом самой этой редакции «покорись царям» (2, 1). Окончание фразы развертывает значение, скрытое в глаголе ἀπάγειν, употребленном здесь как *terminus technicus* (обвинять, уводить в тюрьму, откуда метафорически, по *Lamp'y*, уводить на смерть) и сочтенном переписчиком слишком неясным. Род казни обе редакции указывают в 5, 1.

Акты и апология Аполлония

Предисловие к актам и апологии Св. Аполлония

В 1874 г. венецианские мекхитаристы издали двухтомник житий святых, среди которых были и акты мученичества Аполлония⁶⁸⁸. Однако они остались не замеченными научной общественностью, пока внимание к ним не было привлечено известным ученым, знатоком древнеармянской литературы Конибиром (Conybeare), опубликовавшим 21 июня 1893 г. их английский перевод. Оказалось, что житие следует протоколам допроса того самого Аполлония, о котором пишут Евсевий в *ЦИ* (V, 21), ссылающийся на свое не дошедшее до нас собрание древних мученичеств, и Иероним (*О знам. мужах*, 42), называющий Аполлония «римским сенатором». Почти сразу же на публикацию Конибира отреагировал Гарнак, держа доклад 27 июля в Прусской Академии наук о новооткрытой апологии на основании выполненного по его просьбе Бурхардом немецкого перевода и назвав ее «самой благородной апологией христианства, дошедшей до нас от древности» (фраза, ставшая крылатой).

В 1895 г. болландисты обнаружили и опубликовали греческий текст (G) защитительной речи, поставив тем самым дальнейшие исследования на более прочную почву. Расхождения двух версий и поднимаемые апологией проблемы пробудили живейшие дискуссии, не получившие окончательного удовлетворительного разрешения до сего дня. Мы ознакомим читателей с этими проблемами, представляющими несомненный интерес и важными для понимания текста, по возможности кратко.

Подлинность апологии и надежность текста

После того как улеглась первая волна эйфории, слышались голоса (прежде всего *Геффкена*), отказывающие апологии Аполлония в оригинальности и силе и настаивающие на интерполяции актов, так как представлялось маловероятным, чтобы столь длинная по сравнению с другими дошедшими до нас протокольными записями речь была

произнесена и выслушана сенатом. Отложив на время вопрос об оригинальности речи, займемся проблемой ее подлинности.

Объем апологии и размер ораторских речей не может доказывать ее позднейшую интерполяцию, ибо аналогичные случаи известны, хотя и малочисленны⁶⁸⁹, особенно же следует принять во внимание, что мы имеем дело с дискуссией образованного и знатного мужа с одной стороны, с противной – заинтересованного и сведущего в философии префекта и других лиц. К тому же Иероним пишет, что Аполлоний «сочинил объемистый том, который прочитал в сенате» (*insigne volumen composuit, quod in senatu legit*), а **Руфин** в латинском переводе **ЦИ** (V, 21, 4) **Евсевия** (GCS 9.1, p. 487^{8–11}) также добавляет, что Аполлоний, после того как его защита была выслушана сенатом и всем народом, по (чьей-то) просьбе издал ее, а затем был казнен (*turn deinde exoratur beatus Apollonius martyr, uti defensionem pro fide sua, quam audiente senatu atque omni populo luculenter et splendide habuerat, ederet scriptam. Et post haec secundum senatus consultum capite plexus est*). Может быть, Руфин располагал какой-либо своей информацией, может, ориентировался на Иеронима, или, как полагал Delehayе, просто «счел апологию слишком хорошо составленной, чтобы она была произнесена непосредственно во время слушания, а не написана заранее и вскоре издана»⁶⁹⁰. Следует ли полагать, что Аполлоний составил ее заранее, или в промежутке между судебными заседаниями, или она была импровизацией, – остается лишь гадать. Как бы там ни было, замечания Иеронима и Руфина доказывают, что апология имела письменное распространение.

Прочие возражения против подлинности актов еще более легко устранимы. Источником греческой и армянской переработок были подлинные «акты» (см. G 11 – употреблено латинское слово *acta*), т.е. протоколы, что не исключает неофициальной записи. В первоначальных судебных протоколах фиксировалось лишь имя говорившего, в актах иногда добавлялось, кому адресовано обращение. Ремарки типа «он же, отвечав, сказал», «так же и остальные мученики отвечали»

(*Муч. Иустина*), или «улыбнувшись» (*Муч. Аполл. G 8*) – следствие позднейшей литературной обработки⁶⁹¹.

Более сложен вопрос об общих апологетических местах, «топосах», которые могли, казалось бы, быть внесенными переписчиками и редакторами житий. Однако *Delehayе* совершенно справедливо замечает, что апологеты той эпохи пользовались имеющимся у них в наличии арсеналом защиты, выбирая оружие каждый раз по своему усмотрению⁶⁹². По *Schwartz'y*⁶⁹³, Аполлоний использовал среди разнообразных *Testimonia* и списки «философов-праведников», может быть в контексте споров о Сократе в конце второго века, но установить более точно конкретные параллели невозможно; наряду с общими местами в актах встречаются очень редкие варианты, свидетельствующие о самостоятельности автора (см. ниже). Невозможно отрицать ярких и индивидуальных черт в защите Аполлония и ее личностную окраску – достаточно сравнить ее с литературными компиляциями позднейших «житий», вполне стандартными. Апология проникнута благородством, производит сильное впечатление и не лишена определенной философской обработки, как читатель увидит в дальнейшем.

Таким образом, в основе апологии лежат записи, источник которых (официальные или неофициальные протоколы либо письменная защита) трудно окончательно определить, но подлинность их несомненна⁶⁹⁴.

Расхождения редакций вызваны разными причинами. Имя префекта «Теренций», встречающееся в армянском тексте (А), можно объяснить палеографическим прочтением слова «Перенний». Действие происходит в Риме, в присутствии префекта претория Тигидия Перенния, лица исторического⁶⁹⁵, которого греческая переработка превращает в проконсула Азии, что может выдавать область составления жития (ср. G 47). Перенесение места действия, изменение имени действующего лица (в данном случае по аналогии с апостолом Аполлосом, см. Деян.18:24; 19:1; 1Кор.1:12; 3:4 и т.д.; Тит.3:13) – типичны для средневековья. Но переработка не пошла далее вступления и заключения, так что не был устранен даже очевидный анахронизм между временем апостольским и царствованием

императора Коммода (180–192). Прозвище «Саккей» не получило удовлетворительного объяснения⁶⁹⁶. Заключительная часть G указывает скорее на лекционный характер обработки, которая могла использоваться и для проповеди (в данном случае – воскресной, если наше понимание текста правильно), чем на чисто литературный прием (по *Delehayе*, для придания житию «молитвенного отпечатка», *un cachet oratoire*).

Что касается взаимоотношений G и A, то вопрос этот очень труден и научно пока не разрешен. Немногие ученые давали предпочтение A, но большинство – G. В самом деле, сокращенный характер A, стремящегося избежать и нивелировать трудные для перевода и понимания места, во многих случаях очевиден. С другой стороны, часто A лучше сохраняет первоначальный вид подлинника, особенно в формулировке приговора (A 45). Некоторая непоследовательность A наблюдается в эпитетах ведущего допрос, которым вначале является «префект Теренций», а с § 35 какой-то безымянный «сенатор» (отражение «расширенного» заседания?), хотя и по контексту, и по G ясно, что имеется в виду одно и то же лицо. Терминология также явно приспособлена к армянским историческим реалиям. В целом в G «последовательность мыслей более логичная, формулировка более убедительная, хотя нельзя с полной уверенностью гарантировать цельность или чистоту текста» (*Delehayе*). Среди современных ученых наблюдается некоторая осторожность в обращении с текстом (*Hamman, Musurillo*), предполагающих возможность редакции V–VI вв., «не свободной от апологетических искажений и изменений»⁶⁹⁷. Однако мы более склонны, вместе с Гарнаком, доверять (*mutatis mutandis*) G, сверяя его постоянно с A. Достаточно указать на 1) латинские слова (уже упоминавшиеся ἄκτα, § 11, σίγνον § 45), хотя грань между переводами и латинизмами, свойственными греческому языку эпохи позднего эллинизма, достаточно тонка; 2) не встречающееся у прочих (по крайней мере, достаточно известных) авторов разночтение последнего слова из знаменитого «пророчества о праведнике» Платона (§ 40) и редчайший фрагмент Гераклита (§ 19); 3) вполне вероятную

стоическую философскую терминологию (см. ниже) и 4) юридические подробности, которых компилятор не мог знать (о них далее). Ср. мнение *Klette* и *Hilgenfeld'a*, что греческий текст является переводом латинских *Acta praefectoria*. Мы, со своей стороны, отграничили бы только «официальную часть», где Мученичество является, скорее всего, переводом с латыни, от собственно литературной, т.е. написанной заранее и затем прочитанной и(ли) изданной, «апологии», которая, по нашему мнению, дошла до нас с оригинальными греческими цитатами (при характерном для эпохи эллинизма двуязычии это допущение весьма вероятно). В крайнем случае – если отказаться от гипотезы позднейшей вставки в акты письменной апологии и принять, что она была выслушана полностью во время заседания, – можно допустить, что ряд цитат был прочитан самим Аполлонием прямо в ходе судебного разбирательства по-гречески и в таком виде зафиксирован протоколистом. В противном случае, т.е. при обратном переводе с латыни на греческий, мы не могли бы объяснить редкие разночтения, засвидетельствованные тем не менее у других малоизвестных авторов, а если для объяснения этого факта допустить, что акты подверглись впоследствии литературной обработке, то 1) придется признать, что таких обработок было по крайней мере две, ибо интерполятор вступления и заключения явно не имел необходимых для обработки столь высокого уровня способностей, 2) первый компилятор должен был бы обладать редчайшей эрудицией и недюжинными познаниями в филологии, философии и юриспруденции, что почти невероятно. За подлинность актов-апологии, возможно, свидетельствует Тертуллиан, если в его произведениях и в самом деле есть какие-то заимствования или аллюзии на «литературную часть» апологии Аполлония (мы не имели возможности ознакомиться со статьями на эту тему *Sordi* и *Tibiletti*). Серьезная и кропотливая работа над текстом актов-апологии заставила нас более решительно признать их подлинность в полном объеме (за исключением вступления и заключения в **Г** и добавления некоторых деталей в **А**), а

сомнения Musurillo и Hamman'a – возникшими из-за недостаточной проработки филологических деталей.

Существенное расхождение между **A** и **G** наблюдается в § 35. Слова «проконсула» о Логосе были бы еще хотя и с трудом, но допустимы в рамках античных философских представлений, однако в той форме, в какой они переданы в **G**, трудно вообразимы даже со стороны вставки редактора. Некоторые издатели и ученые считают, что вследствие какой-то путаницы слова Аполлония были приписаны «проконсулу».

Последнее противоречие между **A** и **G** достойно специального анализа. **G** в § 45 пишет о том, что Аполлонию были перебиты голени, а **A** – об усекновении главы. Из специальных работ, посвященных юридической стороне мученичества, становится понятно, что греческий редактор хотел просто подчеркнуть жестокость казни и мужество мученика; видеть здесь какое-то влияние Евсевия, вследствие которого составитель жития перенес казнь раба Аполлония (по Иерониму; по Евсевию просто доносчика) на самого господина, вряд ли возможно.

Тут мы подходим к необычайно сложному вопросу о юридическом ходе следствия.

Юридические основания и ход следствия

Большие трудности возникают при согласовании рассказа Евсевия и актов, как и в их интерпретации. Опуская слишком специальные подробности, изложим эти проблемы и возможные их решения.

1. Казнь доносчика

Слова Евсевия о том, что по наущению дьявола один из его слуг донес на Аполлония, но возмездие настигло доносчика, которому перебили голени, незамедлительно, «ибо, согласно императорскому указу, доносчикам на таковых (из таковых) не позволено оставаться в живых», (ὅτι μή ζῆν ἐξόν ἢν κατὰ βασιλικόν ὅρον τοὺς τῶν τοιῶνδε μηνυτάς) можно понимать двояко. Если переводить «на таковых, т.е. христиан» (ср. перевод Руфина: *lex, quae oblatos puniri iusserat Christianos* – GCS 9.1, p. 487⁵⁻⁶), то мы имеем дело с апологетической тенденцией Евсевия, не считавшегося с исторической

реальностью и превратившего к тому же раба Аполлония в слугу дьявола, так как именно сатана, по историку, был причиной гонений против христиан. Но можно понимать иначе: «доносчикам из рабов»; тогда Евсевий совершенно правильно передает римские законы (действовавшие и в раннем византийском законодательстве⁶⁹⁸), запрещавшие принимать доносы на господ от рабов и велевшие предавать таковых смертной казни. Перебитие голеней служило дополнительной мерой к высшему наказанию (*summum supplicium*), распятию, применявшемуся обычно к преступникам из рабов, или заменяло его.

2. Основания для возбуждения процесса

Однако при этом возникает следующая трудность. Если донос раба *eo ipso* не мог служить основанием для возбуждения уголовного дела за отсутствием обвинителя (раб таковым, как было сказано, не считался), то на каком основании состоялся процесс? Наиболее вероятный ответ не в том, что обвинение было возобновлено иным лицом (хотя это и не исключено), а в том, что в ходе предварительного следствия (возможно, именно с ним связаны § 1–10) была установлена не только личность доносчика, но и факт принадлежности Аполлония к христианам. Тем самым, следствие переходило из частного обвинения в иное русло, принимая характер официального государственного расследования. Поэтому на первом допросе (слушании дела) Аполлонию был задан только один вопрос – христианин ли он, и на утвердительный ответ ему было предложено принести действительное (т.е. засвидетельствованное возданием императору культовых почестей) раскаяние. Основанием для возбуждения дела со стороны законодательной должен был служить императорский указ⁶⁹⁹ наподобие знаменитого рескрипта Траяна у Плиния Младшего или какого-либо дополнительного разъяснения, называемый Евсевием «древним законом» (*ἀρχαίου νόμου κεκρατηκότος*), а отнюдь не *τό δόγμα τῆς συγκλήτου* (т.е. *senatus consultum*, постановление сената, а не просто «мнение»⁷⁰⁰, см. ниже), о котором упоминают и историк, и акты. Гипотеза *Callewaert'a* (пытавшегося найти конкретную юридическую базу

преследований христиан в виде определенного не дошедшего до нас эдикта), что «древним законом» было *senatus consultum*, восходящее чуть ли не к Нерону и приписывавшееся безразлично либо сенату, либо императору, и Zeiller'a, что в силу фактической (декоративной) роли сената этим законом могло быть только древнее постановление в защиту отечественных богов, использованное Нероном (и приписанное актами Коммоду), – не поддерживается фактами.

3. Присутствие сената и его постановление

Что следует в таком случае понимать под *senatus consultum* (τό δόγμα τῆς συγκλήτου), каково его отношение к императорскому указу (τό δόγμα Κομμόδου τοῦ αὐτοκράτορος; G 45 в отличие от А) и как объяснить присутствие сената, если дело велось полномочным представителем *императора*? Вмешательство сената лучше всего оправдывалось бы тем, что Аполлоний был сенатором, хотя у нас нет к этому никаких данных, кроме слов Иеронима (но в чем была бы тогда «милость» судьи?). Более правдоподобно другое мнение – а именно, что сенаторы присутствовали на суде не как судьи, а как слушатели или *assessore*s, а случаи испрашивания мнения сената в форме *senatus consultum* были не так редки⁷⁰¹. Такая консультация могла быть демократическим жестом императора, издавшего затем *senatus consultum* в виде эдикта кесаря, хотя предварительное его указание сенату, которому последний и следовал, тоже не исключено⁷⁰².

Конечно, такая интерпретация не снимает всех вопросов по поводу юридической базы преследования христиан. Но понимать ли под «указами» в Муч. Аполлония и других христианских текстах (напр., в апологии св. Мелитона) постановление сената, эдикт или рескрипт императора, известный нам или нет, – очевидно одно: мнение римских властей о недопустимости христианской религии было твердым, вне зависимости от того или иного обоснования. Читателю, может быть, было бы интересно ознакомиться под этим углом зрения с полемикой более чем столетней давности между Ю. Кулаковским, развившим идеи В. С. Соловьева и некоторых европейских ученых, и его оппонентами⁷⁰³, чтобы убедиться,

насколько животрепещуще выглядит на первый взгляд отвлеченная юридическая проблема.

С духовной же точки зрения, как нам представляется, юридические проблемы вовсе не имеют того значения, которое придают им современные ученые, или, во всяком случае, не обладают такой доказательностью, чтобы брать под сомнение бесспорные исторические факты преследования христиан. Не следует, конечно, преувеличивать при этом силу гонений⁷⁰⁴, но нельзя и преуменьшать ее. Гораздо глубже смотрел **Ориген** (*ПЦ* 2, 13), видя в гонениях на христиан за одно только имя Христа (ср. *Мф.5:11*) исполнение пророчеств Спасителя (*Мф.10:18*; *Мк.10:39*). То, что, вопреки римским обычаям, именно христиан за их религиозные убеждения ведут «к правителям и царям», вызывает изумление, по Оригену, истинности предсказаний Христа и служит прославлению христианского учения. Если же корень гонений, таким образом, лежит в духовной сфере, которая «в компетенции» Божественного Промысла, то все аргументы *ad hominem* отходят на второй план. Может быть, недоумения современных ученых, бессильных разгадать юридическую подоплеку событий, как раз и служат для нас ориентиром в поисках подлинного ответа.

4. Общая картина следствия

На основании всего сказанного можно, вслед за *Freudenberger'om*⁷⁰⁵ так восстановить сложную картину судебного разбирательства.

Донос, сделанный рабом на своего господина, что тот является христианином, привел к предварительному следствию со стороны префекта претория, председателя императорского суда, во время которого была установлена личность обвинителя (*receptio nominis*), тут же приговоренного к высшей мере наказания (*crurifragium*) как незаконного доносчика. Однако тогда же был установлен факт христианства Аполлония. После первого слушания дела (§ 1–10) был объявлен перерыв в один день; по **А**, Аполлония отвели в тюрьму, хотя греческий текст можно понимать иначе (по *Klette*, примеч. на с. 101, глагол *κληθήναι* § 11 означает технический термин судопроизводства *citare*, так что Аполлоний мог оставаться и на свободе).

От имени кесаря префект объявил (причины могли быть разные – юридические, политические, общественное положение обвиняемого) экстраординарное заседание сената, на котором председатель суда представил доклад о щекотливом случае, запросив мнения сенаторов. Перерыв вместо одного занял три дня. Обвиняемый мог и был обязан дать отчет сенату, после чего голосованием было вынесено неблагоприятное для подсудимого решение. Решение сената могло исходить из прежних императорских рескриптов или из сложившейся юридической практики. Формулировка была схожа с известной фразой из Апологетика (4, 4) **Тертуллиана**: *non licet esse vos [christianos]*, *χριστιανούς μὴ εἶναι*. Она не связывала окончательно префекта (*ὡς ἂν ἀπὸ δόγματος συγκλήτου τελειοῦται* у Евсевия), однако, подкрепленная авторитетом кесаря, становилась непреложным законом.

После решения сената и императора Аполлонию как нераскаявшемуся был вынесен префектом смертный приговор *κεφαλὴκή κολάσει* Евсевия, т. е. *poena capitalis* на втором слушании дела (§11–46).

При такой реконструкции, лучше всего отвечающей юридическим и историческим реалиям и словам Евсевия, допустимо предположить, как это и сделал *Freudenberger*, что апология была произнесена Аполлонием перед сенатом в трехдневный промежуток и была издана отдельно; поскольку циркулировавшие в Азии протоколы допроса не отводили ей места, редактор жития включил защиту перед сенатом в судебные протоколы. Эта гипотеза ни в коем случае не доказывает неподлинности включений и принадлежности их другому лицу. О конкретном авторе апологии говорит и достаточно архаическое богословие (по **G**; **A** испытало влияние посленикейского богословия, по мнению многих ученых), как отмечал уже Гарнак, и определенная философская концепция, точнее обработка, апологии, к которой мы и переходим.

Философское содержание апологии

Казалось бы, что общие места апологии [если не учитывать редкие детали (§ 18) и разночтения (§ 40)], некоторые из которых отмечены в Указателе параллелей, не оставляют

пространства для сколько-нибудь оригинальной (или самостоятельной) философской обработки.

Самостоятельность апологета, как было сказано, могла проявляться в отборе аргументов и их расположении, хотя он и черпал свои доказательства из известного арсенала. С этой точки зрения очень ценна статья *Paulsen*'а, в которой он привлек внимание к одной не замеченной до него особенности актов Аполлония.

Параграфы 14–22 выстроены по четкому композиционному принципу (обозначенному наречиями «во-вторых» и т.д.):

16Б: ἀμαρτάνουσιν... ἄνθρωποι, ὅταν προσκυνοῦσιν ταῦτα ἃ τῇ ἐξει συνέχεται...

20 ...ἀμαρτάνουσιν ἄνθρωποι, ὅταν προσκυνοῦσιν... ταῦτα, ἃ τῇ φύσει συνέχεται.

21 ...ἀμαρτάνουσιν ἄνθρωποι, δταν προσκυνοῦσιν... ταῦτα, ἃ τῇ αἰσθήσει συνέχεται...

22 ...ἀμαρτάνουσιν ἄνθρωποι, ὅταν προσκυνοῦσιν... ταῦτα, ἃ τῷ λόγῳ συνέχεται.

Четыре аргумента выстроены градационно (т.н. фигура речи «климакс») в направлении от неорганической природы через растения и животных к человеку с использованием терминологии древней Стои⁷⁰⁶, выделявшей наряду с «природным» (φυσικόν) и «душевым» (ψυχικόν) – началами, объединявшимися в античных философских системах в категорию πνεύματα,, – еще и «материальное» (ἐκτικόν,, рус. перев. условный; ἐξίς букв, «состояние»). Как хорошо известно, раннехристианское богословие тяготело более всего к стоическому учению, так что эти параллели неудивительны. Четырехчленная схема встречается тем не менее у более склонных к платонизму **Филона**⁷⁰⁷ и **Климента Александрийского**⁷⁰⁸:

Филон	Аполлоний	Климент
ἐξίς	ἐξίς	ἐξίς
φύσις	φύσις	φύσις
ψυχή	αἴσθησις	ὁρμή τε καί φαντασία
λογική ψυχή	λόγος	ή λογική δύναμις

Это соответствие, по *Paulsen*'у, определяет своеобразие актов, находящихся посредине между собственно протоколами и собственно апологиями (которое, может быть, следует объяснить компиляцией их друг с другом, см. выше), говоря о тяготении Аполлония к александрийской школе (об этом же свидетельствуют ссылки на Ис.3:10 и **Платона**, *Госуд.* 361Е, которые соединены вместе и у **Климента**⁷⁰⁹). В то же время *Schwartz*, исходя из текстологического анализа, склоняется к выводу о преимущественном влиянии на Аполлония Антиохии, хотя признает вполне вероятным прямые или косвенные заимствования из Филона. Предположение о знакомстве Аполлония с Гераклитом, высказанное *Patin*'ом (см. примеч.* к **G** 19 и коммент. 8 к **G** 33), хотя и исходит отчасти из конъектуры, таким образом в принципе не исключено.

Из сказанного вытекает, что мученик, будучи достаточно знатного происхождения или занимая видное общественное положение, имел весьма приличные философские познания, хотя и не был профессиональным философом. Его апология была вынужденной, а не составленной как чисто литературное произведение, и он показал себя убежденным христианином, готовым аргументированно дать ответ вопрошающим о его вере (1Петр.3:15) и засвидетельствовать его своей кровью. Слова Гарнака о «благороднейшей апологии» тем самым не являются простой «фразой».

Догматическое и моральное содержание апологии

Для облегчения изучения богословских и нравственных взглядов святого мученика мы изложим их систематизированно⁷¹⁰ так, как они даны в самом тексте (основываясь прежде всего на **G**, см. выше, и исключая позднейшие заметные невооруженным глазом вставки, явные из сопоставления **G** и **A**).

Догматическое содержание включает в себя утверждения о Превечном Боге (**G**6) Вседержителе (**G**8 и **A**9), Всеведущем (5) и Необъятном (**G**9 «Всеобъемлющего»), Творца всего сущего (2 и 8), Которому Одному подобает служение и поклонение (15), Едином Бессмертном (**G**37, возможна редакция);

Господе-Слове (возможно G5 и 32, точно 36GA) Иисусе Христе (G36, возможна интерполяция), Воплотившемся (36) и Пострадавшем (G36, A38; 41), *Праведном и Исполненном божественной мудрости* (36) Учителе (36–8).

О воскресении Христа не сказано, хотя оно и может подразумеваться под «доказательствами» («делами») § 38. Упоминание о Трех Лицах Бога и о Св. Духе в G46 и A47 – явное вмешательство составителей жития;

в апологии говорится о Боге-Подателе жизни (τῷ πάσιν τὸ ζῆν καθ' ἡμέραν ἐπαντλοῦντι § 15), Его Промысле (G8), поставляющем на земле царей, которых следует согласно Его повелению чтить (8 и 9, G6 в конце, 37) (см. ниже), Его непобедимой Воле (G9; 24), во власти Которого и сама смерть человека (46);

существуют (ангелы и) демоны (22);

человек создан по образу Божьему (8), состоит из тела и души (A36 в сопоставлении с G35); последняя «вдунута» Богом в человека (15) и бессмертна (30 и 37), хотя ее бессмертие обусловлено и зависит от Бога (так согласно с другими апологетами – ср., напр., **Феоф. Авт.** 2, 27; **Иуст. Дуал.** 5 – надо, очевидно, понимать эти §§, если только не относить их исключительно к воскресению);

неизбежность и всеобщность смерти, воскресения (37, G42) и суда (25, 37) после нее, а затем вечной награды и вечного наказания (27 особенно A; 30) (если не понимать под наградой бессмертие души, даруемое еще до воскресения);

откровение Бога, как в ВЗ через пророков (42), так и в НЗ через Его Слово, ставшее Человеком (36–8). Священное Писание является Богодухновенным (Божественным, 26 и A39).

Возможно также, что под «чистой и бескровной жертвой» в § 8 (ср. 44) мученик имеет в виду Евхаристию, ибо это выражение часто употреблялось христианами именно в таком смысле (ср. **Дидахэ** 14, 1; **Иуст. Дуал.** 28 и 41), возносимую не только священниками, но и всем народом, так как в раннехристианском живом опытно-евхаристическом богословии все лаики рассматривались как наделенные даром священства и не было отрыва предстоятеля от сослужащего ему народа⁷¹¹.

В плане христианской морали следует выделить:

долг почитания Бога (37, 15, 5), веры (37), надежды (там же и 42), молитвы (6, 9, 44), жертвы (8). Деятельная любовь к ближнему и милостыня рассматриваются как служение Богу (44). Идолопоклонство и неверие – грех (*passim*);

клятва запрещена, но в исключительных случаях можно клясться Истинным Богом (6);

царь (см. выше) и власти (8, 25) установлены Богом, и следует царя чтить, а властям повиноваться, однако в делах совести превыше всего подобает ставить Божественные заповеди (24);

христиане обязаны иметь любовь друг к другу и быть общительными (37); любовь к ближнему и милосердие особо важны (44);

всякое нецеломудрие христианам запрещено, как и нескромные взгляды и речи (26);

обман недопустим, каждое слово должно рассматриваться словно клятва (G6);

лукавые помыслы должны быть отгоняемы (4);

христианину подобает не только воздерживаться от греха, но и стремиться к добродетели по образу Христа (G36, 42 и др.).

Память святого мученика Аполлония по актам 21 апреля, по Римскому мартирологу 18 апреля, празднуется православной Церковью 10 июля (насколько нам удалось это установить). В *Житиях святых* (кн. 11. М., 1910, с. 285–6) подлинны лишь имена Аполлония и Перенния. Время кончины в святцах Московской Патриархии следует исправить с III [в.] на «ок. 185» (или «183–5»). В греческом Синаксаре под 10 июля⁷¹² те же сведения, что и в русских *Житиях святых*, только короче, и имя Перенния опущено. «Священномученик Аполлоний, еп. Римский (*sic!* Ср. архиеп. *Сергий II*, 283. – А. Д.), застреленный из лука и ввергнутый в огонь»⁷¹³ (там же, 23 июля; эта дата приводится и *Halkin'om* в ВНГ, р. 52 со знаком вопроса) – по-видимому, то же самое лицо.

СВЯТЫЙ МУЧЕНИК АПОЛЛОНИЙ, МОЛИ БОГА О НАС!

Литература

I. Издания и переводы

А. Армянский текст [прибл. V в.]

Издания

*⁷¹⁴*Vitae et Passiones Sanctorum. Venetiis, 1874, v. 1, p. 138–43* [Титул без паралл. лат. перевода. Назв. на арм. см.: *Bibliotheca hagiographica Orientalis*, ed. P. Peeters. Brux., 1910, p. 20, № 79].

Переводы

Англ.:

F. C. Conybeare. – In: «Guardian», 21 (18?).6.1893; переизд.: *The Apology and Acts of Apollonius and other Monuments of Early Christianity. L., 1894, 29–48; ²1896, 35–48.* '

Нем.:

Burchard'a. – In: *Harnack A. Der Prozeß des Christen Apollonius vor dem praefectus praetorio Perennis und dem römischen Senat. – Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften, (Berlin) 1893, № 37, S. 721–46.* Перевод переиздан у *Klette 1896, Gebhardt'a 1902* и др.

R. Seeberg'a: *Das Martyrium des Apollonius. – Neue kirchliche Zeitschrift 4, 1893, 836–72* (комментир. перевод на с. 840–55).

P. Rohrbach'a (?): *Sic et Non. Neue Actenstücke aus der Zeit der Christen Verfolgungen. – Deutsche Rundschau, April 1895, S. 42 ff.* (кроме § 4–11, 24–7, 43–5, 47).

Латин.:

Василия Саркисьяна. – В кн.: *[Max.] *Der heilige Märtyrer Apollonius von Rom. Eine historisch-kritische Studie von Max, Prinz von Sachsen. Mainz, 1903, 4–35.* Лат. перев. сделан по просьбе Макса венецианским мекхитаристом. Однако он настолько отличается от оригинала и прочих переводов, что либо недопустимо волен, либо сделан по-другому арм. тексту, хотя Макс не пишет о какой-нибудь иной рукописи. В примечаниях Макс указал расхождения лат. перевода с переводами Конибира и Бурхарда.

Русск.:

Павлович А. Л.* Римский сенатор-апологет. Недавно открытая апология мученика Аполлония, римского сенатора. – **ХЧ 1896, № 11/12, 495–516 и отд. Перев. на с. 499–504 с нем.

перев. Порбаха, недостающие §§ переведены с англ. по Конибиру.

В. Греческий текст

Издания

BHG, № 149, p. 52 (BHG 1984, p. 29).

[Editio princeps sec. Paris. Gr. 1219 (olim – Colb. 4137), saec. XI:] *Sancti Apollonii Romani Acta graeca ex codice Parisino graeco 1219. – AB 14, 1895, 286–94 (предисловие на с. 284–6).

* *Klette E.-Th.* Der Prozeß und die Acta S. Apollonii. – TU 15.2. Leip., 1896. Предисл. – с. 1–90, греч. текст с нем. переводом и нем. перевод с арм. Бурхарда – 92–131, указ. – 132–5.

Эмэндации текста предложены *Duschesn'ом* (AB 18, 1899, 50) и *Patin'ом* (Archiv für Geschichte der Philosophie 12, 1899, 147 ff.).

**Hilgenfeld A.* Die Apologie des Apollonius von Rom. – Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie 41, 1898, 185–210 (греч. текст на с. 186–94).

**Gebhardt, Oscar von.* Acta Martyrum selecta. Ausgewählte Märtyreracten und andere Urkunden aus der Verfolgungszeit. Leip., 1902, 44–60.

**Мах*, op. cit., 4–36. Макс сверил разные издания между собой и с рукописью.

Knopf R.; Krüger G. Ausgewählte Märtyreracten. Tübin. ¹1901, 36–44; ²1913, 34–41; ³1929, 30–5 (⁴1965 Knopf R., Krüger G., Guhbach G.).

Rauschen G. Monumenta minora saeculi secundi, Florilegium patristicum 3. Bonn, '1905, 69–88; 21914, 85–104.

**Musurillo H.* The Acts of the Christian Martyrs. Oxf., 1972, 90–105. Греч, текст и англ, перевод его без учета арм. версии.

Переводы

немецкие у **Klette*, **Hilgenfeld'a* и **Мах'a* (поскольку у последнего отмечены основные расхождения его перевода с двумя предыдущими, то мы пользовались коллацией Макса);

англ. у **Musurillo'*,

франц.: **Monceaux P.* La vraie Légende dorée. Relations de martyre, traduites avec intr. et notices. P., 1928, перев. на с. 148–57, часто вольный, в осн. с греч., иногда комбинированный с

арм. вариантом без указаний на это, опущено Вступление **Г** и **А**, Заключ. перев. по **А**.

Нам не были доступны:

Leclercq H. Les martyrs... t. 1–3, Р., ²1928 (¹1902); *Hanozin P.* La geste des martyrs. Р., 1935; *Hamman A.* La Geste du sang. Р., 1953 (1979: Les premiers martyrs de l'Eglise. Trad., intr. et notes).

II. Древние свидетельства

Евс. ЦИ V, 21; **Руфин**, лат. перев. *Евс.* V, 21, 2–5; **Иероним**, *О знам. мужах* 42 (все эти три источника собраны вместе у *Мах'а*, с. 70–2). Кроме того, Аполлоний упоминается в 53 гл. у *Иеронима* (ук. соч.) и в его 70 **письме к Магну**. «Hippolytus quoque et Apollonius, Romanae urbis senator, propria opuscula condiderunt» (PL 22, col. 667_{16–5}; рус. пер. ²ТСОЗ, Т. 4, с. 251: «... и Аполлоний, сенатор Римский, составили свои небольшие произведения»).

III. Исследования

В указанных выше книгах и статьях, а также специально:

Mommsen Th. De r Prozeß des Christen Apollonius unter Commodus. – Sitzungsberich. d. preus. Ak. 1894, № 27, 497–503.

Hardy E.G. Christianity and the Roman Government. L., 1894 (p. 200–8).

Geffcken J. Die Acta Apollonii. – Nachrichten der Göttinger Akademie 1904, 262–84; свою позицию пересмотрел позже в: *Die Christlichen Martyrien*. – *Hermes* 45, 1910, 486 ff. Ср.: **Геффкен* 1907, 39–40.

**Callewaert C.* Questions de droits concernant le proces du martyr Apollonius. – *Revue des questions historiques*, № 153, [t. 77.] 1905, 349–75.

**Delehaye P.* Las Passions des martyrs et les genres litteraires. Brux., ¹1921, 125–36.

Zeiller J. Nouvelles observations sur l'origine juridique des persécutions contre les chrétiens aux deux premiers siècles. – *Revue d'histoire ecclésiastique* 46, 1951, 521–33 [конец работы, касающийся Аполлония].

Idem. Sur un passage de la Passion du martyr Apollonius. – *Mélanges Jules Lebreton*, t. II, 1952, 153–7.

*Griffe E. Les Actes du martyr Apollonius et le problème de la base juridique des persécutions. – BLE, t. 53 (72), № 2, 1952, 65–76.

Sordi M. L'apologia del martire romano Apollonio, come fonte dell' «Apologeticum» di Tertulliano e i rapporti fra Tertulliano e Minucio. – Rivista di Storia della Chiesa in Italia 18, 1964, 169–88.

Tibiletti G. Gli «Atti di Apollonio» e Tertulliano. – Atti della Accademia della Scienze di Torino 99, 1964/65, 295–337.

Gabba E. Il processo di Apollonio. – Melanges d'archéologie, d'épigraphie et d'histoire, offerts à J. Carcopino. P., 1966, 397–402.

*Tibiletti G. Il Cristianesimo come «inganno» negli «Atti di Apollonio». – Aevum 41 (fasc. 5–6), 1967, 511–5 [тема «полезного обмана» в Актах, у Афинагора, Климента, Оригена].

*Freudenberger R. Die Überlieferung vom Martyrium der römischen Christen Apollonius. – ZNW 60, 1969, 111–30.

*Schwartz J. Autour des Acta S. Apoll[o]nii. – Revue d'histoire et de philosophie religieuses 50, 1970, 257–61 [анализ «афинского контекста» – § 18, 19 и 40–1].

Lanata G. Gli atti dei martiri come documenti processuali. Milano 1973, 145–57 (там же обширная библиография).

Prete S. «Confessioni Trinitarie» in alcuni Atti di martiri del sec. II (Giustino, Apollonio, Policarpo). – Augustinianum 13, 1973, 469–82.

*Paulsen H. Erwägungen zu Acta Apollonii 14–22. – ZNW 66, 1975, 117–26.

См. также в патрологиях: Quasten I, 184 (франц. изд. 209–10); Χρήστου, 511; и т.д.

Кроме того, о юридической базе гонений на христиан см. в литературе, указанной во фр. А1 Мелитона (ниже).

На рус. языке, помимо статьи Павловича, см.: Болотов II, 103–5, откуда заимствованы комм. С. Л. Кравца к рус. переводу М. Е. Сергеенко **ЦИ Евсевия**.

Перевод с древнегреческого

Мученичество святого и всехвального апостола Аполлоса [прозванного] также Саккеем

(Господи, благослови)

[Вступление]

Во время бывшего при императоре* Коммодe гонения на христиан проконсулом Азии был некто Перенний. Аполлос же апостол, муж благочестивый, родом Александриец⁷¹⁵, боящийся Господа, был схвачен и приведен [на суд].

[Первый допрос]

(1) Когда он был приведен, Перенний проконсул сказал: «Аполлос, ты Христианин?»

(2) Аполлос*: «Да, Христианин, и потому Бога, сотворившего небо, и землю, и море, и все что в них¹, почитаю и боюсь».

(3) Перенний проконсул: «Покайся и повинуйся мне, Аполлос, и поклянись Фортуной² Господина³ нашего Коммода самодержца».

(4) Аполлос, [прозванный] также Саккей (ὁ καὶ Σακκέας): «Слушай меня разумно, Перенний, собирающегося обратиться к тебе речь для важной и законной защиты (апологии). Раскаивающийся в справедливых, благих и дивных заповедях Бога – преступник, нечестивец и поистине безбожник, раскаивающийся же во всякой несправедливости, беззаконии, идолослужении и лукавых помыслах, избегающий греховных начал и совершенно не обращающийся к ним – таковой является праведником. (5) И из самой защиты поверь нам, Перенний, что велелепным и светлым заповедям на-

Перевод с древнеармянского

Житие святого Аполлония отшельника

Для тех, которые помышляют о добре и имеют крепкую веру в Бога, подателем всех [благ] Христом готовится венец праведности. Ибо избранники Бога призываются к этой праведности, чтобы они, ведя благую войну, терпеливо достигли обещанного, того, что правдивый Бог обещал⁷¹⁶ любящим Его и верящим в Него от всего сердца.

Среди них был и блаженный мученик, и неустрашимый воин Христов Аполлоний. Он славно потрудился в великом Риме и, поспешив [откликнуться] на верный призыв небес, был причислен к святым Христовым мученикам. Свершилось мученичество блаженного перед сенатом и [в присутствии] префекта^{717*} Теренция, когда он [Аполлоний] мужественно давал ответы [вопрошающим]. Об этом памятные записи говорят следующее:

(1) Префект Теренций приказал ввести его в сенат^{718*} и сказал: «Аполлоний, почему ты противишься непобедимым законам и приказу императоров^{719*} и не желаешь принести жертву богам?»

(2) Аполлоний ответил: «Потому что я – Христианин и боюсь Бога, Который сотворил небо и землю, и не принесу жертву бесполезным (пустым) изваяниям».

(3) Префект сказал: «Однако ты должен раскаяться в таких мыслях из-за указов императоров и поклясться счастьем императора Коммода».

(4) Аполлоний сказал: «Выслушай благоразумно этот мой ответ. Тот, кто раскается в справедливых и благих деяниях, действительно, безнадежный безбожник, но тот, кто раскается в нечестивых деяниях и злых помыслах и уже не возвращается к ним, тот боголюбив, надеется и уповает. (5) И я ныне утвердился в мысли соблюдать прекрасную и сияющую заповедь Божию,

Перевод с древнегреческого

учились мы от Слова Бога, *знающего все человеческие помышления*⁷²⁰ (6) К тому же Он повелел нам вообще не

клясться⁷²¹, но говорить во всем правду. Ибо истина, [заключенная] в [слове] «да»⁷²⁴, – великая клятва, и поэтому Христианину клясться позорно: ибо от лжи [рождается] неверие, а чрез неверие – снова клятва. Итак, ты хочешь, чтобы я поклялся, что и *императора* (царя) мы *читим*⁷²² и о державе его молимся? Я, по правде, с радостью поклялся бы истинным Богом, *Сущим*⁷²³ прежде веков, не сотворенным руками человеческими⁷²⁴, а напротив, Который Сам поставил человека править* людьми на земле».

(7) Перенний проконсул: «Сделай, что я говорю тебе, и покайся, Аполлос, и принеси жертву богам и образу самодержца Коммода».

(8) Аполлос, улыбнувшись: «Что касается покаяния и клятвы, Перенний, то я уже дал тебе ответ (ἀπολογία), послушай же о жертве. Бескровную и чистую жертву⁷²⁵ я, как и все Христиане, воссылаю Богу Вседержителю, Владычествующему над небом и землей и *всяким дыханием*⁷²⁶, в особенности же чрез молитвы о мыслящих* и разумных (λογικῶν) образах⁷²⁷, поставленных промыслом Божиим править на земле⁷²⁸. (9) Посему ежедневно⁷²⁹, согласно повелению праведной заповеди⁷³⁰, мы молимся Богу, обитающему на небесах, за правящего⁷³³ в этом мире⁷³¹ Коммода, в точности зная*, что правит⁷³⁴ он на земле, как я уже сказал, благодаря не иному чему, но только воле непобедимого⁷³⁴ всеобъемлющего Бога⁷³⁴».

(10) Перенний проконсул: «Даю тебе день, Аполлос, чтобы ты посовещался сам с собой о своей жизни».

[Второй вопрос]

(11) Спустя три дня он приказал привести его. [Там] было множество сенаторов, членов совета и великих мудрецов. И приказав позвать его, сказал: «Пусть будут прочитаны протоколы (ἄκτα)* Аполлоса». После того как они были прочитаны, проконсул Перенний сказал: «Что ты посоветовал себе, Аполлос?»

(12) Аполлос: «Пребывать благочестивым, как в протоколах ты определил, причислив нас [к таковым]*».

(13) Перенний проконсул: «Согласно решению (τό δόγμα)⁴ сената советую тебе покаяться и почтить и поклониться богам, которых все мы, люди, чтим и поклоняемся, и [остаться] жить тебе вместе с нами».

Перевод с древнеармянского

переданную через Господа моего Христа, Который знает помыслы людские и видит все, что делается тайно или явно⁷³².

(6) Лучше совсем не клясться, но постоянно жить в мире и истине, ибо истина и есть великая клятва. И по этой причине дурно клясться Христом. Не существует ли из-за лжи неверие, а из-за неверия – клятва? И воистину я хочу поклясться истинным Богом, хотя мы любим и императора и возносим молитвы за его власть».

(7) Префект сказал: «Иди, принеси жертву Аполлону и другим богам, и изображению императора».

(8) Аполлоний сказал: «Относительно раскаяния и клятвы я дал тебе ответ, но то, что касается жертвы, то я, как и все мы, Христиане, приношу бескровную жертву Богу, Господу неба и земли, моря и всего, что дышит, за одушевленные и разумные образы (людей), которые по промыслу Божию назначены править на земле. (9) Поэтому, согласно повелению и заповеди Божией, мы возносим молитвы Тому, Кто обитает в небесах, [Тому,] Кто только и есть Бог, чтобы по справедливости правили [власти] на этой земле. Мы несомненно знаем, что он [Коммод] поставлен императором никем иным, но только Богом, Который [все] держит в руке. И он [Коммод] стал императором».

(10) Префект сказал: «Ты призван сюда не для философствования. Я дарую тебе один день, чтобы поразмыслить о своей пользе и исправлении и о своей жизни». И приказал отвести его [Аполлония] в тюрьму.

(11) И через три дня приказал [префект] привести его к себе и сказал: «Какой же совет ты себе дал?»

(12) Аполлоний ответил: «Я остаюсь [человеком] богобоязненным, как и раньше сказал [тебе]».

(13) Префект молвил: «По велению сената я даю тебе совет раскаяться и принести жертву богам, которым весь мир поклоняется и приносит жертву, потому что для тебя лучше жить

среди нас, чем умереть злой смертью. Я полагаю, ты знаком с повелением сената».

Перевод с древнегреческого

(14) Аполлос: «Я решение сената знаю, Перенний, но стал почитающим Бога не для того, чтобы почитать рукотворных идолов⁷³³. Поэтому я ни за что не поклонюсь золоту *ли, серебру ли, меди, железу, деревянным или каменным лжеименным*⁷³⁴ богам, которые *не видят и не слышат*⁷³⁵, поскольку они произведения плотников, золотолитейщиков или скульпторов, изваяния рук человеческих, и сами *не смогут двигаться*. (15) Богу же, Который на небесах, служу *и Одному Ему поклоняюсь*⁷³⁶, *вдунувшему во всех людей душу*⁷³⁷ и ежедневно наполняющему *всех жизнью*⁷³⁸. (16a) Потому я ни за что не унижусь, Перенний, и не паду (ниц) пред увечными [истуканами] (κυλλότερα). Ибо постыдно поклоняться как равночестному, человеческому, так и тем более низшему, демоническому (бесовскому). (16b) Ибо грешат жалкие (ταπεινότεοι) люди, когда поклоняются тому, что связано с материей⁵: хладному каменному изваянию, сухому дереву, праздному металлу или мертвым костям. Что за вздорное заблуждение! (17) Равным образом, египтяне поклоняются лохани, которую многие называют ванной для ног, вместе с многими другими низменными [вещами] (ροοερсов). Что за вздорное невежество! (18) А афиняне еще и до сих пор почитают медный бычий череп, провозглашая его «Счастьем афинян», † так что собственным невозможно молиться †*, что, кажется, наносит особенный вред душе тех, кто верит им. (19) Ибо чем отличаются они от обожженной глины или разбитого черепка? Статуям же демонов молятся *не слышащим, как мы слышим**, *не требующим, не воздающим*⁷³⁹. Ведь на самом деле обличье (σχήμα) их обманчиво, ибо *имеют уши и не слышат, глаза имеют и не видят, руки имеют и не протягивают, ноги имеют и не ходят*⁷⁴⁰, поскольку обличье сущности не изменяет. Да и Сократ, сдается мне, насмеялся над афинянами, когда клялся платаном, деревом диким⁶. (20) ...?*

(21a) Опять-таки*, во-вторых, люди грешат против небес, когда поклоняются сами тому, что связано с природой⁵: луку и чесноку, богу** пелусийцев⁷, – всему, что в чрево входит и в клоаку извергается⁷⁴¹.

(21b) Далее, в-третьих, против неба⁷⁴² грешат люди, когда поклоняются сами тому, что связано с чувствами⁵: рыбе и голубю египтяне[,]* собаке и собакоголовой [обезьяне]**, крокодилу и быку, змее и волку – отображению их собственных нравов.

Перевод с древнеармянского

(14) Аполлоний сказал: «Я знаю веление Бога Вседержителя и останусь богобоязненным. И я не поклонюсь земным рукотворным идолам, которые сделаны из золота, из серебра или из дерева, которые не видят и не слышат, поскольку они сделаны руками человеческими и не знают (не заслуживают) поклонения [как] Богу истинному. (15) Но я научился почитать Бога на небесах и Ему Одному поклоняться на земле. [Он Тот,] Кто вдохнул живую душу во всех людей и присно жалуется жизни всему сущему. (16) Я не унижу себя и не брошусь в бездну, потому что великий позор падать ниц перед ничтожествами. Это удел рабов почитать ничтожных, и люди грешат, почитая подобных. Глупцами были те, которые выдумали их, и еще более несмышлены те, которые почитают их и поклоняются им. (17) Египтяне в заблуждении [своим] падают ниц перед луком. (18) Афиняне до сих пор почитают сделанную из меди голову быка, называя ее счастьем афинян. Они также поставили на видном месте статуи Арамизда^{743*} и Геракла, чтобы возносить им молитвы. (19) Но разве они не более, чем высушенная глина и обожженная кость? У них есть глаза, но они не видят, есть уши, но они не слышат, у них есть руки, но они их не простирают, есть ноги, но они не ходят, потому что простая форма не дарует бытия. Я полагаю, что и Сократ, насмехаясь над афинянами, клялся и платаном, и собакой, и сухим деревом. (20) Поклоняясь им, люди прежде всего грешат против себя, (21) а, во-вторых, они отвергают Бога, потому что не постигают истину. Египтяне, впрочем, называли богами лук и чеснок, и плоды, которыми мы питаемся,

которые входят в желудок и выбрасываются в нечистоты, это-то они почитали. Но они поклонялись также рыбе, голубю и собаке, камню и волку, и созданиям своего воображения поклонялись они.

Перевод с древнегреческого

(22) Затем, в-четвертых, против небес грешат люди, когда поклоняются сами тому, что связано со словом (разумом)⁵: людям, в действительности (по действию, τῇ ἐνεργείᾳ) сущим демонам. Они называют богами бывших* прежде людей, как изобличают их собственные мифы. Ибо [миф] повествует** о растерзываемом Дионисе, Геракле, погибшем*** живым (заживо) на костре, и Зевсе, погребаемом на Крите⁸, – вместе с каковыми [«деяниями»] соответственно исследуются имена [«героев»] по мифам, по которым [только] узнаются и сами имена [т. н. «богов»]****. Из-за нечестивости их я в особенности отвожу [обвинение] (παραιτούμαι).

(23) Перенний проконсул: «Аполлос, постановление сената гласит, чтобы не было христиан (τὸ δόγμα τῆς συγκλήτου ἐστὶν χριστιανούς μὴ εἶναι)».

(24) Аполлос, [прозванный] также Саккей: «Но постановление Бога не могут победить постановления человеческие, ибо чем больше несправедливо, незаконно убивают верующих в Него, не совершивших никакого беззакония, тем больше увеличивает Бог [их] число. (25) Я хочу, чтобы ты знал, Перенний, что и царям, и сенаторам, и всем, имеющим большую власть, *и богатым и нищим, и свободным и рабам, и великим, и малым*⁷⁴⁴, и мудрецам и простецам определил одну [и ту же] смерть⁷⁴⁵ Бог, [Сущий] *над всеми*⁷⁴⁶, и суд после смерти⁷⁴⁷ будет над всеми людьми⁷⁴⁸.

(26) Однако смерть бывает разной. Поэтому ученики [царящего] у нас Слова (οἱ τοῦ καθ' ἡμᾶς λόγου μαθηταί)*, желающие жить по Божественным заповедям, ежедневно умирают⁷⁴⁹ для наслаждений, обуздывая страсти воздержанием. И поверь нам по правде, Перенний, что мы тут не лжем, так как у нас нет ни единой капельки необузданного наслаждения. Тем более всякое постыдное зрелище мы

изгоняем с глаз⁷⁵⁰ наших, как и от ушей всякое слово** льстецов, дабы сердце наше оставалось не уязвленным.

(27) Выбрав такой образ жизни, проконсул, мы считаем, что не тяжело умереть ради Истинного Бога: то, что мы есть, мы есть благодаря Богу. Поэтому мы все переносим, чтобы не умереть зло. (28) *Ибо живем ли мы, умираем ли – Господни есмы⁷⁵¹*. Зачастую может умертвить дизентерия или горячка – так я буду считать, что умер от одной из них».

Перевод с древнеармянского

(22) И в-третьих, люди грешат, когда они поклоняются людям, ангелам и демонам, называя их богами».

(23) Префект сказал: «Ты много философствовал и удивил нас. Но разве ты не знал, Аполлоний, что повеление сената совершенно запрещает кому бы то ни было быть христианином?»

(24) Аполлоний сказал: «Но не может человеческое установление сената отменить веление Бога. Ибо чем больше люди легкомысленно ненавидят и убивают делающих благо, тем дальше удаляются от Господа. (25) Однако тебе следует знать, что и царям, и беднякам, и князьям, и рабам, и азатам⁷⁵², и философам, и невеждам Бог определил смерть, а после смерти суд над всеми.

(26) Но смерть может быть разной, поэтому ученики Христа непрерывно умирают, распиная свои желания, и умерщвляют плоть, согласно Божественному Писанию. Ибо мы совершенно не имеем нескромных желаний и не смотрим бесстыдные зрелища, [не допускаем] нечистых взглядов и не слушаем злые речи, чтобы не повредить нашим душам. (27) Итак, поскольку, если мы живем столь прекрасной жизнью и обладаем таким благим даром, мы ни во что не ставим лютую смерть во имя Бога истинного.

Ибо когда мы живем, мы живем для Бога и терпим мучения за Него, чтобы несправедливо не умереть вечной смертью. (28) И, кроме того, мы не горюем из-за того, что у нас что-то отбирают, ибо знаем, что живые или мертвые мы принадлежим Господу. Разве горячка, или желтуха, или любая другая болезнь не может

убить человека? Я буду думать, что я умер именно от такой болезни».

(29) Префект сказал: «Ты настаиваешь на смерти?»

(30) Аполлоний сказал: «Я желаю жить во Христе, но из-за любви к жизни я не боюсь смерти. Ибо нет ничего более достойного, чем жизнь вечная, которая есть мать бессмертия души, которая здесь [в этом мире] вела жизнь благую».

Перевод с древнегреческого

(29) Перенний проконсул: «Так рассуждая, ты умрешь с удовольствием?»

(30) Аполлос: «Я с удовольствием живу, Перенний, однако не боюсь смерти из любви к жизни, ибо нет ничего ценнее жизни – только под жизнью [я понимаю] жизнь вечную, которая есть бессмертие прекрасно прожившей в этой жизни души».

(31) Перенний проконсул: «Не понимаю, о чем ты говоришь, и не знаю, о чем ты мне докладываешь (ἀπαγγέλλεις)* по закону».

(32) Аполлос: «Что же, мне жаль тебя, столь несмышленного в красоте благодати. Ведь Слово Господне, Перенний, [достояние] зрячего сердца, как [и] свет – зрячих очей. И как никакой пользы не приносит человек, говорящий неразумным, так и восходящий (воссиявающий) свет⁷⁵³ – слепым».

(33) Тогда некий философ-киник сказал: «Брани самого себя, Аполлос, потому что заблуждаешься, хотя и хочешь казаться «темноречивым»⁹».

(34) Аполлос: «Я научен молиться, а не бранить. А твое лицемерие* выдает незрячесть твоего сердца⁷⁵⁴, хотя бы ты и наговорил кучу всякого вздора (εἰ καί προελεύσει εἰς πλήθος ἀρυολογίας), так как неразумные воистину должны почитать правду за брань⁷⁵⁵».

(35) Перенний проконсул: «Знаем и мы, что Слово Божие – Родитель и души и тела праведных, поведавшее и научившее, что любезно Богу»¹⁰.

(36) Аполлос: «Это Спаситель наш Иисус Христос, родившись как человек⁷⁵⁶ в Иудее, во всем праведный и исполненный божественной⁷⁵⁷ мудрости, человеколюбиво научил нас, Кто Бог всего и какова цель добродетели,

[приводящая] к благочестивой жизни, слаживая [ее] с душами людей; Который, пострадав, прекратил власть грехов⁷⁵⁸. (37) Ибо Он научил [нас] гнев сдерживать, страсть умерять, наслаждения обуздывать, скорбь изгонять, *быть общительными*⁷⁵⁹, дружбу умножать, от *тщеславия*⁷⁶⁰ очищаться*, к мщению обижающим не обращаться, презирать смерть по установлению закона (διὰ τὸν τῆς δίκης θεσμὸν) – не потому что незаконны⁷⁶¹, но потому что терпим, испытывая беззаконие; кроме того, слушаться данного Им закона (νόμῳ), *царя чтить* (τιμάν)⁷⁶², почитать (σέβειν) *Единого бессмертного*⁷⁶³ Бога, верить в бессмертие души и быть убежденными в суде после смерти⁷⁶⁴, надеяться на награду за труды добродетели по воскресении, которое будет дано Богом жившим благочестиво. (38) Научив этому нас деятельно (ἐνεργῶς)* и убедив многими доказательствами, Сам Он, хотя и стяжал великую славу добродетели, все же испытал зависть** со стороны невежд, как и [бывшие] до Него праведники*** и философы, ибо *праведники не нужны* неправым (беззаконным)⁷⁶⁵.

(39) Посему и сказано (λόγος τις), что безумцы говорили незаконно: «Свяжем праведника, ибо не нужен он нам»⁷⁶⁶. (40) Но и у греков (эллинов) один из их [философов], как мы слышим,

Перевод с древнеармянского

(31) Префект сказал: «Я не понимаю того, что ты сказал».

(32) Аполлоний ответил: «Что же мне делать с тобою? Ибо Слово Божие озаряет сердце, как свет озаряет глаза».

(33) Некий философ, который там был, сказал: «Ты наносишь себе обиду, Аполлоний, ибо сильно заблуждаешься, хотя и полагаешь, что изрекаешь глубокие мысли».

(34) Аполлоний ответил: «Я научился возносить молитвы, а не оскорблять, но твое лицемерие доказывает слепоту твоего сердца, ибо истина оскорбляет глупцов».

(35) Сенатор⁷⁶⁷ сказал: «Объясни мне сказанное тобою».

(36) Аполлоний сказал: «Бог Слово, Искупитель душ и тел, вочеловечился в Иудее, преисполнившись всей истиной и блистательно исполненный божественной мудростью. Он

проповедовал религию кротости, которая была достойна душ человеческих и подавляла источник грехов. (37) Ибо Он учил усмирять гнев, умерять желания, укрощать влечения, отгонять скорбь, быть причастным к состраданию, приумножать любовь, отвергать тщеславие (суетность), удаляться от лицемерия, не быть злопамятным, презирать смерть, не оскорбительно, [но] терпеливо [относиться] к несправедливым, повиноваться Божьим законам, почитать императоров, поклоняться Богу, верить в Бога в бессмертие души, ждать суда после смерти и ждать даров, которыми Бог удостоит после воскресения живших благочестиво. (38) Обучая всему этому словами и делами с великим постоянством и будучи прославляем всеми за благодеяния, которые творил, Он был наконец убит, как и прежде Него [предавались смерти] мудрецы и праведники. Ибо праведники ненавистны неправедным, (39) как говорит и Божественное Писание: «Свяжем праведника, ибо он не согласен с нами [укор для нас]». (40) Но и некий греческий мудрец сказал, что «праведник примет муки, будет оплеван и распят».

Перевод с древнегреческого

говорит: *«Праведник будет бичуем, пытаем, связан, ему выжгут глаза; наконец, претерпев всякие мучения, он будет распят («пригвожден к дереву, посажен на кол)»⁷⁶⁸⁽¹¹⁾.*

(41) Потому-то как Сократа афинские сикофанты¹² несправедливо осудили, убедив и народ, так и нашему Учителю и Спасителю некоторые преступники (ἐνίοι τῶν πανούργων), связав Его, вынесли приговор, (42a) равно как и прославившим Его пророкам, которые предсказали, что придет некий муж, праведный во всем и добродетельный, который, облагодетельствовав всех людей, убедит их добродетели почитать Бога всяческих, Которого мы прежде всего чтим (φθάσαντες τὴν ὁμὴν)*, ибо научились священным заповедям, которых не знали, и теперь не заблуждаемся. (42b) Даже если бы это и было, по-вашему, заблуждением, говорящим о бессмертии души, суде после смерти, завершении* добродетели в воскресении и Боге-Судии, то мы с радостью приобрели бы такую «иллюзию», ибо всего более благодаря ей мы научились

прекрасно жить, ожидая в будущем упования⁷⁶⁹ на справедливость]**, хотя и терпим [здесь] противоположное».

(43) Перенний проконсул: «Я полагал, Аполлос, что ты расскаешься, наконец, в таком учении* и почтишь с нами богов».

(44) Аполлос: «Я надеялся, проконсул, что благочестивые рассуждения будут близки тебе* и что очи души твоей будут просвещены моим *ответом* (апологией)⁷⁷⁰, так что сердце твое будет *плодоносить*⁷⁷¹, Бога, Творца всяческих, почитать** и ежедневно Ему чрез милостыни и человеколюбие воссылать молитвы Единому, жертву бескровную и чистую⁷⁷² Богу».

(45) Перенний проконсул: «Я готов (хочу, θέλω) освободить тебя, Аполлос, но мне запрещает поступить так постановление (κωλύομαι ὑπὸ τοῦ δούματος)⁴ Коммода самодержца; однако я смогу поступить с тобой человеколюбиво* в [отношении] смерти».

И он дал сигнал** перебить мученику голени¹³.

(46) Аполлос же, [прозванный] также Саккей: «Я благодарю моего Бога, проконсул Перенний, со всеми исповедавшими Бога Вседержителя и Единородного Сына Его Иисуса Христа и Святого Духа, и за этот твой спасительный для меня приговор».

Перевод с древнеармянского

(41) Подобно тому как афиняне, руководимые чернью, приговорили к несправедливой смерти [Сократа], так же и нашего Исккупителя приговорили к смерти нечестивцы, ибо они завидовали Ему, (42) так же как и тем пророкам, которые были прежде Него и которые предсказывали, что Он придет и принесет всем добро и что Он убедит всех людей добродетельно чтить Бога – всеобщего Отца и Творца, в Которого мы веруем и Которому поклоняемся, ибо от Него мы научились достойным заповедям, которых не знали, и мы более не будем заблуждаться, но будем вести благую жизнь в надежде на жизнь будущую».

(43) Сенатор сказал: «Я думал, что ты за ночь изменил свое мнение».

(44) Аполлоний ответил: «Я ожидал, что и твои мысли изменятся за ночь, и глаза твоей души откроются моими ответами и в сердце твоём созреет плод, и ты почтишь Бога,

Творца всего сущего, и постоянно будешь возносить к Нему молитвы с милосердием, ибо милосердие к людям, проявляемое людьми, есть бескровная и святая жертва Богу».

(45) Сенатор сказал: «Я хотел бы освободить тебя, но не могу вследствие постановления сената. Однако я вынесу тебе милосердный приговор».

И приказал отсечь ему голову мечом.

(46) Аполлоний сказал: «Благодарю Бога моего за твой приговор».

(47) И палачи поспешно вывели его и обезглавили, между тем он восхвалял Отца, Сына и Святого Духа, слава Которым во веки веков. Аминь.

Перевод с древнегреческого

[Заключение]

(47) Таковую славную мученическую кончину трезвящейся душою и отважным сердцем стяжал сей святой победитель (ὁ αὐϊώτατος αθλοφόρος), [прозванный] также Саккей. Днесь настала госпожа дней, ради которой*, состязавшись с лукавым⁷⁷³, добыл он себе победную награду⁷⁷⁴. Давайте же, братья, укрепив наши души для веры его прекрасными и достойными мужа подвигами (τοῖς ἐκεῖνου καλοῖς ἀνδραγαθήμασιν), соделаемся ревнителями такой благодати милостию и благодатию Иисуса Христа, с Которым Богу и Отцу со Святым Духом слава и держава во веки веков. Аминь.

Пострадал треблаженный Аполлос, [прозванный] также Саккей, за одиннадцать [дней] до календ мая согласно римскому [времяисчислению], по асийскому же в месяц восьмой**, а по-нашему – в царство Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки.

Примечания,

относящиеся к текстологии и переводу

(Обозначены в тексте *)

В этой книге публикуются параллельно два перевода. На левой стороне разворота помещен перевод с древнегреческого (G), выполненный по изданию *Max'a* с привлечением *Gebhardt'a* и *Musurillo* (авторитетное издание *Klette* нам стало доступно только на стадии набора книги), что дает в целом полную

картину не только подлинного рукописного текста (дошедшего лишь в одном манускрипте), но и большинства предлагавшихся конъектур. Для сверки трудных мест были привлечены нем., англ. и франц. переводы, хотя в ряде случаев мы предлагали иную интерпретацию, в каждом случае оговаривая ее, и специальные исследования, отмеченные в списке литературы. Русский перевод публикуется впервые.

Условные обозначения: () греч. текст и иногда вариант перевода; как правило, в тексте дается наиболее близкий перевод, в скобках – равноправный. [] добавления для большей ясности текста. отмечают конъектуральное чтение. текст опускается указанным(и) издателем(-ями).

Комментаторы и издатели: *B(onnet)*, *F(reudenberger)*, *G(ebhardt)*, *H(ilgenfeld)*, *K(lette)*, *Kauschen*, *Kn(opf)*, *Max*, *Mon(ceaux)*, *Mus(urillo)*, *P(atin)*, *Paul(sen)*.

Цитаты и параллели из Священного Писания (указанные вслед за предыдущими издателями и существенно дополненные нами) приведены по нумерации LXX для ВЗ в издании Rahlfs'a, для НЗ – по Nestle-Aland'у (о принципах перевода и ссылок см. в предисловии к гомилии св. Мелитона О Пасхе).

На правой стороне разворота – перевод с древнеармянского (А), сделанный В.А. Арутюновой-Фиданян по ксерокопии с экземпляра книги, принадлежащей Библиотеке армянской общины, и полученной через Biblioteca Nazionale Marciana и РГБ. Полный русский перевод непосредственно с оригинала издается впервые. Примечания к нему принадлежат переводчику, обозначены цифрой со звездочкой и помещены прямо под текстом. Параллельные места из Священного Писания указаны только там, где армянский текст отличается от греческого.

Условные обозначения те же, только в круглых скобках предлагается вариант, менее близкий к оригиналу, а немногие незначительные конъектуры в арм. тексте, сделанные издателями-мехитаристами, не оговорены.

Вступление. * Здесь и далее словом «император» передается греч. βασιλεύς, «царь».

2 * Здесь и далее во всем переводе с греческого глагол «сказал» после имени говорящего опущен, что лучше передает протокольную форму (или, что менее вероятно, ее имитацию, см. Предисловие, а также коммент. 2 к актам Иустина – выше), позволяя избежать утомительного повтора без синонимических замен, которые создали бы ложное впечатление литературности.

6 * Здесь и далее «править» – βασιλεῦεν.

8 * νοητικῶν: νοερών (разумных) *H*: «бестелесных» *Mus*, по-видимому, исходя из неправильного лат. перев. с арм.: «духовных» *Мах* (по арм.?): *Моп* перефразирует «о людях, наделенных мышлением и разумом, созданных по образу Божьему».

9 * εἰδόντες *рук.*: конъектуре εἰδότες *K, H, G* хорошо соответствует арм.

11 * Первый издатель ссылается на известный словарь *Du Cange*'а средневекового греческого языка, *Glossarium mediae et infimae graecitatis*, s.v. См. столб. 46 – ссылка именно на это место рукописи (*Acta Matyrii S. Apollo MSS.*).

12 * как я, отвечая, определил нас конъект. *B*.

18 * ὥστε τοῖς ἰδίοις εὐχεσθαι οὐχ οἷον τε. Место маловразумительное, и, кажется, столько интерпретаций, сколько конъектур и переводов. *H* допускает слишком вольное исправление и неудачное по смыслу; *K, G, Моп* и *Mus* предпочитают понимать «своим собственным богам»; *Mus* предлагает также иной вариант – «не могут молиться по своим (частным, собственным) нуждам» (they may not even pray for their proper needs); *Мах* переводит εὐχεσθαι не «молиться», а «гордиться», «хвалиться» в том смысле, что афинянам, почитающим бычий череп, нечем кичиться из-за их собственных обстоятельств перед другими народами.

19 * ἀκούωμεν *рук.*: ἀκούομεν *K, H, Mus*, ср. § 16а. Другие издатели (*G, Мах*) следом за *P* допускают ряд конъектур, исходя из аналогии с фрагментом Гераклита. Со статьей *Patin*'а мы не могли ознакомиться, а у *Musurillo* и прочих доступных нам издателей (за исключением замечаний *Мах*'а) параллель с Гераклитом не отмечена. Поэтому приведем здесь оба текста в

оригинале. **Aristocr. Theos.** 74, p. 185 Erbse = fr. 128 DK (= 86 g¹ Marcovich, ФРГФ 240): ὅτι ὁ Ἡράκλειτος ὀρών τοὺς «Ἕλληνας γέρα τοῖς δαίμοσιν ἀπονέμοντας εἶπεν «δαίμόνων ἀγάλμασιν εὐχονται οὐκ ἀκούουσιν, ὥσπερ ἀκούοιεν, οὐκ ἀποδίδουσιν, ὥσπερ οὐκ ἀπαιτοῖεν». Русские переводы неточные: «Видя, что эллины уделяют богам почетный дар, Гераклит сказал: «Статуям богов, которые не слышат, они молятся, словно те могут слышать, они (ничем) не воздают [3 Plur. вместо Dat. Plur.! – А. Д.], подобно тому, как и не могли бы (чего-нибудь) требовать»» (Маковельский, 168). «Видя, как эллины воздают демонам жертвенные дары, Гераклит сказал: «Демонов изваяниям они молятся не внемлющим, словно внемлющим, не воздающим, словно воздающим, не требующим [выделенные мной курсивом слова отсутствуют в единственном доступном мне издании **DK**; следует ли предполагать, что они являются конъектуральным дополнением Marcovich'a или русского переводчика? – А. Д.], словно требующим»» (ФРГФ, 240, перев. А.В. Лебедева). Однако и в немецком переводе в DK неясности: «Sie beten zu den Götterbildern, die nicht hören, als ob sie Gehör hätten, die [та же ошибка, что и у Маковельского, ориентировавшегося, очевидно, на немецкий перевод. – А. Д.] keinen Lohn [дополнение по смыслу. – А. Д.] zahlen, wie sie ja auch nichts fordern könnten (?) [вопрос поставлен самими переводчиками. – А. Д.]» (DK, Bd I, S. 180). Erbse предложил переводить конец предложения так: «... als ob sie überhaupt nicht darum bitten [«как если бы они вообще об этом не просили». – А. Д.]» (указано в DK I, S. 494–5). Acta et mart. Apoll. 19 (= fr. 86 g² Marcovich, ФРГФ 240 без текста): δαίμόνων δὲ ἀγάλμασιν εὐχονται ἀ[P, Max] οὐκ ἀκούουσιν [ἀκούωσιν cod.] ὥσπερ ἀκούωμεν [ἀκούοιεν P, Max: ἀκούομεν ост. изд.] [+ὥσπερ G, ὥς P, Max] οὐκ ἀπαιτούσιν οὐκ ἀποδίδουσιν [ἀποδίδοῦσιν B, G, Mus]. Параллель, на наш взгляд, бесспорна (ср. еще далее, § 33), однако цитата не дословная, а синтаксическое построение на первый взгляд разное, если придерживаться чтения ἃ [правда, это ἃ понимать как подлежащее вместо ἀγάλματα не очень хорошо, ибо по классическим правилам сказуемое надо было бы поставить в единств, числе, так что ἃ скорее винит, падеж вместо «молитв»,

хотя такое построение несколько коряво], поэтому, вроде бы, нет никакой надобности конъектурально подлаживать причастия в передаче Аристокрита к личным формам глагола (если понимать их именно так) у Аполлония. С другой стороны, форма ἀποδίδουσιν явно ненормальная (неклассическая): следует ли предполагать выравнивание по регулярному спряжению («плохое коинэ»; такая форма зафиксирована TLG только у Константина Багрянородного) или все же, учитывая уровень образования Аполлония, предполагать Dat. Plur. Part. Praes. Act., изменяя одновременно ударение по месту и характеру [правда, форма ἀποδίδοῦσιν для 3 Plur. засвидетельствована по TLG в фрагменте Диодора Сицилийского, у Порфирия и позже у Суды]? Армянский текст опускает трудную фразу, довольствуясь следующей цитатой из псалма. Признавая место испорченным, но вместе с тем явно перефразирующим Гераклита, и стараясь максимально сохранить рукописный текст, мы допускаем только одну наименьшую конъектуру, заменяя ἀκούωμεν на ἀκούομεν [по изданию болландистов мы насчитали не менее 16 аналогичных случаев смешения в рукописи форм наст. и буд. времен изъявит. накл. и сослагат. накл.], и читая ἀποδίδοῦσιν. что является вполне равноправным вариантом с точки зрения палеографии.

DK поместили этот фрагмент Гераклита в раздел «Zweifelhafte, falsche und gefälschte Fragmented, но Erbse на с. 23 (по изложению в DK) доказывал подлинность речения. Не имев возможности ознакомиться с аргументами Erbse, выскажем наши соображения по этому поводу, исходя не из философии Гераклита, но из интересующего нас контекста Аполлония. Аргументация DK: «[Ср. Муч. Аполл., где] die patristische Erweiterung von 22 B 5 klar ist. Da gerade diese Stelle, die mit δέ angeknüpft wird, im Armenischen fehlt, so ist eine Einarbeitung in die alten Akten (aus der Zeit des Commodus) wahrscheinlich (vgl. Psalm. 115, 5. 135, 16. Sap. Sal. 15, 15). Der Optativ und die Inkonzinnität des Ausdrucks ist daher (n. Diels) nicht zu beanstanden (ἀπαποῦσαν erwartet man) (DK I, 180, Anm.). Только плохим знакомством Дильса с актами можно объяснять апелляцию к армянскому тексту, ибо как раз цитата из псалма и

оставлена в последнем, в то время как трудное для перевода место снято. В пользу этого соображения говорит, как известное текстологическое правило о *lectio difficilior*, так и § 33, присутствующий в армянском переводе (так что «гераклитовский» эпизод вместе с цитатой из псалма не мог быть интерполирован в греческом тексте позднее армянского перевода, и армянский переводчик имел перед собой текст, аналогичный дошедшему до нас в греческом варианте), хотя и в упрощенной передаче (не понят знаменитый эпитет Гераклита). Что же касается грамматики, то она не дает нам права, как справедливо отметил Кранц, заподозрить фрагмент, а состояние текста приходится признать, как у Аристокрита, так и в актах не совсем удовлетворительным. Наконец, последние аргументы: что могло быть общего у актов с поздним манихеем 5-го века по Р. Х. (DK I, 151)? не говорят ли серьезные разночтения в актах и в «Теософии» в пользу того, что фрагмент Гераклита циркулировал в разное время в совершенно разных кругах в разных версиях?

Таким образом, не вынося окончательного вердикта о принадлежности отрывка Гераклиту (хотя у Марковича он помещен уже в числе подлинных фрагментов), мы вынуждены признать, что фраза была известна в древности по крайней мере, как приписываемая Гераклиту, а изначальное наличие ее в актах – что и является для нас самым важным – нельзя подвергать сомнениям. Конец фразы также вызывает затруднения. Перев. *Mus.*: they cannot ask for favours or give them.

20 * Издатели предполагают лакуну (ср. с арм.) – по нашему мнению, напрасно: во-первых, начальным пунктом своего рассуждения Аполлоний считает § 16b (ср. с. 386–7) – место, не понятое армянским переводчиком, а потому, во-вторых, перенесенное им в виде изложения § 16a перед § 21 для восполнения недостающего, по его мнению, первого пункта и более ясной композиции. Заметить, что второе и третье опровержения Аполлония (§ 21 а – b) А объединяет во втором пункте (§ 21).

21a * Здесь и в § 21b, 22 стоит ἄνω (наверх, вверх). Издатели предлагают разные исправления: αὖ (затем), ἄνωθε (опять-таки), или считают это слово перешедшим в текст с полей. Не следовало бы как-то связывать его с «небесами»? Перевод условный.

** богу: богам *B*, *G*, *Mus* (ср. арм.).

21b * египтяне: *B* и *G* опускают, считая глоссой, *Мах* связывает только с первыми двумя словами; *B*, *K* и *H* – и с последующими. Скорее всего, весь параграф относится к египетской религии.

** Такой перевод вытекает из контекста, ср. также **Аристид, Апол.** 12, 7 (греч.); **Ориг. ПЦ** 3, 17 (Ранович, с. 285), хотя «кинокефалом» назывался и бог Анубис, ср. **Мин. Фел.** 21; **Терт. Кязыч.** 2, 8.

22 * *рук. чт.* (τούς) αὐτούς (тех же самых): *следуем конъект. K* и *изд. όντάς: όντως P*.

** рассказывают *K*, *H*, *G*, *Kn*; *Мах* в переводе. Мы удержали, вслед за *Mus*, рукописное чтение φησιν, которое болландисты (*Acta S. Apollonii*, p. 290, п. 2) отнесли к Аполлонию (насколько мы понимаем мысль латинского примечания) и, тем самым, в сопоставлении с *A* сочли интерполяцией: Quae sequuntur usque ad finem paragraphi desunt in textu armenio, et propter vocem φησιν existimo esse a librario insertum commentariolum. Однако **A** опускает текст совсем по другой причине – трудности перевода сложной фразы.

*** Следует *рук. чт. αλώμενον.. Мах* переводит «похищенном»; *K*, *B*, *G*, *Kn* исправляют на αγόμενον,, «ведомом»; *H* и *Mon* αίθόμενον, «сжигаемом».

**** Трудная тавтологическая фраза переведена по смыслу параграфа; по – конъект. *P*, которой следуют и издатели, όνόματα: γεννήματα не удачная конъект. *K* (ей следует и *Mus*: Of a piece with this is the discussion of the God' offspring in the myths, whose names are well known). Любопытно и довольно убедительно выглядит предположение *Paul* (с. 123–4 и примеч. 31), что под όνόματα надо понимать «каталоги имен» (как параллели – **Афинаг. Прош.** 28; **Феоф. Авт.** 2, 2. 7. 34, особенно 2, 8) и переводить так: «In Entsprechung zu diesen (scil,

zu den eben genannten Göttern) werden auch die Namenskataloge in Frage (συζητεῖν с контекстуально полемической нагрузкой) gestellt um der Mythen willen, durch die sie auch bekannt wurden» («В соответствии с которыми (т.е. названными только что божками) ставятся под вопрос перечни имен из-за мифов, по которым они также известны»).

26 * *Иной перевод*: последователи нашего учения.

** Следуем конъект. дополнению *K, G, Kn, Mon* по арм. тексту.

31 * *Мах* замечает, что смысл этого слова остается темным, имея, может быть, в виду другое значение «возвещать».

34 * Не совсем понятно, причем тут «лицемерие». Возможно, речь киника передана не полностью, а может, это ответ на «брані» и «темноречивый», ибо Аполлоний не желает ни бранить, ни тем более «притворяться», т.е. казаться, играть роль другого философа. *Mon* перевел «замечание»; первое значение ὑπόκρισις в самом деле «ответ, ремарка», однако добавление ἢ ἐν σοί и арм. перевод не оправдывают такого понимания. Ниже конъектура **G** προελεύση бесполезна, ибо окончания εἰ и ἦ равноправны и относятся ко 2 лицу (отложительная форма), а не к 3, как неправильно перевели *K* и *Мах*.

37 * Арм. и совр. переводы «отвергать», что скорее соответствовало бы чтению καθαιρεῖν (а не καθαίρειν), которое и предлагает Rauschen.

38 * *B, G и Mon* предпочитают конъект. ἐναρῶς (ясно). Но арм. перевод, кажется, не поддерживает исправления.

** *Мах* (при том же чтении) переводит: однако «был убит», следуя, видимо, **A**. Все же вряд ли следует заменять ἐφθονήθη на ἐφονεύθη, ибо и **A** говорит о зависти, только ниже, см. § 41.

*** Рук. чт. δίακονοι, «служители»; конъект. изд. δίκαιοι оправдана и **A** и далее самим греч. текстом.

42a * Выражение можно понимать по-разному.

42b * πέρας: *K, H и Kn* конъект. γέρας, «награда».

** тру рѣХХо-оаав ёХлгба аяекбехореуог мы понимаем в контексте Гал 5, 5 (ср. слав, перевод).

43 * τὸ λοιπὸν μεταβεβλήσθαι τῆς τοιαύτης προαίρέσεως. Точный перевод затруднителен. *K*, *Max* и *Mus*: «Впрочем (*Mus*, *K*), я считаю, что ты изменишь (+теперь *Mus*, наконец *K*) такое твоё решение»; *Mon*: «Я думал, что ты откажешься впредь от подобных идей»; иной вариант в **A**. Можно было бы понять и так: «Я полагал, что ты поменяешь оставшуюся часть [жизни] на такое учение». Мы ориентируемся в переводе на **Евс. ЦИ V, 21, 4** (τῆς προθέσεως μεταβαλλόμενους) и пояснение *F* (с. 122, примеч. 66), согласно которому μεταβάλλεσθαι синоним *paenitet*.

44 * τοὺς... διαλογισμοὺς σοι παρῆναι (= παρεῖναι) можно понять иначе: «Что благочестивые разговоры (беседы) помогут тебе».

** Читаем вместе с *K*, *H*, *B*, *G*, *Kn* σέβειν τοῦτῳ τε: рукоп. чт. σέβειν τε τοῦτῳ; в **A** и современных переводах этот и следующие глаголы отнесены ко 2 лицу: не следует ли читать вместо τε – σε?

45 * Греч. редактор, переиначив приговор, понимает это слово явно как издевку «проконсула», повторяющего выражение Аполлония (можно было бы взять его в кавычки). Но на самом деле префект говорил вполне серьезно, см. Предисловие.

** В греч. тексте лат. слово (σίγνον = *signum*). Можно перевести «отдал приказ». По болландистам, поздний латинизм (первый издатель ссылается на словарь *Du Cange'a*). *Du Cange* указывает как раз на нашу рукопись. См. vol. 1, col. 1365, s.v. с пояснением: *Ubi sumi videtur pro sententia judicis*.

47 * ἡ δὲ κυρία τῶν ἡμερῶν, καθ' ἣν... *Max* и *Mus* понимают это место иначе – будто речь идет о дне памяти святого («настал определенный день, в который...»): *Der festgesetzte* (*Herrliche* у *K* – двусмысленно) *aber der Tage, an welchem...* *Today was the day established on which he was to obtain his victory over the Evil One*. Хотя словарь *Liddell-Scott* не дает такой идиомы, подобный перевод оправдан, казалось бы, аналогичным выражением ἡ κυρία ἡμέρα (см. в греческо-русских словарях Вейсмана, s.v. κύριος, и Дворецкого, s. v. κυρία со ссылкой на Демосфена). Однако мы понимаем это место иначе –

«наступило воскресение, ради которого...», в контексте § 30, 37, особенно 42b. Скорее подразумевается воскресная проповедь, нежели специально день памяти мученика (и перевод *Мах'а* – *Mus* сталкивается с рядом трудностей как реального, так и контекстуального плана). Наше истолкование поддерживается, хотя бы отчасти, словарем *Lamp'а*, где s. v. κυρίᾱ ссылка и на это место актов Аполлония с пояснением «of Sunday». [NB См. дополнение на с. 416].

** G добавил «21 восьмого месяца» [= апреля]. Дискуссия у K, 130.

Комментарии

1) Ср. Деян.4:24 (Исх.20:11). Параллели с др. актами у *Mus*, с. 91, примеч. 3. Анализ выражения (по Hamman'у) см. в Предисловии к мученичеству Иустина.

2) Ср. *Муч. Полик.* 9, 2 (**Пис. муж. ап.**, с. 384 и примеч. 27).

3) Ср. там же, 8, 2 (и примеч. 24 на с. 383).

4) О трудностях перевода слова τὸ δόγμα и юридические комментарии см. в Предисловии.

5) См. Предисловие, с. 386–7. συνέχεῖν (по отношению к «духовной природе») и συνέχεσθαι (о «материальной сущности») – также стоические termini technici (см., напр., SVF II, fr. 439, p. 144).

6) *Mus*, вслед за K, помимо **Терт.: Апол.** 14, 7 и **K языч.** 1, 10, приводит еще любопытную параллель с «**Жизнеописанием Аполлония Тианского**» (6, 19 в конце) **Флавия Филострата** (ок. 170–249), где клятвы Сократа упоминаются в контексте спора героя романа с египтянами о религии последних и изображениях богов. *Schwartz* (p. 257, п. 6) замечает, что если клятва собакой обычна в устах Сократа [**Платон: Апол.** 22A (или 21E); **Федр** 228B; **Горгий** 461A, 466C, 482B («клянусь собакой, богом египтян»); **Харм.** 172E; **Федон** 98E; **Гипп. б.** 287E; **Госуд.** 399E], то платаном клянется только однажды **Федр** (236E), а вовсе не Сократ. Упоминание об этих двух клятвах вместе только в схолиях к **Платону** (*Scholia in Apol.* 21E: «Это клятва Радаманфа – собакой, гусем, платаном, бараном и т.п.»), у **Феоф. Авт.** 3, 2, Филострата (см. выше) и

особенно у **Лукиана** (*Икароменипп* 9; ср. *Продажа жизней* 16). Об образе Сократа в христианской литературе см. примеч. 11.

7) Ср. **Плин. Старш. Ест. ист.** 19, 101 (aliū serasque inter deos in iusjurando habet Aegyptus); Ювен. 15, 9 (*К*). Пелусий – город в Египте, получивший название по восточному рукаву Нильской дельты, см. у Геродота и Страбона.

8) Об этих трех мифах ср. у **Diod. Sic.** III, 62, 7; IV, 38, 4 и III, 61, 2 (*Mus* вслед за первым издателем). Обычно встречаются у апологетов вместе имена Диониса, Геракла и Асклепия (**Феоф. Авт.** 1, 9; **Иуст. 1 Ап.** 21, 2), но у **Оригена** (слова Цельса – **ПЦ** 3, 43, см. у *Рановича*, с. 287) упомянуто и о гробнице Зевса на Крите.

9) По *Р*, намек на прозвище Гераклита, что представляется нам бесспорным.

10) См. Предисл. *К* вкладывает все же фразу в уста префекта, исключая лишь последнюю часть предложения после «праведных» и предполагая дальше лакуну.

11) Ср. **Клим. Алекс. Стром.** IV, 7, 52, 1 (p. 272^{11–2} Stählin); V, 14, 108, 3 (p. 398^{21–}); IV, И, 78, 1 (p. 283⁵); **Евс. Praep.** ev. XII, 10, 4; XIII, 13, 35 (p. 99^{11–5}; 211^{12–3} Mras); **Феодорит, Graec. aff. cur.** 8, 50. Цитата (с некоторыми морфологическими вариациями⁷⁷⁵, схожими с Климентом Алекс., Феодоритом и Евсевием) дословная, за исключением последнего глагола. У Платона ἀνασχινδουλεύθησεται, что значит «сажать на кол», у Аполлония же – ἀνασκολοπιθήσεται с более широким спектром значений (не только «сажать на кол», но и «пригвоздить к столбу», «распинать»). По-гречески оба глагола звучат достаточно синонимично и между ними нет такой разницы, как по-русски. Нельзя исключить, что, возможно, мы имеем дело с обратным переводом с латыни на греческий, хотя нам представляется это маловероятным. Ср. Предисл. Правда, на цитату из **Госуд.** 361Е могли оказать влияние **Госуд.** 613Е и особенно **Горгий** 473С (ἀνασταυρωθή, «будет распят»; в примеч. 23 на с. 803 Соч. Платона, т. 1, 1990, перев. А.А. Тахо-Годи **Госуд.** 361Е, отличный от перевода Егунова; ср. вольный перевод **Цицерона, О Госуд.** III, 17, 27, где «сажать на кол» отсутствует: bonus ille vir vexetur, rapiatur, manus ei denique

auferantur, effodiantur oculi, damnetur, vinciatur, uratur, exterminetur, egeat, postremo iure etiam optimo omnibus miserrimus esse videatur. – Cicero, ed. K.Ziegler, p. 144.6), а редчайшее разночтение ἀνασκολοπισθήσεται Аполлония имеет литературную параллель, по Schwartz'у (259) и TLG, только у **Лукиана (Рыбак 2)**, будучи засвидетельствованным у схолиаста к **Платону (Scholia in Rep. 362A: ἀνασχ. ἀντι τοῦ ἀνασκολοπισθ)**, а также без специальных ссылок на Платона у Фотия, Суды [s.v. ἀνασκινδυλευθῆναι и др.] и Гесихия [s.v. ἀνεσκολοπίσθη, ἀνασκινδυλεύεσθαι] (Schwartz, p. 260, n. 33). Об употреблении этого слова применительно к «страдающему праведнику» в греч. литературе (начиная с Эсхила) – у Schwartz'a, p. 260, n. 29. Этот вариант, как и фрагмент Гераклита, заставляет предполагать, что греческие цитаты дошли до нас в оригинале, восходящем к заранее написанной Аполлонием апологии (см. выше). В целом мы перевели фразу (отчасти из-за контекста) более нейтрально, чем у А. Н. Егунова. Специальная литература (почти вся она была нам недоступна), касающаяся «праведника» (§ 40) и Сократа (§ 19 и 41): Harnack 1901; Benz 1950 и 1951; Ё. des Places 1966; Giannantoni; Koumakis; Jackson; Opelt. Особенно следует отметить, что о Сократе с уважением говорит не только большинство отцов Церкви, но к его примеру обращаются и другие мученики (некоторые примеры у *Лашкарева* 1893, с. 148, примеч. 1 по отд: оттиску).

12) Сикофанты – собственно, официальные осведомители в Афинах, в первоначальную обязанность которых входило пресекать незаконный вывоз фиг из города (откуда и само их имя), обычно шире, как здесь, профессиональный доносчик, клеветник. Ср. **Плут. Жизнеоп. Солона** 24 (рус. пер. М., 1994, т. 1, с. 107 и примеч. 40 на с. 666).

13) См. Предисловие, с. 382.

Приложение

Некоторые параллели актов и апологии Аполлония и раннехристианской литературы⁷⁷⁶

2 **Диогн.** 3, 4; **Аристид, Апол.** 1, 1; 15, [2] S.

3 **Терт. К языч.** 1, 17.

4 **Ерм. Вид.** 1, 1; **Зап.** 4.

5 **1 Клим.** 21, 3; **Игн. Ант. Еф.** 15, 3; **Полик. Смирн. Флп.** 4, 3; **Ерм. Зап.** 3; **Иуст. 1 Ап.** 12, 1. 3.

6 **1 Клим.** 61, 1–2; **Полик. Смирн. Флп.** 12, 3; **Иуст.: 1 Ап.** 16, 5; 17; **2 Ап.** 5, 5; **Афинаг. Прош.** 37; **Феоф. Авт.** 1, 11; 3, 14; **Терт.: Апол.** 30, 1; 39, 2 и др.; **К Скапуле** 2. Параллели из Мученичеств – *Schwartz*, p. 258, п. 14.

8 **Аристид, Апол.** 1, 6; **Диогн.** 10, 2; **Афинаг. Прош.** 13; «улыбнувшись»: ср. **Мин. Фел.** 37, 1 (*horrorem carnificis irridens*), **Mart. Pionii** 7, 5 греч. (7 лат.).

9 **1 Клим.** 28, 4; **Аристид, Апол.** 1, 6 S. Молитвы за императора: см. параллели к § 6.

14 **2 Клим.** 1, 6; **Диогн.** 2; **Аристид, Апол.** 13, 1; **Афинаг. Прош.** 15; **Феоф. Авт.** 1, 1. 10; 2, 2. 34; **Мин. Фел.** 23; **Терт. Идолоп.** 3.

15 **Иуст. 1 Ап.** 16, 6.

16а **Иуст. 1 Ап.** 9.

16б **Диогн.** 2.

17(Г) **Феоф. Авт.** 1, 10 (с примеч. Преобр.). ἡ ποδονίπτα – нарах (*Lampe*), засвидетельствованы лишь ποδονίπτήρ, ποδονίπτρα, ποδονίπτρον (*TLG*). Первый издатель отсылает (*Acta S. Apollonii*, p. 289, п. 3) к словарю *Du Cange'a*, s.v. ποδονίπτα. У *Du Cange'a* (т. 1, стлб. 1190) ссылка только на нашу рукопись.

18 Редчайшее место. Судя по топографии **А**, имеет соответствие (*Klette*, S. 104–6, Anm.) только у **Павсания** (I, 24, 2: «Есть тут и бык, пожертвование (ἀνάθημα) совета с Ареопага, а с какой целью совет соорудил (ἀνέθηκεν) его, всякий при желании может сделать себе много догадок по поводу этого (πολλά δ' ἂν τις ἐθέλων εἰκάζοι)», – перев. С.П. Кондратьева, греч. текст M.N. Rocha-Pereira, p. 53). С **Мин. Фел.** 28, 7 («которые закалаете и почитаете головы волов – boum capita – и баранов», – перев. Преобр.), кажется, не связано (контекст в «Октавии» – скорее егип. религия) (ср. *Schwartz*, p. 257).

19 **Диогн.** 2; **Пс.-Иуст. О воскр.** 5; **Афинаг. Прош.** 26; **Феоф. Авт.** 3, 2; **Терт. К языч.** 1, 10. Ср. комм. 6.

21а+17(А) **Аристид, Апол.** 12, 7; **Иуст. 1 Ап.** 24.

21Ь **Аристид**, **Апол.** 12, 7; 8, 4; **Иуст.** 1 **Ап.** 24; **Афинаг. Прощ.** 1. 14; **Феоф. Авт.** 1, 10; 2, 36.

22 **Аристид**, **Апол.** 8–11; 7, 1 S; **Иуст.:** 1 **Ап.** 4–5. 21; **Диал.** 69; **Пс.–Иуст. Речь к Элл.** 3; **Татиан** 27 (гробн. Зевса); **Афинаг. Прощ.** 17. 26.9. 30; **Феоф. Авт.** 1, 9–10; 2, 2; 34; **Мин. Фел.** 21.2 (гробн. Зевса); **Терт. К языч.** 1, 10; 2, 14.7 (гробн. Зевса); **Лакт. Бож. наст.** I, И, 46–9 (гробн. Зевса). См. также комм. 8.

24(G) **Диогн.** 6, 9 и 7 конец; **Иуст. Диал.** 110 (увелич. числа христиан, там же примеч. Преобр. 337 на с. 309).

26 **Феоф. Авт.** 3, 15; **Мин. Фел.** 37, 11.

27 **Иуст.** 1 **Ап.** 57; **Татиан** 19; **Диогн.** 1; 10, 7; **Мин. Фел.** 8, 5.

28 **Иуст.** 1 **Ап.** 57.

30 **Диогн.** 10, 6.

36 **Диогн.** 8–9; **Муч. Игн.** 6, 8.

37 **Дидахэ** 1–4; **Варн.** 19; 1 **Клим.** 26–7 (воскрес.); **Аристид, Апол.** 15

38–42 Ср. 1 **Клим.** 45.

39 **Варн.** 6, 7 [**Ис** 3, 10]; 1 **Клим.** 45, 2. Анализ разночтений в **Ис** 3, 10: δῆσωμεν (**Аполл.**) и ᾠρωμεν (**Клим. Алекс.**) с параллелями у *Schwartz'a*, p. 259–60. См. также комм, к гомилии Мелитона «О Пасхе» ниже.

41 **Иуст.:** 1 **Ап.** 5; 2 **Ап.** 7. 10; **Афинаг. Прощ.** 31; **Татиан** 3; **Терт. Апол.** 14, 7.

42 1 **Клим.** 26–7 (воскр.); **Игн. Ант.:** **Магн.** 8, 2 (пресл. пророков); **Филад.** 5, 2 (то же); **Полик. Смирн. Флп.** 6, 3; **Иуст.:** 1 **Ап.** 30 сл.; **Диал.** 7.

44 **Диогн.** 12, 1; **Феоф. Авт.** 1, 2.

46 Ср. **Терт. Апол.** 1, 12; 46, 14: Christianus etiam damnatus gratias agit (цит. по изд. Loeb Class. Libr., vol. 250. L., repr. 1984, p. 8, 202.4). В этом же издании ссылка на документальные «Акты сцилитанских [=исхлиских] мучеников», пострадавших в первый год царствования Коммода 17 июля 180 г., где сказано (§ 15 и 17): Deo gratias. Ср. также **Муч. Иустина** 6, 1; и др. акты (напр., **Киприана**, recensio altera 3, 6).

Addenda

К § 19. С.Н. Муравьев, один из ведущих специалистов по Гераклиту, в письме от 1 ноября 1997 г. обратил наше внимание, что Маркович, хотя и помещает фр. Гераклита В 128 DK среди подлинных, считает его лишь вариантом-пересказом фр. В 5 DK. По мнению Муравьева, В 128 вполне может быть другим подлинным фрагментом, но больше веса имеет все же текст Аристокрита, непосредственно ссылающегося на Гераклита, в то время как у Аполлония всего лишь скрытая цитата или просто реминисценция. Кроме того, DK указывают еще на третий источник (Деяния Квадрата, 6).

К § 47. После завершения работы над книгой нам встретилось выражение ἡ κυρία τῶν ἡμερῶν в «Повести о любви Херея и Каллирои» (V, 4, 5) Харитона Афродисийского (Charitonis Aphrodisiensis de Chaerea et Callirhoe amatoriarum narrationuni libri octo, ed. W.E. Blake. Oxford: Clarendon Press, 1938) в значении «установленный день». Тем самым, несмотря на словарь *Lamp'a* и на возможное сближение в византийскую эпоху названной идиомы с «днем Господним» (ἡ κυριακή [ἡμέρα]), традиционный перевод (при котором некоторая неясность слова «установленный» искупается отсутствием насилия над καὶ ἥν) оказывается, пожалуй, все же более предпочтительным: «Сегодня настал установленный день, в который и т.д». С другой стороны, в поздневизантийский период интересующее нас выражение встречается в указанном *Lamp'ом* значении «воскресение» у Константина Багрянородного (*De cer.* 1, 37(28), vol. 1, p. 145¹², ed. A.Vogt. (P., 1935), однако это обстоятельство не может служить решающим аргументом из-за большой временной дистанции рассматриваемых произведений.

Примечания

¹ - За исключением апокрифов, помещенных в 1-м томе ПДХП.

² - Некоторые недостатки (с точки зрения современной науки) книги Преображенского отчасти искупаются, как мы надеемся, Указателями источников и имен, в которых читатель найдет уточнения и отдельные исправления переводов и примечаний Преображенского. Для книги Ермия приложен специальный список новейших чтений – Corrigenda (см. ниже).

³ - У нас не было возможности ознакомиться непосредственно со всеми западными мартирологами. По сведениям о. Антония Ламбрехтса (P. Antoine Lambrechts, монастырь Св. Креста, Шевтон, Бельгия, письмо в издательство «Благовест» от 29 ноября 1996 г.), Аполлоний почитался Западной Церковью с 3-го века (о. Антоний ссылается на Dictionnaire d'Histoire et de Geographie ecclesiastiques, III, 1924, сс. 1012–14. Kitsch J.P. Apollonius (saint)). Однако в Vies des Saints et des Bienheureux selon l'ordre du calendrier avec l'histoire des fetes par les rr.pp. benedictins de Paris. T. IV. Avril. P., 1946, 442 утверждается, что мученик не почитался первоначально литургически в Риме и его имя появляется впервые лишь в мартирологах Узуарда, Адона, Ноткера и др., откуда оно и перешло в Римский мартиролог. Однако эта разница в несколько веков не имеет большого значения, ибо в любом случае мученик почитался древней неразделенной Церковью (упомянутые мартирологи датируются IX веком).

⁴ - Так датировал рукопись H. Usener (Acta S. Timothei. Bonnae, 1877 – см. АВ 14 (1896), 286).

⁵ - За эту драгоценную для нас информацию мы глубоко признательны о. Антонию Ламбрехтсу, приславшему ксерокопию французского перевода названного синаксаря: Le Synaxaire. Vies des Saints de l'Eglise Orthodoxe. Adapt, fran. par le hiéromoine Macaire de Simonos-Pétras. Publié avec la bénédiction de Sa Sainteté le Patriarche Oecuménique Dimitrios I. Tome 3: Février, Mars, Avril (1 au 15). Editions «To perivoli tis Panaghias».

Thessalonique, 1990, p. 513 (1 avril): «Memoire de saint Meliton, eveque de Sardes». В примечании в синаксаре указывается, что, хотя святой не упоминается в византийских святцах, он почитается в славянских странах следом за западными мартирологами («Omis des synaxaires byzantins, il est commemoire dans les calendriers slaves, a la suite des Martyrologues occidentaux». – Ibid., n. 5). К сожалению, греческие издатели не указали, святцы какой славянской церкви они имеют в виду. Возможно, имеются в виду сербские Четьи-Минеи, составленные известным патрологом Иустином Поповичем (Архим. д-р Јустин Сп. Поповић, бивши професор Универзитета. Житија Светих. Београд: Издање Манастира Св. Ђелије код Ваљева с благословом Н. П. Епископа Шабачковаљевачког Господина Јована, 1976), в которых указана память свв. Мелитона (1 /IV) и Аристида (31 /VIII). Эти последние сведения мы получили от иеромонаха Иоанна (Берзиньша) из Свято-Троицкого монастыря в Джорданвиле (письмо в редакцию «Благовеста» от 15/28 марта 1997 г.).

⁶ - Изображение этой фрески можно видеть в авторитетной греческой энциклопедии *Ἐρησκευτική καὶ ἠθική εὐκυκλοπαίδεια 3 τόμος*. АΘ., 1963, 136.

⁷ - Русский читатель должен иметь, однако, в виду, что сам по себе факт наречения имени «непременно и исключительно в честь канонизированных святых есть по преимуществу наш русский обычай», не соблюдающийся так строго Другими поместными Церквями (см., напр., доклад еп. Афанасия Сахарова в Богослужебной комиссии 3 – 5 февраля 1958 г., опубликован Кравецким, 183–9; нами цитирована с. 187).

⁸ - В связи с сокращением с 1995-го (и почти полным прекращением со второй половины 1996-го) года государственного финансирования крупнейшей национальной и мировой библиотеки – РГБ – мы не только не имели возможности ознакомиться со всей наиболее важной иностранной литературой, но и довести до желаемой полноты даже русскую библиографию во время окончательной ее обработки при верстке книги. (Примечание написано, как и

выделенная мелким шрифтом часть основного текста, 29 декабря – 14 апреля 1996/97 г.).

⁹ - Литература, относящаяся к Татиану и его трудам: Тенцеля – de Iustino Martyre, Athenagora, Theophilo Antiocheno, Tatiano 1686; Нурри – dissertatio in Tatiani Assyrii opera; Марана – prolegomena к его изданию апологетов (в Cursus Patrologiae – Миня); из новейших, Даниеля – Tatianus der Apologet. 1837.

¹⁰ - Клим. Strom. § 81.

¹¹ - Епиф. adv. haer. 1. 1.

¹² - См. Ирин. adv. haer. 1, 28; Ипполит. Befutat. haer. VIII, 16; Климент. Strom. III. Eel. proph.; Ориг. de Oratione § 13; Тертулл. de jejun. 15 и de praescr. haer. 52; Епифан. haer. 46; Феодорит. gaeret. fab. 1, 20. Кроме того у Евс. и Иерон. в указанных местах.

¹³ - Кроме того, Татиан намекает на другое сочинение (гл. 16) и обещает (гл. 40) книгу «против тех, которые рассуждали о божественных делах».

¹⁴ - См. Даниеля Tatian der Apologet, и Земиша, Tatian Diatessaron. Vratisl. 1856.

¹⁵ - Под варварами разумеются здесь все племена и народы, не принадлежащие к образованной греческой нации, как народы восточные вообще (персы, египтяне и пр.), так в особенности евреи вместе с христианами.

¹⁶ - Подобное см. у Климента александр. (Strom. t. c. 16), у Феодорита (decur and affect lib. 1) и Григ. Назианз. (Orat. 3)

¹⁷ - Жители Телмисса, города карийского, в 60 стадиях от Галикарнасса, были знамениты своими предсказаниями.

¹⁸ - Аристофан. Ran. 92.

¹⁹ - Татиан, а также Тертуллиан (Apolog. с. 46) и другие из писателей Церкви, по неведению повторяют клевету на Платона, пущенную его врагами. См. Аста Platons Leben und Schriften; также Карпова в его издании Творений Платона в русском переводе.

²⁰ - Каллисфена

²¹ - Клита

²² - Т.е. сочинение Гераклита «О естестве» (περί υσεως). По темноте его, и сам автор еще у древних получил прозвание «темного» (σκοτεινός). На это сочинение Татиан намекает немного после, называя его «мраком Гераклита»

²³ - Он бросился в пылающую Этну и тем как будто бы хотел достигнуть того, чтобы подумали, что он исчез и взят на небо; но выброшенная из горы обувь его показало противное. Маран.

²⁴ - Разумеется здесь учение о метемпсихозе или переселении душ.

²⁵ - См. Иоан. 4, 24

²⁶ - Апологет не исключает здесь вседеприсутствие и вседейственность Бога, но спорит против пантеистического учения стоиков, которые представляли Бога подобным душе, живущей в теле, и проникающим все материальные явления природы.

²⁷ - См. Римл. 1, 20

²⁸ - Выражение «в начале» (ἐν ἀρχῇ) означает бытие Божие до сотворения мира, а непосредственно затем употребленное слово «начало» указывает на начало в смысле принципа или основания бытия, которое разумная, духовная сила (λογική δύναμις), а не что-либо физическое или вещественное.

²⁹ - Выражение «волею Его простого существа» не заключает в себе позднее явившейся арианской мысли, а дает видеть в рождении Сына Божия или Слова не действие физической, как бы вещественной необходимости, а духовное, как акт воли в безусловно-духовном существе Божиим».

³⁰ - Дух здесь означает вообще духовное вещество.

³¹ - Т.е. духом, как высшим началом души, которое есть образ и подобие Божие.

³² - Гомер. «Илиада», I, 599 и «Одиссея», VIII, 326.

³³ - Т. е. Афины или Минерву, которая родилась из головы Юпитера.

³⁴ - Т. е. употреблявшийся в элевсинских таинствах: под видом дракона Зевс соблазнил свою дочь Прозерпину.

³⁵ - См. увещание к Эллин. Гл. 15.

³⁶ - Плач Деметры (Цереры) послужил поводом к установлению мистерий у афинян, которые посвящаемым в них обещали разные блага.

³⁷ - Зефир веянием своим обратил пущенный Аполлоном диск на голову его любимца Гиацинта.

³⁸ - Т. е. форму треугольника, как греческая буква дельта.

³⁹ - Что автор говорит о Латоне, то Аполлодор и Гигин приписывают сестре ее Астерии, которая будто бы превратилась в перепела (όρτυγα).

⁴⁰ - Вскоре по смерти Вероники волос ее был причислен к звездам.

⁴¹ - Т. е. Геркулес (εν γούνασι καθήμενος): он, опираясь на правое колено левою ногой подавляет голову дракона.

⁴² - Поллукс и Кастор.

⁴³ - Или жизненный дух, который находится в разной степени во всех тварях, но который не то, что Дух Божий; см. выше гл. 4.

⁴⁴ - Т. е. прорицания додонского оракула

⁴⁵ - Ин.1:5

⁴⁶ - Т. е. Господа Иисуса Христа, коего служителем называется Св. Дух, приготовлявший чрез пророчества грядущему Спасителю.

⁴⁷ - Каких философов разумеет здесь автор не видно, но, вероятно, стоиков

⁴⁸ - Автор вероятно имеет в виду слова посл. К Евр.1:3, где Христос называется сиянием славы Отчей. Как Господь по этому самому был не подвержен греху, так напротив демоны, будучи сиянием вещества и всякого зла, непрестанно стремятся к греху и людей увлекают в грехах и смерть.

⁴⁹ - Т. е. в истинного Бога, ради которого верующий умирает для мира и греха.

⁵⁰ - Пс.8:5.

⁵¹ - Здесь автор намекает или на другое сочинение сое об этом предмете, неизвестное нам, или на вышеупомянутое

сочинение «о животных».

⁵² - Автор иронически называет душу бессмертной, ибо по его собственному мнению душа разрушается вместе с телом и потом в день суда восстает с ним из бессмертия.

⁵³ - Т. е. людей душевных, которые лишены божественного духа.

⁵⁴ - Автор говорит здесь о медицине, поколику она была соединена с суеверием или неверием и отвращала Бога, виновника природы и целительной силы вещества

⁵⁵ - Т. е. в Риме. О Кресценте, врага христиан и особенно Иустина и самого Татиана, см. св. Иустина Апол. 2, гл. 3.

⁵⁶ - Об Аноксархе говорит Лаертий (*de vita philos.* IX с.10) см. Тертул. *Apolog.* с., 50

⁵⁷ - Ин.1:3

⁵⁸ - Т. е. дух снова соединяется с душою и ее телом по воскресении.

⁵⁹ - См. Илиад. II, 6–12.

⁶⁰ - См. подобн. У Афинагора (*Leg. Pro Chv.* с.18) и у Феофила (*ad Aut.* II, с. 5).

⁶¹ - Т. е. посредством аллегорического истолкования. См. увещ. к Эллин. гл. 2.

⁶² - Нередко сценические представления вели к осуждению знаменитых людей.: такова, например, судьба Сократа, коего Аристофан представил в своих «Облаках». Но особенно впоследствии на языческих зрелищах пробуждалась в черни жажда крови христиан. См. Тертулл. *De spectac.* с. 27

⁶³ - Антигенид – знаменитый игрок на флейте; Аристокисен – писатель, который не только занимался философией, но составил и сочинения, по части инструментальной музыки.

⁶⁴ - Протей – циник Перегин, после принявший прозвание Протея. Автор здесь изображает философов так называемых циников.

⁶⁵ - Евфорб – храбрый троянец, который сперва ранил Патрокла, а потом был убит Менелаем. (Гом.Илиад. XVI, 806)

Пифагор, который допускал переселение душ, утверждал, что он был сперва этим Евфорбом.

⁶⁶ - Т. е. против христиан.

⁶⁷ - См. Иуст. На Апол. 1 гл. 16. Это обвинение было возводимо на христиан по ложному истолкованию таинства Евхаристии.

⁶⁸ - См. Иуст. И Апол. Гл. 4; Афинаг. (Suppl p. Chr). И Тертулл. (Apologet. 2)

⁶⁹ - Т. е. книги, в которых Диагор излагает историю Цибелы и других божеств, принятых эллинами из Фригии, с тем, чтобы отвратить людей от их богопочитания. Кроме Диагора упоминается ниже Лев Пеллей и Апион граматик, которые отвергали богов, признавая их за людей или за физические явления.

⁷⁰ - Критяне хвастались, что у них находится гробница Зевса.

⁷¹ - Т. е. не смел открыто пред толпою отвергать богов.

⁷² - Автор намекает на Анаксагора.

⁷³ - Зевс, превратившись в быка, похитил Европу, дочь Агенора.

⁷⁴ - Это писатели о гнусных делах. См. Иустина 2 апол. гл.15.

⁷⁵ - Т. е. Солон

⁷⁶ - С этой главы до конца Татианова речь буквально приводится у Евсевия. (Praepar. evang. с. 11).

⁷⁷ - Гом. Одис. 1,154; VIII. 44

⁷⁸ - См. гл. 31

⁷⁹ - Апол. гл. 24. См. у Епиф. Haer XLIV, 21, и Фотия Bibl. Cod. 234.

⁸⁰ - Некоторые (Бароний, ad. d. 18 ian., Тиллемонъ, и др.) принимают Афинагора за одно лицо с мучеником Афиногеном, который, по свидетельству св. Василия Великого (о Св. Духе. гл. 29), сложил хвалебную песнь в честь третьей ипостаси Св. Троицы, и предал ее ученикам своим, когда осужден был на сожжение. Такое сближение основывается лишь в некотором

созвучии двух имен – Афивагора и Афиногена, и на предполагаемой только ошибке, допущенной переписчиками творений Афиногена. Этот мученик пострадал в Севастии в Армении, вместе с другими, в царствование Диоклитиана.

⁸¹ - Новейшие издания сочинений Афинагора помещены в 6 т. *Cursus Compl. Patrol. ser-graec.* и в *Corpus apolog Otto*. На русский язык была переведена только апология (в Христ. Чтении 1843 г.) и то с большими сокращениями.

⁸² - Агравла и Пандроса – дочери Кекропа, которым Афина передала Эрехтея младенца, до половины имевшего вид змеи, в ящике с запрещением открывать его. Когда они открыли его, и увидели дитя, обвитое змеею (дитя в виде змеи) и были ею умерщвлены.

⁸³ - Т. е. христиан.

⁸⁴ - См. Иуст. 1 апол. 17; Тертулл. ad Scapul. с. 2.

⁸⁵ - См. Мф.5:39; Лук.6:39.

⁸⁶ - Такое же доказательство встречается у Иустина (апол. 1, гл. 4) и Тертуллиана (Apol. с. 46).

⁸⁷ - Это указание на действия животных соответствует трем обвинениям, возводившимся на христиан – в ядении подобных себе, незаконных совокуплениях и в безбожии.

⁸⁸ - Разумеются указы императоров Адриана (см. 1 апол. Иустина гл. 68), Антонина благочестивого (у Евсев. IV, 26) и самого Марка Аврелия, о котором см. у Тертулл. apology. с. 5.

⁸⁹ - См. этот стих в припис. Иустину соч. О единовласт. гл. 5.

⁹⁰ - См. в приписываемых Иустину Увещании к эллин. гл. 18 и О единовластительстве гл. 2.

⁹¹ - Лисий и Опсим – последователи Пифагора, о которых упоминает Ямвлих (Vit. Pythag. с. 36).

⁹² - Число десять называется четверочастным, потому что один, два, три и четыре будучи сложены, составляют десять.

⁹³ - См. в Тимее; см. Иустина Апол. гл. 10.

⁹⁴ - Т. е. отличный от огня обыкновенного, естественного, – такой, который все делает разумно, мерою, весом и числом.

⁹⁵ - Или – Юнона.

⁹⁶ - См. гл. 9. Таким подобием для изъяснения божественного вдохновения пользовались и другие отцы: Увещание к эллин. гл. 8; Феоф. к Автол. II, 9; Клим. Strom. VI, 18; Макарь. бесед. 47, гл. 14.

⁹⁷ - Κατ' ἑκστάσιν; подобное выражение встречается у Иустина (Разг. с Триф. гл. 115: ἐν ἐκστάσει), и Тертуллиана (adv. Marc. IV, с. 22).

⁹⁸ - Исх.20:2–3

⁹⁹ - Ис.44:6; 43:10–11.

¹⁰⁰ - Ис.66:1

¹⁰¹ - Ср. Иуст. I, Апол. гл. 4; Речь к эллин. гл. 1–4; Увещ. к эллин. гл. 2; О единовл. гл. 6; Татиана Речь к эллин. гл. 8.

¹⁰² - Ἐν ἰδέᾳ, καὶ ἐνέργειᾳ . Эти слова поясняются дальнейшими: ибо по Нему (πρὸς αὐτοῦ καὶ δι' αὐτοῦ) все сотворено.» Сын Божий есть Слово (λογος), или Разум, 1) (в идеальном смысле) как первообразная идея или образец, так как все сотворено сообразно с Ним; 2) (в реальном смысле)· как действующая сила, ибо все получило бытие чрез Него, – Он есть и Первообраз всех вещей и Начало их действительного бытия.

¹⁰³ - Здесь именем духа означает не лицо Св. Духа, но духовная природа Отца и Сына и общая им божеская сущность. Подобное встречается кроме Афинагора, и у других писателей церковных. См. Иустина I Апол. гл. 33; Татиан. Речь к эллин. гл. 7; Феофил. к Автол. II, 10; Тертулл. adv. Marc. III, 16: Spiritus Creatoris, qui est Chrystus, Apolog. с. 24; adv. Hermog. с. 18.

¹⁰⁴ - Прит. VIII, 22. Св. Иустин также относит это место писания к Слову как зиждительному началу мира. Разг. с Триф. гл. 61.

¹⁰⁵ - Точнее: силу в единстве (συν τῇ ἐνώσει δυναμιν).

¹⁰⁶ - Лк.4:27–28, Мф.5:44–45

¹⁰⁷ - Подобное см. у Иустина I Апол. гл. 16; Увещ. к элл. гл. 35; Татиан. гл. 26. Киприан в нач. своей книги О благе терпения говорит: «мы философы не на словах, а в действиях; ...ποп

loquimur magna, sed vivimus, тоже у Минуция Фел. Octav. с. 38. §8.

¹⁰⁸ - Платон. Горгий. См. Иуст. I, Апол. гл. 8

¹⁰⁹ - Ис.22.13:1 1Кор.15:32

¹¹⁰ - Эти слова взяты из Гомер. Илиад. XVI, 672. Основание, почему смерть уподобляется сну, представляет сам Афинагор в соч. «О воскресении» гл. 16.

¹¹¹ - Лк.4.32, 34. Мф.5:46.

¹¹² - Подобное см. у Иустина I Апол. гл. 9 и 13; Посл. к Диогн. гл. 3; Тертулл. ad. Scapul. 3; Минуц. Фел. Octav. с. 32, § 2; Ирин. adv. haer. IV, 14, § 3.

¹¹³ - Гомер. Ил. IX, 499–501.

¹¹⁴ - Келей и Метанира были родители Триптолема, у которых Церера во время поисков дочери своей Прозерпины пользовалась гостеприимством. Ovid. Fast. VI. 508.

¹¹⁵ - Кеіοι – жители Кея (Κέος), одного из цикладских островов, где родились поэты Синонид и Вакхилид.

¹¹⁶ - Жители острова Фаса (Θάσος ныне Тасо), на Эгейском море, который в древности был весьма обилен хлебом и вином, но особенно был замечателен золотыми рудами, коих следа ныне не находится.

¹¹⁷ - Алкман – лирический поэт, живший в VII веке до Р. Хр, от которого до нас дошли только небольшие отрывки. – Это место в сочинении Афинагора, по мнению ученых, испорчено в списках, ибо Афинагор представляет разные ложные верования народов, а не отдельных лиц. Слова: Алкман и Гезиод бывшие первоначально, на полях, как имена свидетелей, подтверждающих мысль, в последствии переписчиками внесены в текст.

¹¹⁸ - О Филиппе, родом кротонце, который по смерти был удостоен божеской почести, см. Геродот. V, с. 47.

¹¹⁹ - Т. е. жители Амафунта, древнейшего города на остр. Кипре. Онесил был брат Георга царя саламинского, на остр. Кипре. Герод. V, с. 104 и след.

¹²⁰ - См. Минуц. Фел. Octav. с. 21, где он между прочим говорит: «Не смешно ли – оплакивать то, что чтишь, или чтить то, что оплакиваешь? А в этом состоят египетские священнодействия...»

¹²¹ - То же доказательство употребляет Тертуллиан. «Почитая не одних и тех же богов – говорит он – вы оскорбляете тех, кого не чтите. Предпочтение одного не может быть без порицания другого, так как избрание одного не может быть без отвержения другого. Apol. с. 13. Adv. Nat I, с. 10. См. Иустина I Апол. гл. 24.

¹²² - Πάντα ἐν πᾶσιν. Подобное выражение употребляет ап. Павел – о Боге (1Кор.15:28) и о Христе (Колос, III, 11).

¹²³ - Подобные выражения находятся еще у Тертуллиана (adv. прах. с. 5): «прежде всего Бог был один, Сам Себе будучи миром, местом и всем»; также у Минуц. Фел. с. 18, § 7: «Бог прежде мира Сам был Себе вместо мира».

¹²⁴ - Такой же пример представляет и Тертуллиан (ad. nat. II, с. 5). См. Ирин. ad. haer. II, с. 25, § 2.

¹²⁵ - Здесь разумеются не первоначальные элементы мира каковы напр. воздух или огонь, вода и пр., а солнце, луна и звезды. Маран.

¹²⁶ - Платона polit. (Opp. ed. Bipont. Vol. VI, p. 30). Отто.

¹²⁷ - Геродот. Histor. II, с. 53.

¹²⁸ - См. у Плиния. XXXV. с. 12.

¹²⁹ - Ἀθηλὺς, т. е. с одною грудью, подобно амазонкам. Маран.

¹³⁰ - Гомер. Илиад. XX, 131.

¹³¹ - Прит.21:1.

¹³² - Илиад. XII, 302. См. Иустин. Увещ. к Элл. 2.

¹³³ - См. Ил. XIV, 246. См. Иустин, там же гл. 5.

¹³⁴ - Т. е. головы дракона или головы льва.

¹³⁵ - Эти стихи находятся в числе песней Орфея в издании Германа: Orphic (Lips. 1805).

¹³⁶ - Плат. Tim. См. Иуст. увещ. к Эллин. гл. 22.

137 - В таком виде был изображен у Египтян создатель мира, которым у Греков почитался Геркулес. Маран.

138 - См. между Орфеевыми отрывками у Германа: Orphic.

II.

139 - Гом. Илиад. IV, 23.

140 - Гом. Ил. IV, 24.

141 - Гом. Ил. XXII, 168.

142 - Гом. Ил. XVI, 433 и след.

143 - Там же XVI, 522.

144 - Там же. V, 376.

145 - Гом. Одисс. VIII, 308 и след. Илиад. V, 858

146 - Гом. Ил. XV, 605.

147 - Гом. Ил. V, 31.

148 - Гом. Одисс. VIII, 296–298.

149 - Гомер. Ил. II, 820 и след.

150 - Гомер. Ил. XIV, 315–327. Так говорит Юпитер к Юноне или Гере. См. увещание к Элл. гл. 2.

151 - Слова Аполлона. Еврипид Alcest. 1 и след.

152 - Там же.

153 - Т. е. Ахилеса. См. увещ. к Элл. гл. 2.

154 - Гиацинта, сына Амиксы, который был убит Аполлоном по неосторожности во время их игры.

155 - Отрывок из неизвестного сочинения Эсхила.

156 - Эти стихи находятся и у Диогена Лаэрт. VIII, 76.

157 - Разумеется молния, от которой сгорела Семела. Ovid. Metam. III, 308.

158 - Плат. Tim. p. 40. То же место приводится у Клим. Алекс. (Strom. V. с. 13, § 85) у Евсевия (Praep. evang. II, с. 7. XIII, сс. 1. 14.

159 - Псал. Psalms. См. увещ. к Эллин. гл. 31.

160 - Эти слова: дух обращающийся... приводятся св. Мефодием Патарским у Епиф. Наеч. 64. с. 24.

161 - Приписываемое ангелам промышление о частях мира несколько не исключает божеского о них промысления, а

выражает только то, что они по ограниченности своей природы согласно с волею Божией имеют попечение о малых (сравнительно) вещах, между тем как Бог о всем промышляет и всем управляет. Последняя мысль особенно сильно выражается у Афинагора в трактате о воскресении гл. 18.

¹⁶² - Гезиод. Theog. 27.

¹⁶³ - Отрывок из неизв. стихотвор. Эврипида.

¹⁶⁴ - Отрывок из неизв. стихотвор. Эврипида.

¹⁶⁵ - Эврип. Cycl. 332.

¹⁶⁶ - Т. е. Арицинская (Диана). Овид. Fast. III, 271.

¹⁶⁷ - Неизвестен автор этого стиха.

¹⁶⁸ - Кто был Нериллин, неизвестно. Александр здесь разумеется какой-нибудь обманщик из числа тех, которых не мало ходило в Греции и Азии во время Афинагорово. Протей – известный цинический философ, которого представил Лукиан в сочинении о смерти Перегринна.

¹⁶⁹ - Здесь нами опущен стих о Парисе, сыне Приама из Гомер. Илиады III, 39, который, по общему мнению, ошибочно внесен сперва читателем на поле, а потом переписчиком и в самый текст.

¹⁷⁰ - См. гл. 17.

¹⁷¹ - Герод. Histor. II. с. 144.

¹⁷² - Герод. Histor. II. с. 156.

¹⁷³ - Там же II, 41.

¹⁷⁴ - Это говорится иронически.

¹⁷⁵ - Герод. там же II, 61.

¹⁷⁶ - Т. е. Озириса.

¹⁷⁷ - Герод. там же II, 170.

¹⁷⁸ - Герод. там же II, 86.

¹⁷⁹ - Гомер. Одисс. XXI, 28. 29.

¹⁸⁰ - Эти два стиха, сохраненные Афинагором, взяты из Эврипидовой «Иноны» Инона и ее сын Милицерт, превратившись в морских богов, стали называться – первая Левкотеей, а второй Палемоном.

¹⁸¹ - Oracc. Sibyll. III, 108–113. ed. Alexandre, vol. (Paris 1841).

¹⁸² - Мф.5:28.

¹⁸³ - Эти два изречения заимствованы Афинагором из какой-либо апокрифической книги или вернее –из толкования христ. писателя на евангельские изречения (Мф.5:29).

¹⁸⁴ - О целомудрии и девстве у древних христиан говорят еще Иустин (1 апол. гл. 15), Ориген (с. Cels. 1, 26) Тертуллиан (apol. с. 9, ad ioh. 1, 6) Минунций Феликс (Octav. 14).

¹⁸⁵ - Мф.19:9.

¹⁸⁶ - Απόρρητα. Здесь разумеются или христианские таинства, о которых умалчивали пред неверующими древние писатели, или далее перечисляемые гнусности язычников.

¹⁸⁷ - Т. е. христиане человекоубийцы.

¹⁸⁸ - Т. е. что они едят младенцев.

¹⁸⁹ - 1Тим.2:2.

¹⁹⁰ - Т. е. на которых утверждается истина воскресения мертвых, – всемогущество Бога и сотворение мира по Его воле, о чем и говорит Афинагор в 1-й части своего трактата.

¹⁹¹ - Гарпаг по неведению съел члены сына своего, предложенные Астиагом. Герод. I. 149.

¹⁹² - См. Лк.18:27; Мф.19:26

¹⁹³ - Т. е. с пребыванием чистых духов, ангелов.

¹⁹⁴ - 1Кор.15:53; 2Кор.5:10.

¹⁹⁵ - Ис.20:13; 1Кор.15:32.

¹⁹⁶ - Ихс.20:12; Лк.18:20.

¹⁹⁷ - Исх.20:14.

¹⁹⁸ - Т. е. ученикам или друзьям, в присутствии которых Афинагор читал свой трактат.

¹⁹⁹ - Иероним говорит: Theophilus evangelistarum in unum opus dicta compingens ingenii sui nobis monumenta dimisit. Ad Algas.

²⁰⁰ - Что касается до латинского комментария на евангелие, напечатанного в Bibliotheca Patrum t. I, и перепечатанного в издании Отто, то он не принадлежит Феофилу, так как не похож

на перевод с греческого, и кроме других анахронизмов содержит цитаты из сочинений Киприана, Амвросия и Иеронима.

²⁰¹ - Эти книги на русский язык не были переведены. Лучшее издание их – новейшее, находящееся *Corpus apolog. Otto*. 1859.

²⁰² - Пс.113:12–14; 134:15–17

²⁰³ - См. гл. 14 Цецилий у Минуция Феликса также упрекает христиан, что они чтут бога, которого не показать, ни видеть не могут.

²⁰⁴ - Т. е. внутреннего человека, таков ли он, каков должен быть для того, чтобы видеть Бога.

²⁰⁵ - Т. е. Бог Отец властвует над всеми чрез Сына своего – Слово.

²⁰⁶ - Слово Θεός производят от τιθέναι также Геродот (II, 52) и Клемент александрийский (*Strom.* I с. 29 § 182). От θεειν производят его Сократ у Платона (*Cratyl.* с. 16), также Клим. алекс. (*Prot.* с. 2, § 26), св. Афанасий (*de defenil*), Григорий Назианзин в 31 Слове.

²⁰⁷ - Деян.7:49.

²⁰⁸ - Быт.1:14.

²⁰⁹ - Здесь св. Феофил говорит не о св. Духе, но о духе Божиим, как дух мира, который все оживляет, питает землю, вдыхается человеком, (гл. 7), при создании мира носился над водами, дарован творению как душа человеку, повсюду разлит (кн. II, гл. 4,13).

²¹⁰ - Это место: «царя земного...», приводит под именем Феофила Иоанн Дамаскин *Sacr.parall.* Такое же употребление делает св. Ириней (*adv. haer.* II, с. 6, § 2).

²¹¹ - Пс.146:4

²¹² - Иов.9:9

²¹³ - Пс.32:7

²¹⁴ - Иов.9:8, 38:18

²¹⁵ - Пс.64:7

²¹⁶ - Пс.88:10

²¹⁷ - Пс.23:2

²¹⁸ - Т. е. Святой Дух.

²¹⁹ - Пс.32:6

²²⁰ - Притч.3:19–20.

²²¹ - Подобное доказательство относительно веры употребляют Климент алекс. (Strom. II, с. 24), Ориген (с. Cefs. 1), св. Кирилл Иерусал. (Оглас. Сл. 5) и другие.

²²² - Хотя Аполлон почитался пророком. См. Тат. Речь гл. 8, Афинаг. Апол. гл.22.

²²³ - См. Афинаг. Апол. гл. 22

²²⁴ - Геродот (II, 172) говорит об Амазисе будто он из таза сделал кумир. Св. Афинагор Апол., гл.26. Мин. Фел. Octav. с. 23, § 9. О постыдных звуках, испускаемых чревом говорит автор же Климентовых бесед (X, 16) и Минуций Феликс (Octav. с. 28, 9), египтяне не более боятся Сераписа, как *strepitus per rudenda corporis expressos*/

²²⁵ - Разумеется – Цибела и корибенты, ее жрецы.

²²⁶ - См. Тертулл. Ad nation. 1. 10; Apol. с. 18.

²²⁷ - См. гл. 1

²²⁸ - Пс.113:12, 134:15, 96:5.

²²⁹ - Которые т. е. сами платят подати царю. Подобное говорит Тертуллиан: «вы больше боитесь и трепещите Цезаря, нежели самого Юпитера олимпийского и справедливо. Кто из живущих не могущественнее мертвого?» (Apol. с. 28).

²³⁰ - Притч.24:21–22

²³¹ - Имя «христианин» здесь св. Феофил, так же, как и Тертуллиан (Apol. с. 3; de bapt. с. 7; adv. Marc. I, 14 de resurr. carn. с. 8) производит от помазания елеем совершаемого при крещении; но собственно оно происходит от Христа Помазанника по преимуществу, как это признают церковные писатели, например, Тертуллиан (adv. Marc. IV, 14) говорит: имя христиан происходит от Христа.

²³² - То же см. у Климента римского, I к Кор. гл. 24; у Тертуллиана (Apol. с. 48. de resurr. с. 12), Минуция Феликса Octav. с. 34; у Кирилла Иерус. оглас. 18.

²³³ - Это было общее почти мнение древних писателей христианских. См. Иустина Апок. 1., гл.44; увещ. к Эллин. гл. 14–19; Татина речь гл. 40; Афинаг. Апок. гл. 9.

²³⁴ - Исх 4:11

²³⁵ - 1Кор.2:9

²³⁶ - 2Кор.11:6

²³⁷ - См. Alexandre Oracula Sib. (Par. 1841); Friedlieb, Die Sib. Weissag. (Lips. 1852).

²³⁸ - Илиад. XIV, 201 и XXI, 186

²³⁹ - Гесиод. Thelog. 73 и дал.

²⁴⁰ - Гесиод. Thelog. 104–115.

²⁴¹ - Гесиод. Thelog. 116–133.

²⁴² - Так называется она иронически, потому, что предала своего отца, чтоб отблагодарить Тезея.

²⁴³ - О Сатире см. сочин. Фоссия de historicis Graecis (Lips. 1838)

²⁴⁴ - Arat. Phaenom. Ed Becker. Ber. 1828.1–9

²⁴⁵ - Софокл. Oedip. Туг. 978.

²⁴⁶ - Гом. Илиад. XX, 242.

²⁴⁷ - Эврипид Thyest.

²⁴⁸ - Отрывок из неизвестного произведен. Менандра.

²⁴⁹ - Из неизвестного сочинения Эврипида.

²⁵⁰ - Стих из Эврипидова Thyest.

²⁵¹ - Стих из неизвестного сочинения Софокла.

²⁵² - Эврипид Thyest.

²⁵³ - Потому что нет никакого пространства, которое было бы больше Его и вмещало бы в себе Его. См. гл. 3 Такое же выражение у Иоанна Дамаскина de orhod. fide I. с. 13.

²⁵⁴ - Здесь под Словом разумеется Сын Божий, а под Премудростию – Дух Святой – 2-е и 3-е лица Св. Троицы. О них Феофил говорит в гл. 15 и 18, также в 1-й кн. гл. 7.

²⁵⁵ - Здесь словом: Дух Божий означает не лицо Св. Духа, но духовная сущность Сына Божия.

²⁵⁶ - Притч.8:27–29.

- 257 - Быт.1:1
- 258 - Быт.1:2
- 259 - В словах Бытия: небо и земля (1.1) св.Феофил видит обозначение вещества вообще, из которого были после созданы небо и земля. Св. Васил. Вел. бес. На Шатодн. 1, 2 и 11.
- 260 - Быт. 1:3–2:3.
- 261 - Лк.18:27.
- 262 - Быт.1:1
- 263 - См. гл. 10
- 264 - Ис.15:22
- 265 - Т. е. путешественниками, которые отправились на кораблях пиратов, не подозревая ничего плохого. Моран.
- 266 - Слово Троица встречается первый раз из Отцов церкви – у св. Феофила.
- 267 - Быт.2:4–5.
- 268 - Быт.2:6–7.
- 269 - Быт.2:8–25, 3:1–10.
- 270 - Кол.1:15.
- 271 - Ин.1:1–3
- 272 - Быт.2:8
- 273 - См. гл. 20
- 274 - См. гл. 24
- 275 - Еван (Εὐαν). Это – восклицание, употреблявшееся в оргиях Вакха. См. Ovid Metam. IV. 15.
- 276 - Которое утрачено. См. гл. 30 и кн. III, гл. 19.
- 277 - Быт.4:1.
- 278 - Быт.4:2.
- 279 - Бытие мира. Под этим некоторые разумеют другое сочинение св. Феофила, а другое более справедливо – относят это к Моисеевой книге Бытия.
- 280 - Быт.4:9–12.
- 281 - По замечанию Фелла, кровь испустившись из тел животных застывает и не протекает в землю.
- 282 - Гом. Илиад. XX, 216.

- 283 - Быт.4:17–22.
- 284 - См. гл. 28.
- 285 - Т. е. Моисеевой книги Бытия.
- 286 - См. гл. 30.
- 287 - См. Oracc. Sibyll. III. 97–105. Edit. Alexandre. Еще Friedtleb Die Sibyll. Weissag.
- 288 - Имя царя Валаханет в книге Бытия (XIV, 1–6).
- 289 - 4Цар.15:29; 17:3; 18:13.
- 290 - Пс.113:12; 134:15.
- 291 - Притч4:25.
- 292 - Здесь св. Феофил не буквально приводит слова Моисея, а передает только смысл их. Быт.1:8; Втор.4:19; 17:3.
- 293 - Ис.42:5 и д. Иначе это читается у LXX и в славянском тексте
- 294 - Ис.45:12.
- 295 - Ис.40:28.
- 296 - Иер.10:12 и дал.
- 297 - Иер.10:14.
- 298 - Пс.13:1–3.
- 299 - Авв.2:18.
- 300 - Т. е. о богах языческих.
- 301 - Т. е. боги или точнее – их деревянные статуи.
- 302 - Они были поставлены в честь Меркурия.
- 303 - См. цитованные выше издания Сивиллиных пророчеств – Александра и Фриднеба.
- 304 - См. издания фрагментов греческих трагиков. Наука и Вагнера.
- 305 - Пинд. Nem. IV, 51. См. издания Бэка
- 306 - См. там же.
- 307 - Отрывок из неизвестного стихотворения Эврипида.
- 308 - Архилох – основатель ямбической поэзии. См. Liebel. Archil. Iambograph princ. reliquae. 1818
- 309 - Отрывок из неизвестного стихотворения Дионисия, см. у Вагнера и Наука.

310 - Это место состоит из трех отрывков стихотворений, принадлежащих частью Эсхилу, частью другим неизвестным поэтам. См. у Наука.

311 - Отрывок из стихотворения Симонида.

312 - См. в изд. Мейнекия и Наука.

313 - Эврип. Iphig. in. Aul. 396

314 - Отрывок из Софокла, см. у Наука.

315 - Мал.4:1.

316 - Ис.30:28–30.

317 - Притч.3:8.

318 - Пс.50:10.

319 - Отрыв. Из Тимокла. см. у Мейнекия.

320 - Одис. XI, 221.

321 - Илиад. XVI, 865 и XXII, 362.

322 - Илиад. XXIII, 71.

323 - Ос.14:10.

324 - Пифагор, как известно, бывши в Египте был введен во святилище и узнал учение о богах; там же он видел столбы Геркулеса, имевшие также таинственное значение.

325 - См. 1-ю кн. к Автолику.

326 - Здесь по ошибке назван Камбиз вместо Астиага. Снес. Герод. 1: 119, где притом упоминается об одном только сыне Гарпага.

327 - Следует читать: в пятой.

328 - То есть, Миноса.

329 - Эти стихи приводит Епифаний в Ancorat. с. 106

330 - Затем начинает другое лицо, оспаривающее Промысл Божий.

331 - Отсюда начинает ответ опять первое лицо, защищающее промысл.

332 - См. у Мейнекия Fragmenta comic graec.

333 - По мнению Мейнекия, Симил жил немного прежде Августова века, и его несколько стихов о Тарпее сохранил Плутарх в жизнеописании Ромула (с. 17).

- 334 - См. у Мейнекий vol. IV.
- 335 - О кроваовм культе Зевса Латиара упоминают также Иустин (12 Апол. 12), Татиан (речь к эллин. 29) и др.
- 336 - Исх.20:3–17.
- 337 - Исх.23:6–8.
- 338 - Исх.23:9.
- 339 - Ис.55:6 и дал.
- 340 - Иез.18:21–23.
- 341 - Ис.31:6. Слов: «чтобы вам спастись», нет у LXX и в славянском переводе.
- 342 - Иер.6:9. Слов: «и будете помилованы», нет у LXX и в славянском переводе.
- 343 - Ис.1:16.
- 344 - Ис.58:6–8.
- 345 - Иер.6:16.
- 346 - Ос.12:6; Ос.13:4.
- 347 - Иои.2:16.
- 348 - Зах.7:9 и дал.
- 349 - Притч 4.25.
- 350 - Мф.5:28–32.
- 351 - Притч.6:27–29. Вместо слова: «к одежде» в Библии стоит: «в недра».
- 352 - Ис.66:5.
- 353 - Мф.5:44–46.
- 354 - Мф.6:3.
- 355 - 1Тим.2:2.
- 356 - Рим.13:7 и дал.
- 357 - Приводимые ниже слова Платона находятся в сочинении его не «о политике», но «о законах».
- 358 - Св. приписываемое Иустину «увещание», гл. 32. У Платона в разговоре «Менон» говорится особенно о добродетели.
- 359 - См. гл. 16
- 360 - Камни (λίθοι) у греков назывались также λάεες.

361 - В каком сочинении – не видно.

362 - Такое изречение Ноя и этимология имени Девкалиона нигде не встречается кроме Феофила. Этот писатель, вероятно, хотел сказать, что греки, слыша о пророчестве Ноя и его призывание к покаянию и передавая его на своем языке, образовали имя Девкалиона и приписали Ною.

363 - См. вторую книгу, гл. 30 и 13.

364 - См. выше гл. 9 и 10.

365 - Обыкновенно полагают (Татиан, Климент, Александр и Евсевий) около 400 лет от исхода из Египта до троянской войны. Но Феофил, а также Тертуллиан (Apologet. 19) и Кирилл (I in Jul.), может быть для цели полемической, следуют ошибочному соображению Иосифа Флавия (с. Ap. I, 16).

366 - О Самире не упоминается в библии. Может быть вместо «Самира» должно читать «Фамира», под которым Феофил разумеет Иеамара. См. Иосифа Флавия (с. Ap. V, 11).

367 - Тартисс – город в Испании, ныне уже не существующий.

368 - Татиана «Речь против Эллинов». гл. 25.

369 - Таковы: Каве (Historia litter. scriptorum eccles., vol. 1); Мелер (Patrol. 1); также Маран, поместивший Ермия в своем издании сочинений св. Иустина. Другие же, напр. издатели «Bibliotheca Patrum» и англичанин Ворт, относят сочинение Ермия к 5-му веку, а венский библиотекарь Ламбеций принимает Ермия за одноименного ему историка Ермия Созомена, – но неосновательно.

370 - 1Кор.3:19

371 - Думают, что названия философов, здесь приводимых, внесены в текст переписчиками с полей; по сему имя Гераклита поставлено не на месте, ибо он почитал душу за испарение (αἰσθησις). См. Плутарха de placit. philos. IV, 3.

372 - Сами названия сочинений Мелитона приводятся неодинаково у Евсевия, Иеронима и Руфина, переведшего церковную историю Евсевия. Пипер (Theolog. Studien, 1838) пытался по соображению обстоятельств того времени определить содержание и цель сочинений Мелитона, но это при

недостатке исторических источников могло привести только к нетвердым предположениям.

³⁷³ - Т. е. христиан, которых, непоколебимость среди страданий в глазах язычников казалась упрямством.

³⁷⁴ - Так называется здесь, и у других церковных писателей, христианская религия.

³⁷⁵ - Т. е. иудеев, которые также относимы были у греков к народам варварским.

³⁷⁶ - Т. е. Коммодом.

³⁷⁷ - См. у Евсевия Церк. Ист. IV, 8; там же в изданиях I-й апол. Иустина в конце.

³⁷⁸ - Все эти отрывки и часть «Ключа» помещены у Раута (Reliqu. Sacrae) и в патрологии Миня, т. V, греч. сер.

³⁷⁹ - Куртона, Specilegium Syriacum. Та же апология издана еще ученым Питра в Specilegium Solesmense, с латинским переводом, сделанным Ренаном. Вельте поместил ее в немецком переводе в католич. журнале: Theolog. Quartalschrift, Tubing. 1862, 3 Heft. С этого перевода сделан и наш перевод.

³⁸⁰ - Таковы напр. в начале указание на доходы в пользу цезаря от богов, на неизвинительность разделять заблуждение вместе со многими, и друг.

³⁸¹ - Сирский текст сочинения Евсевия издан (1843) докт. Леем, а греческие отрывки его – кардиналом Май.

³⁸² - Куртон замечает, что Мелитон мог иметь при сем в виду следующие сивиллины стихи, хотя они говорят не о царях, но вообще об идолах умерших людей: Ἡμεῖς δ' ἀθανάτοιο τριβου πεπλανημένοι ἤμεν Ερυα τε χειροπόιητα σεβασμεθα ἀφρονι θυμῷ, Εἰδῶλων ξοάνων τε καταφθιμένων ἀνθρώπων

³⁸³ - О том же Тертуллиан говорит (Apologet. c. 13): publicos (deos) aequae publico jure foedatis, quos in hastario vectihales habetis... Sed enim agri tributo onusti viliores, hominum capita stipendio censa ignobiliora; nam haec sunt notae captivitatus. Dii vero, qui magis tributarii, magis sancti, imo qui magis sancti, magis tributarii. Majestas quaestuaria efficitur... Exigitis mercedem pro solo templi, pro aditu sacri; non licet deos nosse gratis, venales sunt.

384 - По замечанию Вельте, здесь можно разуместь соль, добываемую из морской воды; или может быть это место испорчено переписчиками.

385 - Т. е. Зороастр.

386 - Жители Акты, под которой разумеется Аттика.

387 - Так переводит Вельте; а Куртон перевел: «потому, что он первый ввел вино в их стране».

388 - Т. е. Эрекция. Курт.

389 - Под Бальти здесь разумеется Венера греков, под Фанном – Адонис, а под Куфарон – Кинира. Курт.

390 - Здесь вероятно ошибка переписчика, под Ну должно разуместь Анагиту, которая была чтима в Эламе и имела богатый храм в Сузе. Курт.

391 - На что намекают эти неясные указания, не видно; но они очень различны от рассказа 2 кн. Цар. гл. 5.

392 - Ренан замечает об этом: *Haec mihi plane nova sunt et mythologiam Syrorum novis commentis locupletant.*

393 - Нево упоминается у Исаии (46, 1) вместе с Вилон или Белом, как халдейское божество; оно встречается также во многих ассирийских и вавилонских именах собственных, напр. Навуходоносор, Гезениус и другие почитают его за планету Меркурия и принимают в значении «толкователя» богов. Но Мелитон, очевидно, разумел под Нево нечто другое. Вельте.

394 - В некоторых безнравственных культах азиатских употреблялось переодевание мужчин в женские одежды и наоборот: что и было запрещено во Втор.22:5.

395 - Неизвестно, что здесь разумеется.

396 - Приводим здесь слова Альцога (*Grundriss der Patrologie* 1866 г.): «Еще в прошлом столетии Реслер в своей библиотеке отцов Церкви высказал: Я должен признаться, что чем далее изучаю, тем менее считаю Октавия за подражание тертуллианова апологетика»; потом Русвурм в своем издании Октавия (Hamb. 1824) и Мейер (в *commentatio de Min. Felic.* 1824), а также Нибур (*Kleinere Schriften*. II, 56) на основании языка отнесли Октавия ко времени Антонинов. Наконец Муралыт, издатель Октавия (с предисловием Орелли, Turic.

1836), в предпосланном исследовании de M. Felicis aetate, доказал, после тщательного сравнения нашего разговора с апологетиком, девятью доводами хронологическое первенство Октавия. К тому же есть другие внутренние признаки, подтверждающие это мнение. С своей стороны мы для этого вывода находим еще основания во 1-х в большей простоте Октавия и во 2-х в том, что в противоположность с апологетиком, мы здесь не находим почти никакой ссылки на библейские места, а напротив – много цитат и параллельных мест из Цицерона – de natura deorum и de fato. При этом в стилистическом отношении Октавий так значительно отличается от грубого, часто неправильного языка апологета, что Муральт справедливо говорит: *majore etiam quam Lactantius jure christianus Cicero dici poterit Minucius*. Согласно с этим и Анжело Май, на основании 9 и 31 гл. говорит, что Цецилий нашего разговора есть тот самый, который называется в письме Фронтоня (opp. Frontonis Rom. 1823. p. 336).

³⁹⁷ - Некоторые думают, что этот Цецилий по обращении в христианство был карфагенским священником и обратил к вере св. Киприана. По крайней мере Киприан в своем сочинении «О суетности идолов» сделал значительные выписки от 20–28 гл. Октавия.

³⁹⁸ - Сочинение М. Феликса долгое время хранилось между рукописями Ватиканской библиотеки, доколе папа Лев X не подарил ее французскому королю Францу I, и оно поступило в Парижскую библиотеку. По этому кодексу оно было в первый раз издано в Риме в 1543 г., по ошибке чтения, как восьмая (*octavus lib.*) книга сочинения Арновия против язычников. Балдуин исправил эту ошибку в своем издании 1560 г. В издании Патрологии Миня оно помещено в 3 томе латинских писателей.

³⁹⁹ - Идея (*Idaea*) есть одно из названий Реи Цибелы, матери богов.

⁴⁰⁰ - Аллия – небольшая впадающая в Тибр речка, где римляне потерпели решительное поражение от галлов в 390 г. до Р. Хр.

⁴⁰¹ - Разумеются обвинения христиан в ядении человеческого мяса.

⁴⁰² - Обвинение христиан в почитании головы осла, по словам Тертуллиана, распространено Тацитом, который в своей истории говорил об иудеях, будто иудеи, истомленные жаждою во время странствования в пустынях Аравии, нашли источник по указанию ослов и за то боготворили осла. Это мнение распространено и на христиан, по смешению их с иудеями. Тертул. Apolog. 16; ad nat. 1, п.

⁴⁰³ - В подлиннике: *ferunt ipsius antistitis ac sacerdotis colere genitalia*. Поводом к такому обвинению послужило, вероятно, уважение к пастырям церкви, как духовным отцам, целование их руки и особенно припадание кающихся на коленях пред пресвитерами.

⁴⁰⁴ - Т. е. Корнелия Фронтон, который был родом из Цирты в Нумидии и написал сочинение против христиан. Он был преподавателем латинской словесности у Марка Антонина и Луция Вера. Его сочинения недавно стали известны, после того как кардинал Май, открывший их в Амвросианской библиотеке издал в свет под заглавием *Corn. Frontonis opera inedita cum epistolis item ineditis Antonini pii, M. Avrelii, L. Veri et Appiani*. Но здесь нет речи против христиан.

⁴⁰⁵ - В латинском подлиннике читается: *impudentibus tenebris nexus infandae cupiditatis involvunt per incertum sortis*.

⁴⁰⁶ - Об этом изречении Сократа упоминают Лактанций (Lib. III, с. 19) и Иероним (Apol. adv. Rufin. 8). Сн. Ксеноф. Memorabil.

⁴⁰⁷ - Намек на то, что Октавий задел Цецилия своим замечанием на его приветствие пред статуей Сераписа.

⁴⁰⁸ - Намек на простоту христиан, которые по большей части были люди неученые, ремесленники и т. п.

⁴⁰⁹ - Сistr – металлическая погремушка у египтян, употребляется при служении Изиде для оплакивания пропавшего Озириса.

⁴¹⁰ - Кинокефал или Анубис – египетский бог в виде человека с головою собаки, спутник и страж богов подобно греческому Меркурию.

⁴¹¹ - Галлы – оскотенные жрецы Цибелы.

⁴¹² - Вероятно, Остан, о котором упоминает Плиний (XXX, 1) и Августин (О крещении, de baptismo c. Donat. I. VI).

⁴¹³ - В подлиннике читается: qui de adoratis sacerdotis virilibus fabulatur.

⁴¹⁴ - В подлиннике читается: que medios viros lambent, libidinoso inguinibus inhaerescunt.

⁴¹⁵ - Эти слова Октавия о кресте выражают то, что христиане не поклоняются кресту так, как представлял это Цецилий, т. е. как язычники поклоняются своим идолам, и сами не ищут быть распятыми на кресте, хотя не отказываются страдать за свою веру.

⁴¹⁶ - Перевод армянской версии «Хроники» у Крестникова, 4; там же греч. текст Синкелла (ср. у Helm'a, с. 416 ad p. 199b), совпадающий с арм. и отражающий подлинный текст Евсевия. От Евсевия зависит и Павел Орозий, называющий Аристиды «мужем, исполненным веры и мудрости» (virum fide sapientiaque plenum – Oros. Hist. VII, 13, 2, PL 31, 1092 B1–2; p. 658 Dindorf).

⁴¹⁷ - PL 23, 639. Твор. блж. Иеронима в рус. пер., т. 5, с. 304 (Крестников, 5).

⁴¹⁸ - Письмо 70 (84), PL 22, 6677–11 (Крестников, 6).

⁴¹⁹ - См. у Крестникова, 6–7, ср. 199.

⁴²⁰ - Alpigiano, 10.

⁴²¹ - Т.е. до антиримского иудейского восстания Баркохбы (132–5 г.), во время которого последний казнил христиан, не отрекавшихся от Христа и отказывавшихся хулить Его имя (Иуст. 1 Ап. 31, с. 61 Преобр.; DECA I, 341).

⁴²² - Иное деление в G нам кажется, вместе с Крестниковым и Alpigiano, вторичным, в основном по следующим соображениям: 1) по содержанию: троичная классификация обычна и имеется у многих авторов II–III вв., 2) по текстологическому критерию: согласие S и A, 3) по литературному контексту: выделение варваров, естественное в устах грека, нелепо со стороны индуса (именно в Индии происходит действие повести). Подробнее у Крестникова, 60 и далее.

⁴²³ - Alpignano, 26; Крестников, 163.

⁴²⁴ - Крестников, там же.

⁴²⁵ - Повесть о Варлааме пустыннике и Иоасафе царевиче индийском. Перев. с араб. акад. В. Р. Розена под ред. и с введ. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1947. О различных версиях происхождения Повести и ее параллелях с ближневосточной «литературой премудрости» см. у Чунаковой, 24–7.

⁴²⁶ - Балавариани. Мудрость Балавара. Предисл. и ред. И. В. Абуладзе. Тбил., 1962.

⁴²⁷ - Житие его в переводе с древнегрузинского прот. Иосифа Зетеишвили см.: Символ 34, 1995, 357–74 (на с. 370–1 список переводов Евфимия с греческого на грузинский); 35, 1996, 281–301. В этом житии Евфимия Ивера, написанном Георгием Святогорцем, по Лебедевой, 17, 20, ссылающейся на специальные статьи акад. В. Р. Розена и Peeters'a (известного ученого-болландиста, переведшего житие на латинский), прямо сообщается о том, что Евфимий перевел на греческий с грузинского «Балавари» и др. книги. Теперь это место можно прочитать в № 34 «Символа» (с. 359; опечатки журнальной публикации исправлены нами согласно указаниям Софии Дуларидзе): «... и сладость переведенных им [т.е. Эптимэ Святогорцем, иначе – Евфимием Ивером. – А.Д.] книг, подобно звучному золотому рогу трубят над всею страной не только Грузинской, но и Греческой, ибо Балавари и Абукура и другие некоторые писания с грузинского перевел он на греческий». Другие аргументы, бесспорно доказывающие, что св. Иоанн Дамаскин не мог быть ни автором, ни переводчиком ВиИ, см. у Лебедевой, 20, 23, 31–2.

⁴²⁸ - Самое раннее упоминание в византийской богослужебной литературе о царевиче Иоасафе как о святом находится в греческом синаксаре 1301 г. под 26 августа (Лебедева, 25 со ссылкой на работу H. Delehaue), в который оно перекочевало, скорее всего, из минеи Георгия Святогорца сер. XI в. (подробнее у Лебедевой, там же) через какие-нибудь промежуточные звенья. На Руси память праздновалась с XV века сначала в августе, затем – 19 ноября, как в нынешнем

календаре. “У католиков официальное включение царевича Иоасафа в число христианских святых состоялось только в конце XVI века (в «Martyrologium Romanum» кардинала Барония, 1583), хотя и в «Catalogus Sanctorum», житиях XIV в., Варлаам и Иоасаф уже числятся святыми” (Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993, 333). В современном католическом календаре этих имен нет.

⁴²⁹ - Звездочками отмечены издания, с которыми мы имели возможность ознакомиться или использованные непосредственно в работе над переводом и комментариями.

⁴³⁰ - Вставка составителя сборника. – Примеч. Крест.

⁴³¹ - составил, сочинил итал.

⁴³² - для итал.;

⁴³³ - Букв.: ради;

⁴³⁴ - Букв.: страха Божия;

⁴³⁵ - Букв.: Всемогуший;

⁴³⁶ - Первоначально, вероятно, стоял дательный падеж (см. надпись в армянском тексте); кто-либо из последующих переписчиков опустил букву ламэд, знак дат. падежа, и таким образом явился именительный падеж. – Примеч. Крест.

⁴³⁷ - По ошибке поставлено во множ. числе. Переводчик из множественности имен заключил, что здесь речь идет не об одном, а о двух императорах. – Примеч. Крест. Реконструкция Harris'ом этих двух слов: Augustus Pius.

⁴³⁸ - творение англ., итал.

⁴³⁹ - Букв.: движет их

⁴⁴⁰ - Букв.: Который в них скрыт и от них спрятан.

⁴⁴¹ - Опуск. А

⁴⁴² - Так же в А. Все прочие переводы: этого мира (века)

⁴⁴³ - А добавляет слово, означающее not be observed or looked at.

⁴⁴⁴ - Букв.: Я же скажу.

⁴⁴⁵ - Букв.: постоянная природа.

⁴⁴⁶ - Ср. 2Мак.14:25; Деян.17:25; Диогн. 3 (в конце)

⁴⁴⁷ - Букв.: есть сообщник творению.

- 448 - охватывает нем.; содержит англ., итал. [аналогично в пассивной форме]
- 449 - Букв.: ибо Он все из всего мудрость и ведение.
- 450 - Ср. Кол.1:16–17.
- 451 - что есть (что существует) у Крест, нет.
- 452 - Букв.: и ни одного из этого видимого.
- 453 - Ср. 2Мак.14:25; Деян.17:25; Диогн. 3 (в конце)
- 454 - Мехитаристы предложили также вариант перевода «саморожденный» реконструируя оригинал как αὐτογενὲς εἶδος.
- 455 - Пропущено в Л, Р1, И.
- 456 - Имеется в виду А.
- 457 - Неокужаем Л, Р1.
- 458 - Л1, А, Р. Добавляют все.
- 459 - Опущ. Л, Р1, И.
- 460 - Он ни в чем не нуждается и славен всегда. – Примеч. перев.
- 461 - Букв.: для, ради.
- 462 - Букв.: к роду людей.
- 463 - Букв.: чтобы мы знали (смещение двух греч. глаголов, см. ниже 3, 1. – А. Д.)
- 464 - Букв.: части от истины, сказанной нами о Нем.
- 465 - Букв.: считают начало рода своего богочтения.
- 466 - В S, как часто в сирийских переводах, греч. имена транслитерируются в той форме, в какой они стоят в тексте, независимо от имен, падежа (Alp. p. 59, п. 2).
- 467 - Так же нем. перев. Иначе англ., и итал.: and the rest of the family; il resto della famiglia
- 468 - Ср. Мф.3:9; Ин.8:33,37,39; Рим.4:12.
- 469 - Этот параграф переставлен сюда из 14, 1.
- 470 - Пс.136:12; Деян.13:17.
- 471 - В А далее имя и лакуна в несколько букв.
- 472 - Букв.: оттуда (di la И) арм. (Эмин).
- 473 - Далее в А было что-то еще перед «народом».
- 474 - Ср. Лк.1:32,35.

- 475 - Ис.7:14 (Мф.1:23).
- 476 - Ср. Ин.1:14.
- 477 - Букв.: этому можно научиться
- 478 - Здесь сирийский переводчик допускает плеоназм.
Букв.: которое [т.е. Евангелие] в недавнее время пред этим проповедовалось у них, когда возвещалось.
- 479 - Букв.: которая есть
- 480 - Букв.: чтобы привести в исполнение [mdm; Alp. «certa» под вопросом] свое домостроительство (Aikana d'mabranuti mid'm tšmeli).
- 481 - Ср. 1Кор.15:4
- 482 - Ср. Деян.1:9–10.
- 483 - Ср. Мф.28:19; Деян.1:8.
- 484 - эллины Крест.
- 485 - Греч. И арм. Тексты двусмысленны. В переводах обычно «сошедшим с неба» относят ко Христу.
- 486 - Далее во всех переводах «и».
- 487 - Этот отрывок переставлен сюда из 15, 1.
- 488 - Ср. Мф.1:21 и Ник.-Цар. Символ
- 489 - Ср. Еф.3:9 и др.
- 490 - Ср. Флп.2:8.
- 491 - Ср. Еф.3:9 и др.
- 492 - G, в соответствии с характером повести, вставляет замечание об апостоле Фоме как просветителе Индии (Примеч. Крест.).
- 493 - Этот отрывок переставлен сюда из 15, 1.
- 494 - Далее в И добавл. отсутств. в ориг. «Святой».
- 495 - Букв.: чтобы нам знать [как и в 2, 1. Ср. греч. ἰδῶμεν – εἰδῶμεν].
- 496 - Букв.: истину о Боге.
- 497 - Букв.: и кто из них имеет заблуждение.
- 498 - Ср. Рим.1:25 (в S по сир. перев. Пешитты).
- 499 - L'satani – множ. ч. от satan. В греч. «разбойниками».
- Вероятно, это слово и было в подлиннике. Поэтому Raabe,

Seeberg, [Harris и Alpignano] переводят: von Raubern [robbers; ladri=ворами, что также возможно].

500 - Ср. 2Мак.7:28; Ерм. Зап. 1, 1

501 - Оскверняют крест.

502 - Высочайшее Крест.: великолепная (herrliche), почитаемая (venerable, venerabile).

503 - Существо Крест.

504 - Букв.: одно из этого.

505 - Букв.: думали о водах, что они есть суть боги.

506 - Исчезает Крест.: vergent, corrupted, corrota.

507 - И соед. (букв. перемешивается) Крест. опуск.

508 - Букв.: от.

509 - Украшений англ., итал.

510 - Букв.: для того, чтобы удовлетворять потребность деревьев, плодов и семян.

511 - Букв.: «потребность и предметы»; но вероятно, первоначально в кодексе стояло, как совершенно правильно предполагает Harris, «потребность в предметах».

512 - Ср. Еккл.1:5.

513 - Букв.: и [чтобы] выводить на воздух, который смешивается с ним [солнечным светом], всю зелень, которая на земле.

514 - Букв.: и у него [солнца] есть часть в счислении вместе с остальными звездами в своем движении.

515 - G опускает за исключением последней фразы, ср. пред. параграф.

516 - Κινοῦμενον конъект. Неппеске: κίνοῦμενον (движется) рукоп.

517 - Божеств. Существом. Крест.

518 - Букв.: случается, приходит.

519 - Букв.: способный раскаиваться.

520 - Букв.: с остатками других недостатков.

521 - Букв.: и пошли вслед за пожеланиями.

522 - Букв.: чтобы нам узнать.

- 523 - Букв.: так как.
- 524 - Сотворенных англ., итал.
- 525 - Опуск. Крест. и англ.
- 526 - Обманщиков Крест.: страстных (Leidenschäftliche) нем.
- 527 - Сердитых (Zürnende) нем.
- 528 - Англ., итал. добавл. Точно.
- 529 - Прочие переводы двусмысленны: иные крались, (обворовывались? похищались?) людьми.
- 530 - Англ. и итал.: глубоко (тяжко, sorely), жестоко (violente) ранились (wounded, furono feriti).
- 531 - Ср. Рим.1:22.
- 532 - Этот отрывок, отсутствующий в речи Нахора, уже был использован автором повести (PG 96, 909B).
- 533 - κοπτομένων: бьющих (себя в грудь) или ударяемых, убиваемых.
- 534 - Šupra (конъект.): Šipára рук. с др. огласовкой (труба)
- 535 - Ien: al cod.
- 536 - Букв.: относительно своих богов.
- 537 - Букв.: люди брали предлог.
- 538 - Горький англ., итал. (ср. G)
- 539 - Пояснение сир. переводчика.
- 540 - Букв.: Итак, это есть большое заблуждение и посмешище, которое привнесли и т. д.
- 541 - Превращался в домашних и других животных Крест.
- 542 - Букв.: необходимость в пропитании.
- 543 - gbr' (муж) рук. gnb' (вор) конъект. Harris`a
- 544 - Pšyg: чтение соответствует G, необходимые пояснения там же.
- 545 - Грозовым ударом Крест.
- 546 - καί κυλλόν (и калеку S: собств., кривого; и сухорука слав.) рук.: ποικίλον (хитрого) конъект. Guida, versipellem (многообразный, оборотливый) лат. перев. ВиИ. Издатели ставят из-за трудностей мифологического объяснения в G и S крест, однако безосновательно, во-первых, из-за согласия

рукописей, во-вторых, из-за соответствия с G 8, 2: «хромые и увечные» (S в ином порядке) – т.е. Гефест (10, 1–2) и Гермес (10, 3). Ср. о Гермесе «короткорукий»: Плут. Об Из. и Оз. 22, 359E (γαλιάγκωνα) = Евс. Праер. ev. III, 3, 16. Не исключено, что Аристид подразумевал еще и т.н. «гермы» или даже «процесс гермакопидов» (см. Плутарх, Жизнеоп. Алкив. 18 сл.).

547 - Букв.: которые не его.

548 - Букв.: беззаконное (злодейское).

549 - Пояснение сир. Переводчика.

550 - Возможно, пояснение перев.

551 - έπαυλίδα (трубочка-флейта) Р: έπανθίδα М, έπαυδ'ίδα V²¹, έπαυθ'ίδα проч.; tibiam (свирель, тонкая трубка) лат. \ лоуцьць слав. (hapaх? Ср. Словарь др. рус. яз. XI–XIV вв. Т. IV. М., 1991, с. 437: значение неясно, в ост. рук. ВиИ пэснотвора): πηκτίδα (дудочка, свирель) конъект. Boissonade: «плектр» конъект. Крест, и Alpignano по сир. тексту.

552 - Заботиться англ., промышлять итал.

553 - сущих нем., итал.; опуск. англ.

554 - Вавилон Крест, [ср. греч. Βύβλον].

555 - Текст: dblhwd npš' lyt bhyn, «только душа не в них», Tieren, in welchen allein eine Seele nicht ist нем. букв. – бес-смысленен. Крест, следует, не оговаривая, конъектуре Seeberg'a mlyhyn dnpš'; Alp. принимает конъект. Harris'a blhwd dapš' «животным только, лишенным души», on the beasts which are merely soulless (sc. ἄλογα).

556 - Тигра Крест., леопарда англ., итал., пантеру нем. См. коммент.

557 - Букв.: в руках которых нет спасения для самих себя.

558 - Фраза переставлена сюда из § 8.

559 - Ин.1:18; 1Ин4:12.

560 - Букв.: со многими из частей

561 - Ср. 1Кор12:12,14–27.

562 - Букв.: так как оно есть стройное тело.

563 - Букв.: несправедливо.

564 - Alp. переставл. в § 3.

- 565 - Ср. Рим.7:12.
- 566 - Букв.: вместе с остатком других деяний.
- 567 - Далее следует фрагмент, помещенный в 13, 3.
- 568 - Букв.: в отношении ясной (точной) истины.
- 569 - Рук. Чтение swm' «пост»: конъект. uwm' Zahn'a, принятая Seeberg'oM, на основании Керигмы Петра v Клим. Алекс. Стром. VI, 5, 41, 3 (р. 452IJ St.).
- 570 - Ср. Рим.11:36; 1Кор.8,6; Кол.1:17; Пост. Апост. VII, 41, 4
- 571 - Во всех переводах «уме», но Крест, сравнивает Иер.31:33; Евр.8:10.
- 572 - 10 Ср. Евр.6:5; Ник.-Цар. Символ веры, в конце (= G).
- 573 - Истуканам и идолам Крест.
- 574 - Иначе: по образу людей (ср. Прем.13:13; Ис.44:13).
- 575 - Далее следует фрагмент из 2, 5 с таким продолжением: Но оказавшись безрассудными и неблагодарными, они часто служили предметам языческого культа и убивали посылаемых к ним пророков и праведников. Затем, когда Сын Божий благоволил прийти на землю, они издевались над Ним, предали Пилату, римскому наместнику, и приговорили к распятию, не устыдившись благодеяний Его и неисчислимых чудес, которые Он сотворил у них. И погибли они чрез собственное беззаконие.
- 576 - Букв.: подобны (παρόμοιοι): др. чтение беззаконны (παράνομοι).
- 577 - Начало раздела («генеалогию» христиан) см. выше 2, 6–8.
- 578 - Ср. Деян.15:29; Дидахе 1, 2
- 579 - Ср. Деян.15:20,29; 1Кор.8:1–13.
- 580 - Ср. Кол.3:24.
- 581 - Слуг Крест.
- 582 - Букв.: ради любви, которую они имеют к ним.
- 583 - Ср. Флм.16.
- 584 - Ср. Втор.31:16; и т. д.
- 585 - Ср. Деян.6:1; 1Тим.5:3.

- 586 - Ср. Иак.1:27; Ис.1:17,23.
- 587 - Букв.: без зависти.
- 588 - Ср. Евр.13:2.
- 589 - Место маловразумительное, м. б. испорченное. Alp. в переводе следует конъектуре (Guida) с похожим смыслом, в качестве параллели – Ерм. Под. V, 3, 7: *ritenendo giusto di non godere essi stessi in modo che quelli siano chiamati alia gioia*.
- 590 - Так перевел Крест, с паралл. Тит.2:12 (прочие переводы с небольшими вариациями), см. однако G.
- 591 - Ср. 1Фес.2:13; 5:17.
- 592 - Букв.: ради них продолжается прекрасное, которое есть в мире.
- 593 - Ср. Мф.6:1–3.
- 594 - Ср. Мф.13:44.
- 595 - Букв.: платы вознаграждения им.
- 596 - Нуждаются ... просят; Мф 6, 8
- 597 - Рук. чтение чрез Него (αὐτοῦ): αὐτοῦς конъект. Milne по S.
- 598 - Букв.: и смешение божественное есть в нем.
- 599 - в них Крест, букв.?
- 600 - увидите Крест.: найдете (обнаружите) англ., итал.; ср. нем.: *und, siehe, ihr werdet finden*
- 601 - Далее в рук. лишнее без
- 602 - Букв.: зрение понимания
- 603 - Ср. Иов.12:25; Ис.28:7,13; 29:9,15; 59:10
- 604 - Ср. 1Тим1:13.
- 605 - фраза вставлена в соответствии с характером повести.
- 606 - 10 Ср. S 17, [7]
- 607 - наконец (теперь) у Крест, опущ.
- 608 - Ср. G 16, 6.
- 609 - Ср. Ис.45:20,22.
- 610 - Букв.: готов прийти [грядет?]
- 611 - Приписка (explicit) составителя сборника или переписчика.

⁶¹² - Правда, подозрительный отрывок извлечен из армянской «Книги свидетельств», в которой много ложных цитат из древних отцов Церкви.

⁶¹³ - CPG I, 1067 ошибочно выделена как самостоятельный отрывок («неизвестный фрагмент») фраза из конца второй Апологии, помещенная в латинском переводе Pitr'ы отдельно без всякого названия (р. 286).

⁶¹⁴ - Видимо, гомилия следует непосредственно за чтением Евангелия (Лк.23:39,43). Проповедь не касается сложной проблемы согласования евангелистов. По наиболее распространенному святоотеческому толкованию, этот разбойник сначала ругал Господа, но потом в последний момент раскаялся. Уверовать в Спасителя, оставленного даже учениками, уничиженного и распинаемого, – поистине великий подвиг

⁶¹⁵ - Ср. Ин.19,30

⁶¹⁶ - Ср. Лк.23:42

⁶¹⁷ - Ср. Лк.23:43

⁶¹⁸ - Ср. Лк.23:42

⁶¹⁹ - Ср. Лк.23:43

⁶²⁰ - Т.е. отрицающий божество Христа.

⁶²¹ - Ср. Быт.3:24

⁶²² - Ср. Мф.1:23 (Ис.7:14)

⁶²³ - Ср. Ин.10:33

⁶²⁴ - Ср. Ин.11:40

⁶²⁵ - Ср. Ин.9:37

⁶²⁶ - Ср. Ин.9:38

⁶²⁷ - Другая пунктуация: света, Бога от Бога, Слово.

⁶²⁸ - Т.е. исцеленным слепым (6, 3) и благоразумным разбойником.

⁶²⁹ - Две рукописи (Bator. 84 и Philotheou 8) остались неиспользованными – Lazzati. р. 474. N. 2.

⁶³⁰ - Историческое лицо. Квинт Юний Рустик, стоик, оказал влияние на Марка Аврелия. Consul suffectus в 133, а Ordinarius в 162, префект Рима в 163–168 (PW 10 (1917), 1083).

- ⁶³¹ - Деление глав на параграфы по Musurillo.
- ⁶³² - TU, Band I. Heft 1 2, S. ИЗ. Anmerk. Leipz. 1882.
- ⁶³³ - Св Иринея [ПЕ] 1, [28, 1]. Тертуллиан Против валентиниан, гл. 5. Но актов св. Иустина Евсевий совсем не знал.
- ⁶³⁴ - [Татиан] Против эллинов гл. 19. Сл. Евс. [ЦИ] IV, 16, [9].
- ⁶³⁵ - Cf. Иерон. Хрон., р. 203 Helm sub anno р. Ch. 156 et apparat. crit. ibidem ad lin. 18; Fontes, р. 419, 33–6.
- ⁶³⁶ - Все ссылки проверены и уточнены нами для Иустина по изд. Βίβλ. ἑλ. πατ. 3 (1955), для ВЗ – по изд. Rahlfs'a, для НЗ – по изд. Nestle-Aland'a.
- ⁶³⁷ - Литература у Bauer'a, s.v., р. 179; ценный обзор употребления этого слова в I–II вв. и объяснение различия κτίστης (интеллектуально-волевой оттенок) и δημιουργός (более специально-техническое, «ремесленное» значение) у Kittel'я III, 1023–6. О более позднем (в IV в.) употреблении слов δημιουργός, ποιητής и κτίστης у св. отцов см. у Смирнова, 31–2.
- ⁶³⁸ - É. des Places (1984), насколько можно уразуметь из несколько сбивчивого и недостаточно проработанного изложения на с. 437–8 указанной статьи, также сближает приложение Иустином слов из «Тимея» 28 СЗ–4 «творца и отца всего» (и, добавим, «демиурга» из «Тимея» 41 А⁷) к Богу-Отцу с косвенной или прямой полемикой с Нумением. Платон, не отождествляя Бога-Демиурга с Верховным Богом, не разграничивал и не разделял их так четко, как Нумений.
- ⁶³⁹ - Остальные места, указанные Намтап'ом как параллельные (Ис.37:16; Иер.32 (39 LXX), 17; 51 (28), 15; Пс.33 (32): 6; 102 (101):26; 115:15 (113:23); 134 (133):3; Иудифь.13:18; – ср. Мф.11:25; Лк.10:21), говорят о Боге как о Творце «неба и земли».
- ⁶⁴⁰ - Звездочками отмечены издания, бывшие нам недоступными
- ⁶⁴¹ - ненавистнейший Н: беззаконный V
- ⁶⁴² - однажды (потέ) Н: тогда V
- ⁶⁴³ - приведенные II: подошедшие V

- 644 - хотя (μέν) Н: V
- 645 - ему имена Н: свои имена V
- 646 - Гал.4:26. Ср. Болотов II, 150
- 647 - Евр.11:10
- 648 - Ср. Еве. ЦИ V, 1, 20 и другие акты.
- 649 - v
- 650 - Далее: пострадавших в Риме за 15 [дней до] июльских (июля) ид V.
- 651 - Скорее всего, Марку Аврелию и Луцию Веру, если только не имеются в виду эдикты других императоров.
- 652 - Далее в V лакуна в 9 слов.
- 653 - Господа и Бога и Спаса нашего V
- 654 - Далее в V лакуна.
- 655 - Маловразумительное τοῦτον {у издателей, но у Musurillo τοῦτων без указания на разночтения) испр. нами на первоначальное τοῦτων ред. α
- 656 - СН
- 657 - Отрока: Hamman перевел слуга (serviteur), ср. однако Пис. муж. ап., с. 373 и с. 29, примеч. 4.
- 658 - роду
- 659 - учений: учеников
- 660 - ἴσθι (ἴσθη Н, ἴσθη V, ибо мне известно ХЧ) γαρ ред. α, С, Lazzati
- 661 - Другой возможный (контекстуально более частый – ср. Иуст. Диал. 24, 2) и м. б. предпочтительный вариант еревода: издревле ХЧ, Mussurillo, ср. πάλαι ред. γ.
- 662 - Ср. Иер 23, 24
- 663 - τίνος Μαρτίνου τοῦ (+Τιμοτίου Н, Lazzati; Τιμοθίου Gebhardt; Τιβурτίου Cavalieri; ср. Studi e Testi 33 (1920), 10–11) βαλανείου ред. β; τοῦ μυρτίνου βαλανείου ред. α; τίνος Μαρτίνου παρά τό Τιβурτίον βαλανείον испр. Χρήστου; «над Марцианскою торговою банею» ХЧ; «около бань Тимофеевых, близ дома Марция» Геттэ; «дома некоего Мартина, при бане, называемой Тимотины» Жития святых.

- 664 - истинное учение (τον της αληθείας λόγον). V
- 665 - Либо: их
- 666 - раба V
- 667 - Далее: и сделал христианином V
- 668 - По Gebhardt'у рукоп. чтение христианин, у Lazzati и др. разночтения не указано
- 669 - Ср. Ин.17:3
- 670 - καλώς V, Lazzati: καλὼν H, Musurillo (reward of good things)
- 671 - Вариант перевода: как ты учишь Musurillo
- 672 - в) Ср. Мф.16:16; 26, 63; Деян.14: 15 и др.
- 673 - И не будем – идолам опущ. в H, по мнению Lazzati, по недосмотру переписчика.
- 674 - Далее: долго V
- 675 - По замечанию Дональдсона, здесь впервые встречается выражение «взойти на небо» (Фаррар, с. 925, примеч. 40)
- 676 - δώματα C, V, H (с неправильной орфографией) «догматы, учения»; ср. замен. Burkitt'a в JThS 11 (1910), 66; δώματα «жилища» Gebhardt, Lazzati, δόματα «даяния, дары» Maran; получить обещанное Им [Христом] ХЧ; «получить такое же воздаяние от Господа моего, какое уготовано сохранившим Христово учение» Жития святых.
- 677 - испепеления (сгорания, ἐκπυρώσεως) H: исполнения (скончания, ἐκπληρώσεως) C, V
- 678 - порядочное (χρηστάς): V
- 679 - почно: V
- 680 - необходимому: V
- 681 - Ср. Муч. Полик. 11,1
- 682 - Иисуса Христа V
- 683 - нашего: V
- 684 - ἐπιτηδείῳ (достойном, пригодном): ἐπισίμῳ [Lazzati; правильный вариант: ἐπισήμῳ Musurillo] (означенном, известном) H

⁶⁸⁵ - Гл. 6 переведена по У

⁶⁸⁶ - Далее в Н добавлена, как и всюду в царской минее, молитва св. мученикам за василевса, исключенная Lazzati из основного текста и в переводе нами опущенная. Оставлена и переведена Musurillo.

⁶⁸⁷ - *Существует на эту же тему более поздняя книга K.Delahaye, *Ecclesia Mater chez les Pères des trois premiers siècles*. P.: Cerf, 1964 (278 p., Unam Sanctam № 46), которая не была нам доступна.

⁶⁸⁸ - Общее представление о развитии оригинальной армянской агиографии с библиографическими указаниями можно получить из книги Тер-Давтян, 5–32, особенно 10–1 и 13, примеч. 1 о периоде до создания армянского письма и прямом использовании сирийской и греческой литературы.

⁶⁸⁹ - Mart. Palaest. 7, 5; Евс. ЦИ VIII, 13, 2; IX, 6, 3 – см. Delahaye, p. 133, п. 3–5.

⁶⁹⁰ - Delahaye, 135

⁶⁹¹ - Delahaye, 120–1.

⁶⁹² - Здесь не будет натянутой аналогия с церковными искусствами – иконописью, знаменным пением, в которых используются готовые канонические формы и творчество мастера проявляется в цветовых, композиционных и т.д. нюансах, а не в переключении всего внимания на внешнюю новизну, в чем видит по преимуществу оригинальность современная эстетика. В канонических формах дышится легко, как заметил о. Павел Флоренский, поскольку не нужно каждый раз беспокоиться о формальной стороне дела, но тем ярче проявляется подлинный талант, находящий новые решения вроде бы давно известного мотива.

⁶⁹³ - P. 261, п. 38.

⁶⁹⁴ - Ср. DECA II, 1578.

⁶⁹⁵ - См., напр., Dio Cass.: Hist. Rom. 72, 9–11; epitome, p. 272²⁵ Dind. – Steph.; Геродиан 1, 8–9. Низвержен в 185 году (так что суд над Аполлоном мог состояться в 183–5 гг.). Подробно: PW 5A, Sp. 952–6; Passerini, 305 сл.; Howe, 11–4; Bersanetti (Freudenberger, S. 113, Anm. 14).

⁶⁹⁶ - Некоторые ученые связывают это слово с «отшельником (аскетом)» армянского текста, однако вопрос об отношениях (влияниях?) греческого и армянского житий чрезвычайно темен; скорее всего, они независимы друг от друга, а если А и испытало влияние Г, то скорее всего в более ранней редакции. Параллель с Аммонием Саккасом {Paulsen, S. 126, Ант. 41; об Аммонии и его прозвище у Лосева, ИАЭ VI, 134) слишком слабая даже в литературном отношении, хотя аналогия с греч. словом «саккос» («мешок» в классич. языке; «вретище» в Библии) вполне вероятна (так полагает и Musurillo).

⁶⁹⁷ - Musurillo, p. XXV. Решительней других исследователей, работы которых были нам доступны, против подлинности актов в их «литературной» части высказался Tibiletti, сравнивший «заблуждение» (πλάνη) и «иллюзию» (απάτη) § 42b Актов с похожими местами у Афинаг. Прош. 36, Клим. Алекс. Увещ. IV, 57, 5–6, Ориг.: ПЦ 4, 19 и Hom. Jer. 20, 3, p. 182⁴ GCS. Вывод его (с. 515) таков: «Si può così concludere: Γ «inganno» di cui è parola vel testo degli Atti di Apollonio fa parte di un tema che si può scorgere in Clemente Alessandrino e che è trattato diffusamente da Origene. Essi presero le mosse da quelle fonti bibliche [подразумевается Иер 20, 7. – А. Д.] e pagane [прежде всего Цельс. – А. Д.] che sono state menzionate (...) Sembra piuttosto arrischiato ritenere originale il pensiero degli Atti (подчеркнуто мной. – А. Д.). Il redattore che rimaneggiò gli «Atti» primitivi, o resoconti del processo, allo scopo di trasformarli in scritti edificanti destinati alla lettura, arricchendoli con elementi didascalici, riteniamo abbia inserito pure questo concetto, che dovette attingere alla precedente letteratura, probabilmente da Origene stesso. L'epoca della redazione degli Atti, quali noi li abbiamo. potrebbe essere quella immediatamente successiva alla fine delle persecuzioni (подчеркнуто мной. – А. Д.), che vide fiorire la glorificazione dei martiri». Нам, в отличие от Tibiletti, кажется «довольно рискованным» как раз обратное – делать вывод об интерполяции актов, исходя из смутных, хотя и интересных, литературных параллелей, основанных на сходстве одного слова. Наши доводы против Tibiletti: 1) обвинения христиан в «заблуждении» и «иллюзии» не обязательно являются

поздними и вполне могли выдвигаться с самого начала преследований, поэтому с таким же успехом можно было бы предположить влияние актов на последующую литературу; такая гипотеза будет ничем не хуже противоположной ей; наконец, подчеркнем, что «заблуждение» является на самом деле прямым ответом на реплику киника (§ 33 «заблуждаешься»), а предполагать речь киника вставкой обработчика рукописи – значит брать на себя ответственность за утверждение неподлинности всей литературной части актов (ибо указанная реплика связана как с предшествующей, так и с последующей речью Аполлония); 2) армянский перевод, хотя и сократил § 42b G, все же имел его перед собой полностью, что доказывается последними словами в А о «будущей жизни», а также общей тенденцией А не к расширению, а к сокращению текста – ср. намеки на Гераклита в двух разных местах актов, причем один из них был снят в А, а другой оставлен в неточном переводе. Таким образом, если не настаивать на многократной редакции греческих актов (впрочем, при позиции Tibiletti для нескольких обработок не остается времени) и относить при этом редакцию актов к концу гонений, т.е. к IV-му веку, а армянскую рукопись датировать V-м веком, то такое быстрое распространение актов на периферии Византийской империи вызывает некоторое удивление. Быть может, этому способствовало включение Евсевием актов в свой сборник мученичеств (о влиянии этого церковного историка на армянскую литературу говорит дошедший до нас армянский перевод летописи Евсевия). Но в таком случае для редакции актов вообще не остается времени (не считать же интерполятором самого Евсевия!). По нашему мнению, наличие актов в сборнике Евсевия должно было гарантировать их сохранность по крайней мере на протяжении IV–V вв., и гораздо логичнее было бы настаивать на более ранней интерполяции III-го века, однако такая датировка дополнений «литературной части» разрушила бы гипотезу Tibiletti о влиянии сочинений Оригена на разбираемое место апологии; 3) предполагать александрийскую интерполяцию, вместе с Tibiletti и Paulsen'ом, чрезвычайно сомнительно ввиду доводов

Schwartz'a. Кроме того, если бы речь шла об александрийской или антиохийской (против Schwartz'a, ибо резонно предполагать антиохийское происхождение лишь начала и конца дошедших до нас актов и самого имени Аполлос) обработке, то цитата из Платона имела бы совершенно другой вид (см. ниже наш анализ разночтений актов с Климентом Александрийским и Евсевием с одной стороны, и Феодоритом – с другой); 4) интерполятор IV-го века не мог знать в деталях юридических реалий II-го века, не говоря уже об исторических и языковых парах'ах актов; 5) ни одно из предположений современных исследователей о позднейшей обработке актов (за исключением предисловия и заключения их) не обосновано убедительно и доказательно (установление отдаленных параллелей не может служить не только хронологической, но даже генетической аргументацией). Кроме того, ученые анализировали какую-либо одну из сторон актов, не принимая во внимание всех особенностей и не учитывая постоянно армянской версии. Предпринятое нами рассмотрение двух языковых редакций актов в совокупности убеждает, как мы полагаем, в оригинальности и неинтерполированности греческого текста.

⁶⁹⁸ - Freudenberger, 116 и примеч. 33–4.

⁶⁹⁹ - Ср. Freudenberger, S. 122, Anm. 64.

⁷⁰⁰ - Так предлагал переводить Griffe, 76 (le sentiment, la volonté). Ср. у Freudenberger'a, 123 и примеч. 69–70

⁷⁰¹ - Freudetiberger, S. 124, Anm. 78; vergl. S. 114.

⁷⁰² - Ibid., 127–8.

⁷⁰³ - Лашкарев 1892 и 1893; см. также с. 726–7, № 150–5.

⁷⁰⁴ - Ср.: «И это – совершенно ошибочный взгляд, к сожалению, впрочем, разделяемый еще многими, будто трехвековая эпоха до Константина Великого была порой необузданного насилия в отношении христианства, будто во все это время они не имели никакой юридической охраны, никаких гражданских прав и стояли вне покровительства законов» {Голубцов, 336).

⁷⁰⁵ - S. 124.

⁷⁰⁶ - Paulsen, 120. SVF II, fr. 716 (p. 20516–23); p. 144 sq. (особенно fr. 449, p. 147; fr. 458, p. 149–50); fr. 1013 (p. 302¹⁷sg). Подробнее об указанных ниже стоических терминах и их значении см., напр.: Рожанский, 105–6, особенно: Столяров 1995, 108 и 118.

⁷⁰⁷ - Paulsen, 121–2. Quod Deus imm, 35.

⁷⁰⁸ - Paulsen, 123. Стром. II, 20, 111, 1--2 (p. 17320–5 Stählin).

⁷⁰⁹ - Стром. V, 14, 108, 2–3 (p. 39818–23 St.).

⁷¹⁰ - Этот раздел составлен преимущественно по Мах'у, 42–7, 48–50, но с коррективами.

⁷¹¹ - См. работы прот. Н. Афапасьева (1991, 53–5; 1994, 9–21; 1995). Именно так понимает Аполлония и Мах (45–7, где разбираются все возможные возражения, чтобы понимать под «жертвой» только молитвы), считая, что мученик «говорит или по крайней мере думает» о евхаристии.

⁷¹² - 'Ο Μέγας Συναξαριστή VII, 199.

⁷¹³ - Ibid., σ. 451.

⁷¹⁴ - Звездочками помечены книги, бывшие нам доступными.

⁷¹⁵ - Деян.18:24

⁷¹⁶ - Ср. Тит.1:2

⁷¹⁷ - * В арм. тексте всюду «хазарапет».

⁷¹⁸ - * В арм. тексте всюду «синклит».

⁷¹⁹ - * В арм. тексте всюду «таговор».

⁷²⁰ - Пс.93:11. Ср. 1Кор.3:20; Лк.5:22; 6:8; 9:47

⁷²¹ - Ср. Мф.5:35–38

⁷²² - Ср. 1Петр.2: 17

⁷²³ - Ср. Исх.3:14

⁷²⁴ - Ср. Деян.19:26; Откр.9:20; Пс.113:12; Прем.13:10

⁷²⁵ - Ср. Мал.1:11

⁷²⁶ - Ср. Пс.150:6

⁷²⁷ - Ср. Быт.1:26

⁷²⁸ - Ср. Быт 1:28

⁷²⁹ - Ср. Деян.2:46–47; 1Фес.5:17

⁷³⁰ - Ср. 1Тим.2:1–2; Притч.24:21

- 731 - Ср. Притч.8:15–6
- 732 - Ср. Мк.4:22; Лк.8:17; Мф.10:26; Лк.12:2
- 733 - Для § 14 ср. Пс.113; 134; Прем.13:10; Авв.2:19
- 734 - Ср. 1Тим.6:20 или Иер.10:14; 51(22 LXX), 17;
Прем.14:21; Рим.1:25
- 735 - Ср. Откр.9:20; Дан.5:4
- 736 - Ср. Мф.4:10; Исх.23:25; Втор.6:13
- 737 - Ср. Быт.2:7; Прем.15:11
- 738 - Ср. Деян.17:25
- 739 - =Гераклит, fr. 86 g² Marcovich, ср. fr. В 128 DK (=86 g¹ Marcovich, ФРГФ 240)
- 740 - Ср. Пс.113:13 сл.; 134:16 сл.
- 741 - Ср. Мф.15:17 пар.
- 742 - Ср. Лк.15:18. 21
- 743 - * В прочих переводах с арм. исправлено по греч. тексту на «Зевса», «Юпитера». Очевидно влияние синкретического римского или восточных культов.
- 744 - Ср. Откр.13:16
- 745 - Ср. Прем.7:6
- 746 - Ср. Рим.9:5
- 747 - Ср. Евр.9:27
- 748 - Ср. Деян.7: 31
- 749 - Ср. 1Кор.15:31
- 750 - Ср. Мф.5:28; 18:9
- 751 - Рим.14:8
- 752 - Азат – в арм. языке «служилый аристократ».
- 753 - Ср. Мф.4:16; Ин.8:12
- 754 - Ср. Еф.4:18
- 755 - Ср. Си.21:13–26
- 756 - Ср. Ин.1:14
- 757 - Ср. Мф.3:15
- 758 - Ср. 1Петр.4:1 (?)
- 759 - Ср. 1Тим.6:18

- 760 - Ср. Гал.5:26
- 761 - Ср. 1Петр.4:15
- 762 - 1Петр.2:17
- 763 - 1Тим.6:16
- 764 - Ср. Ев.9:27
- 765 - Ср. Пре.2:10–2
- 766 - Прем.2:12; Ис.3:10
- 767 - В арм. тексте «ишхан» – князь, сановник, представитель сената.
- 768 - Платон, Госуд II, 5, 361E ел.
- 769 - Ср. Гал.5:5
- 770 - Ср. 1Петр.3:15
- 771 - Ср. Рим.7:4; Кол.1:10
- 772 - Ср. Мал.1:11
- 773 - Ср. Еф.6:12
- 774 - Ср. 1Кор.9:24
- 775 - Приводим здесь эти вариации (отмечены курсивом; подчеркиванием выделены особенности актов по сравнению с другими авторами, цитирующими Платона, в т.ч. и правильный вариант в актах, совпадающий с Платоном), доказывающие, что акты Аполлония являются вполне самостоятельными и, вопреки Paulsen'у, не связанными с александрийской традицией. Plato: ... οὕτω διακείμενος ὁ δίκαιος μαστιγῶσεται στρεβλώσεται δεδήσεται ἐκκαυθήσεται τῷ φθαλμῷ τελευτῶν πάντα κακά παθῶν ἀνασκινδυλευθήσεται καὶ γινώσεται ὅτι οὐκ εἶναι δίκαιον. Apoll.: Ο δὲ δίκαιος, φησὶν, μαστιγωθήσεται στρεβλωθήσεται δεθήσεται ἐκκαυθήσεται τῷ οφθαλμῷ τελευτῶν πάντα τὰ κακά παθῶν ἀνασκολοπισθήσεται. Clem. Alex.: τοιαῦτα καὶ τὰ τοῦ Πλάτωνος ἐν Πολιτείᾳ κἄν στρεβλώται ὁ δίκαιος κἄν ἐξορύττηται τῷ ὀφθαλμῷ ὅδι ευδαίμων ἐσται. | ὡδὲ φησιν οὕτω δὲ διακείμενος ὁ δίκαιος μαστιγωθήσεται στρεβλώσεται δεθήσεται ἐκκοπήσεται τῷ οφθαλμῷ τελευτῶν πάντα κακά παθῶν ἀνασκινδυλευθήσεται. | ὥς διὰ τὸ ὄνομα αὐτοῦ διωχθησόμεθα φονευθησόμεθα ἀνασκινδυλευθησόμεθα. Eus.: τάδε ὅτι οὕτω διακείμενος ὁ δίκαιος μαστιγῶσεται στρεβλώσεται δεδήσεται ἐκκοπήσεται τῷ ὀφθαλμῷ

τελευτών πάντα κακά παθών ἀνασκινδυλευθήσεται καί γνώσεται ὅτι οὐκ εἶναι δίκαιον ἀλλὰ δοκεῖν δεῖ ἐθέλειν. | Οὕτω δέ διακείμενος ὁ δίκαιος μαστιγώσεται δεδῆσεται ἐκκοπήσεται τῷ ὀφθαλμῷ τελευτών πάντα κακά παθών ἀνασκινδυλευθήσεται. Theod.: Οὕτω γάρ φησι διακείμενος ὁ δίκαιος αἰκισθήσεται στρεβλωθήσεται δεθήσεται ἐκκοπήσεται τῷ ὀφθαλμῷ τελευτών πάντα κακά παθών ἀνασκινδυλευθήσεται.

⁷⁷⁶ - Подробнее у Klette в примечаниях.